

"Рожденный в сражениях (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Промозглый, наполненный дождевыми брызгами ветер гнал по выщербленному асфальту прямоугольной коробки институтского дворика коричневые, скрюченные листья. Они пролетали над грязными лужами, оставшимися после ночного дождя, и застревали в сетчатом заборе. Голые, скрюченные ветви деревьев царапали низкое серое небо. Облака были неразличимы, одна сплошная, наполненная влагой, серая муть. Резкий порыв ветра забросил за колонну, подпиравшую галерею перехода между корпусами, солидную порцию водяной пыли. Человек, куривший, спрятавшись за колонной, поёжился и выше поднял воротник.

-Эх ты ж, ...Родина-мать. И проводить-то по-доброму не хочешь. Нет, чтоб солнышком улыбнуться на прощанье.

Затушив в сбегающей по колонне струйке воды сигарету, он резким щелчком отправил её в непонятно каким чудом сохранившуюся обшарпанную чугунную урну. Подойдя к тяжелой входной двери и уже взявшись за ручку, повернулся и снова посмотрел на двор.

-Может, за то и любим тебя, что расслабиться не даешь?

Потянул тяжело скрипнувшую дверь и вошел. У окошка вахтера наклонился и назвал номер своего пропуска. Привычным движением сунул пластиковый прямоугольник во внутренний карман и толкнул расштанную вертушку. Из окошка выглянула пожилая вахтерша и спросила:

-Что-то вы все сегодня при параде, Евгений Петрович. Случилось что?

-Да вот, новости из Москвы прибыть должны. Ждём.

Евгений Петрович слегка слукавил. Московские новости они знали уже третьего дня. Сегодня же должны были придти официальные бумаги. И после их прихода обратного пути не было. Но зачем расстраивать бедную женщину? Всё решено. Кто знает - знает, а кто нет - тому и знать не зачем. Пройдя сквозь древнюю вертушку, вышел в институтский холл. Ранее многолюдный, сейчас он зиял дырами отвалившегося кафеля. По стертой не одним поколением лестнице поднялся на второй этаж и свернул в переход между корпусами. С началом того предательства, которое потом назвали "перестройкой", оставшиеся сотрудницы института превратили переход в некое подобие зимнего сада. Заставили принесенными из собственных квартир растениями и старательно ухаживали, пытаясь сохранить хоть какое-то подобие старого уюта. Пусть и не теплого, человеческого, так хотя бы с помощью пальм и разнообразных цветочков. На удивление, многие растения уцелели, видимо, старушки - вахтерши продолжали их поливать. Раньше, быстрым шагом проходя галерею перехода, он просто не обращал на это внимания. Привык. Сорвав с ближайшего куста лист, растёр его пальцами и поднёс к носу. Пахло степным простором и чем-то знакомо-терпким. Хмыкнув, Евгений Петрович двинулся дальше. Маршрутом, не за один год, ставшим привычным. Прошел галерею, спустился в другой корпус и, свернув за угол, толкнул обшитую коричневым пластиком дверь. Лаборатория.

Он пришел последним. Все остальные были уже на месте. Лёха - очкарик, Малыш, Фриц, Сеня-доктор, он же Док. И он - Жека-рыбный. Старые товарищи еще с институтской скамьи. Последние защитники. Или первые спасители. Как посмотреть. И как работает. Должно...

История лаборатории насчитывала без малого двадцать лет. С тех самых пор, когда скакавшие молодыми козликами сотрудники лаборатории, услышали слово "энергоинформация". Впервые это слово прозвучало в тогда еще советском Киеве. Когда отчаявшийся отец, хирург божьей милостью, попытался спасти своего сына. Рак желудка в последней стадии. Неоперабельный, давший метастазы. Парень жил (если это можно назвать жизнью) на наркотиках, притуплявших чудовищную боль. И тогда, как к последнему средству, отец обратился к малоизвестному методу лечения. Что сыграло свою роль, научное ли предвидение, удача, или Природа решила подарить человечеству еще одну подсказку, сказать нельзя. Но чудо произошло - сын выжил и выздоровел. Отец угадал и способ, и режим воздействия. В новинку тут же вцепились "большие учёные" из московских НИИ. Настроили стеллажи высокозаумных диссертаций, но в причинах не всегда удающегося, но похожего на чудо, лечебного эффекта разобраться не смогли. В те времена власти, тогда еще советской, кроме томов диссертаций требовался еще и практический результат. Не желая связываться с такими мелочами и затруднять свои, не привыкшие поднимать ничего тяжелее рюмки руки, "светила" благополучно спихнули практическую работу на периферию. И молодые волчата, натасканные матёрыми инженерами, часть из которых, отслужив и отвоевав в Отечественную войну, восстанавливала из уцелевших советскую инженерную школу, вцепились в проблему зубами и начали получать "практику". В самом начале увидели и поняли, что человек не просто "двуногое прямоходящее без перьев", а целый живой мир, окружённый как коконом всевозможными физическими полями. Так получилось, что первоначальная расцветка распределения полей по интенсивности, та, которую они приняли за норму, получилась красной. Очаги же изменений, природу которых они до поры не исследовали, имела голубой цвет. Тогда же и пошла шутка, ставшая горькой в описываемое время, - "Вот она, причина и суть "голубизны". Осторожно-малыми уколами-воздействиями получалось полевою карту человека изменять. Постепенно научились воздействовать на сердце и чинить его, восстанавливать зрение, возвращать слух. И так, маленькими шажками, приблизились к тому, что в последние годы и стало основным смыслом существования лаборатории.

Энергоинформационный домен. У разных народов и в разных религиях он назывался по-разному. Но всё это были названия одного и того же понятия, явления. Молодые, талантливые, по-хорошему наглые, они учились работать с тем, что составляет основу самого понятия - человек.

А потом случилась, Богом и людьми проклятая, перестройка. Рухнуло всё: наука, медицина, промышленность. Дорвавшимся до власти продажным перевёртышам это было не нужно. Какая к чертям собачим наука, когда основной ценностью стали деньги! Когда власть нужна, только для того, чтобы делать деньги, а, соответственно, деньги нужны, чтобы получить власть. И все это, и власть и деньги, используются только для того, что бы удовлетворить себя любимого, свои прихоти и похоти. Когда идеалом, проповедуемым на государственном уровне, становится барыга - для служения места не остается. Вот и пришлось кандидатам и докторам наук, чтобы не продаваться забугорным подателям милостыни, называемой грантом, ремонтировать по вечерам телевизоры и стиральные машины. А днём они продолжали работать.

Помощь пришла, когда уже перестали надеяться. Как о деятельности лаборатории узнал академик Альтёров - сказать трудно. Но узнал и помог. Что со стороны такого человека было совсем не удивительно. Зажравшийся Запад не смог его купить даже за Нобелевскую премию. По слухам, на кремлевском приёме, устроенном придворными мастерами вылизывания высокопоставленных задниц в честь награждения, он, отвечая на славословия, сказал: "Что для меня Нобелевская? У меня Ленинская есть"! но премию все же получил. И ни с кем не поделился: ни один "благотворительный" фонд не получил от него ни копейки. На эти деньги в лаборатории были смонтированы и запущены три альтёровских оптических компьютера. Таких

машин не было ни у кого в мире. Ради обладания ими, и в первую очередь технологией, так упорно и пытались купить академика.

Именно эти компьютеры позволили совершить прорыв - считывать, записывать и корректировать полную энергоинформационную оболочку человека.

Альтёров обеспечил прикрытие лаборатории наверху, купив новых хозяев страны обещанием вечного здоровья: скорректированная и перезаписанная оболочка реанимировала и восстанавливала работу всего организма до соответствующего возрасту состояния, удаляя последствия человеческой невоздержанности. Лабораторию стали курировать малоулыбчивые ребята, по выражению любившего пошутить Малыша - искусствоведа в штатском. Кстати сказать, это сильно помогало отбить желание местных хозяев жизни прижать "этих очкариков" и "подлечиться" на халяву.

А потом им удалось обнаружить возможность переноса домена в другое биологическое тело. Делаешь запись совершенно здорового организма, удаляешь с этой записи все лишнее, всякие там страдания-переживания, мысли и чувства, и переносишь новому владельцу или, точнее говоря, старому или больному. И получаем совершенно здорового индивидуума. Оказалось возможным перенести и всю запись-копию целиком, правда, только в том случае, когда будущий носитель находится в состоянии клинической смерти или глубокого наркоза. Когда сознание погасло, но мозг еще не умер. Искали, считали, экспериментировали. Начали работать над созданием полноценной физико-математической модели. Создали. И не сразу поняли, что с этим делать: ЭИД оказался способным перемещаться не только в пространстве. Для него отсутствовал барьер времени. То есть домен мог быть перенесен в любое заданное компьютером время. Альтёров сказал им тогда:

- Мужики. Об этом должны знать только вы и я. Всё, больше никто. Случись что, эти данные ни в коем случае не должны попасть в чужие руки. Даже намёки. Не время и не место. Пока.

В начале лета это самое "что" случилось. Откуда произошла утечка информации об их проекте, теперь было уже не столь важно. Контора тоже не зря ела свой хлеб. То, что это не был ни кто из своих - понятно. Если бы "там", узнали всю правду, то за спиной у каждого уже давно стояли бы крепкие мальчики, а работать бы им пришлось не здесь, а в каком-нибудь закрытом центре и, скорее всего, не в России. Если бы, конечно, их вообще оставили в живых. Альтёров объявил аврал и рванул в Москву, пытаясь выиграть время. Как ни странно, ему это удалось. "Две недели. Это всё на что вы можете рассчитывать. В любом случае все, что связано с темой, должно исчезнуть. ВСЁ. Меня не ждите. Дерзайте, ребята. Врагу не сдастся наш гордый..." - короткое кодированное сообщение через интернет. Последнее напутствие настоящего ученого, гражданина и патриота. Как ему удалось их прикрыть, для них навсегда останется тайной. Но заплатил он за это самой дорогой ценой. Через три дня в интернете появилось сообщение, что академик Альтеров погиб в случайной автомобильной катастрофе. Будущее лаборатории было predetermined: немедленно отнять, запретить и продать. Теперешней "России" были нужны не свои таланты и открытия, ей были нужны чужие деньги. Только заматеревшие и поседевшие волчата решили иначе.

Незадолго до трагического события они наткнулись на очередное открытие, непосредственно вытекающее из первого. Или наоборот: первое являлось прямым следствием второго. Возможность переноса домена объяснялась существованием единой энергоинформационной среды, включавшей в себя всё, случившееся и произошедшее во все времена. И каждый живший когда-либо человек предстал в этой среде отдельной частью - доменом, что и делало

возможным его перенос. И с которым можно было через собственную оболочку установить контакт. Появился проблеск надежды - без боя они не уйдут...

Док глубоко выдохнул и слегка пошевелился, удобнее устраиваясь в кресле. Наконец можно немного расслабиться и хоть пару минут отдохнуть. Вся последняя неделя была сплошной гонкой: успеем - не успеем. Успели. Теперь уже все - назад пути нет. Собственно, они отрезали себе все пути отступления уже тогда, когда приняли это свое безумное решение. Но до последнего оставалась вероятность, что их сумеют остановить. Слишком уж многое висело на волоске. Наверное, надо за это благодарить не только госпожу удачу, но и Альтёрова. Старик - академик успел перед смертью напустить такого туману, что про них на какое-то время все просто забыли. И им этого времени хватило.

Свою часть работы Док уже выполнил. Лечебно-диагностический комплекс налажен, заправлен и подсоединен. Универсальная манжета плотно обхватывает левое плечо. Половинки шлема-приемника, в собранном виде похожего на старый фен, застыли справ и слева от головы. Сейчас мужики закончат последнюю проверку своей электроники и всё. Стимулирующий коктейль уже начал действовать, вымывая из тела хроническую усталость и делая измученный мозг самым совершенным думающим механизмом, по крайней мере, в известной им части мироздания. Осталось дожидаться сигнала Жеки. И тогда... Тогда предстояла сушая фантастика. Найти где-то там, в далеком прошлом, нужный объект, точнее субъект, инициировать перенос на него энергоинформационного домена и после этого самому оказаться в теле носителя, выбранном умной машиной.

Дорога в один конец. Но они выбрали её сами. Если ты любишь свою Родину, свою Россию, которая здесь и сейчас уже убита и разорвана на куски и что-либо исправить, спасти уже поздно, но у тебя появляется реальная возможность не допустить этого, исправив ошибку там - в прошлом: неужели ты откажешься? Ты же Русский человек! А они все здесь были русскими. Ведь это не национальность - это состояние души и мировоззрения. Это, в конце концов, призвание! Нет. Они никогда не говорили об этом такими словами, дети своего большого времени. Времени, когда патриот и фашист стали синонимами, а любовь к Родине - проявлением нацизма или в лучшем случае национализма. Они не умели говорить красивых слов, но они умели думать. И самое главное - они умели делать.

Док с трудом заставил себя разжать пальцы сжавшие подлокотники чуть не до треска. ЛДК противно пискнул, заметив беспорядок, и увеличил подачу транквилизатора. Чтобы переключится и снять не нужное сейчас напряжение, Док правой рукой слегка пошевелил рычажок управления в рукояти кресла. Как бы в ответ на его касание ожили динамики в изголовье. Голос Жеки был надтреснутым и хриплым от огромного количества выкуренных сигарет.

-Товарищи. Минутная готовность.

Почти забытое обращение из тех, давних и счастливых, лет, как привет из их будущего. В динамиках щелкнуло и вдруг накрыло волной русского по духу и немецкого по факту написания:

Наверх вы товарищи, все по местам!

Последний парад наступает...

Легкое сопротивление под пальцами. Едва ощутимый щелчок. Половинки шлема медленно смыкаются. Темнота. Тихий писк таймера. Нарастающее ощущение покалывания в голове. Писк сменяется тонким электронным звоном. Поехали! Темнота взрывается болью и призрачным серым светом. Сквозь боль, откуда-то из невообразимого далека, бестелесный голос интеркома: "Тридцатое марта тысяча девятьсот двадцать третьего года".

Пожар в корпусе НИИ под Петербургом, случившийся в выходной день, не привлек внимания СМИ и обывателей. Мало ли что сейчас горит и взрывается? О жертвах не сообщалось, а без этого жвачному обывательскому стаду не интересно. Об остальном позаботились сотрудники спецслужб России, да и не только её.

Все оставшееся от лабораторного комплекса, под предлогом выяснения причин пожара, просеяли буквально через сито. Но Малыш, и на срочной и потом, в "конторе", не зря учился прятать концы в воду, и свою последнюю операцию провел на "отлично". Какая-то химия, термит. В результате - только оплавленные до стеклянного состояния камни и пепел. "Сделка века", обещавшая принести на счета современных "правителей" России и их хозяев миллиарды новеньких лягушачьих шкур, не состоялась. Сорвав по пути множество погон и даже голов. Лаборатория погибла.

Но всё ещё только начиналось...

30.03.1923.

Москва. Кремль.

Хорошо, что сегодня он остался ночевать в своем кабинете: работал допоздна и прилег отдохнуть уже под утро. И тут на него навалилось ЭТО.

Сталин умел контролировать свои эмоции. Умел превращать их силу в трезвый расчет и действие. Партийный псевдоним давно стал частью его личности, но все имеет свой предел прочности.

Проснувшись, если "это" можно, конечно, назвать сном, с утробным, каким-то звериным, рыком вскочил с постели. Зажав голову руками, заметался по тесной комнате из угла в угол. Наконец остановился у окна. Прижался пылающим лбом к холодному стеклу. В горле заклокотало, и наружу вырвался поток брани. Вперемежку, грузинские и русские слова, выстраивались в замысловатую цепочку. Наконец иссяк. Стало немного легче. Подошел к столу. Еще подрагивающей рукой взял из раскрытой пачки папиросу. Тщательно обмял мундштук. Специально неторопливо вынул спичку. Покрутил её в пальцах. Привычные действия помогали успокоиться. Наконец закурил. Выпустил струйку дыма в потолок. Только теперь заметил, что стоит на полу босиком. Не вынимая папиросы изо рта сел на узкую кровать со скомканным тонким одеялом. Обулся, наклонив голову в сторону, чтобы дым не ел глаза. Встал. Тщательно затушил папиросу в большой хрустальной пепельнице. И вдруг вздрогнул и согнулся, словно от приступа боли. Если бы кто-нибудь, мог увидеть в этот момент его глаза! Медленно, словно поднимая на плечах невероятную тяжесть, выпрямился.

- Ошибся, я ошибся. Иуды, предатели, свою страну... Мать свою продали! Ненавижу. Ошибся. А они ошибок не прощают. Но больше не ошибусь. Всех, всех... У-у-у! Думаете, за проливами и

океанами спрятались?! Достану. Всех достану! И уничтожу. Всех. Закопали... Даже пуговицы срезали! Надя... Предала, не поняла... Дура! А Василия я вам не отдам! И Россию не отдам...

Сталин замолчал. Стоял, опершись о стол и невидяще глядя перед собой. Он не сломается. Он - Сталин. Он не сдастся. Он - Сталин. Он сейчас соберет всю свою боль и ненависть и не даст им выхода, а сядет работать. РАБОТАТЬ. Ибо ТЕПЕРЬ это его работа.

Кисловодск

Фрунзе проснулся от собственного рыка. Такого с ним никогда не было. Даже сидя в камере смертников, умел держать себя в руках. А тут! Пришлось успокаивать жену и вбежавшую обслугу из персонала. Вышел в другую комнату. Дрожащей рукой налил стакан воды из стоявшего на столике хрустального графина. Торопливо, крупными глотками, так что боль прокатилась по пищеводу, выпил. Немного отпустило. Теперь папиросу. Ароматный, кисло-терпкий, дымок приятно зацепил горло. Вот и хорошо. Уже лучше. Сел в кресло. Вытянул ноги. Теперь можно спокойно (если получится) разобраться в ночном кошмаре. Напольные часы в углу мягко пробили четыре раза. Скоро утро, все равно не уснуть. Фрунзе прикрыл глаза, вспоминая, и почувствовал, как холодные пальцы снова сжали горло. Перед глазами, как в невиданном цветном кино замелькали знакомые и незнакомые лица. Колонны марширующих солдат и бронемашин неизвестной конструкции. Чудовищные корабли выбрасывали из своих не менее чудовищных орудий столбы огня. Армады самолетов превращали в руины города. Боль, ужас, смерть. Страшное чувство безысходности в смеси с дикой, звериной яростью и ненавистью. Картины развала и гибели страны, в которой каким-то неведомым образом он узнавал Россию. И за всем этим, как фон, развеваются знамена Британии и, почему-то, САСШ. Невероятно гротескная, но от этого не менее узнаваемая картина осуществления старого как мир принципа - разделяй и властвуй. Схватившиеся друг с другом в смертельной схватке, науськанные этой заморско-заокеанской силой, Европа, СССР и Япония. Их закат и трагическое угасание под давлением расползающегося по миру хамства, тупости и агрессивной жадности. Непереносимые сцены гнусного, невозможного разврата и скотства. Апокалипсис цивилизации.

Откуда все это? Голова гудела от распиравших её образов и мыслей. Наконец мозг не выдержал такой перегрузки, и Фрунзе все-таки провалился в сон. На этот раз без всяких сновидений.

Проснулся, несмотря на пережитые кошмары, удивительно свежим и отдохнувшим. Хотелось петь или плясать, сворачивать горы или совершать невозможное. И впервые за последние годы ничего не болело. Только нестерпимо чесались старые шрамы.

Видимо Док немного перестарался со своими эмоциями. Но в итоге все оказалось даже к лучшему. Загнанная в подсознание информация адаптировалась постепенно, но надежно. Мир уже начал меняться. Пока незаметно. Но ведь главное - начало?

На состоявшемся через неделю консилиуме, к полному недоумению наблюдавших Фрунзе врачей, он был признан абсолютно здоровым. Куда только подевались старые раны, ревматизм и язва желудка? Современная наука сего объяснить не в силах. Но факт! О своем сне-видении Фрунзе врачам ничего не говорил, незачем. Вот только странные стали с ним происходить вещи. "Что-то с памятью моей стало. Все, что было не со мной, помню" - незнакомые до этого слова и мелодия, иногда сами собой возникали в голове, но лучше не скажешь.

Июль 1923 года. В России только закончилась Гражданская война. В Германии политический кризис. Над Западной цивилизацией встает тень грядущего экономического кризиса. Назревает культурный и социальный кризис. Великобритания из последних сил пытается сохранить расползающуюся по швам империю. Франция не в состоянии оправиться от потерь в Первой мировой войне и с ужасом ожидает развития новой. В САСШ усиливаются тенденции изоляционизма. Италия и Япония стремятся занять свое место в ряду великих держав и использовать ситуацию для укрепления позиций. Перед остальными европейскими странами результаты мировой войны поставили больше вопросов, чем дали ответов. Весь мир застыл в неустойчивом равновесии. Будущая война неизбежна. Вопрос - во имя чего, кто с кем и кто против кого? Все еще не определено.

"Председатель Исполкома Коминтерна (ИККИ) Зиновьев в конце июля - начале августа 1923 г. в своих письмах из Кисловодска, где он с группой других членов ЦК РКП(б) (Троцкий, Бухарин, Ворошилов, и др.) пребывал в отпуске, просто-таки достал Сталина и Каменева, навязывая им свои представления о происходивших в Германии событиях.

Из письма Сталина Каменеву от 30 июля 1923 г. :

"В Герм. надвигаются исторические события и решения".

Из письма Зиновьева Сталину от 31 июля 1923 г. :

"Кризис в Германии созревает очень быстро. Начинается новая глава (германской) революции. Перед нами это скоро поставит грандиозные задачи, НЭП войдет в новую перспективу. Пока же, минимум, что надо - это поставить вопрос

- 1) о снабжении немецких коммунистов оружием в большом числе;
- 2) о постепенной мобилизации человек 50 наших лучших боевиков для постепенной отправки их в Германию. Ближе время громадных событий в Германии " .

Сталин, располагая объективной информацией, основываясь на докладах разведуправления Красной армии и ГПУ, был куда реалистичнее.

7 августа 1923г. он ответил Зиновьеву:

"... Должны ли коммунисты стремиться (на данной стадии) к захвату власти без социал-демократов, созрели ли они уже для этого, - в этом, по-моему, вопрос. ... Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском. Это "в лучшем" случае. А в худшем случае - их разобьют вдребезги и отбросят назад. По-моему, немцев надо удерживать, а не поощрять".

Тогда же в августе 1923 г. в Москву приехала делегация КПГ для переговоров с Исполкомом Коминтерна и лидерами РКП (б).

Уже тогда в "ядре" ЦК РКП(б) наметился раскол. "Товарищи" продолжали давить. Сталин колебался. Ленин уже был неизлечимо болен и находился в Горках. "Ильича нет", - констатировал в письме Сталину от 10 августа 1923 г. Зиновьев. В конце концов, при поддержке Фрунзе, Дзержинского, Красина и других "государственников", решение было принято - поддержки революции в Германии не будет. Руководство КПГ получило жесткие

установки на парламентскую борьбу и поддержку "восточной" ориентации правительства Германии.

Ноябрьская революция в Германии не состоялась. Пятьсот миллионов золотых рублей остались в казне.

В ноябре 1923 года Михаил Васильевич Фрунзе назначен наркомом по военным и морским делам.

В противовес политике Сталина сформировался Троцкистско - Зиновьевский блок. Началась внутрипартийная дискуссия.

9 ноября 1923 г. в Мюнхене был организован "пивной путч" А. Гитлера. Это была попытка нацистов и реакционных генералов во главе с Э. Людендорфом прийти к власти путем государственного переворота. Однако Веймарская республика сумела выстоять. В тот же день исполнительная власть в Германии была передана генералу фон Секту. Большую помощь правительственным войскам оказали боевые дружины КПГ. Советско - Германские отношения вышли на новый уровень.

В Ноябре 1923 года президент Германии Густав Эберт через посла Германии в Советском Союзе Брокдорфа-Ранцау передал Сталину письмо.

"От лица правительства Германии и всего народа нашей многострадальной страны, приношу глубокую благодарность вам и советскому правительству. ... Ваша принципиальная и последовательная политика позволила избежать развития гражданской войны и сохранить территориальную целостность Германии. ...В случае развития гражданской войны, правительства стран Антанты, готовы были начать вторжение на территорию Германии с целью её оккупации и последующего раздела. ...Мы высоко оцениваем вашу борьбу с теми международными силами, которые любым способом стремятся вызвать дестабилизацию обстановки как в Германии так и в Советском Союзе. ...Мы обещаем приложить все силы для развития дальнейшего сотрудничества между нашими странами во всех сферах, особенно затрагивающих их безопасность".

Роль Секта в сохранении конституционной власти в Германии была неоспорима. В январе 1924 года Ханс фон Сект, получивший активную поддержку не только центристов, но и КПГ, и левого крыла национал-социалистов, был избран канцлером Германии. В его правительственном заявлении, линия на взаимоотношения с Москвой была сформулирована так: "Быстрейшее и всестороннее развитие экономических и политических (военных) отношений с Россией - гарантия возрождения Германии".

Концепция двустороннего военного сотрудничества была намечена в результате серии секретных двусторонних переговоров в Москве и Берлине в 1920 - 1923 гг.. Ее необходимость понимали все участники разворачивавшейся тогда в Советской России яростной дискуссии между сторонниками Л. Д. Троцкого и М. В. Фрунзе о будущей советской военной доктрине. Одним из ее главных побудительных моментов послужило поражение РСФСР в войне с Польшей. Оно выявило все слабые стороны РККА и заставило основательно заняться военным строительством (на основе сочетания кадровой армии и территориально-милиционной системы). В армии ввели единоначалие, приступили к оснащению РККА военной техникой и подготовке квалифицированного состава. Итогом этой дискуссии стало сокращение за два года Красной Армии с 5,5 млн. в конце 1920г. до 600 тыс. человек к 1 февраля 1923г. В 1924 - 1925 гг., проведена военная реформа, приведшая к построению регулярной армии на

смешанной - кадрированно-милиционной - основе.

Ещё в начале 1921г., в военном министерстве Германии по инициативе Секта для организации сотрудничества с РККА была создана "Зондергруппа Р" или "Вогру". В течение 1921г. попеременно в Москве и Берлине шли интенсивные строго секретные переговоры. Речь шла о возможной кооперации "в деле восстановления нашей военной промышленности и именно в следующих трех направлениях: постройка воздушного флота, подводного флота, выделка оружия". "Зондергруппа Р" к этому времени уже договорилась с промышленниками о том, что "фирма "Блом и Фосс" (подводные лодки), "Альбатросверке" (воздушный флот) и "Крупп" (оружие)" предоставят РСФСР "как свои технические силы, так и нужное оборудование".

По итогам переговоров Политбюро ЦК РКП(б) приняло "план восстановления военной и мирной промышленности РСФСР при помощи немецкого консорциума, предложенный представителем группы виднейших военных и политических деятелей" Германии. Для финансирования предприятия был образован консорциум по инициативе "Дойче Ориентбанк", в который входят все крупнейшие банки в Германии, за исключением связанной со Стиннесом "Дисконте-Гезельшафт". От РСФСР требовались юридические и финансовые гарантии. Советская сторона в целях восстановления промышленности обязалась создать трест, в который бы вошли основные предприятия по изготовлению тяжелой артиллерии (Мотовилиха, Царицын), самолетов (Рыбинск, Ярославль), пороха, снарядов. Было обусловлено, что наблюдательный совет треста составляется из представителей совправительства и "Вогру". Советская сторона обязалась принять все необходимые организационные меры. В качестве первого пункта подлежащей исполнению программы признавалось производство самолетов. По итогам переговоров 24 сентября 1921 г. Председателя ВСНХ Богданов был информирован о том, что

"...в военной области уже изготовлен список первого заказа. Основные цифры следующие: 1000 самолетов, 300 полевых орудий, 300 тяжелых орудий, 200 зенитных орудий, 200 пулеметов, 200 броневедомостей, по 3000 шт. снарядов для каждого орудия.

...соглашение с "Вогру", хотя и приняло, ввиду специфического характера очередных задач, промышленно-техническую форму, но остается по существу актом политического значения и требует для успешного своего проведения постоянной политической работы". Мобилизация "Вогру" денег, не мыслима без все растущей политической заинтересованности, которая должна быть настолько значительной, чтобы преодолеть неизбежные разочарования в промышленной области на первых порах.

О контактах с фон Сектом сообщалось, что в Германии единственный выход видят в сближении с Россией, Осознание этого растет во всех кругах независимо от направления партий. Особенно болезненно воспринималась тема Польши. Сект говорил о Польше: "Она должна быть раздавлена, и она будет раздавлена, как только Россия и Германия усилятся".

В начале апреля советская делегация во главе с Чичериным вела переговоры в Берлине с целью заключения договора о полной нормализации отношений с Германией еще до Генуи. Затрагивались и вопросы военного сотрудничества. На открывшейся 10 апреля 1922г. конференции в Генуе произошло заключение 16 апреля 1922 г. в итальянском городке Рапалло советско-германского договора, известного как Рапалльский договор.

Согласно ст. 1 этого договора стороны взаимно отказались от всяких финансовых претензий друг к другу (возмещение военных расходов и убытков, включая реквизиции, невоенных убытков, расходов на военнопленных). В ст. 2 закреплён отказ Германии от претензий на

возмещение за национализированную частную и государственную собственность при условии, что правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств. Договор предусматривает восстановление дипломатических и консульских отношений между двумя странами (ст. 3), а также развитие экономического сотрудничества и торговли на основе принципа наибольшего благоприятствования (ст. 4). В ст. 5 зафиксирована готовность германского правительства "оказать возможную поддержку сообщенным ему в последнее время частными фирмами соглашениям и облегчить их проведение в жизнь". Постановления договора вступали в силу немедленно. Лишь пункт "б" ст. 1 об урегулировании публично и частноправовых отношений и ст. 4 о наибольшем благоприятствовании вступали в силу с момента ратификации.

По сути, речь шла о применении, принципа наибольшего благоприятствования. Кроме того, германское правительство обязалась не участвовать в сделках международного экономического консорциума в России, предварительно не договорившись с правительством РСФСР.

Летом 1922г., когда продумывались формы реализации Рапалльского договора, германские военные круги пошли на подготовку соглашения между, военными ведомствами двух государств о военно-техническом сотрудничестве. Предварительный договор об этом был подписан 29 июля 1922 г. в Берлине Хассе и членом РВС Республики А. П. Розенгольцом.

Уже осенью 1922г. первые офицеры рейхсвера были посланы в Россию. В октябре 1922г. командирам Красной Армии во главе с начальником общевойсковой подготовки РККА Д. А. Петровским было разрешено осмотреть германские общевойсковые (пехотные) школы. Советская сторона обратилась к немцам с просьбой провести экспертизу возможностей защиты Дарданелл, в связи с опасностью интервенции Англии и Франции с Черного моря.

11 сентября 1922 г., Сект вручил канцлеру свой меморандум. "Германия должна проводить активную политику, как и любое государство, поскольку, отказываясь от активной политики, государство перестает быть таковым. Рапалльский договор стал первым активным шагом Германии, направленным на повышение ее международного престижа. Начало сближения России и Германии - в экономической области, "сила, однако заключается в том, что это экономическое сближение подготавливает возможность политического и тем самым и военного союза. То, что в данной двойной связи и для Германии и также для России заключено их усиление, не подлежит сомнению.

...Франция является непримиримым врагом Германии, а Польша - ближайшим союзником Франции.

...Существование Польши невыносимо, несовместимо с условиями существования Германии. Она должна исчезнуть, и исчезнет в силу собственной внутренней слабости и благодаря России - с нашей помощью. Существование Польши для России еще более невыносимо, чем для нас; никакая Россия не примирится с Польшей. С Польшей отпадет одна из сильнейших опор Версальского мира и господствующего положения Франции. Достижение этой цели должно стать одним из основополагающих пунктов германской политики, поскольку он достижим. Восстановление границы между Россией и Германией является предпосылкой взаимного усиления. Россия и Германия в границах 1914 г. - это должно стать основой взаимопонимания между ними".

Сотрудничество с Россией, писал Сект, имеет целью, во-первых, усиление России в экономической, политической и, таким образом, в военной области и тем самым косвенно

усиление Германии, поскольку Германия укрепляет своего возможного союзника, и, во-вторых, непосредственное усиление Германии путем создания в России военной промышленности, которая в случае необходимости могла бы быть использована Германией. Пожелания России о дальнейшей помощи в военной области можно удовлетворить предоставлением средств и кадров, если они окажутся возможными и выгодными. В других военных областях по желанию русских можно установить и поддерживать контакты; для этого желательно наличие взаимных военных представительств.

С декабря 1923г. все совместные военные проекты с советской стороны находятся под непосредственным контролем наркома по военным и морским делам РСФСР Михаила Васильевича Фрунзе.

В феврале 1924г. в Берлине состоялась встреча советской делегации в составе М.В. Фрунзе, Чичерина и Куйбышева с Хансом фон Сектом. Результатом стала программа возрождения и развития экономики и вооруженных сил Советского Союза и Германии. Достигнуто соглашение о взаимодействии Генерального штаба РККА и ОВК.

На мартовском, 1925 года, пленуме ЦК, наркомвоенмор Фрунзе представил доклад - "План реорганизации и модернизации Красной армии и военно-морского флота СССР на основании анализа данных о военно-политической и военно-экономической ситуации в мире". В докладе был проведен подробный анализ военно-политической обстановки в мире, перспективных направлений развития военной техники, военных доктрин и возможные варианты развития боевых действий против СССР.

"...Исторически Великобритания является врагом России и соответственно Советского Союза ЛЬ1. ... стало известно о состоявшейся в Лондоне встрече представителей военно-политических кругов Англии, Франции и САСШ. Обсуждались вопросы совместных действий направленных на развал Советского Союза, его максимальное экономическое ослабление и политическую изоляцию.

...планируется поддержка в Германии, Финляндии, Польше и Турции политических партий и сил, объявляющих о намерении вести непримиримую борьбу с коммунизмом вообще и главное с Россией. Не исключается привлечение к активным выступлениям против Советского Союза императорской Японии. В дальнейшем планируется развязывание войны между Советским Союзом и одной из этих стран. Не исключается возможность создания коалиции с участием Германии, Финляндии, Турции, Японии. Как следует из предоставленных документов, основной задачей является не столько свержения советской власти, как разрушение Советского Союза как государства, приемника Российской империи. Идеальным считается вариант раздела территории Советского Союза и создания целого ряда марионеточных государств выполняющих функцию сырьевого и сельскохозяйственного придатка Европы.

... Советский Союз рассматривается не столько как идеологический, а как геополитический противник, восприимчивый Российской империи.

...в случае начала боевых действий, в них будут вовлечены практически все страны Европы, как противники Советского Союза.

...возможно добровольное политическое или принудительное военное объединение большинства стран Европы с целью совместного похода на Восток.

...В условиях возможного военного конфликта Польша, или её территория, будет являться основным плацдармом для вторжения на территорию Советского Союза.

...Основным направлением военной политики Великобритании и Франции следует считать умиротворение Германии в случае ориентации её военных устремлений на восток, и возможно наиболее жесткого давления, вплоть до объявления войны, в случае просоветской ориентации Германии.

...Наиболее неблагоприятным следует считать такое развитие ситуации, когда Советский Союз будет вынужден вступить в союз со странами Антанты для противодействия германскому союзу. На основании опыта Первой мировой войны Британия, Франция и САСШ будут стремиться перенести основную тяжесть боевых действий на восточный фронт, чтобы в дальнейшем достичь максимальных политических дивидендов и сохранить ударную мощь своих армий.

...Начало крупномасштабных боевых действий против Советского Союза возможно к весне-лету 1929 года".

В заключительной части доклада были сформулированы предложения по реорганизации и модернизации Красной армии и военно-морского флота, определены приоритетные направления развития экономики, позволяющие в кратчайшие сроки начать проведение реформ. Особый акцент сделан на развитие всестороннего сотрудничества с Германией, вплоть до заключения военно-политического союза.

"...Важнейшим условием такого союза является недопущение к власти в Германии антиросийски ориентированных партий Гитлера и Людендорфа.

...В настоящее время и в своем теперешнем состоянии Красная армия к боевым действиям в таком масштабе категорически не готова.

... Промышленность и сельское хозяйство не могут обеспечить даже минимальные потребности армии в случае начала боевых действий.

...Для проведения соответствующего технического перевооружения армии, авиации и флота, а так же устойчивому функционированию всей инфраструктуры государства в условиях мировой войны - требуется повышение промышленного потенциала минимум на 300% по сравнению с 1913 годом и 500-600 по сравнению с 1923.

...Деятельность Коминтерна, в его современном виде, в этих условиях способствует усилению напряжения и значительному расходу финансов жизненно необходимых для реконструкции промышленности и армии и является крайне нежелательной".

Новиков устало откинулся на спинку противно скрипнувшего стула и несколькими круговыми движениями размял затёкшие от длительного сидения плечи. В круге света, отбрасываемого на стол лампой с черным абажуром, лежала стопка исписанных мелким почерком листков. Чуть в стороне стоял чернильный прибор из эбонита, лежало множество папок и книг с закладками. " Вот чего не хватает в этом времени - так это компьютера или, хотя бы, банальной шариковой ручки. А, ерунда все это! Будут и компьютеры (или как там, на немецкий манер, раухеры, или ЭВМ), будут и шариковые ручки или чего-нибудь столь же удобное. Главное, что есть люди, которые готовы осуществить невозможное и есть страна, для которой ничего невозможного нет".

Новиков.

Фрунзе задумчиво смотрел на закрывшуюся дверь. Сколько лет он знает Новикова? С двадцать девятого? И ведь привык уже, что каждая встреча становится таким сюрпризом. Каждый раз Новиков удивлял его своей способностью формулировать нестандартные решения, в общем-то, обычных проблем. Вот и сейчас. Как он это сформулировал - "войска постоянной готовности"? Конечно, надо ещё все просчитать, подумать, посоветоваться, но что идея, стоящая - Фрунзе ухватил сразу. Шесть, возможно семь армий находящихся вне радиуса действия фронтовой авиации от границы, но в пределах суточного броска от ключевых объектов, не требующие времени на мобилизацию и минимум времени на развертывание, не зависящие, по крайней мере на первое время, от баз снабжения. Каждая такая армия будет способна выполнить, пусть кратковременно, практически фронтовую задачу. Молодец полковник! А мы ломаем голову как нам в случае необходимости проводить предвоенную мобилизацию, чтобы ненароком кого не вспугнуть. Но это - цветочки, а вот анализ причин и проблем, решаемых в грядущей войне - ягодка. Да ещё какая! Он бы ещё про "клуб трехсот" рассказал, да с раскладкой по курируемым проблемам и странам! Да кто же ты такой, в конце - концов, товарищ Новиков Николай Максимович?!

"Почему так больно?! В голове какой-то мерный стук и вроде бы всего качает. Почему ничего не вижу! Успокойся. Взять себя в руки. Неужели сорвалось и вокруг... А откуда качка? Спокойнее, спокойнее. Давай по порядку. Что мы имеем? Руки? На месте! Пробуем пошевелить. Получилось! Давай дальше. Ноги? Вроде бы целы. Да что же это такое с глазами?! Осторожно. Правой рукой. Потихоньку. Что это? Тряпка? Долой! Свет! Черт возьми - свет! Пока хватит. Глаза закрываем и начинаем приходить в себя. Итак, я... Я, Новиков Николай Максимович. Как интересно! Ну что же Николай Максимович, давай знакомится. Надеюсь, нам предстоит с тобой долгая жизнь. Что у нас там по тесту первое?"

Через некоторое время человек, осознавший себя Новиковым, вновь открыл глаза. "Где это мы?" Равномерный перестук, Освещение слабое, желтоватое. Справа стена, переходящая в закругленный потолок. Совершенно голое тело, если не считать кучу бинтов на груди, закрыто простыней с наброшенным поверх суконным одеялом. Вокруг запах карболки, крови и угля. "Санитарный поезд что ли?" Только теперь волной навалились окружающие звуки. Кто-то стонал. Недалеко раздавался могучий храп. В отдалении тихо переговаривались. Голоса вроде бы женские. "Точно, поезд. И как же ты сюда попал Николай Максимович? Да ещё в таком состоянии!"

Николай Максимович Новиков, правда, тогда по имени отчеству он значился только в официальных ведомостях, добровольцем вступил в Красную армию в 1923 году. Участвовал в боях с басмачами, гонял банды по всей Сибири и Приамурью. Был зол и неутомим. Не мог простить белобандитам зверски замученных и мать и отца. Боль стихла со временем. Стал спокойнее, собраннее, появился боевой опыт, да и судьба хранила. Сколько было боев, коротких стычек, лихих сабельных атак и ни одной царапины. Начальство оценило молодого, грамотного (за спиной реальное училище) красноармейца. Сначала командир отделения, потом взвода. Армейская реформа 1924-25 годов прошла для него незамеченной, отряд носился в предгорьях Алтая по следам крупной банды. Но все когда-нибудь кончается. Банду разгромили. Сводный отряд, точнее его остатки расформировали. Оставшимся бойцам предложили продолжить службу или в частях ОГПУ или в армии. Возвращаться Новикову было некуда, армия стала и его домом и его семьей. Поэтому предложение о продолжении службы принял с радостью. Честно говоря большую роль в том что его оставили на службе сыграло то,

что с 24-го года он был кандидатом в члены ВКП(б). Тогда это много значило. В армию призывали только по направлению комсомола или партийных организаций. Получил направление в кавалерийскую бригаду, и начались армейские будни. Сборы, занятия с призывниками и резервистами, учения, модные в то время лыжные и конные пробеги. Много забот у командира, если это хороший командир.

В 1928 году, после прохождения курсов командного состава, Новиков получил назначение в 5-ю отдельную Кубанскую кавалерийскую бригаду. Служба как служба. Сросся с конем и шашкой. В седле чувствовал себя уверенней, чем на стуле. Но времена наступали горячие - на КВЖД все чаще и чаще стали происходить столкновения с гоминдановцами. Не решаясь, и не имея возможности, напасть на Советский Союз открыто, Великобритания и САСШ заставляли Чан-Кайши отрабатывать полученные деньги. Бригада готовилась к боям. В 29-ю бригаду принял Константин Константинович Рокоссовский

"... В конце лета советско-китайские отношения обострились до предела и были поставлены на грань войны. Сосредоточенные у советской границы китайские войска с августа по ноябрь совершали постоянные нападения и обстрелы советской территории, причем наиболее активное участие в этом принимали белогвардейские отряды. Поставленный во главе КВЖД Фан Цигуань увольнял советских сотрудников с КВЖД и выселял их с семьями из квартир. Всего было арестовано 1683 человека, в том числе 80 женщин и 30 детей. Арестованные находились в концлагере в Сумбэо и содержались в ужасных условиях. Германский консул в Харбине, представлявший после разрыва советско-китайских отношений права советских граждан, постоянно и настойчиво требовал от китайских властей улучшения условий содержания советских арестованных. Несмотря на это, мукденская администрация позволяла полицейским не только избивать и подвергать пыткам арестованных, но и допускала казни советских граждан "без суда и следствия и самым варварским образом". Почти ежедневно в Харбине и на линии обнаруживали обезглавленные трупы советских людей. 24 сентября в Харбине было опубликовано официальное сообщение о расстреле в Цицикаре 3 советских железнодорожников "по приговору полевого суда, повинных во вредительстве". Все эти месяцы в тюрьме находились и арестованные во время налета на генконсульство в Харбине в мае 1929 года 37 советских граждан. В начале октября против них был организован судебный процесс - с грубейшими нарушениями процедуры: в суд не были вызваны даже свидетели, были отклонены требования очных ставок с обвиняемыми, отсутствовали оригиналы обнаруженных в помещениях консульства компрометирующих документов. Тем не менее, 15 октября последовало вынесение приговора, присуждающего обвиняемых к длительному тюремному заключению на различные сроки.

...Большую активность и стремление вмешаться в ситуацию на КВЖД проявили, прежде всего, правительства Франции и САСШ. Их позицию поддержал лондонский кабинет. Одним из первых попыталось вмешаться французское правительство. Уже 19 июля 1929 г. французский министр Бриан предложил полпреду СССР посредничество Франции для урегулирования советско-китайского конфликта. Такое же предложение передал французский посол в Москве Эрбетт 21 июля. Не остались в стороне и САСШ: 25 июля американский госсекретарь Г.Л. Стимсон обратился к правительствам Англии, Франции, Италии и Японии с меморандумом, излагавшим план коллективного вмешательства этих держав в конфликт на КВЖД. Он предложил создать согласительную комиссию из представителей "великих держав" с возложением на нее задачи изучить суть советско-китайского конфликта и выработать программу его урегулирования. План Стимсона сводится к следующему: интересы СССР и Китая на КВЖД должны быть ограждены путем назначения видного гражданина "нейтрального" государства полным президентом и генеральным директором КВЖД. Американцы не хотят расстаться с идеей установления контроля над дорогой, и никакие

прежние неудачные попытки не могут остудить их пыл.

Англия, Италия и Франция поддержали предложения правительства США, после чего китайский министр Ван Чжэнтин заявил, что "Китай ни в каком случае не согласится на восстановление статус-кво на КВЖД. Китай не вернет КВЖД, и речь может идти только о каком-то удовлетворении финансовых интересов СССР".

20 июля Чан Кайши по телеграфу обратился к армии с призывом к борьбе против СССР. Через два дня нанкинские власти опубликовали заявление, в котором выступили за войну с Советским Союзом. Антисоветские провокации регулярных частей китайской армии приняли систематический характер: всего с июля до начала ноября было отмечено 245 обстрелов и совершено 42 нападения на территорию СССР. В результате вооруженных столкновений 56 советских людей было убито и 118 ранено. Многократные протесты советского правительства против нарушений границы и нападений на советскую территорию были оставлены китайцами без ответа. Это вынудило советское военное командование принять соответствующие меры - части Дальневосточного округа получили приказ разбить китайско-белогвардейские части, принудить их к капитуляции и восстановить функционирование КВЖД в рамках соглашения 1924 года. В случае, если правительство Чан Кайши откажется подписать мирное соглашение - продолжать наступление до полного разгрома противника"!

Политрук из штаба бригады закончил выступление и аккуратно сложил листки в матерчатый портфель. Снял фуражку, и подслеповато прищурив глаза, посмотрел на собравшихся командиров.

-Все понятно, товарищи командиры? Короче говоря, надо спасать наших. И надо показать всем "не нашим", что мы сильны, и никогда и ни кому не позволим безнаказанно оскорблять нашу страну и наших граждан.

6 августа 1929 года все вооруженные силы, расположенные на Дальнем Востоке, были объединены в "Особую Дальневосточную армию" (ОДВА), командующим которой был назначен Василий Константинович Блюхер. В ночь на 17 ноября части ОДВА перешли границу с Китаем. Для Новикова это была первая настоящая война.

Войска приготовились к броску через Аргунь. Полноводная река в предрассветных сумерках спокойно катила свои воды к Амуру. Тишина, какая бывает в ранние часы только на реке. Тихий плеск волн и шуршание тростника. Пласты тумана, клубами стелящиеся над самой водой. Почти неразличимые в темноте силуэты кораблей Амурской флотилии и темные пятна барж. Утренняя сырость пробирала до озноба, несмотря на теплую, длинную кавалерийскую шинель. Или это от волнения? Наконец за спиной бухнуло, раз другой и все слилось в сплошной, звонко грохочущий гул. Началась артподготовка.

-Начать погрузку!

Верный Кучум, тревожно прядая ушами, недовольно пофыркивая и кося глазом, по деревянным мосткам прошел на палубу баржи. Новиков встревожено оглядывался, в такой темноте можно весь взвод растерять. Наконец поступил доклад, что погрузка окончена, все на месте. Впереди басовито загудело и буксир, шлепая широкими колесами, потащил баржу к противоположному берегу. Выгружались торопливо, но все прошло на удивление гладко и спокойно. Китайские передовые отряды были сбиты огнем артиллерии еще в первые минуты артподготовки. Построив взвод и уточнив по карте маршрут, Новиков на рысях повел его

вперед.

Задачей бригады было обойти Чжалайнорскую группировку китайцев и сходу овладеть господствующей над окружающей местностью и железной дорогой высотой 101. Рассвет вступил в свои права. Утро обещало быть теплым и ясным. Над головой, тархтя, курсом на Чжалайкор, медленно прошла эскадрилья Р-2-х.

Первых китайцев встретили на подходе к высоте. Пехота на марше легкая добыча для обученных кавалеристов. Старая истина нашла еще одно подтверждение. Стремительный бросок развернувшихся в лаву передовых частей бригады и ... Китайский пехотный батальон перестал существовать как боевая единица.

Отдышавшись от горячки боя и дав команду закрепиться на обратных скатах высоты до подхода пехоты и артиллерии, Новиков с интересом рассматривал первых пленных. Одетые в плохенькие короткие шинели (или длинные куртки?), дрожавшие на холодном ветру, испуганно сбившиеся в кучку они производили довольно жалкое впечатление. На взмыленном коне прискакал вестовой от комбрига.

-Приказано не останавливаясь обойти Чжалайкор с юга и обеспечить действие стрелковых частей. Выступайте, как только подойдет артиллерийский дивизион. Не дожидаясь основных частей дивизии.

Снова на конях, снова под копыта ложится уже промерзшая до звона земля. Не успели отойти от железной дороги на несколько километров, как услышали за спиной нарастающий шум боя и разрывы снарядов. Раздался протяжный гудок паровоза, и все стихло. Хуже нет, чем неизвестность. Но есть приказ и его надо выполнять. Широко разослав в стороны передовые дозоры, стремительно двигались вперед, по большой дуге обходя с тыла позиции китайского гарнизона. К оборонительным позициям китайцев вышли уже вечером. Командир полка, старый рубака с опытом еще первой мировой, майор Кириченко, прекрасно представлял себе, что такое ночевка зимой в степи. Поэтому, несмотря на явное численное превосходство китайцев, дал приказ наступать. Батарея трехдюймовок открыла беглый огонь по позициям, снося жиденькие проволочные и кольевые заграждения и стараясь подавить возможные пулеметные гнезда. Всего несколько минут жиденькой артподготовки и...

-Вперед! За Родину!

Скрывавшиеся до этого в неглубокой балке, эскадроны стремительно рвались в сторону видневшихся среди дымящих воронок окопов.

-Даешь!!! Ура-а-а!!!

Земля стремительно мелькала под копытами коней. Окопы все ближе. Вдруг ожил один пулемет, за ним другой. Покатились бесформенными комьями с пронзительным предсмертным стоном-ржанием кони и их лихие наездники. Но назад нельзя! Отступить под огнем пулеметов по голой, практически лишенных естественных укрытий равнине - верная смерть. Значит вперед! Рты перекошены. Вместо - Ура, нечеловеческий страшный крик - А-а-а! Вот уже вот он - бруствер окопа. Мелькнули, в первый и последний раз в жизни, ставшие круглыми от смертного страха глаза китайского офицера. Шашка со свистом рассекла воздух и то, что было между глаз. На позициях пулеметчиков одна за другой взорвались несколько ручных гранат. Еще несколько секунд, несколько отчаянных ударов сердца, несколько взмахов отливавшей красным шашки. Все... Тишина... Как говорят на Кавказе: "Кто бежал - бежал. Кто убит - убит". Позиция наша. Страшная усталость навалилась на плечи. Во рту пересохло. Язык казался

чужим жестким и колючим. Гортань с трудом пропускала слова.

-Взвод! Ко мне!

Собрались. Потери оказались не такими уж и большими. Десять - пятнадцать человек из эскадрона. Могло быть намного хуже. Не ждали узкоглазые. Молодец майор. Оглядев измученных дневным переходом и скоротечным, но страшным боем бойцов, Новиков указал позиции, на которых надо закрепиться. Отдал все необходимые в таких случаях распоряжения. Послал бойцов проверить поле, через которое только что наступали - может кто живой. Похлопал по крутой шее Кучума.

-Устраивайтесь потеплее. Я к комэску.

Комэск Ильманов расположился в просторной, видимо офицерской землянке. После наступившей ночной темноты особенно ярко светила керосиновая лампа. За переносной ширмой, разукрашенной драконами и иероглифами, виднелась шикарная, совсем не походная кровать. Комэск сидел за столом на низеньком стульчике, неудобно подогнув длинные ноги. Писал донесение.

-А, Новиков. Проходи, присаживайся. Сейчас подойдут остальные. Правда, Емельченко уже не подойдет. Срезал его пулеметчик.

Комэск говорил, не поднимая глаз от листка. Глаза у него были красные. На покрытом пылью лице, темными пятнышками засохшие капельки крови. "Наверное, и я выгляжу не лучше" - подумал Новиков.

-Командир у тебя умыться негде?

-Посмотри за ширмой.

Наскоро ополоснувшись из висевшего на стене медного умывальника и безнадежно испортив красивое полотенце Новиков, не спросив разрешения, тоже присел за стол, благо стульчиков было несколько.

-Николай Максимович, потери уточнил?

-Так точно. Двое убитых. Пятеро раненых. Все легко.

-Ты у нас везунчик. У остальных потери больше.

В это время подошли и остальные. Такие же пыльные и измученные. Ильманов, наконец, оторвался от своих бумаг.

-Проходите, товарищи, присаживайтесь.

Когда стихли невольная возня и шум, молча, снял с ремня алюминиевую фляжку и также молча, разлил её содержимое по чашкам тонкого китайского фарфора. По землянке поплыл запах спирта.

-Разбирайте.

Взяв свою чашку, комэск встал, свободной рукой оправил гимнастерку.

-За победу. За Родину. За тех, кто отдал за них свою жизнь.

Все встали и в один глоток выпили. Спирт обжог пересохшее горло, пробил невольную слезу, и теплой волной растекся по телу.

- Теперь к делу.

Утром следующего дня подошли основные силы бригады. Ночь была холодная. Подходящие части с завистью смотрели на отдохнувших в тепле и относительном уюте бойцов передового полка. Сдали позиции пехоте и снова вперед. Рокоссовский торопил. К исходу этого дня надо было соединиться с наступавшими с севера частями 36-й стрелковой дивизии. Круто забирая к северу, кавалерийские полки бригады, громя по пути подходившие подкрепления китайской армии, вышли к позициям прикрывавшей Чжалайкор с юга 5-й пехотной бригады и с ходу завязали бой. Не ожидавшие стремительной атаки китайцы бежали, бросив артиллерию, пулеметы и бомбометы. Захватив ключевую позицию, бригада остановилась. Бои в узких городских улочках не для конницы. В город ворвались части подошедшей 35-й стрелковой дивизии. К концу дня город был полностью занят. Остатки 17-й пехотной бригады китайской армии стали беспорядочно отходить на восток. Сил на немедленное преследование уже не было, ограничились обстрелом отходивших батареями 6-и дюймовок с позиций на высоте 101. За ночь перегруппировали силы, подтянули обозы, эвакуировали раненных и больных, было много бойцов с обморожениями рук и ног.

С утра пошел снег. Сильный порывистый ветер мел поземку, до предела затрудняя ориентировку и обзор. Взвод Новикова шёл в головном дозоре, когда сквозь вой ветра до слуха донеслось какое-то рычание. Лошади испуганно прижимали уши и припадали на задние ноги. Непонятный шум нарастал, приближался. Новиков отправил вестового к командиру эскадрона и поспешно отвел роту за прикрытие небольшого, густо поросшего кустарником холма. Наконец сквозь кисею снега стали видны переваливающиеся с боку на бок, угловатые тени. Они быстро приближались, рев нарастал. Торопливо протерев окуляры, Новиков вскинул к глазам бинокль. Приближенные оптикой, стали отчетливо видны угловатые машины с шестигранной башней и торчавшим из неё, то ли пулеметом, то ли мелкокалиберным орудием. Вместо колес они двигались с помощью бесконечной, отблескивающей тусклым металлом, ленты. За спиной, кто-то напряженным шепотом уже произнес: "Тикать надо"! - когда Новиков, наконец, разглядел на башнях машин звезды.

-Кто там тикать собрался? Под трибунал захотелось? Успокойтесь товарищи - это наши танки.

Новиков вывел свой эскадрон из-за прикрытия. Танки остановились и навели башни на появившихся, словно из ниоткуда, заметенных снегом конников.

Помахав, на всякий случай руками, Новиков торопливо подъехал к танкам. На башне одной из машин откинулась стальная грибообразная крышка, и появилась одетая в кожаный шлем голова.

-Кто такие?

-Свои! Пятая кавалерийская бригада! Командир взвода, лейтенант Новиков!

-Капитан Кривец, командир отдельной танковой роты.

Капитан дал отмашку, и моторы всех машин стали работать тише. Ловко перекинув через

горловину люка ноги, спрыгнул на землю. Новиков тоже соскочил со своего Кучума. Встретились. Крепко пожали руки. Капитан, прикрываясь от ветра, закурил папиросу и жадно затянулся, так что налетевший порыв ветра унес целый сноп искр. Новиков предложенную папиросу взял, но спрятал за отворот "буденовки". На улице не курил.

-Это хорошо, что мы вас встретили. А то с этой метелью немудрено заблудится. Пехота, где-то отстала. Царица полей, мать её! Семнадцатого, как мы в атаку пошли, увидели наши танки и чуть деру не дали наравне с китайцами.

-Не ругайся, капитан. Мои попервоначалу, как твои танки увидали, тоже "тикать" собрались.

Немного посмеялись, отходя от напряжения.

-Послушай, взводный. У меня приказ, наступать вдоль железной дороги на Манчжурию. А там какие-то ручьи и балки. На карте ни хрена не отмечено. Взяли в обход и сбились с курса окончательно. Выручай. Выводи куда надо, а то сам знаешь, начальство голову снимет.

-Это мы запросто. Сейчас комэск благословит и в путь.

Действительно, через пару минут, на взмыленном коне появился Ильманов.

-Что тут у вас случилось?

- Да вот, товарищ комэск, танкисты заблудились, просят вывести их на позицию.

Ильманов повернулся к капитану, представился.

-Что ж, капитан, чем можем - поможем. С Новиковым вы уже познакомились, вот его взвод я вам в провожатые и дам.

Вырвав лист из полевого блокнота, быстро написал в нем несколько строк.

-Новиков, до окончания операции поступаете в распоряжение капитана Кривца. Удачи тебе. Береги ребят.

Ильманов ловко вскочил на коня и, взмахнув на прощание рукой, с места послал его в галоп. Спрятав приказ в полевую сумку, и согласовав с капитаном порядок следования, Новиков повел свой взвод в сторону Манчжурии. Минут через сорок вышли в нужный район. Пехоты на месте не оказалось. Капитан зло матерился, поминутно поднося к глазам большие часы, закрепленные на правой руке.

-Капитан, кончай психовать и матюги на ветер бросать. У коней уже уши вянут.

-Через полтора часа начнет темнеть. А ночевать в поле я не могу. За ночь моторы замерзнут и все - бери нас голыми руками.

-Так зачем дело встало? Давай вперед, а мои орлы тебя поддержат. Или ты думаешь, что мы только на конях мастера? Пешочком нам тоже не привыкать.

Кривец посмотрел на Новикова.

-Не подведете? Хорошо. Готовность через пять минут. Мы впереди. Вы за нами. Главное не отставать. И еще, если где увидите позицию артиллерии или бомбометов, гасите их. Пуль и осколков мои машины не боятся, но если влупят снарядам или бомбой - все, конец.

-Ладно, капитан, все понял, но и ты моих орёликов прикрой, если что.

-Все. По коням.

Танки взрвели моторами и, неуклюже переваливаясь и набирая скорость, рванули вперед. Спешившиеся кавалеристы, подоткнув полы длинных шинелей, старалась не отставать. Бежать по снегу было тяжело. Все ближе линия окопов. Открытые рты жадно хватали холодный воздух. Китайцы, наконец, опомнились. Сразу заработали несколько пулеметов. Невидимая, из-за низких домиков, открыла огонь батарея. Хорошо, что стрелки из китайцев оказались плохие. Снаряды рвались далеко позади жиденькой цепи наступающих. Танки, останавливаясь на несколько секунд, вели огонь по пулеметам и те, один за другим, умолкали. Окопы все ближе. Вот танки подошли к ним вплотную и оттуда во все стороны бросились темные фигурки. Два расчета ручных пулеметов РПД, упав в снег, в несколько очередей положили большинство убежавших. Танки преодолели линию окопов и остановились, поджидая пехоту. Наконец, подоспели запыхавшиеся бойцы. Только теперь Новиков услышал справа, со стороны железной дороги, грохот разрывов. Наши наступают. В это время вновь напомнила о себе китайская батарея. Несколько снарядов легли близко к окопам. Гул разрывов больно ударил по ушам, в горле запершило от чесночного запаха сгоревшего тротила. Новиков вспомнил просьбу Кривца и во главе роты бросился к окраинным домам. Батареею они застали практически врасплох. После первых выстрелов прислуга бросила орудия и подняла руки. Новиков сорвал с головы буденовский шлем и вытер им вспотевшее лицо. Взяли позицию.

-Молодцы ребята! Теперь Манчжурия наша!

Длинная пулеметная очередь ударила из окна соседнего домика. Сильный толчок сбил с ног. Он попытался встать, увидел, как бойцы ворвались в дом, хотел, что-то крикнуть, но в глазах потемнело, все вокруг поплыло и исчезло.

-Командира ранило!..

"Что ж Николай Максимович - вполне достойно. Постараюсь не посрамить твоего честного имени. А здоровье твое мы сейчас поправим. Будешь здоровее прежнего - это к доктору не ходить". Человек неожиданно тихо рассмеялся. "Всё, всё! Хорош! Теперь я и есть Николай Максимович и более никто. Ну, или почти никто. По крайней мере, пока. А регенерацию придется замедлить. А то становиться уникальным пациентом мне как то не хочется. Ещё опыты начнут ставить". Не становиться уникальным пациентом Новикову все же не удалось. Оказывается, местные светила уже причислили его к рангу - "не жилец". Поэтому триумфальное воскрешение несостоявшегося покойника произвело впечатление. Да и попал он, оказывается, в эшелон так, что весь персонал запомнил его надолго. Из сбивчивого рассказа санитарки узнал, что к поезду его доставили танкисты, пройдя ночью, по бездорожью, почти тридцать километров до станции.

-Ворвались на станцию, окаянные, всех перепугали до смерти. Ночь, пурга, а тут шум, грохот! Что-то страшное. Фара, как чертов глаз, горит. И командир ихний, тоже как черт. Злой, ну просто ужас. Весь черный, морда в копоти - не приведи господи. Пистолет огромный. Подавай ему немедленно доктора. Мы, мол, героя раненного привезли. Тебя, то есть. Без него мы бы батарею и город не взяли. Но вражина британская ему грудь прострелила и что если ему сейчас же не окажут помощь, то он все тут разнесет. Тут и доктор прибежал. На тебя посмотрел - "Срочно в операционную! А тебе капитан - это танкисту-то, спасибо, что вовремя привез своего героя. Не дожил бы он до утра. А орать и ругаться не надо, мы все люди нервные

и усталые, можем, сгоряча и в лоб стукнуть". Тут танкист твой весь сник, и уже смиренно так просит - "Спасай доктор парня. Вовек этого тебе не забуду". Вот доктор тебя считай с того света и спас. Все это санитарка рассказывала, ловко вынимая "утку", и меня пропитанные кровью и потом простыни.

- Капитан - это Кривец, а с британцем ты что-то путаешь. Откуда здесь британец?

-А ты болезный молчи. Тебе говорить сейчас никак нельзя. У тебя легкое прострелено, в нем осколки от ребра. А про британца я не путаю. Его твои солдатики живьем взяли. Хотели на месте пристрелить, а он по-своему лопочет и паспорт свой британский показывает. Его связанного вместе с тобой и привезли. Убить не убили, но приласкали по всему виду от души. На лице живого места не видать. Доктор на него флакон зеленки потратил. И везут его под охраной в соседнем вагоне. А теперь спи, болезный, спи. Сон тебе - лучшее лекарство.

Подошедшая медсестра, ловко сделала Новикову укол в обнаженную руку, и он снова провалился в темную, теплую пустоту. "Сделают из меня наркомана. Как пить дать, сделают".

Слащев.

Осознание себя происходило, мягко говоря, малопривно. Он понял, что лежит на земле, правая рука подломилась под спину, через ткань одежды чувствовалось что-то тёплое и слева отдавало сильной, дёргающей болью. "Что ж там болит-то так"? Сил, открыть глаза и повернуть голову не было. "Нихрена себе, чайку попили"... Рядом послышались невнятные голоса. "Ну, слух, по крайней мере, есть. Еще бы со зрением определиться". Он попробовал открыть глаза, но веки, ставшие чугунными, с первой попытки не подчинились. "А вот вам хренушки"... Попробовал еще раз. В приоткрывшуюся щёлку различил размытые непонятные тени. "Не слепой"... Сфокусировал зрение. Над ним наклонился какой - то человек в неуловимо знакомой военной форме. "Откуда-то я его знаю". Подумал и вздрогнул от воспоминаний. "Конвульсия" - произнёс склонившийся. "Ах, ты ж сука! Как же я мечтал об этом! Конвульсия, говоришь? Будет тебе конвульсия". Со стороны, резкий удар ногой снизу вверх точно между ног склонившегося на самом деле выглядел судорожным, конвульсивным движением. Зажав руками промежность и глухо замычав, тот мешком упал набок. "Отставить"! Резкая как выстрел команда ощутимо ударила по ушам. "Быстро подняли раненого и в санчасть". "Раненый - это я что ли"? Кто-то подхватил его с двух сторон и поднял. Резкая боль слева снова отключила сознание.

Снова он пришел в себя, различив резкий металлический лязг. Прислушался к ощущениям. Терпимо. Слева, конечно болело, но уже не ощутимо сильно, а скорее ноюще - тягуче. Приоткрыл щёлкой глаза и осторожно осмотрелся. Рядом стояли два человека. Один был одет в белый медицинский халат. На другом была знакомая по рисункам и фильмам старая военная форма с малиновыми петлицами.

-Что скажете, доктор?

-Состояние вполне удовлетворительное. После такого ранения у, - доктор слегка замялся, - м-м-м, пациента удивительно удовлетворительное состояние. Фантастическая жизнеспособность организма. Рана уже практически не кровоточит. Если не делать резких движений вполне может подниматься и ходить.

-Значит, можем его забирать?

-После процедур и перевязки - да.

Потом люди ушли. Он окончательно открыл глаза и осмотрелся. Низкие сводчатые потолки. Серые шершавые стены. Высокорасположенные большие окна забраны решеткой. Вдоль стен металлические кровати, на одной из которых находился он. Другие были пусты, кроме одной, где лежал накрытый с головой человек. Он не шевелился, но тяжелое хриплое дыхание было слышно даже с его, стоявшей на другом конце, кровати. "Что-то мне подсказывает, что это - тюремный лазарет. Угораздило, однако. С кем же я схлестнулся? Ах, ёлки, ну да. Тогда понятно. А здесь у нас кто? Твою ж мать, не слабо... Приемный сын генерала Слащева? Даже не слышал, что был такой. Впрочем, может потому и не слышал? Пристрелил сынуля высокопоставленного папы генеральского выкормыша и хрен с ним. Наверно в реале так и было. Эх, Саня, Саня... Ну, ничего, - теперь повоюем. Ты даже не представляешь, сколько нам сделать требуется".

Через некоторое время снова лязгнули ключи, и в открывшуюся дверь вошел огромный, даже на вид тяжелый человек в отдающем желтизной медицинском халате. Неторопливые, уверенные движения массивного тела лучше слов говорили: "У меня не забалуешь". Поставив на покрытый клеенкой стол ящик с красным крестом, он повернулся к кровати.

-Проснулись? Ну, тогда перевязочку пожалуйста.

Голос, которым были произнесены эти совершенно не соответствующие обстановке слова, заставил улыбнуться. Настолько они не соответствовали друг другу. Всё вместе - и обстановка, и голос, и слова. Фельдшер, а никем другим вошедший быть не мог, удивлённо посмотрел на лежащего. Не первый год он пользовал обитателей "своего" тюремного лазарета. Видел их в разных видах. Но с такой реакцией столкнулся впервые. И орали от боли и обиды, и бросались на него. Чаще просто покорно ждали конца. Некоторые, которых в общей массе было очень мало, стиснув зубы, были готовы ко всему. Такие вызывали его уважение. И тогда в меру своих невеликих возможностей он старался им как-то помочь, облегчить, незавидное, в общем-то, положение. Но улыбку он увидел впервые.

-Ты чего, болезный?

-Нормально всё.- Прозвучавший голос понравился. Сдержанный, немного хриловатый. Голос сильного, уверенного человека. "Хороший у тебя голос, Саша. Правильный. Ну-ка еще послушаем нас". - Вид у вас уж больно... уважительный, что ли.

Маленькая лесть фельдшеру понравилась. Растянув рот в улыбке, он сразу стал похож на огромную, двуногую, лысую жабу.

-Так ведь нам по-другому не можно. В солидном заведении и люди должны быть солидные. А как же.

"А ведь он не дурак. Совсем не дурак. Всё видит, всё замечает и всему оценку даёт. И значит она очень много. Если вообще не всё. Обязательно врачу, или кто у них тут главный, выскажет. А тот, если сам не дурак, конечно, обязательно прислушается". Между тем, подчиняясь жестам фельдшера, сел на кровати. Холодный пол ощутимо ожёг ноги. Пока шла перевязка, попробовал свои ощущения. "Нормально. Даже если что не так, быстро доведём до нормы. Но не чрезмерно, а то еще вопросы начнутся". Закончив перевязку, фельдшер заставил проглотить какую-то пилюлю и запить её удивительно горькой жидкостью из маленького стакана. Проглотил, не морщась, чем вызвал уважительный взгляд.

-Голова как? Сильно водит?

-Терпимо. - Ответил как есть и заработал еще один уважительный взгляд.

-Тогда отдыхай пока.

Возле двери фельдшер повернулся, словно хотел спросить или сказать что-то. Передумал и вышел, с лязгающим звуком закрыв дверь.

"Ну что, Александр Яковлевич? Какая у нас с тобой диспозиция? В одной квартире мы уживаемся. Сволочь эту узкомордую ты очень правильно угостил, и, что очень хорошо, судя по выражению лиц, большинство командиров было явно на твоей стороне. А растолкуй-ка ты мне, братец, что у вас тут вообще происходит. Проведи, так сказать, политинформацию о внутреннем положении".

Прошло час, полтора, когда в двери снова лязгнули ключи. Вошел крепкий молодой парень, одетый в выгоревшую гимнастёрку, перетянутую новым кожаным ремнем. Тёмно-синие галифе, малиновые петлицы и фуражка с малиновым же околышем. На прикрученный к полу табурет возле кровати он, молча, положил сложенную стопкой одежду. Рядом поставил сапоги.

-Одевайтесь.

Слащев, а человек решил осознавать себя именно так, неторопливо поднялся и начал одевать свою же форму, с которой аккуратно были сняты знаки различия. Именно аккуратно, а не были выдраны с мясом. Дыра слева, которую оставила пуля, была заштопана. Причем явно женской рукой. И никаких следов крови. Ремня, естественно, не было. Оделся, натянул сапоги и замер, не зная, что делать дальше. Конвоир (а кто еще?), видя его затруднения, сделал пару шагов в сторону и показал на дверь.

-Руки за спину. Прямо, в коридор, лицом к стене.

Так началось путешествие по внушавшим ужас в его время сталинским застенкам. И с каждым шагом Слащев мрачнел всё больше и больше. " Ну, где, где же эти покрытые плесенью и кровью стены? Где эти толпы изуродованных, полуживых заключенных? Где садисты-надзиратели, избивающие несчастных зеков? Где несмолкающие крики невинных жертв? Где? Где все эти ужасы? Или я в спецсанатории? Для любителей средневековой старины. Нормальное освещение, без команд строго за пять шагов открываемые двери". Только однажды конвоир скомандовал "К стене!" и они пропустили по коридору двух заключённых, один из которых был в военной форме. Мятой, конечно, но не производившей впечатление замызанности. На одном из переходов Слащев не заметил выбоины в полу и споткнулся. Конвоир бросился к нему и вместо того, чтобы врезать сапогом по копчику, поддержал за локоть. "Да твою ж мать! И это сталинские палачи-сатрапы? Звери и садисты? Ясно же, что это не Дом литераторов, где все должны улыбаться друг другу. Контингент, все-таки другой. Хотя, если хорошо подумать, за малым исключением, один и тот же. Там улыбаются, кривя душой, здесь с чистым сердцем клепают друг на друга. Там гадюшник, здесь серпентарий. Ну а эти",- оглянулся на конвоира: "садисты и палачи. А как иначе? Гениальные писатели и поэты не могут врать. Только под пыткой. Исключительно зверской. Творимой вот этими самими". Он снова посмотрел на конвоира. "А глаза-то у него умные. И смешливые, хотя и строит из себя сурового стража порядка. Нормальный парень. Выполняющий малоприятную, но нужную сегодня и сейчас работу. Ведь только идиот может считать, что у России нет врагов. Причем у России любой. Уж я-то это точно знаю, видел".

Наконец, хождения по коридорам и переходам закончились, и они подошли к окрашенной

темно-синей краской двери с написанным на ней большим номером. Конвоир посмотрел в глазок и открыл ключом дверь. Подчинившись команде, Слащев вошел. Когда за спиной, лязгнув, закрылась дверь, он осмотрелся. Камера оказалась маленькой, на четырех человек. Никаких двухэтажных нар. Под расположенным под самым потолком зарешеченным окном находился стол. Рядом с ним две табуретки. Что больше всего поразило Слащева, они не были прикручены к полу. И нары не были прикручены к стене, а опущены и накрыты серыми суконными одеялами. В правом углу возле двери находилось большое ведро, накрытое массивной крышкой. "Знаменитая параша, надо полагать. Возле которой, кое-кому, самое место". Прошелся по камере, сосчитал шаги. Потом снял сапоги и лег на дальние от двери нары, закинув руки за голову. "И так, что мы имеем. Рассчитывали помочь в более тщательной чистке, а здесь управились на семь лет раньше. Или восемь? Если сейчас двадцать девятый. Хотя, похоже, не до конца почистили. Вот, эта же паскудная семейка в фаворе. Иначе не было бы у сынка столько гонору. Такие же чуть что - язык в задницу и невинные глазки. Но если чувствуют безнаказанность... Ишь, аж чуть глазами не сверкал, сучёнок. Ну, ещё бы, когда у папы большие звёзды. Но погодите, твари, и до вас руки дойдут. Дайте время. Со всех спросим, и сейчас спросим, а не когда уже поздно станет. Согласен, Саня"?

Минуты текли неторопливо. Слащев даже успел пообедать. Или поужинать? Хотя, если судить по тусклому свету, сочившемуся из узкого окошка, все-таки пообедать. Причем пищу принесли в своеобразных судках. Такие он видел только в детстве, когда проводник вагона заносил в купе поезда заказанный обед: поставленные друг на друга алюминиевые мисочки, закрытые тонкими крышками. И еще была какая-то темно-коричневая жидкость в кружке. Он даже понюхал её. "Ёлки-моталки, компот"! Выпил с удовольствием, маленькими глотками. Наконец за дверью послышались тяжелые, массивные шаги и густой, сильный голос произнёс: "Открывай".

Дверь медленно раскрылась и в камеру, чуть пригнувшись, вошел в первую минуту показавшийся огромным человек. Массивные руки, крупная, лысая голова. Рельефная грудь распирает темно-зелёную гимнастёрку. Слащев, лежавший на койке сняв сапоги, вскочил и вытянул руки по швам. Вошедший несколько секунд рассматривал вскочившего Слащева, потом проронил: "Обувайся" - и прошел к стоящему под окном столу. Пока Слащев, сев на край койки, натягивал сапоги, человек обоими руками попробовал показавшийся ему малонадежным табурет и, соблюдая осторожность, опустился на него.

-Ну, сидай. Говорить будем.

"Интересно девки пляшут! Котовский! Григорий Иванович! Собственной персоной. Живой. Хотя, если жив Фрунзе, почему бы и ему не быть живым? Некому оказалось того спятившего еврейчика надрючить? Отблагодарить, так сказать, спасителя. Или не успели? Ладно, разбираться будем потом. Сейчас-то как себя вести? Первый заместитель наркома по военно-морским делам, как ни как. Создатель, организатор и вдохновитель страшного и ужасного ОСНаза. И в моей камере. Это, до каких же высот моё дело взлетело? Ну, так и мы не хрен собачий, сын генерала Слащева. Пусть и приёмный. Значит, наглеть не будем, но и нагибать себя тоже не позволим. Ну что, поехали"?

-Куда прикажете садиться?

Заданный вопрос оказался не самым привычным. Да и голос, которым он был задан, звучал четко и твердо. Котовский слегка наклонил голову, ногой придвинул ближе второй табурет и, указав на него, проговорил:

- Сюда садись. Если не боязно.

- Да вроде как не мне бояться следует.

- Ну-ка, ну-ка...

- Охраны в камере нет, табурет не прикручен. А мне, судя по всему, терять нечего. Так хоть не напрасно.

Слащев ожидал вспышку начальственного гнева, а вместо него увидел в прищурившихся глазах Котовского одобрение и некоторое удивление.

- Терять человеку всегда есть чего. Вопрос только - ради чего. Один ради свободы других людей на смерть идёт, другой за собственный барыш удавиться. Тебе цена, какая?

- А мне цена простая - умереть не боюсь, но не бессмысленно.

- И какой великий смысл в том, чтобы как ты это сделал, нарваться на дурную пулю?

- А смысл в том, что никто не имеет права оскорблять то, за что другие люди жизнь отдавали. В каких бы высоких чинах он ни пребывал, и какие бы высокие посты ни занимал. И уж тем более, когда самому не приходилось рисковать ни чем, кроме прыща на заднице.

- То есть "За единую и неделимую"?

- А мы, в какой стране живём? И какой страны дети? Царя погнали, власть теперь своя, трудовая. Чем плоха единая и неделимая народная Россия? И те, кто за "За единую и неделимую" жизни клали, делали это не за царя, а за Отечество, за Россию.

- Ну да... Только чтобы вернуть обратно фабрики, мануфактуры и имения?

- Да какие у армейских прапорщиков и капитанов имения? Отец мой целый генерал, и то имения не нажил. А вот кое-кто, после победы в гражданской, очень даже нажил. Даже приходилось слышать, как товарищ Фрунзе кое-кого за лысые муды из личного имения вытаскивал. Рассказать кого?

- А разве борьба за народное счастье, тяготы и лишения не должны быть вознаграждены? Должны же быть отмечены "выдающийся вклад" и "большие заслуги".

- А за что тогда человек боролся? За всеобщее равенство или за вознаграждение? Лиха хлебали все. А потом? Одному - дополнительный паёк из ржавой селёдки, а другому - барахло из барского имения? Потому что у второго "заслуги" больше? И кто, кстати сказать, эти самые "заслуги" измерял? И чем?

Слащев от накатившей злости сжал зубы. Сразу вспомнились толпы реформаторов из его бывшего времени. Жадные, наглые, крикливые, прущие по головам других к вождельной кормушке. И при этом строящие из себя целомудренных борцов за народное благо. Как девственница в борделе. Без конца повторяющие: "Всё во имя человека, всё для блага человека". И не забывающие при этом указать на себя пальцем. Вдохнул и выдохнул сквозь зубы. Отпустило.

- Вот, значит, как ты мыслишь... Не зря, выходит, тебя семья старого большевика и выдающегося революционера не любит. Не признаешь, понимаешь, заслуг у кого надо,

анархист... Собственно, я увидел что хотел, поэтому заканчиваем с лирикой и переходим к делу. И перестань тужиться, называй меня товарищ Котовский. А то аж чуть из штанов не выпрыгиваешь, не знаешь, как обратиться.

"Интересное дело. Товарищ Котовский, товарищ Фрунзе, товарищ Сталин... Ни званий, ни титулов, ни должностей. Прямо эпидемия скромности какая-то. Интересно кто заразил? Глупый вопрос... Оказывается и хорошим, правильным тоже можно заразиться".

-А дело у тебя следующее. Хреновое дело. Ты совершил тяжелейшее воинское преступление - покушение на жизнь старшего по званию. К тому же, близкого родственника одного из членов Политбюро. Покушение было настолько очевидным и реальным, что охранник вынужден был применить оружие. При "правильном" освещении - это терроризм. Отягощённый, естественно, покушением на советскую власть. По нашим законам за это полагается, сам знаешь что. Допустим, мы возьмем грех на душу и слегка исправим "правильное" освещение. Как думаешь, сколько ты проживешь, если мы тебя прямо сейчас отпустим? Фигура ты не великая, поэтому автомобильную катастрофу тебе устраивать никто не будет. Прирежут в ближайшей подворотне и дело с концом. Мало ли у нас пока еще уголовников на свободе? Сильно ты, однако, заслуженную семью обидел.

-Замучаются прирезать.

-Они ребята упорные. Один раз не выйдет, попробуют еще. Когда-то ты промашку да дашь. Да и не дело это - оглядываться постоянно. Делом нужно заниматься. И дело такое у меня для тебя есть. Сейчас я это увидел сам. Вариантов у тебя два. Первый - ты прямо из камеры отправляешься в трибунал, как это по закону положено, и пытаешься сохранить себе жизнь там, доказывая, что ты не верблюд. Причем, учитывая нынешнюю политическую ситуацию, есть серьёзные основания сомневаться, что тебе это удастся. Второй - ты принимаешь моё предложение и исчезаешь. Ведь можно считать, что ты в любом случае покойник. Либо по трибуналу, либо охранник всё-таки удачно попал. Исчезаешь на время. Чтобы потом, воскреснув, делать дела, которые таким воскресшим покойникам делать и полагается. Надеюсь, не считаешь, что предлагаю тебе государственный переворот готовить? Решать нужно прямо сейчас. У меня и другие дела есть. Россия, она, знаешь ли, не из одних Слащёвых состоит.

-Да нет у меня никаких вариантов. Форму эту я одел не просто так. Служу России и Родине. Пытаюсь служить. В меру понимания и способностей. И готов служить дальше.

-Ну, вот и славно. Товарищ Фрунзе вместе с твоим отцом мне именно так и сказали. Что ты именно так и решишь. Что делать дальше - тебе мой помощник расскажет. А мне, извини, пора. Егоров!

Дверь в камеру мгновенно распахнулась и в середине камеры каким-то мгновенным, но плавно-текучим движением возник человек. Он замер, но в его позе явно чувствовалась готовность и сила хищника. Способного мгновенно разорвать противника. Котовский медленно поднялся со скрипнувшего табурета.

-А ты говорил охраны нет. Ну-ну.

Слащев проводил выходявшего из камеры замнаркома глазами и, немного повернувшись, посмотрел на Егорова. Тот с каким-то непонятым выражением сам смотрел на него.

-Грамотно выступил. Сказал бы даже - красиво. Чья школа?

-Та же, что и твоя. Не удивляйся, что знаю. Позапрошлой зимой на общеармейских соревнованиях я именно на тебе споткнулся. Не ожидал просто. Но тебя запомнил. Давай присядем, разговор будет долгим.

Когда они расселись на табуретах друг против друга, Егоров продолжил:

-А Григорию Ивановичу ты понравился. Он дерзких всегда любил.

-Откуда знаешь?

-В гражданскую в его бригаде в разведке воевал. Видал всякого. Решил бы он по-другому - меня бы звать не стал. Просто вышел бы. Ну а ты, раб божий, пошел бы костлявую встречать. А теперь о деле...

Глава - 2

Новиков.

Потом был госпиталь в Хабаровске. Больничная койка. Белые занавеси на окнах, белые тумбочки, белые халаты врачей и медсестер. Мир белоснежной чистоты, крови и гноя. Заботливо - безжалостные руки хирургов и медсестер. Здесь, в госпитале Новиков узнал об окончании боев на КВЖД. В декабре правительство Чан Кайши, под угрозой дальнейшего продвижения Красной армии вглубь Манчжурии, подписало протокол об урегулировании конфликта. Экстерриториальный статус КВЖД и советских сотрудников дороги был полностью восстановлен. Жизненно необходимая для всего Дальнего востока транспортная магистраль снова заработала с четкостью часового механизма.

Молодой, а теперь вдвойне крепкий, организм сделал свое дело. Новиков быстро поправлялся. Даже слишком быстро. Приходилось сознательно тормозить процесс регенерации. Прогуливался по больничному коридору, знакомился с людьми, временем и собой. Временами накатывала слабость и головокружение. Но с каждым днем он всё больше привыкал к времени и миру вокруг, привыкал к новому телу. Оказывается начал уже забывать, как это - быть молодым. С удивлением отметил, что каких либо особых переживаний и запредельных эмоций существование в новом теле и другом времени у него не вызывало. Словно приехал в другой город, где ни разу до этого не был, но много про него слышал или читал. Интересно - но не волнительно. Да и симбиоз, или слияние, или адаптация (называй это как хочешь, все равно научных определений этому не существует) с личностью прежнего Новикова произошло практически нечувствительно. Может быть, сказалось воздействие лошадиных доз морфия, который использовался как обезболивающее, может это особенность самого процесса изначально ему присущая. Разбираться в этом было не место и не время. Впечатления проанализированы, отложены в надежный закуток памяти с пометкой "Хранить вечно". А пока - работает и, слава Богу.

А работало просто замечательно. Привычки тела, все моторные рефлексy и навыки остались и обогатились новыми. Удвоенная память стала работать как двуядерный процессор, и не какой-то там мифический "Intel", а настоящий, Алтёровский. И никакой тебе шизофрении или расщепления личности. Скорее наоборот. Слияние (оставим этот термин, как наиболее простой и достаточно точно отражающий суть) похоже, привело не столько к поглощению остаточной личности Новикова, сколько к созданию единой, НОВОЙ, сущности. И процесс этот

продолжался и продолжался. Проваливаясь по ночам вместо сна в какое-то подобие транса, Новиков в мельчайших подробностях не просто ощущал, а осознавал происходящие перемены. Приспосабливаясь к новой нагрузке, организм менялся. Увеличивалась плотность и количество мышечной ткани, прорастали новые сосуды и меняли свою пропускную способность старые. Изменялась периферическая нервная система, скорость прохождения рефлексов возрастала, и это становилось заметно даже без всяких приборов. Сердце приспособивалось гнать кровь в невероятном прежде объеме. Но самое необычное и пугающее происходило в голове. Выстраивались и формировались новые нейронные связи. Активировались, до сих пор "дремавшие", участки коры. Сложнейшая, до конца не понятная структура стремительно менялась. Как-то раз, Новикову пришло сравнение, что его организм похож сейчас на сырую глину, из которой можно слепить что угодно. А если попробовать вмешаться в этот процесс сознательно?

И так, шаг за шагом, познавая себя и свои возможности. Учась ими пользоваться и делать это так, чтобы не бросалось в глаза окружающим. Первоначальная эйфория прошла достаточно быстро. Проблем возникало не меньше чем преимуществ. За все в этом мире надо платить, или научно выражаясь: "Все перемены в натуре случающиеся такого суть состояния, что, сколько чего у одного тела отнимается, столько присовокупится к другому. Так, ежели, где убудет несколько материи, то умножится в другом месте. Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения: ибо тело, движущее своею силою другое, столько же оные у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает". Вот. Прав товарищ Ломоносов. "Учиться, учиться и учиться..." - как говорил великий Ленин.

Но уходить в себя и следовать совету - познавай окружающий мир через познание себя, Новиков не собирался. Здесь и сейчас, совсем рядом, жила и кипела энергией и силой ещё великая страна. Страна, ради которой они так рискованно и безвозвратно покинули свое время.

Под предлогом, что простреленное легкое надо было разрабатывать, старался больше общаться. Ведь одно дело помнить как бы своей второй памятью, другое - ощутить это непосредственно самому. Проникнуться желаниями, мыслями и чувствами людей с которыми предстояло теперь жить, работать, а если неудачно сложится то и умереть.

"И где же эта всеобщая недовольность существующим тоталитарным режимом?! Где забитое, униженное состояние народа?! Где всеобщее "глухое" недовольство?! Где?! Мать же вашу, демократов западнорощенных, долларом крещенную, за океаном зачатую!"

Люди как люди и жизнь как жизнь, конечно с поправкой на время. Те же житейские радости и горести. Только эти люди в большинстве своем верили, что завтра будет лучше, чем вчера. И эта их вера подтверждалась не брехней и бесовским камланием с мерцающих (и не мерцающих тоже) экранов, а самой жизнью. Это можно было ощутить, увидеть, потрогать и купить, в конце - концов, самому. Свои особенности были, да и как же без этого - все-таки интервал почти в восемьдесят лет, но касалось в основном это, как бы сказать правильнее, внешних проявлений. Конечно, без идеологической обработки населения не обходилось. Но Господи! Как это выглядело мило и наивно по сравнению с тем ежеминутным, если не ежесекундным, давлением которое оказывалось на людей в далеком двадцать первом веке. Плакаты, транспаранты, партийные и производственные (кстати, действительно в основном посвященные решению производственных вопросов) собрания, газеты, радио и кино. Всё! Закрыв за собой дверь, ушёл с главной улицы, просто задумался и все - ты сам по себе и ни одна сволочь тебе на мозги не капает. Конечно отсутствие телевидения и привычного, как третья рука, компьютера раздражало, но с другой стороны - столько преимуществ! И самое,

пожалуй, главное - люди. Открытость, доброжелательность, отзывчивость - мы же про это практически забыли! А здесь, теперь, это в порядке вещей. И ведь после Гражданской войны, со всей её кровью и ненавистью, прошло всего восемь лет. Сколько же мы потеряли в погоне за "ста сортами колбасы"! Стоило об этом задуматься, глаза заволакивало кровавой пеленой, и наружу рвался весь, изрядно, кстати, обогатившийся, матерный запас. Какую страну просрали, каких людей! У-у-у...! Выть хочется, как волку! И так же по-волчьи рвать чьи-то ненавистные глотки. "Ну, ничего, господа пиндосы и их шавки-прихвостни, мы за тем сюда и вернулись. Не смогли, не дали нам сделать этого в наше время, мы до вас отсюда доберемся. Со всей, спасибо вам господа, своей звериной ненавистью. И да поможет нам в этом товарищ Сталин!"

Прошел декабрь. На Новый год, в холле больницы, поставили огромную красавицу елку. Второй год страна официально отмечала новогодние праздники. Вид елки, украшенной самодельными игрушками, вызывал странное ощущение чистой, прямо-таки детской радости и одновременно грусти. Свежий смолистый запах. Нежное покалывание зеленых иголок. Какое-то приятное щемление в груди.

Поздравить с Новым годом бойцов и командиров, находившихся на лечении, в госпиталь пришла целая ватага пионеров. Пели песни, рассказывали стихи. Принесли целую кучу всевозможных, сделанных своими руками, подарков. Но самым неожиданным подарком для Новикова, стал указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Боевого Красного Знамени. В списке награжденных были фамилии Блюхера, Рокоссовского и еще около десятка бойцов и командиров. Что Фрунзе жив и здоров, благодаря своей новоприобретенной памяти, Новиков знал, но увидеть своими глазами под указом о награждении "Народный комиссар по военным и морским делам СССР Фрунзе М.В." было приятно. Значит и это им удалось. И судя по всему, удалось не зря. Армейская реформа не оборвалась в самом начале, а шла полным ходом. По крайней мере, завод Юнкерса работал, и программа строительства флота уже была начата. Большого прежний Новиков не знал. Знания, конечно - сила, но дело это наживное. Благо время еще есть.

Поздравляли с наградой дружно. Выпросили у сестричек спирт, подкрасили его компотом, получился весьма достойный напиток. Начальник госпиталя отнесся к этому благосклонно, не каждый день его пациентов награждают, тем более что народ подобрался тертый и сообразительный. Все прошло тихо и пристойно. Поздравили с наградой. Пожелали, чтоб не последняя. Помянули погибших.

На следующий день, приехал с поздравлениями от бригады бывший майор, теперь уже подполковник Кириченко. Передал привет от сослуживцев и письмо от Кривца. Рассказал, что бригаду переводят на новое место, в Монголию. Пожелал скорейшего возвращения. Вроде бы ничего необычного сказано не было, но на Новикова ощутимо пахнуло домашним теплом. Теперь для него бригада должна была стать родным домом. А теплые отношения с домочадцами, залог спокойной семейной жизни. Да и просто по-человечески приятно. Помнят, уважают, по-своему даже любят. "Хорошее мне наследство досталось. Надо бы его приумножить, а то, как-то не правильно получится". И, похоже, приумножил. Красного командира, орденосца, а таких было не так уж и много, пригласили выступить перед народом. Рассказать о своих подвигах и о политическом моменте. Деваться некуда, здесь и сейчас так принято. Надо так надо, нам не привыкать, где только и перед кем не приходилось выступать. Выступил. Не думал, ни гадал, товарищ Новиков, что его так понесет. Все-таки гормоны - страшная вещь, когда забываешь их контролировать.

Начиналось все вроде как положено. Первым выступал какой-то партийный красноречивый. Говорил что-то удивительно правильное и настолько же неуместное и скучное. А Новиков тем временем приглядывался к "публике". Оказывается, скучно было только ему, а народ слушал внимательно и эмоционально. Здесь еще не разошлись слово и дело. Процесс только наметился. Эта непривычная атмосфера, наверное, и сыграла роль спускового механизма. Когда ему предоставили слово, предварительно оповестив всех о его, товарища красного командира Новикова Николая Максимовича, подвигах и заслугах, зал взорвался аплодисментами. Там в далеком будущем даже всяческих эстрадных звезд так не встречали. Это была не массовая истерика, а действительное восхищение и дань уважения. Вглядываясь в эти лица и словно глотнул добрый стакан водки в хорошей и надежной компании, тормоза практически полетели. Нет, сначала, пока рассказывал о подвигах кранных конников и доблестных танкистов, все было пристойно. А дальше... Дальше надо было рассказать о причинах конфликта и его международных подстрекателях. О них родимых, о пиндостанцах. Лучше поэта не скажешь: "...Семен такую речь задвинул, что зажурчал весь паровоз горячими слезами". Это точно, это о нем. Монолог! Театр одного актера! У-у мать! Дорвался до аудитории. После такого, американцами и британцами детей пугать будут, что бы ни шалили. Похлеще всякого буки будет. Какая там "международная солидарность"! Попадись после такого народу какой-нибудь сасшанец или сэр - порвали бы на куски, и не разбирались бы кто он - работяга или "акула империализма".

Надо, к слову сказать, что почва для таких посевов была хорошо унавоженная и подготовленная. Янкесов здесь помнили ещё со времен интервенции. Отметились те по полной программе - и вешали и стреляли и грабили. Спать даже не могли, пока с десятков местных жителей не убьют. Тоже мне, нашли "дикий Запад", мать! За что и получили большую народную "любовь". Драпали они потом от этой "любви" с такой скоростью, что все оружие побросали. Правда, награбленное золотишко и пушнину с собой увезли, не забыли.

В конце чуть не сорвался на, до боли знакомый с детства, лозунг "Смерть фашистским оккупантам". Вовремя спохватился, исправился на более нейтральное и соответствующее времени - пиратам империализма. Но в общем контексте вышло здорово. Сказал свое веское слово. Рубанул рукой. А в зале тишина. Сначала подумал, что все, конец. Потом присмотрелся. Мужики кулаки сжимают, желваки на скулах такие - лом перегрызут и не заметят. Бабы к мужикам прижались и чуть ли не крестят их, благословляя на бой с басурманами. Пацаны на галерке, шапки снимали и глаза нездешние. Наверное, в мечтах рубят уже проклятого вора в капусту. И тишина. У Новикова от этой тишины по телу мурашки побежали, каждая со слона, не меньше. И тут из середины зала встает какой-то немолодой уже работяга (я такие лица только в старых фильмах видел!) и негромким охриплым голосом начинает петь:

Вставай проклятьем заклеянный...

И буквально с середины строки уже весь зал -

Весь мир голодных и рабов.

Слова были знакомые, но смысл сейчас в них был другой. А когда дошли до -

Это есть наш последний и решительный бой...

Новиков почувствовал, как в горле возник горячий шершавый ком и никуда уходить не собирается.

Уже в машине, когда возвращались в госпиталь, наконец, отпустило. И когда молчавший всю

дорогу секретарь горкома предложил Новикову с его ораторским талантом перейти на работу в партийные органы, еле сумел достойно отвертеться. Мол, сейчас моё место в армии, на переднем так сказать крае, а на будущее - всё может быть. На том и расстались.

Уже далеко за полночь, Новиков стоял в курилке у раскрытой форточки, подставляя лицо под струи ледяного свежего воздуха жадно в несколько затяжек приканчивал одну папиросу и ту же выхватывал из пачки следующую.

-Тут ты немного ошибся, Николай Максимович. Народ, который за прошедшую тысячу лет, почти шестьсот лет воевал, и не просто воевал, а защищая свою землю, свою семью, свой очаг от агрессии - учить ненависти не нужно. Это он и так умеет. И врагов ему показывать нет нужды. Не умом так сердцем, своей таинственной русской душой он их видит. Если ты такой умный, если сознательно решился выступить защитником своего народа - то должен ему помочь другим. Дать в руки такое оружие и так им научить пользоваться, что бы, когда придет время, не пришлось хвататься за оглоблю и ей и своей кровью останавливать вражеские танки и стратегические бомбардировщики. Со времен Дмитрия Донского Россия вступала в войну хуже вооруженная, чем её противники. И дело здесь не в пресловутой русской лени. Не давали! Не давали времени, что бы оправиться от предыдущих набегов. Не давали времени отстроиться, научиться, создать что-то свое. И жили, и творили, и росли, и учились, и любили, в конце - концов, рывками, от войны до войны. И вынуждены были рвать жилы, стараясь успеть. Пришло время, когда не успеть - это обречь себя не просто на поражение, а на уничтожение. Он это видел своими глазами. Ощутил на своей шкуре все прелести "горбатой реформы". Ужасался развалу сначала Советского Союза, а затем и России. Видеть гибель своего народа, гибель не только физическую - нравственную (эти твари учли свои ошибки, поняли, что Россию нельзя завоевать, но её народ развратить можно) - это страшно. Страшно когда видишь, понимаешь и не имеешь ни какой возможности это остановить. Им удалось невозможное. Представился единственный, воистину чудесный и уникальный шанс, попробовать все исправить. Только бы хватило сил. А решимости не занимать.

Слащев.

Старенький паровоз, окутываясь клубами пара, натужно тащил между псковских лесов и болот несколько вагонов. Вагоны тоже были не новые, но отремонтированные в депо "Москва - товарная". В них были устроены перегородки и узкие лежанки для пассажиров. В ближнем к тамбуру отсеке, прислонившись к стеклу, сидел человек, одетый в потертый, но аккуратно заштопанный френч. Выгоревшая на солнце фуражка со следом от звездочки закрывала лицо. Узкие галифе заправлены в запылённые, но не сильно истоптанные сапоги. Одна нога лежала на старом, с металлическими уголками, чемоданчике, боком стоящем на полу. Кажется, человек спал. На самом деле, Слащев, закрыв глаза, вспоминал молниеносность его превращения из молодого командира Красной Армии в переболевшего тифом, контуженного и не до конца выздоровевшего партизана из армии ДВР. С роспуском самой ДВР была расформирована и её армия. Но заслуженного ветерана боев, Горькова Александра Яковлевича, документы на чьё имя сейчас лежали в кармане френча, было принято решение долечить. Для чего и направлялся упомянутый Горьков в, подходящий к его состоянию по климату, Псков, на побывку и долечивание к дальней родственнице. Родственница имела местом жительства деревню Ленивка, расположенную в пяти верстах от Пскова, на другом берегу реки Великой. И в двух верстах от старого мужского монастыря, где предполагалось его трудоустройство в качестве истопника. Монастырь этот был известен своей огромной пасекой, с которой, выделанные монахами, мёды продавались в самой Москве.

Слащев пошевелился, в очередной раз, удивляясь организации и скорости его превращения. Вот он, переодетый санитаром, с перевязанной физиономией таскает коробки и мешки в санитарный автомобиль. Забирается внутрь фургона и на складе товарной базы выходит уже одетым в замызганную робу разнорабочего. Снова таскает какие-то ящики и коробки уже в другой автомобиль и с ним оказывается в железнодорожных мастерских. Откуда через кабинет заведующего выходит на территорию депо. В кабинете в очередной раз, переодевшись в ту одежду, которая сейчас была на нем. В кармане френча уже лежат все необходимые бумаги и проездной литер до Пскова. И даже сапоги уже в нужной степени запылены. Из депо через пути на вокзал и вот он уже в вагоне. А поезд тем временем уже подходит к Пскову. Ночь проспал так же: откинувшись к стене и прислонившись к окну. Поза не особенно располагающая к полноценному отдыху, но молодой, восстанавливающийся организм проявлял свои чудеса. Поэтому спал нормально, крепко, неудобств не ощущал и отдохнул достаточно. Разбудили его какие-то тётки-торговки, шумно рассуждавшие о ценах на мануфактуру и собиравшиеся выходить на своей станции. Открыл глаза, осмотрелся. Народу в вагоне было не много, хотя все места были заняты. Попросив сидящего напротив старичка присмотреть за чемоданчиком, вышел в тамбур и закурил, удивившись в очередной раз предусмотрительности организаторов его исчезновения. Початая пачка папирос очень к месту оказалась в кармане. И он почему-то был уверен, что запас курева обязательно есть в чемодане. Время от времени посматривал в мутное окошко тамбурной двери в свой угол. На всякий случай. Мало ли что. Времена беспредела гражданской войны прошли не так давно, поэтому опасения были вполне уместны. Дедок, замечая его лицо в дверном окошке, всякий раз кивал головой. Вернулся в свой угол и сделал вид, что снова задремал. Дедок, исполнив свой долг, с расспросами не лез, за что получил молчаливую благодарность. Наконец народ в вагоне засуетился и многие начали собираться. Слащев дождался, когда дёрнувшийся вагон окончательно остановится, подхватил свой чемоданчик, оказавшийся неожиданно тяжелым (во вчерашней суматохе он не обратил на это внимания), смешался с выходившими пассажирами и ступил на платформу вокзала. Впрочем, "вокзал" это громко сказано. Скорее, просто большая станция, хранившая следы послевоенной разрухи. На станционном здании были заделаны самые большие, снарядные, пробоины. Но на стенах были видны оспины пулевых выщерблин. Особенно досталось водонапорной башне. Видимо в ходе боев на ней устроился пулеметчик. Или наблюдатель. Но башню восстановили и сейчас через толстую трубу из неё заливали в паровоз воду. Между водонапорной башней и станционным зданием разглядел низкое, двухдверное строение. Оторопел. "Охренеть! Очкарик, помниться, делился впечатлениями от знакомства с псковскими вокзальными "удобствами". Ну, твою ж мать, даже сортир и тот не переделали! Только в бетон одели, а как стоял на старом месте, так и через 70 лет стоять будет. И в самом деле, чего ради? У "этих" персональные, VIP-сральники, а народ и на холодке справится. Особенно зимой, здоровее будут". Со злостью сплюнул и, спустившись по выщербленным ступеням, вышел на площадь перед вокзалом. У встретившегося лохматого мужичка с кнутом за поясом выяснил дорогу и по брусчатой мостовой начал подниматься в гору, к видневшимся вдалеке куполам псковского Кремля.

Военный комендант Пскова занимал отдельное помещение в бывшей ризнице Кремля, примыкавшей к крепостной стене и выходившей окнами на реку Великую. В кабинете наблюдался только необходимый минимум мебели: длинный стол, пара сейфов и несколько стульев с высокими спинками. Было понятно, что хозяин кабинета не любил сидеть на месте, а предпочитал все вопросы решать на местах. Что явившемуся к нему Слащеву сразу понравилось. Комендант бегло просмотрел предъявленные бумаги и шлёпнул на одну из них извлеченную из сейфа печать.

-Где, говоришь, родственница твоя обитает? В Ленивке? Деревня большая. Вёрст пять за

мостом вверх по Великой. Молодая, хоть, родственница-то?

-Веришь, ни разу её не видел. Как из лазарета выписали, доктор говорит - езжай, подлечись, зовёт мол. А я и не знал, что у нас здесь родня есть. Мы же все сибирские, а я в тайге задыхаюсь почему-то. Доктора говорят - последствие ранения.

-Ну, ладно. Паек тебе как выздоравливающему назначим, пайковые будешь получать, как положено. Ну а дальше сам смотри - соображай. Может и выправишь себе что дополнительно в самой Ленивке. Деревня вполне богатая, жители не особо жадные. С попами сам смотри. Мы с ними не воюем. Особенно упорных уже года три как повывели, перековали. Теперь на канале работают. А эти вроде мирные. Мы им нет-нет, да поможем. Монастырь-то древний, ценности исторической. Вот мы, то кирпича попам подбросим, то пиломатериалов. А они нам мёду для больниц и детсадов. Всё детишкам радость. Но сам с усами, разберешься. Сейчас дуй к мосту, не заблудишься. Там у людей спросишь, на подводу до поворота у Ленивки тебя посадят. Сейчас много ездят на торфозаготовки, долго ждать не придется. Ну, давай пять, будь здоров!

Пораженный напором и жизнерадостностью коменданта, Слащев вышел на кирпичное крыльцо ризницы. На лице блуждала глупая улыбка. "Бывают же все-таки такие звонкие люди. Десяти минут не прошло, а и все дела порешал и настроение, как будто мёду напился. Душевный дядька. Хотя уверен, случись какую гниду кончить - рука не дрогнет. И всё у него нормально. А на наших" - хмыкнул, вспоминая: "бюрократов посмотришь - вся мировая скорбь на их плечах лежит. Буквально по уши в трудах и тяготах. Продохнуть некогда, штаны переодеть. А тут ходят и ходят, работать мешают. Твари! Откуда и взялись только на наши головы"? Неторопливо закурил, вдыхая запах табака и речной сырости. Спустился по ступеням и направился к мосту, высокие фермы которого видны были над крышами домов. Пока неспешно поднимался по пологому тротуару в гору, пытался понять, что не давало ему покоя последние дни. "Понял! Сейчас поздняя весна, а мы уходили осенью. Странно, почему так получилось? Ошибка в расчетах? Да нет, наши "академики" были уверены. Скорее всего, как выругался Рыбный, абберация. Или как её там. Разброс, одним словом. Это у нас снайпер пулю в пулю положить может, а у этих высоких технологий - разброс, понимаешь. Погрешность. Да еще этот "неизвестный фактор". А чего я, собственно, ною-то? Тепло, сухо, сопли морозить не приходится. Сейчас вот с родственницей встречаюсь. Прорвемся! Только бы вредной старухой родня не оказалась. Да не должен бы Егоров такую свинью подсунуть. Свойский же мужик, должен понятия иметь".

Ждать на самом деле пришлось не долго. И уже через пару часов, выкурив с говорливым возницей остатки своих папирос, Слащев подходил к деревне, еще с поворота унюхав знакомый с детства запах печного дыма. Деревня и в самом деле оказалась не маленькой, на глаз он определил дворов в шесть - семь десятков. "Та-а-ак. И где тут родню искать? По дворам спрашивать - шуму не оберешься. А нам лишний шум без надобности". Мимо, крутя проволокой обод от бочки, пробежал деревенский мальчишка. Вихрастый, в заплатанных портках, лет одиннадцати - двенадцати.

-Эй, малец! Которая тут у вас Хромовой изба?

-Немки, что ли?

-Почему немки?

-А Вам, дяденька, зачем?

-Да сродственник я ей. Вот, проведать приехал.

-Тогда ладно. Пошли, провожу.

-Так почему немки-то?

-Так она нас в школе немецкому учит. И еще географии, истории и рисованию.

-И как?

-Да у меня пока не очень. Мне птиц больше ловить нравится, чем рисовать. А учительница рисует здорово! Она на уроке нам свой альбом показывала, с рисунками. Ну, там, цари разные, древние герои. Как живые! А у меня не очень. Да и с языком выходит больше на "плохо". А вообще она добрая, хоть и строгая. А это наша школа.

Мальчишка показал на крепкое кирпичное здание с блестящей жестяной крышей, перед которым росла огромная, высокая сосна. Дом учительницы находился совсем рядом, метрах в десяти. Небольшой, аккуратный, обнесённый потемневшим от времени забором. Не доходя до калитки, мальчишка завопил на всю улицу:

-Марь Семённа, Марь Семённа! Я к Вам гостя привёл.

Через несколько минут дверь открылась и на порог вышла... Слащёв зажмурился. "Ну, Егоров! Ну, паразит! Хоть бы предупредил, намекнул, зараза! Чего теперь делать-то"? Малышу, несмотря на десятилетия разнузданности и вседозволенности, когда разврат и паскудство превращались в норму, мутным потоком лились со всех экранов и газетных листов, вбивались в сознание как достояние свободной личности, как-то сразу стало понятно, что перед ним человек из другого времени. Даже эпохи. Когда человек остается человеком и превращается в распущенного, развращенного и изнеженного скота, только когда сам этого хочет. "Да уж. Не зря в народе говорят: "К чистому грязь не липнет".

-Господи, братишка! Приехал! Ну, проходи, проходи. Спасибо, что проводил гостя, Николка. Но урок на завтра всё равно выучи. Спрошу.

Николка шмыгнул носом и подмигнул Слащёву. "Ну, я же говорил, строгая".

Дальнейшие события Слащев воспринимал как статист, выполняющий указания неизвестного режиссера, когда от него самого мало что зависит и остается только следовать сценарию. Это, впрочем, нисколько его не огорчало. Кино получалось интересным. Вечером того же дня, когда после обязательной бани он вместе с хозяйкой ужинал на веранде, пришли знакомиться деревенские авторитеты. Учительница человек в деревне известный. К тому же молодая незамужняя баба. Мало ли какое баловство пришлому в голову взбредет? Но после пары стопок первача за знакомство выяснилось, что пришлый доводится учительнице дальним родственником, что мужик он обстоятельный, серьезный, жизнью битый и зря балаболить не расположенный. На том и расстались, взаимно довольные друг другом. Один из местных, крепкий пятидесятилетний мужик, посоветовал идти прямо к настоятелю - отцу Андрею. Он, дескать, человек понимающий, выдавший виды. А пара рабочих рук монастырю лишними не будут.

Потом был монастырь. Но Слащев, в прошлой жизни насквозь городской житель, воспринял его как Монастырь. Именно так, с большой буквы. Не по проходившей тут далёкой ему духовной жизни, а по громадности вложенного в него человеческого труда. " Это сколько же сил, пота и крови решились потратить наши предки, чтобы возвести здесь, в глуши, эти и по нынешним меркам не маленькие строения. Решились, построили, а потом и обороняли

постоянно. Значит, считали нужным и важным. Тогда какое же право имеют нынешние "борцы с мракобесием" рушить эти великие сооружения? По какому такому праву? И кем они являются в таком случае? Ну не нравятся тебе попы, взрывать-то зачем? Не тобой построено - не тебе и рушить". Мысли возникали каждый раз, стоило только прикоснуться к древним, выщербленным, местами покрытым мхом стенам. Сколько помнил Слащев, Очкарик, проезжавший этими местами в "то" время упоминал только остатки стен. Что-то, ясное дело, "помогли доделать" фашисты. Но начиналось всё сегодня, сейчас. Именно в это, сейчашнее, время.

Новиков.

В конце января Новикова, наконец, выписали. Выписные документы получал вместе с проездными, вручение наград должно было проводиться в Москве. Путь предстоял не близкий. Скорый поезд Хабаровск - Москва, шел до столицы почти десять дней. Хорошо, что повезло с соседями по купе - все до Москвы, все военные, все по одному поводу. Перед самым отправлением поезда всех пассажиров обрадовали, в связи с вводом в строй нового тоннеля через Урал, время пути сокращается почти на сутки. Лишние свободные сутки в Москве - это здорово! Последние минуты перед отправлением. Суета опаздывающих. Крики носильщиков. Строгие фигуры милиционеров в новеньких синих шинелях. Торопливо выкуренная на перроне папироса, как будто в пути не накуришься. Наконец - звонок станционного колокола и гудок паровоза. Неизбежная суета первых минут, убираются на полку и снова достаются сумки и чемоданы, выкладывается на столик нехитрая дорожная снедь (непонятная ни кому другому российская традиция, словно все садятся в поезд после минимум суточного голодания). Военным проще - всех вещей один тощий чемодан, и к частым поездкам привыкли. Но традиция - великая сила. Не успел поезд пройти выходные стрелки как на столе уже разложена газета, на которой лежит картошка "в мундире", вареные вкрутую яйца, кусок сала, луковица, спичечный коробок с крупной солью. Словом, все как положено. Ну, или почти все. Переглянувшись между собой, командиры, молча, залезли каждый в свой чемодан и на столе дружно встали в ряд четыре бутылки с залитыми сургучом головками. Запотевшие с мороза, верные спутницы российского путешественника. Невольно рассмеялись. Первый лед отчуждения был сломан.

-Майор Никишин. - Первым представился старший по званию. - Командир батареи тяжелых гаубиц.

-Капитан Дудкин. Командир роты.

-Капитан Захаров. Командир эскадрильи.

-Лейтенант Новиков. Командир взвода.

Майор, на правах старшего, сделал приглашающий жест.

-Прошу к столу.

Как известно, дорога сближает даже людей совсем не знакомых. А люди военные, да еще и служащие в одном округе, это можно сказать соседи, земляки. После первых представлений и первых ста грамм, стали вспоминать общих знакомых, места, где служили, события закончившегося конфликта. Конечно все в меру, и выпивки и воспоминаний. Второй день посвятили обсуждению планов, кто и чем будет заниматься в Москве.

Новиков старался использовать представившуюся возможность узнать о том, что творилось в армии, так сказать, из первых уст. Услышанное, вкупе с его собственными знаниями-воспоминаниями, откровенно говоря, не радовало. Технически армия была оснащена как бы ни хуже чем царская. Перевооружение только начиналось. Опять отстали от всяких там Европ лет на двадцать. Однако, не смотря на это, армия не только существовала, она стремительно развивалась и совершенствовалась. Фрунзе проводил реформу железной рукой. Четко и последовательно. Пункт за пунктом. Не было безумных метаний из крайности в крайность. Не было начатых и брошенных на полпути компаний. "Это не Ворошилов! Клим, конечно, был мужик неплохой, но на своей должности явно не тянул. Не мог определить главного, стратегического направления развития армии. Не видел дальше сегодняшнего дня. Поэтому и плодились бесчисленно всякие Тухачевские со своими безумными идеями. А Сталину до поры до времени было просто некогда заниматься еще и этим. Теперь, видимо, другое дело".

Так бы к взаимному удовольствию в приятном времяпровождении и добрались бы до столицы, но... Разлад в дорожный мирок внесла передовица "Правды". Газету принес, выходявший на станцию за продуктами, капитан Дудкин. Высокий, несколько нескладный, с растрепанными светло-русыми волосами, обычно аккуратно зачесанными назад, он буквально ворвался в купе. От обычной, несколько показной сдержанности не осталось и следа.

-Да что же это такое творится?!

Все недоуменно смотрели на раскрасневшегося, какого-то встрепанного капитана.

-Вот почитайте, - бросил на стол газету Дудкин.

Головы дружно склонились над свежим, еще пахнущим типографской краской листом. "Правда" писала об отстранении от должностей большой группы высшего командного состава армии и руководящих работников наркомата обороны. Они обвинялись в антигосударственном заговоре, в подрыве боеспособности Красной армии, в актах саботажа и вредительства. Фамилии были громкие, известные не только военным - Тухачевский, Гамарник, Дубовой, Халепский и многие другие.

Подробностей не сообщалось. В заключение говорилось, что расследованием занимаются соответствующие органы и окончательное решение примет суд. Ясность вносила статья Сталина - "Головокружение от прошлых успехов". "Герои Гражданской войны, отстаивавшие существование Советской республики... Несогласные с курсом партии и правительства, с волей Советского народа на строительство сильного Советского государства. ...готовые на все, даже на развязывание новой войны, ради продолжения экспорта "идей революции". ...Возрождение идей, разгромленного, Троцкистско - Зиновьевско - Бухаринского блока. ...Стремление к личной славе и отрицание интересов народа и государства. ...Некоторые пошли на прямой сговор с представителями реакционных кругов на Западе. ... Благодаря бдительности органов государственной безопасности эти замыслы были вовремя выявлены и пресечены. ...Мы заложили мощный фундамент в строительство государства. ...Никто и никогда не сможет помешать нам в деле создания великого государства - Союза Советских Социалистических Республик и его могучей защитницы - Красной Армии. ...Нашу уверенность подтверждают итоги выполнения первого пятилетнего плана развития Народного хозяйства. Вступили в строй Днепрогэс, Турксиб, Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты. В общей сложности 970 фабрик и заводов, почти полторы тысячи МТС...".

"Ну, ни хрена себе! А как же 37-й? Отменяется? Вот это круто. А мы ломали голову, как обойти этих сволочей и не попасть под зачистку. Ай да Сталин! Ай да черт кавказский! Нет, посмотри что дется! Не иначе и Михаил Васильевич к этому руку приложил. Крут. Крут

мужик! Так дальше пойдет, мы без дела останемся. Хотя, это я конечно загнул. Дел на всех хватит. Но какой сюрприз-то"!

Дудкин с трудом дождался, пока остальные дочитают газету.

-Прочли?

Новиков удивленно посмотрел на него.

-Прочли. А чего ты так разгорячился. Все ясно и понятно написано. Зазнались, зажрались, захотелось большего. Вот и получили по заслугам.

-По заслугам?!

Дудкин снова вскочил на ноги.

-По заслугам они получали ордена и звания! Вся страна знала их как преданных бойцов Революции и гражданской войны! А теперь их обвиняют в том, что они собирались нести пламя революции другим угнетенным народам! Они хотели добиться освобождения всего мирового пролетариата, а вместо поддержки партии и народа получили - тюремные нары!

Новиков с интересом разглядывал брызгавшего слюной капитана и ждал продолжения. Выглядеть при этом старался несколько растерянным. "Зачем лезть поперек батьки в пекло. Послушаем лучше народную реакцию". Летчик откинулся на спинку дивана, всем своим видом давая понять, что принимать участие в этом разговоре не намерен. Майор как-то странно улыбался, то ли с чувством непонятого превосходства, то ли презрения. Дудкин, казалось, не замечал реакции окружающих, его, как говорится - несло.

-Вы заметили, что с каждым годом, после разгрома оппозиции, все меньше говорится об идеалах мировой революции. Зато с каждым днем все больше говорят о строительстве государства. Возвращают старорежимные понятия и праздники. Это самая настоящая контрреволюция!

Майор приоткрыл окно, не торопясь, достал из кожаного портсигара папиросу и, чиркнув колесиком медной, из патрона сделанной, зажигалки, закурил. Только после этого счел нужным, с какой-то опять непонятной Новикову интонацией, сказать.

-Жарковато стало. Не правда ли?

Стряхнул пепел под набегавшую в открытое окно струю свежего воздуха.

-Так какие возвращенные, "старорежимные" понятия вам так не нравятся? Верность Родине, стране, государству? Честь, совесть, любовь? То, что в первую очередь стали, заботится о своем народе и только потом об остальном мире? То, что подняли страну из руин? Или может то, что стали наводить порядок в стране и в армии? Ответьте нам, пожалуйста.

-Вы не передергивайте! Я говорил о том, что произошла подмена революционных идей и ценностей на мелкобуржуазные понятия. Даже введение воинских званий как в царской армии - что это, как не отказ от идей революции. Так скоро и погоны введут!

-А почему бы и не нет? Погоны - самый понятный знак, отображающий ваше звание.

-И это после того, как золотопогонники чуть не утопили революцию в крови?

-Позвольте капитан. По-вашему выходит, что надо запретить не только погоны, но и форму и оружие. Ведь белая армия была одета в форму и воевала не палками и камнями, а винтовками, пулеметами и танками.

-По тому, как вы разговариваете, можно подумать, что вы сами из этих... бывших.

-А я и есть из этих. Бывший штабс-капитан, его императорского величества Смоленского полка. В строю с 1912 года. Всю свою жизнь служил Родине. Воевать против своего народа отказался. Уехал из страны, думая, что мои знания и опыт ей больше не нужны. Рад, что ошибся. Когда прочитал воззвание Советского правительства - вернулся. И вижу, что мои труды Родина оценила, что ей нужны грамотные и опытные солдаты, готовые отдать за нее свою жизнь. Солдаты, готовые ей служить всегда и везде, не требуя за это каких-то необычайных почестей и привилегий. Есть такая профессия, капитан - Родину защищать. Родину, а не мировую революцию.

-Мало вас ЧК стреляло! Мало! Ну, ничего. Еще придет наше время!

Дудкин рванул свою висевшую на крючке шинель с такой силой, что лопнула вешалка, схватил с полки чемодан, и громко хлопнув дверью, выскочил из купе.

-Зря вы так круто, майор.

Вышедший из задумчивого созерцания проплывавших за окном пейзажей, летчик потянулся так, что в спине захрустело.

-На ближайшей станции напишет на вас такой донос, что потом всю жизнь отмываться будете. Знавал я таких уродов. Их не убедишь. Горбатого только могила исправит.

-А я не для него все это говорил, а для лейтенанта. Он по молодости своей воспринимает все, сейчас происходящее в стране, как должное. Не видит и не понимает, какая борьба идет. Какое мужество надо было иметь Сталину и его окружению, чтобы решиться вырвать страну из пьяного угара Революции и гражданской войны. Ведь бунтовали не только против царя или Временного правительства. Бунт был против любой власти вообще. Честь и слава большевикам, которые с невероятным, невиданным упорством, в крови и тифу собрали расплывшуюся, как гнилая тряпка, страну. А самое главное не только собрали, но и сумели возродить её дух, силу. Вовремя и правильно поняли, что нельзя, невозможно строить любое государство, пусть даже с самыми благими намерениями, отринув всю его предшествующую культуру и историю. Это будет не страна, а уродливый монстр, который сможет жить, только пожирая самого себя. А ведь поначалу я, как и большинство эмигрантов считал, что именно так оно и будет. Ты, Иван Максимович, в этом жил, а со стороны оно видней. То, что началось в стране в 24 и 25 годах, я воспринял как чудо. Увидев, что большевики взяли курс на возрождение страны, и я и многие другие только ждали повода, что бы вернуться. Осталась только гниль, сволочь Петра Амьенского, да те, кому красивая жизнь дороже Родины.

За окном был все-таки январь и Сибирь. Майор рывком закрыл окно. В купе сразу стало тихо, отрезало шум колес, и уютно.

-А эту сбежавшую шваль, я не боюсь. Если таких бояться, тогда на Руси надо не жить, а сразу стреляться.

Новиков смотрел на майора Никишина, широко открыв глаза от удивления. Даже актерствовать не требовалось. "Конечно, об уровне понимания происходящих процессов можно поспорить. Проявим благоразумие и не будем. Но каков майор!?! Нет, сегодня точно, какой-то

день сюрпризов. Что Никишин справный служака - это я понял сразу. Но такого не ожидал. Похоже, недооценил я вас, господин штабс-капитан. А это плохо. Зазнайка никого ещё до добра не доводило. То, что ты знаешь больше - ни как не значит, что ты заведомо умнее своих предков. Так вот теперь сиди и слушай". Никишин, наведя порядок, после поспешного бегства их попутчика пригласил остальных посидеть в вагоне-ресторане.

-Снимать напряжение от неприятного разговора лучше всего не только хорошим напитком, но и в хорошей обстановке. Иначе это не лекарство, а пьянство.

Народа в ресторане было мало. И время не то и цены, мягко выражаясь, кусались. Однако у собравшихся культурно посидеть командиров с финансами проблем не было. Куда их девать в глуши Приамурья? Сделать заказ предложили Никишину. Прав оказался майор, прав. Ослепительно белая скатерть, хрустальная пепельница и такой же графинчик коньяка. Аккуратно расставляемые на столе проворным официантом блюда и столовые приборы. Атмосфера создавалась совсем иная, чем на обычной мужской посиделке. И разговор велся неторопливо. И голоса были негромкие. Да и коньяк - не водка, пьют его в основном не стаканами, а маленькими рюмочками, смакуя не только вкус, но и ощущения, прямо скажем, приятные. По молчаливому согласию про Дудкина не вспоминали. Разговор шел преимущественно про заграничное житьё-бытё Никишина. Поскольку ни Новиков, ни Захаров за границей, не считая конечно Китая, никогда не были, то слушали с огромным интересом.

-Сначала, я с женой уехал во Францию. Казалось, что французы нам ближе, роднее что ли. Все-таки недавние союзники. Да и культурные связи между Россией и Францией давние, устоявшиеся. Много русских туда еще перед войной уезжало. Кто на год - два, кто насовсем. Приехали. Осмотрелись. Первые недели было просто интересно. Париж, Лувр, Нотр - Дам де Пари, бульвары, Сена - красиво. Красиво и хорошо, пока не кончились деньги. А какие деньги могли быть у боевого офицера? Поместьями не владел, казну не воровал. Жалование, в переводе на советские рубли, ну разве чуть, побольше. На жизнь хватает, а шиковать не получится. Когда закончились наши скромные сбережения и то, что удалось выручить от продажи украшений жены, то все оказалось совсем не таким радужным и красивым. Чужбина - какое емкое слово... Чужая страна, чужие люди, чужие обычаи и привычки, все чужое, не наше. С этим еще можно было, как-нибудь мириться, но горше всего стало осознание того, что ты здесь нужен только до тех пор, пока у тебя есть деньги. Ни сострадания, ни сочувствия - только плохо скрываемое презрение и брезгливость. А потом, валом повалили другие эмигранты, и стало совсем плохо - ни денег, ни работы. И ведь что интересно, вот китайцы или евреи, где не поселятся - сразу создают свою общину, а русские - те каждый сам по себе. И дожидаться помощи от своих труднее, чем от иностранцев. Промучились мы с женой до двадцать второго года. Подвернулась мне работа, кочегаром на каботажнике. Полгода меня не было. Экономил, на чем только мог, за любую работу брался. Думал, вернусь - снимем нормальную комнату, заживем как люди. Вернулся, а моей Елизаветы уже нет в живых. Умерла от испанки. И даже могилы её нет. У них за кладбищенскую землю платить надо. Не мог я больше в этой стране оставаться. А куда податься? Вроде бы вот он мир, весь перед тобой. Денег что бы в любой конец доехать, не первым конечно классом, хватит. Но уехать далеко - значит разорвать последние ниточки, связывающие тебя с Родиной. К тому времени гражданская война закончилась. Хотел в Россию вернуться, но в газетах такие ужасы про зверства ЧК писали, что решил подождать. Что бы хоть немного быть поближе, поехал в Германию.

Осень двадцать третьего года. Трудно описать то, что тогда происходило. Может быть, позже, найдется у немцев свой Гюго, напишет "23-й год". Коммунисты, национал-социалисты, демократы, монархисты, союзы бывших военных и союзы предпринимателей и надо всем этим довлеет позор Версальского мира. Что-то похожее было в России в феврале семнадцатого. Но

только похожее. Войну мы не проиграли и до трети территории не потеряли. И вдруг, в октябре, словно свежий ветер подул.

Сначала, правда и не понятно было, что к чему. Экстренный съезд КПП. Волнения среди рабочих. Выступление одного из лидеров, Тельмана, с требованием очистить партию от чужеродных элементов и анархистов-экстремистов. Ну, вы это знаете - раскол КПП, межфракционная война. Интернационалисты против государственников. Побоища на улицах. Хотя надо было быть полными идиотами, чтобы пытаться выступать против рабочих отрядов. Одним словом, гнилая интеллигенция. Получили по первое число. Очень мне это наши еврейские погромы напомнило. Чудеса! Коммунисты бьют евреев! Хотя конечно там не только евреи были, но тех было много. Очень много. В общем, КПП приказала долго жить. Тельман заявил о создании Национальной Коммунистической партии большевиков. НКП(б). Да ещё, во всеуслышание заявил, что отказываются от подготовки революции, и в это, тяжелое для Германии время, поддержат все усилия правительства, направленные на стабилизацию обстановки и спасение страны. Чудеса, коммунисты против революции! Но когда в ноябре в Мюнхене началось восстание национал-социалистов, именно боевые отряды НКП(б) первыми приняли участие в его подавлении. К приходу рейхсвера в городе уже был наведен относительный порядок.

А потом по стране поползли слухи, что не обошлось без давления на коммунистов из Москвы. Через несколько дней было опубликовано открытое письмо президента Эберта и, как говорится, расставило все точки. "Советская Россия приложит все усилия для сохранения Германского государства!" "Сталин пошел на раскол в партии, что бы остановить гражданскую войну в Германии!" Газеты буквально взорвались. Русские стали - *persona grata*, в любом приличном доме и обществе. Выступать против Советской России стало просто опасно. Могли здорово поколотить. Удивительно, но даже до этих событий, отношение к русским эмигрантам в Германии было намного более уважительное, чем во Франции или, тем более, в Британии. Бывший честный противник вызывал уважение. А когда этот противник в самый тяжелый момент протянул руку помощи, то он стал восприниматься как единственный друг. Буквально за один год большинство немцев стали настоящими русофилами. Если в предыдущие годы Зекта часто ругали за его восточную ориентацию, то теперь он стал героем нации.

Вообще, Германия страна необычная. Помните сказку про Золушку? Так вот Германия - Золушка Европы. Необычайно трудолюбивый и аккуратный народ, прекрасная природа, мощнейшая индустрия, прекрасные памятники архитектуры, богатейшее культурное наследие. При все при этом, в восприятии большинства, Германия - сумеречная страна. Сравните сами, романтически прекрасный образ Франции, загадочный туманный Альбион, страна тюльпанов и каналов Голландия, сказочная Венеция, Вечный Рим и "сумрачный германский гений". Сравнили? Мне думается, что такой образ Германии, как и само наше отношение к немцам как к исконным врагам России, специально навязывалось нам в течение столетий. Более двухсот лет две страны, не имеющие друг к другу территориальных, экономических или каких-нибудь других притязаний, связанные узами династических браков, почти постоянно находятся в состоянии вражды. Короткие периоды весьма плодотворного сотрудничества и снова недоверие, вражда и войны. По здравом размышлении, за всем этим чувствуется опытный дирижер. Наверняка не обошлось без извечного и подлого британского - "разделяй и властвуй".

Я и раньше старался быть в курсе всех событий происходящих в России, а живя в Германии, смог делать это регулярно. С двадцать пятого, - это после дела журналистов, - стали продавать и несколько центральных советских газет - "Известия", "Правда". Да и в самой Германии было множество русскоязычных издательств. Не только русская эмиграции, но и большинство

немцев буквально с замиранием сердца следили за борьбой внутри ВКП(б). Решался вопрос, какой быть России. А потом - грандиозный пятилетний план развития экономики. Магнитка, Днепрогэс - названия, популярные в Германии не менее, чем в СССР. Еще бы, если в сориентированной на заказы Советского Союза экономике Германии начался самый настоящий производственный бум. Тысячи заказов во всех областях промышленности. Совместное освоение целинных земель Дальнего Востока и Приамурья. Ушла в прошлое хроническая безработица и огромные очереди на бирже.

Кстати, интересная подробность, в итоговых документах экономического договора прямо написано, что к работе по Советским заказам должны привлекаться только граждане Германии и Российские эмигранты, прошедшие проверку службой национальной безопасности Германии. Во всем мире назревает кризис, а в Германии и Союзе не хватает рабочих рук!

Когда в двадцать восьмом появилось "Воззвание Родины", я уже был готов вернуться в Россию на свой страх и риск. А тут... Дальше вам, наверное, будет не интересно. Обратился, как и тысячи других, в Советское посольство. В Союзе почти месяц проверяли. Фильтрационный пункт под Минском. Наконец проверки закончились. Предложили на выбор - преподавательская работа в военном училище или строевая. Какой из меня преподаватель? Всю жизнь служил и, наверное, буду служить до конца. А служить такой стране - почитаю за величайшую честь.

Новиков слушал, не перебивая и не вступая с вопросами. Интересная получалась картина. Очень интересная! "Ведь мы, уходя, собирались, чуть ли не революцию устраивать. Голову ломали, как Германию из врага превратить в союзника, а если не получится, с наименьшими потерями Гитлера разбить. Фриц ради этого в Германию идти согласился. А тут выходит и без нас коричневым рога обломали! Так, где же здесь история поломалась? Неужели в двадцать четвертом? Если так дела пойдут и дальше, то глядишь, и воевать нам придется не с немцами, а вместе с ними. А ведь это, совсем другое дело. Тогда возникают такие варианты!" - Новиков мечтательно зажмурился и чуть не заурчал, как довольный кот.

-А какие там люди? - Прервал затянувшуюся паузу Захаров.

Никишин, до этого ушедший в себя, видимо рассказ разбередил воспоминания, очнулся. Торопливо, ломая спички, прикурил. Посмотрел в темноту за окном. Провел ладонью по лицу, словно старался этим простым движением отогнать непрошенные думы.

-Какие люди? Можно сказать - люди как люди. Но это будет неправда. Точнее, не совсем, правда. Всякие там встречаются, как и у нас. Но понимаете, есть большое отличие, хотя в глаза прямо не бросается. За внешней общительностью и простотой, массовым объединением в различные партии, профсоюзы, клубы и общества - полное одиночество. Каждый сам по себе. По большому счету, до каждого отдельного человека никому нет никакого дела. - Майор задумчиво покрутил в пальцах очередную папиросу, - Это трудно выразить словами, больше воспринимаешь на уровне ощущений. И миллионеры, и безработные - не уверены в завтрашнем дне. Опять не то! Вот смотрите. На Руси, испокон века, живут миром от осознания собственной силы. А у них, собираются вместе от чувства собственной слабости. И слабость эта, не физическая, скорее духовная, порождает злобу, тщательно скрываемую, не всегда осознанную, ни на кого конкретно не направленную и от этого еще более страшную. На Руси, каждый сходит с ума по-своему, а на Западе - все вместе. Им нужен враг, желательно внешний, иначе это постоянно растущее внутреннее напряжение взорвет их изнутри. А какой враг может быть лучше, чем непонятные, сильные и уверенные в себе Русские? Непонятные именно тем, что давно могли захватить и растоптать их гнилую Европу, но почему-то предпочитающие решать свои, домашние, проблемы. И чем хуже у них - тем больше вероятность того, что

начнется война с Россией. Тем более, что Советская Россия пугает их больше, чем старая, царская, своей неподконтрольностью, своей непонятно откуда возрождающейся силой. Если бы у власти в России остались такие как Троцкий, Бухарин, Зиновьев, если бы по-прежнему звучали призывы к Мировой революции - это было бы понятно. Но мы послали их ко всем чертям и стали устраивать свою жизнь! Свою страну! И делаем это настолько успешно, что им становится страшно. Им сейчас нечего противопоставить ни идее социализма, ни нашему экономическому рывку. Мы пытаемся создать светлое будущее для всех граждан страны, а они могут предложить сытое будущее только для немногих "избранных". Все газеты и журналы полны историями и комиксами про супер-героев, которым чудом достаётся все - богатство, слава, сила, женщины, власть над миром. Именно одному. А все остальные это так, покорное победителю стадо, которое надо опекать и вовремя стричь или доить, а лучше всего не обращать на него ни какого внимания.

Никишин одним глотком осушил рюмку.

-Извините. Столько лет все это в голове прокручивалось, то так, то этак, а поделится, по душам поговорить было не с кем.

Посидели, помолчали, глядя как за окном, ветер свивал снег в тугие колюче-холодные пряди. Каждый думал о своем, невольно вспоминая и вновь переживая события сегодняшнего дня. Майор заинтересовал Новикова не на шутку. Видят, что вокруг происходит - многие. Выводы делают единицы. "Давай-ка попробуем немного сменить тему. Аккуратно, что бы реагировал спокойно. Очень мне хочется посмотреть, как вы к нынешней власти относитесь, товарищ штабс-капитан. То, что возрождение России вас радует, это, несомненно. А остальное? Итак...".

-Товарищ майор, Николай Петрович, а все-таки, что, по-вашему, означает эта статья в "Правде"?

Капитан хмыкнул, но тоже заинтересованно посмотрел на майора.

-Да ничего в этом сложного нет. Начинается новая реформа. Будет создаваться нормальная, кадровая армия. Это, в свою очередь, приводит к пересмотру доктрины её применения. Причем делать все надо в срочном порядке. Всех кто мешает, сознательно или по глупости, уговаривать некогда. Позиция обозначена предельно ясно - или вы с нами или против нас. В стороне отсидеться не получится. Судя по тому, каких людей это коснулось, реформа грянет всеобъемлющая. Основной упор будет сделан на качественное перевооружение и переоснащение, причем со значительным усилением внимания к вопросам обороны. Лично я считаю, что в настоящее время это единственно верное решение. Наступать, в стратегическом плане, армия не готова. Нет кадров, нет оснащения, не отработаны вопросы взаимодействия и обеспечения. Хотя, должен сказать, в последнее время появились замечательные теоретические разработки. Тот же Триандафиллов - замечательную работу написал. Нам бы такое во время мировой войны! Скольких ошибок можно было избежать. А основной вывод - вам, молодым, надо будет учиться. Учиться много и основательно. Основная тяжесть будущей войны ляжет на ваши плечи. А война неизбежна. Не дадут нам жить спокойно, не дадут.

"Всё, сдаюсь! Уел меня майор. И как аккуратно это сделал! И на вопрос вроде бы ответил и щекотливую для себя тему отношения к разборкам в верхах обошел. Наверное, хватит из себя Штирлица изображать. Тоже мне, свой среди чужих - чужой среди своих. Ни навыков, ни привычки к нелегальной работе у меня нет. Поэтому не стоит гнать события и лезть с провоцирующими вопросами. Надо просто больше слушать и активнее использовать тот предмет в голове, который называется мозгом".

А поезд всё стучал колесами, громыхал на стыках, периодически оглашал ночь протяжным гудком. Впереди было еще пять дней пути. Впереди была Москва.

Слащев.

С самого начала Малыш ощущал некоторый дискомфорт. В "той" жизни он был крупным мужиком под два метра ростом. Нынешнее его рост составлял 185 сантиметров, довольно высокий для этого времени. Но разница в почти 15 сантиметров и привычка нагибаться давали себя знать. Черт его знает, в каком месте памяти хранилась эта разница, но тем не менее. На срочной и потом, в конторе, Малыш овладел боевым самбо и русбоем, а Слащев занимался по системе Мюллера. "Может совместить? Интересный коктейль может получиться. Да и мёртвый - то мёртвый, а форму терять нельзя. Как там классик говорил - тренироваться, тренироваться и еще раз тренироваться. По-моему так. Примерно".

И началось... Туда, на озеро, с согласия настоятеля, булыжники с монастырских огородов, обратно - напиленные брёвна на загривке. С каждым разом всё больше и больше, тяжелее и тяжелее. Разминка (хотя какая это уже стала разминка?) на полную катушку, до пара с плеч.

За систематическими занятиями и тренировками время летело незаметно. За неполный месяц все дровники оказались заполненными, что называется, под завязку. Под сделанными им же навесами аккуратно стояли поленицы дров. Отец Андрей только качал головой и шутливо замечал: "Спас Господь, спас. С таким запасом не одну, три зимы пережить можно". А вообще, ему, городскому жителю, деревенская жизнь оказалась как нельзя кстати. Нерастроченная энергия молодости уходила не в бессмысленные "оттянись", а тратилась на серьезные человеческие нужды и занятия. Собственно, он даже не задумывался над тем, пригодится ему это или нет, но научился у деревенских мужиков класть печи, ставить сруб, копать колодец и многим другим серьезным и важным вещам. Мужики, поругивая его за косорукость, делали это необходимо. Да с роду он той косы в руках не держал! Учитывали его молодость и ранение, а на просьбы научить отвечали с охотой. Им казалось совершенно естественным, что молодой парень учится у старших деревенским премудростям. У себя в Сибири не успел - беляков бил - как же отказать можно? А он только теперь начал понимать, что такое тот самый русский "мир" и что именно означает "жить миром". Всё ведь на самом деле просто: "Мир" - это ты, я, он, сосед, друг, просто знакомый. Все, кто рядом с тобой. Ну, или почти все. Потому что всегда будут находиться желающие жить особняком, "особливо", как говорили деревенские. И жить "в мире" или "с миром" означает быть в ладу с теми, кто тебя окружает. Нет, это не означало быть "как все". В "миру" каждый себе сам хозяин. Но нужно уметь жить не только самому, но и знать и понимать общие, "мировые" проблемы. Даже если это проблема соседа. Потому, что, если сегодня ты не поможешь соседу, завтра ты со своей бедой тоже останешься один. Разве можно не поправить соседский забор, когда в соседях у тебя одинокая вдова? Разве можно не предложить помощь, если односельчанин распорол себе ногу косой, сено не сложено, а скоро дожди? И разве по-человечески, по-людски требовать за подобную помощь "магарыч"? Однажды он стал свидетелем многого ему сказавшего случая. В Ленивке жил дед Митяй. Одинокий и, по мнению мужиков, "недельный" мужичок. Он копался в своем огороде, когда порывом ветра сломало осину во дворе через дорогу и упавшей веткой прижало в дверном проёме ногу хозяйке. Митяй оказался там первым, и, даром что был хрупок телом, отбросил тяжелую ветку и помог хозяйке встать. Нужно было видеть его лицо и руки, когда хозяйка в благодарность вынесла ему ведро яблок. Хорошо, что рядом, как всегда в подобных случаях, крутились вездесущие мальчишки - миглом "награду" разобрали. А ведь за пару дней до этого Митяй с потерпевшей ругались из-за малахольной митяевской козы Ритки, сожравшей сушившиеся у хозяйки мужнины портянки.

Но что Малыша поразило больше всего, так это то, что мужики, не говоря лишних слов, поставили Митяю новый навес для дров. Такое вот оно оказалось, это самое "мировое" общежитие, которое позволяло нашему народу переваривать любую напасть. И которое в "его" время оказалось самым слабым местом, когда "мир" заменили на "единственную и неповторимую личность". Твари продажные!

Постепенно жизнь входила в спокойную колею. Обязанности у Слащева оказались не обременительными: напилить, наколоть дров, складывая их в зимники, отнести дневной запас на монастырскую кухню, проверить печи, чтобы не сильно чадили. И ждать зиму, когда и предстояла основная работа. Монастырская братия поднималась рано, поэтому свой распорядок дня приноровил к монастырскому. Поднимался с рассветом, привычная пробежка до ближайшего озерца километрах в трех, разминка, купание. Потом завтрак в отведенном ему углу трапезной. И после завтрака основная работа - колоть дрова. Довольно быстро втянулся и выполнял её чисто автоматически: установил, замахнулся, расколел. И при этом оставалось время для всяких мыслей.

А мысли были разные. То, что они знали и анализировали "тогда", сталкивалось с тем, что он знал "сейчас". И не всегда такие столкновения проходили безболезненно - не всё происходило так, как им представлялось нужным и правильным. Но было это вполне естественно: жизнь и реальные люди всегда вносят свои коррективы в твои планы. А значит, нужно ломать не жизнь, а свои планы. Вернее, не ломать, а менять их, приноравливаясь к действительности и не упуская главную цель. Много, если не большинство, ему нравилось. Получалось, что они УЖЕ добились своего - страна изменилась и изменилась к лучшему. Взять те же воинские звания. Мелочь, казалось бы: какая, в принципе, разница как именно ты называешься - командир взвода или поручик? Ан нет, есть разница. Принципиальная. Для военного человека, посвятившего себя защите Родины, воинское звание как статус в рыцарском ордена защитников Отечества. Чем выше звание - тем больше ответственность, тем тяжелее долг. А должность... Для защитника не важно, на каком посту он исполняет свой Долг, поэтому и поручики, и капитаны и, даже, полковники, случалось, ходили в штыковую в качестве рядовых бойцов. Потому-то и откликнулись многие на Декрет "О соотечественниках", в котором гарантировалось сохранение им прежних званий, особенно заслуженных в германскую. А поскольку Красной Армией сейчас командовали не "вожди" и "пламенные революционеры", а грамотные и толковые командиры, то и в ней должности заменили званиями. Точнее, привели в соответствие: комвзвода - лейтенант, комроты - капитан, комполка - полковник. А от поручиков - подпоручиков и унтеров - фельдфебелей отказались, почему-то. Правда, особенно это никого не задевало - лейтенант и сержант звучали ничуть не хуже. Сложнее оказалось с генералами, слишком сильны и свежи были воспоминания, но благодаря Слащёву - старшему и его соратникам были вновь приняты и генеральские звания. "Товарищ генерал", "товарищ полковник", "товарищ капитан" первое время резали слух, но свыклось и соединилось. Да и в самом деле - разве не были капитан и полковник товарищами по служению Отечеству? И разве не были им в этом товарищами мастеровые и крестьяне, поднимавшие страну из разрухи? Не господа и холопы, но товарищи. Таким был новый порядок вещей, и, пусть не сразу, но многие его приняли. Погоны, правда, решили пока не вводить, но не по политическим мотивам, а по экономическим: проще и дешевле пока было использовать петлицы. Ну, а со временем, когда страна окрепнет, можно будет и на погоны перейти.

Нельзя сказать, что соединение бывших противников проходило гладко и спокойно. Случалось всякое, вплоть до самосуда, но новый наркомвоенмор Фрунзе наводил порядок в армии железной рукой. При полной поддержке обновлённого Политбюро. После нескольких громких процессов, закончившихся по приговору трибунала расстрелом "непримиримых борцов", армия стала превращаться в армию, а не в анархический сброд. Исчезали

партизанщина, расхлябанность, недисциплинированность. И во многом этом была заслуга старых служаек, вернувшихся, чтобы вновь послужить своей обновлявшейся Родине. Политработники остались, и политработа проводилась, но изменилась её направленность. Место "мировой революции" заняла "защита социалистического Отечества". И прилагательное "социалистический" нисколько не отталкивало бывших белогвардейцев, поскольку за ним они могли видеть возрождение своей страны, единой и неделимой. Зримо видеть в возрождавшейся армии.

В первых числах июня в монастырь примчались деревенские мальчишки во главе с Колькой Серовым - Николкой, как звала его Мария. На правах старых знакомых они солидно пожали друг другу руки и уселись под навесом дровника. Колька пошмыгал носом, снял картуз и достал из-под подкладки пакет.

- В правление пришло. Дядя Евсей сказал мигом доставить. Вот.

- Помялся дорогой? - спросил Александр, беря слегка помятый и мокрый с краю пакет.

- Мы, это, белополяков гнали, ну я в овраг-то и скатился, - сказал Колька и задорно засмеялся. Александр взъерошил ему вихры и спросил, открывая пакет:

- Много шляхты-то нарубал?

- А то! Гляди, какая шашка, - Колька гордо продемонстрировал любовно выструганную кривую берёзовую ветку.

- Важное что, дядя Саша? - спросил он, не в силах побороть любопытство. Ведь если важное, то он, Колька, получается совсем герой. Председатель сельсовета сказал "срочно, мухой", он доставил и весть важная. Получается герой.

- В Псков придется ехать. Приказ пришел. Ты, Колька, настоящий связной, связь обеспечил. Молодца, держи пять.

- Надолго, дядь Саш?

- Не знаю. Про то в приказе не написано.

"С получением сего, старшему лейтенанту Слащеву А.Я. надлежит прибыть ...числа июня сего года к военному коменданту г.Пскова за получением дальнейших приказаний". Слащев хмыкнул - а как же конспирация? Мало того, что звание на ступень выше, так настоящей фамилией назван. Неужели?! В глуши новостей нет, но если выходит ему амнистия, то получается, что до этой семейки с двойной фамилией добрались. Жаль, честное слово. Ему просто до зуда в руках мечталось самому поставить точку в их проклятой жизни. Ну, да ладно, что случилось - то случилось. К пользе и благу страны. А зуд в руках мы другими уймём, остались еще и, к сожалению, не мало. "Но ведь мы здесь именно для этого. Чтобы не осталось вражин, ни старых, ни молодых, которые потом страну убивать будут. Они нас тогда, мы их сейчас. И чтобы ни одна сволочь не смогла спрятаться и уцелеть. Ни одна!"

Через день он въезжал в Псков на подводе, отправленной председателем на базу за запчастями, и, заодно, прихватившей его. Переехали мост через Великую. Слащев слез с подводы, попрощался с возницей и двинулся вверх к псковскому Кремлю. Подходя к комендатуре, увидел бойцов в малиновых околышах и немного подобрался - мало ли что. Возле самого крыльца его окликнули:

- Явился - не запылится, бродяга?

- Егоров, сучий потрох! Ну-ка, иди сюда, буду тебе секир-башка делать, не смотря на охрану.

- Смотри не опупей, аника-воин.

Они похлопали друг друга по спинам и Слащев спросил:

- Слушай, Егоров. Ты почему мне про Машу не сказал? Я, понимаешь, к бабке ехал, а тут такое чудо. Свинство с твоей стороны, я же чуть дара речи не лишился. И главное, подарить нечего. Стою, понимаешь, как вор на ярмарке и глазами хлопаю.

- Ладно, не бузи. Не мог же я свою невесту расхваливать. Да ты бы и не поверил, согласишься.

- Везунчик ты, Егоров. Хотя и зараза. Не знаешь, комендант на месте?

- Знаю. Нет его, - и, глядя на вытянувшуюся физиономию Слащёва, добавил: - Ни в жизнь не поверю, что не понял, кто тебя вызвал.

- Да понял, понял. Веди.

- Здорово, воскресший, - приветствовал Слащёва расположившийся в знакомом по первому посещению кресле Котовский.

- Кончилась твоя смерть. Слышал? Хотя откуда... Короче так, разоблачён и обезврежен заговор троцкистов, пробравшихся на высокие руководящие посты и занимавшихся вредительской деятельностью. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Приведен в исполнение. Вопросы есть?

- А..?

- А "а" искупает на Беломор-канале. Забудь. Не сверкай глазами, а забудь, я сказал. Теперь слушай сюда. Принято решение создать в нашем ведомстве особое подразделение. Специальное. Хитрого такого назначения. Знаешь, чего нам в гражданскую больше всего не хватало? Не разведки, нет. Специальной подготовки боевых действий нам не хватало. Смотри. Вот пошла бригада в наступление, беляки обошли с фланга и собираются ударить через реку. Аллюр три креста и к мосту через реку, а мост перед ними раз - и нет. Дальше что? А дальше мы прикрыты к реке, а сами в другом месте по другому мосту и им с тыла. А кто мост рванул и колючек по берегу насыпал? То-то. Или, допустим, паровоз угнать и вражеский бронепоезд на перегоне заблокировать. В нужное время, ни раньше, ни позже. В ином бою такое действие важнее даже, чем "марш-марш вперед". Вижу, понимаешь. А вот представь себе, что командующий у противника выехал подчинённые части инспектировать и провести рекогносцировку. Выехать-то выехал, а приехал к нам. Вместе со всей своей рекогносцировкой. Хм. Смотри-ка, глазами засверкал, оценил, значит. Короче, держи приказ, предписание и штатное расписание. Штаты предварительные, сам понимаешь. Утрясать будем по мере формирования. А формировать начинаешь с завтрашнего дня. Дислокацию отряда менять не будем - знакомый тебе монастырь. С отцом Андреем мы договорились. Бывших сослуживцев приглашать не рекомендую - для всех ты погиб. И пусть пока так и останется, больше пользы потом будет. В Москву и Ленинград тоже пока не стоит, там многие тебя знают, сам понимаешь. Брать можешь любого, но командиров по согласованию со мной. Для оперативных вопросов оставляю тебе Егорова в помощь, сам желание выразил, конспиратор, понимаешь.

- Но с чего мне начинать? Я понимаю, что набрать людей и обучить их можно, но чему? Какие задачи придется решать?

- Задачи в интересах целого фронта или группы армий, в первую очередь. Те, которые обычным, линейным подразделениям не решить. Предположим, готовится высадка морского десанта. До этого необходимо захватить и удержать несколько суток любой ценой, находясь в окружении и без поддержки, порт и причалы. Как думаешь, твоя бывшая рота сможет?

Слащев несколько мгновений подумал, а потом слегка поморщился:

- Смочь-то, наверно, сможет. Только после этого от нее ничего не останется.

- Вот об этом и речь. А бойцы отряда должны не только суметь это сделать, но и потери при этом понести минимальные. Что бы потом, когда подойдет десант, наши морские пехотинцы смогли без потерь высадиться и решить свою задачу. Вот к таким действиям и нужно готовить людей. И вооружать и оснащать соответственно. Полномочия и права тебе даются большие, но и спрос с тебя будет соответствующий. Сам наркомвоенмор товарищ Фрунзе в курсе, уразумей.

- Товарищ Котовский! Неужели никто и никогда не создавал подразделений с похожими задачами? И пехота, и кавалерия могли сталкиваться с подобной необходимостью. Да Вы и сами только что говорили, наверняка практическая история.

- Практическая, само собой. В 20-м под Каховкой. Сталкивались и создавались. У казаков, например, давно существуют отряды пластунов - разведчиков и диверсантов. Да и ты наверняка в курсе, что для решения специальных задач несколько лет назад в структуре НКВД была создана боевая группа для действий за границей. В Европе похожими задачами занимаются наши союзники - немцы и итальянцы. Общие принципы у всех этих подразделений похожи, но мы замыслили одну особенность: нам нужно подразделение способное выполнять задания в интересах целого фронта, на его театре военных действий. Такого опыта нет ни у кого. Значит, придется пробовать и учиться, но и уже имеющийся опыт необходимо изучить и обобщить. И это тоже будет твоей работой.

- Это мне понятно. Не понятно другое. Я - обычный строевой командир, а для организации подобного отряда понадобятся специалисты и по оружию, и по связи, да мало ли по чему.

- Для этого тебе и даются особые полномочия. Привлекать любых необходимых специалистов, любые доступные нам в настоящий момент средства и ресурсы. Но и отвечать тебе придется со всей ответственностью. Если через год окажется, что отряда нет или он ничего не может и не умеет, окажется не в состоянии решать стоящие перед ним задачи, в нашей армии больше не будет такого командира, как Слащев Александр Яковлевич.

- Как можно требовать гарантированное решение поставленных задач, если сами задачи не определены?

- Правильно мыслишь, Слащев. Значит, мы не ошиблись с назначением. В этом и сложность. У командования есть пока только осознание того факта, что в ходе боевых действий и, тем более, при подготовке к ним могут возникнуть задачи, которые можно будет решить только с использованием специального подразделения, действующего в интересах целого фронта. Крут этих задач, и средства для их решения и предстоит определить в процессе формирования. В прочем, помощь в определении этих стратегических задач тебе окажут. Командующие округами готовят сейчас стратегические планы развертывания своих войск, что включает изучение будущего театра военных действий и, соответственно, возможного хода развития

боев. Опыт Гражданской войны тоже учитывается и осмысливается. И тогда возникали задачи, которые решались большой кровью. Нас этот путь не устраивает. Нам нужно, чтобы крови было как можно меньше, а результата больше. Слушай пример. Дано: хорошо укрепленный форт, вооруженный дальнебойными морскими орудиями. С одной стороны короткая полоса берега, с другой - холмы и болота. Флот может подойти на дальность огня, но тогда хорошо получит от форта, хотя и разнесет его отменно. Пехота может высадиться на кромку берега, но под пулеметами и орудиями от нее ничего не останется. Обойти трудно, но можно. Правда, нельзя развернуться в цепи, сзади болотистые холмы. Твое решение?

- Красная Горка. Я и тогда не мог понять: зачем нужно было атаковать массой в лоб, цепями по льду? Неужели нельзя было сразу небольшими отрядами ударить с тыла? Тем более что береговые орудия не имеют обратной директриссы, а болота проходимы. Зимой-то.

- Молодец. Вот о такого рода задачах речь и идет. Только имей ввиду, что отряду, наступающему с тыла, противостоит противник, сидящий в укреплении, ждущий тебя и имеющий запас оружия и боеприпасов. Выход? Внезапность, напор и гранаты. Ослепить амбразуры. Броском сближение с противником и рукопашная. Ну а в рукопашной: кто лучше подготовлен, тот и победитель. Примерно так. Как думаешь?

- Красиво. Только не всякий встанет под огнем, а из тех, кто встанет и добежит, не всякий выйдет победителем, не смотря на русскую доблесть. Я как-то читал о штыковом бое Петровской бригады 6 июля 17 года под Мшанами. На двое суток удержали германцев, хотя и потеряли половину состава. Герои, безусловно, так их ведь и готовили к удару в штыки, лейб-гвардейцы как-никак. А у нас? Половина не знает, как правильно винтовку со штыком держать. А если и штыка нет? На кулачках долго не продержишься.

- И снова ты прав, Александр Яковлевич. Углядел общую нашу проблему. Хоть и почистили мы армию, и бывших наших противников - служак привлекли, но... Но об общих проблемах будут думать люди, стоящие выше нас с тобой. Ты же мне сделай таких орлов, которые и сквозь огонь пройдут, и голыми руками любого врага положат. И сроку тебе на это дается год. Повторяю - год, не больше.

- Товарищ Котовский! Один год - очень маленький срок, чтобы сделать что-нибудь путное. Особенно на пустом месте.

- Во-первых, не один год, а целых 12 месяцев. А во-вторых, не совсем на пустом месте. Вот возьми. Эту брошюру еще в 1897 написал поручик Веселовский. Думаю, тебе не надо объяснять, что в данном случае "охотник" - это не специалист по добыванию зверей и птиц.

После этих слов Котовский вынул из портфеля и протянул Слащеву толстый журнал под названием "Военный сборник". На титульном листе был указан его номер ССXXXV и год издания 1897.

- И еще. Советую ознакомиться с рекомендациями бывшего полковника Генерального Штаба А. Шеманского и методическими указаниями генерала Лебедева. Его, лебедевская, школа подготовки чинов уголовной полиции делала из них очень трудных противников для всякого уголовного сброда. Уж я-то знаю, сталкивались. Сейчас в Главном броневом управлении служит полковник Спиридонов...

- Виктор Афанасьевич?- перебил вопросом Слащев; - Я по его книге борьбу изучал.

- Поставить бы тебя "во фронт", да объявить трое суток ареста. За то, что старшего по званию перебиваешь. Но это действительно Виктор Афанасьевич. Он будет создавать школы для

особой подготовки в структуре НКВД. Познакомься с его предложениями. А в Московском институте физкультуры преподает Ощепков Василий Сергеевич. Знаменитый боец. Еще по Дальнему Востоку известен. Это что касается индивидуальной боевой подготовки. А теперь подробнее о целях и задачах...

Глава - 3

Слащёв.

"Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, развалившийся сам в себе, падет..." Евангелие от Луки (гл. 11, ст. 17-18).

Такое не забудешь. Располневшую от переживаний мать, брезгливо сжимавшую губы, как только на экране телевизора появлялся кто-либо из новых "руководителей" страны. И отца, сжимавшего от бессилия кулаки и зубы.

- Отец. Почему? Почему никто не решился их остановить?

- А кто, сын? Скажи мне - кто? Эти бляды, называющие себя коммунистами и улыбающиеся рядом с новоявленными спасителями страны? Их "социализм с человеческим лицом" мы уже видели. Они с треском прострелили страну, когда в их руках была власть. Или паркетные генералы, готовые за эти поганые доллары продать все? Они свой выбор сделали. Эх-х-х-х...

- А ты? И такие как ты.

- А что мы можем? Мы солдаты. А солдат без командира - просто труп. Откуда солдат может знать, что именно эту высоту надо взять? Сдохнуть, но взять. Сдохнуть мы можем - дело не хитрое. А как решить, что именно здесь и сейчас? И что будет потом...

И еще Малыш вспоминал прочитанные им однажды, еще "там", слова генерала Слащева:

"Не будучи сам не только коммунистом, но даже социалистом - я отношусь к Советской власти как к правительству, представляющему мою Родину и интересы моего народа. Она побеждает все нарождающиеся против нее движения, следовательно, удовлетворяет требованиям большинства. Как военный, ни в одной партии не состою, но хочу служить своему народу, с чистым сердцем подчиняюсь выдвинутому им правительству".

"Интересно. Какой-то народ выдвинул в моё время этих иуд и предателей, которые убивают страну? Что же сумел увидеть в Советской власти генерал Слащев, службист и вояка, анархист и прожектер, по мнению Врангеля? И что не сумели и не захотели увидеть в ней "генералы и маршалы" вроде Грачева и Лебеда?

Пяти лет не прошло, братоубийственная война не закончилась - и вдруг генерал, дравшийся с этой самой властью, признает её, как принятую и выдвинутую большинством народа. Что же случилось за это время? Может быть генерал, боевой тактик и стратег, сумел разглядеть и почувствовать грядущее очищение власти от плесени и дерьма? Сумел понять, что за предательство данного этой властью слова, предавшие его землячки и пятаковы, сами лягут в ров, куда легли офицеры, поверившие этому слову? Что среди болтунов и митинговых шарлатанов есть люди, строящие новую Россию? Россию - единую и неделимую, Россию -

народную и трудовую. Он, боевой генерал, - защитник страны и народа, а не придворный шаркун. Он понял. А грачевы с лебедями, знающие какие двери открывать в Кремль, не поняли ни черта. Или не захотели понять, что еще поганей. Но зато они "честь имеют". М-м-мать...".

Этот поток воспоминаний вызвал конверт, что лежал сейчас у него на коленях. Вручил при расставании Котовский. Сказал только: "От отца", - и вышел, пригнувшись, чтобы не задеть низкую притолоку. Во дворе раздался его громкий голос, потом заурчал мотор "Эмки-Опеля", стоявшего у крыльца, что-то рыкнуло, заскрипело, и наступила тишина. Относительная, конечно, потому что во двор постоянно заходили и уходили люди. Слащев всё не решался открыть конверт и прочитать письмо. Мешало что-то, словно в шестерни насыпали песка. Наконец решился, достал серый лист бумаги и начал читать, написанное быстрым нервным почерком, письмо.

"Здравствуй сын. Рад, что ты жив. (Слово "очень" было зачеркнуто) Не могу сказать, что одобряю твой поступок, но горжусь. Значит, мы с Ниной Александровной сумели воспитать в тебе человека чести. Потерявший честь, теряет право именоваться человеком. Помни это.

Я в курсе сделанного тебе предложения и одобряю твоё решение. Вряд ли мы увидимся в скором времени, поэтому я хочу, чтобы ты это знал. Работа тебе предстоит тяжелейшая, но я уверен, что мой сын исполнит свой долг. В скором времени отбываю на Дальний Восток, и сколько времени потребует служебная необходимость - не знаю. Но всё равно - до встречи. Крепко жму руку и обнимаю.

Генерал Слащев. (Зачеркнуто) Твой отец".

Непонятное и неожиданное чувство возникло в груди. Слащев увидел зимний Екатеринослав. Грязную и истоптанную привокзальную площадь, на которой только начинался повальный грабёж, затеянный ворвавшимися в город махновцами. Уже выламывались двери и ставни, раздавались дикие крики, вслед за которыми хлопали выстрелы. Крик, выстрел, непонятный вскрик и тишина. Город словно пропитывался вязкой обреченностью и безысходностью. И вдруг... И вдруг, с диким визгом и свистом, крутя шашками, на площадь врывается казачья сотня. Всего сотня, но во главе её человек с непокрытой забинтованной головой и в распахнутом генеральском френче. Они врубались прямо в центр махновского войска, запрудившего площадь. Врубались, окрашивая грязный снег в красный цвет. И махновцы не выдержали - бросая уже награбленное, бросая телеги и тачанки, они второй раз за день бежали из Екатеринослава. Именно там, в Екатеринославе, мальчишка, невесть каким образом добравшийся туда из Петербурга, и обрел нового отца.

Новиков.

Москва встретила командиров, как встречает всех приехавших - суетой, криками носильщиков, многолюдством вокзала и привокзальной площади. Шум, крики. С трудом нашли дорогу к коменданту. Здесь ждала первая приятная неожиданность. Готовое предписание в Дом Красной армии, где на них уже были забронированы номера. Комендант, вручив предписания, сообщил вторую не менее приятную новость - на все время пребывания в столице за прибывшими на награждение командирами закреплены автомобили. Сейчас водители уже ожидают у выхода из вокзала. Это было здорово. Москву кроме Никишина никто не знал, да и тот был здесь последний раз в семнадцатом (про Новикова и говорить нечего, в Москве он бывал неоднократно, но когда!), а блуждать по незнакомому городу да еще с вещами - удовольствие то еще. Подходя к стоянке, увидели мелькнувшую долговязую фигуру Дудкина и

тут же потеряли его в толпе. Честно говоря, о несостоявшейся встрече никто не жалел. А Новикову, по большому счету, в это время было на него вообще - наплевать. Тут бы удержать на месте свою так и норовящую отвалиться до земли челюсть, да соблюсти внешние приличия речи, а то на язык так и просится всякая матерщина. От обилия впечатлений и удивления конечно, а не от внезапно разбившего паралича.

Стоило ступить на перрон, и оно началось. У каждого вагона тут же материализовались группы аккуратно, в одинаковую форменную одежду, одетых носильщиков. Каждый с медной бляхой и тележкой. Никаких криков и зазываний - молчаливая готовность помочь и всё. Носильщик без хамства и с чувством собственного достоинства! Обалдеть. Но это были так сказать - цветочки. Чистота и порядок в зале Казанского вокзала. Вежливые (!) и не требующие у каждого второго документы милиционеры. Военный патруль, строго по уставу отдающий честь командирам. Даже вокзальный ресторан, из дверей которого распространялась волна убийственных для полупустого желудка, запахов. Не запахов, это оскорбительное слово - ароматов! Куда же все это потом делось?! Даже присыпанные слоем опилок полы, все-таки на дворе зима, не портили впечатления. Опилки были свежие, явно только что насыпанные и пахли не в пример лучше, чем въевшаяся в память, смесь общественных туалетов и карболки. На привокзальной площади, впечатлений только прибавилось. Вместо ожидаемых, черных как катафалк, "Эмок", совершенно незнакомые авто, приятного, кофейного цвета. Новиков не удержался, подошел поближе, что бы рассмотреть значок на капоте. Буква М в круге. Просветил (или ещё больше запутал) водитель, заметивший интерес пассажира.

-Наши, Московские. Опель-М. Машина - зверь! Да вы, товарищ командир, садитесь. Что на улице мерзнуть. А в салоне тепло. Печка!

Сказано было с такой гордостью, словно сам ту печку всю ночь топил. Впрочем, водителя понять было можно. На той же "Эмке" печки отродясь не было и зимой, не той что будут там, в двадцать первом век, а настоящей, с морозом до сорока, в ней было, мягко говоря, неприятно.

Небольшие, проворные Опель-М, стремительно (километров сорок, а то и все пятьдесят) промчались по улицам, разбрызгивая из под колес снежную кашу. В Москве было неожиданное потепление, снег сменялся дождем, и дворники не успевали убирать. Новиков, благо был один в машине, буквально прилип к стеклу. За окном проплывала Москва. Знакомая и незнаваемая одновременно. Вообще у Новикова, в той прошлой (или будущей?) жизни отношение к Москве как к столице, городу, символу России - сложилось сложное. Этакая гремучая смесь из любви и ненависти, уважения и презрения, желания её увидеть и отвращения от этого процесса. Наверное, это можно сравнить с отношением мужчины к, когда-то любимой женщине, которая его преданность и любовь променяла на работу валютной проститутки.

Даже на такой скорости, доехали быстро. А как же иначе? Пробок на дорогах нет, и не предвидится, постовые регулировщики без задержек пропускают колонну (все по правилам, даже колону грузовиков надо пропустить). Массивные, чугунного литья ворота. Просторный вестибюль. Ковровые дорожки и блестящий паркет. Строгий, с иголочки одетый дежурный. Для каждого отдельный номер. Сказка! Горячая вода, ванная, огромное, в пол стены, зеркало.

Не успел Новиков разложить свой нехитрый скарб и привести себя в порядок, как в дверь постучали. В сопровождении дежурного по этажу явился портной, и не слова не говоря, принялся снимать мерку с растерявшегося Новикова. Сантиметр, блокнот и карандаш. Движения быстрые, уверенные. Никакой суеты. "Профессионал!" Закончил. Записал что-то в свой блокнот и молча, собрался уходить.

-Когда на примерку, товарищ мастер?

Блеснули стеклышки очков в простой металлической оправе.

-Товарищ командир, не извольте беспокоиться. Завтра к утру форма, шинель и сапоги будут готовы.

-Спасибо.

Но дверь уже закрылась.

"Вот это да. И никакой тебе электроники и супероборудования. Что ж, завтра посмотрим на результат. Хотя почему-то я уверен, что придраться будет не к чему".

Через пять минут снова стук в дверь.

-Ну что лейтенант, жизнь налаживается?

На пороге стоял благоухающий одеколоном капитан Захаров.

-Майор просил передать, что через пять минут ждет в ресторане.

-Это где?

-Первый этаж, направо. Не опаздывайте.

Плотный, шикарный не только по армейским меркам обед, и дружная, слегка захмелевшая от столичного воздуха компания отправилась в поездку по Москве. Решили ехать на одной машине. Всегда интереснее если есть, с кем поделится впечатлениями.

Слащев.

Обратно в Ленивку Слащев добирался с комфортом. Перво-наперво получил на вещевом складе новую форму, сапоги и разные мелочи, полагающиеся командиру. Переоделся и...почувствовал себя командиром. И не петлицы с лейтенантскими кубарями вызывали это чувство, а сама форма - строгая и удобная одновременно. Вот как-то невозможно было в этой форме униженно кланяться или просящее смотреть в глаза. Ладно сидящая, она вызывала ощущение стального лома, вбитого в позвоночник, - наклониться можно, а согнуться нельзя. Сразу вспоминались рассказы о досках, которые привязывали к спинам юнкеров, чтобы выработать правильную осанку. Офицерскую осанку - ровную и негнущуюся. Всё правильно - лакеям в армии не место.

Егоров, получивший от Котовского взбучку, но оставленный, тем не менее, "для оперативных вопросов", буквально выцыганил у коменданта старый "Руссо-Балт". "Для рекогносцировки местности дислокации", как он заявил. Комендант хрюкнул с пониманием на "рекогносцировку", распорядился установить запасную бочку с газолином и разрешил. Поэтому в Ленивку въезжали с шиком - в клубах пыли и рёвом изношенного мотора. Остановились возле правления и пошли представиться председателю.

- Стало быть, ты, Александр Яковлевич, обратно получаешься командир Красной Армии? - прищурился глаза, спросил дядя Евсей, председатель правления колхоза.

- Стало быть, так. Но науку Вашу крестьянскую теперь уж не забуду. Что из жизни вышло и

через руки прошло - не забудешь. Ну, а что не доучил: понадобится - спрошу. Не откажете ведь?

- Как так можно? В учении польза. А кто учиться не интересуется - тот навсегда бревном останется: вроде крепкий, а внутри гнилой. Чем можем помочь нашей Красной Армии?

- Пока ничем, товарищ председатель, - ответил Егоров; - Мы пока осмотрим местность, пригодную для размещения подразделения, которым товарищ старший лейтенант командовать будет, а потом и с Вами посоветуемся. Не возражаете?

- Поможем, чем сможем. То-то девки наши обрадуются - женихи совсем рядом будут. Ты, Яковлевич, когда - никогда отпуская своих хоть на танцы. Мы красным армейцам всегда рады, а уж девки и подавно. Тебя мы знаем - озорства не допустишь.

Вместе с председателем вышли на крыльцо. Автомобиль, стоящий посередине двора, облепили деревенские мальчишки. Водитель, подняв на фуражку очки - консервы, что-то объяснял и показывал. Чуть в стороне подпрыгивал от нетерпения Колька Серов. Слащев неторопливо подошел к нему и протянул руку.

- Здорово, связной.

- Дядь Саш! А Вы теперь старший командир?

- Нет, Колька. Я - просто командир. В звании старший лейтенант.

- Старший?!

- Ну, Колька. Бывают и старшие и младшие. Дело ведь не в звании, а в службе. Как ты служишь, тот ты и есть. А старший или младший - то дело десятое. Понимаешь? Вот выучишь ты немецкий, будет тебе и уважение - значит, службу свою осилил. Ну-ка, давай свою кепку.

И Слащев прикрепил к мятой колькиной кепке латунную красную звездочку. Нацепил её на вихрастую макушку и только теперь заметил колькины глаза на пол лица. Даже в сердце что-то защемило. В прошлой жизни он никогда не видел у мальчишек такой веры и готовности в глазах. Звериную собранность и хищную алчность, бывало, видел, но такую светлую веру и готовность не подвести, не уронить, оправдать доверие - никогда. "...ть! Да что же мы натворили?! Во что мы превратились сами и превратили наших детей?! Когда и на что разменяли эту святую веру и доверие? Вот же они - наше будущее. Вот же они - которые не предадут и не продадут. И ради них и можно и нужно драться, драться на смерть со всей сволочью и мразью. И отдать жизнь, если потребуется. Чтобы такие вот Кольки жили потом и строили страну".

- Пошли, проводишь нас.

И они пошли по деревенской улице. Два молодых командира, офицера. И между ними мальчишка с красной звездой на помятой кепке. А не старый еще мужик, председатель колхоза, дядя Евсей, смотрел им вслед и еле сдерживал слёзы. Потом он, старый коммунист, поротый шомполами, носящий на плече след от польской сабли, воровато оглянулся и перекрестил идущих. Точно так же, как сделала в свое время его мать, когда он, секретарь партийной ячейки, уходил на гражданскую.

Новиков.

Эти несколько часов надолго запомнились Новикову. Восприятие как бы разделилось. Анализ и обработка информации сами по себе, а эмоциональное восприятия само по себе. Причем сами эти эмоции тоже подвергались анализу и наблюдению как бы со стороны. Лишь в конце дня все это слилось воедино, составив невероятно красочную картину всего происшедшего.

Праздничное, веселое настроение. Чувство легкости, окрыленности. Чувствуешь себя так, что можешь горы свернуть. Все окружающее воспринимается необычайно четко, объемно. Страна и мир, которые исчезли в будущем в угоду алчности, жадности и тупости - вот они вокруг, рядом. Ещё ничего не решено. Ещё ничего не предопределенно. Россия или Советский Союз, как не назови - жива, полна сил и энергии. Выстояли, выдюжили в очередной навязанной извне кровавой бойне. Справились с разрухой и интервенцией. Строят, создают не жалея сил. И впервые за долгие годы, если не века, верят власти, которую сами поддержали. Видят, что всё, что делается - делается для их блага. Пусть с неизбежными ошибками и перекосями, но делается! И именно для людей, для граждан великой страны, а не для жалкой кучки олигархов и их жополизов. И позволить всему этому пропасть, развалиться, кануть в небытие?! Тогда, в будущем, обманутые и преданные людьми (да и людьми ли?) прорвавшимися во власть, которой за прошедшие семь десятилетий научились доверять, мы оказались не способны защитить то, что создавали и защищали наши деды и отцы. Но этот шанс, мы не упустим! Пришедший к нам с мечом - от меча и погибнет! И неважно, что меч был прикрыт фиговыми листочками "демократических" и "общечеловеческих" ценностей, забот "о слезинке ребенка" и "общемировой ценности каждой личности" - это был меч. Меч отравленный. Меч, которым нанесли коварный удар в спину. Мы вернулись сюда - что бы мстить! Не мы заявили, что: "наши цивилизации не совместимы и поэтому Россия должна быть уничтожена". Но мы это учли. Мы умеем учиться и умеем не прощать. Вы сами нас этому научили за почти тысячу лет непрерывных войн и нашествий. Вы хотели нас уничтожить! Так будьте сами готовы: "есть это лекарство полными ложками".

В какой-то момент мысли и эмоции человека из будущего слились воедино с мыслями и эмоциями человека этого времени. Словно совпали, наконец, все грани сложной головоломки. В этом пламени мысли и чувств - возникло, родилось новое, действительно единое, сознание.

Новиков покачнулся. Где-то на периферии зрения и сознания полыхнули отблески кровавого пламени. Осознание случившегося пришло сразу и воспринялось как ИСТИНА. Вооруженный знаниями, умениями и чувствами двух эпох, наполненный до краев священной яростью, он был ГОТОВ. Готов к тому - что в нас от самых далеких предков, тому - что выше любых позднейших норм морали, нравственности или международного права - готов защищать свой РОД - НАРОД - РОДИНУ.

Секундной заминки никто не заметил. Все были слишком увлечены своими переживаниями и впечатлениями. Машина подъехала к Красной площади.

Недавно разобрали трамвайные пути, и перекрыли площадь для движения транспорта. Их машину пропустили, после предъявления пропуска, до Исторического музея, но дальше только пешком.

К вечеру похолодало, но ветер стих. Мелкий снежок, неторопливо сыпавший из низких серых облаков, почти неслышно шелестел, ложась на плечи. Под ногами поскрипывало. Новиков полной грудью вдохнул свежий, морозный, чуть припахший печным дымком воздух. На серо-белом фоне облаков и снега с особой четкостью выделялись зубчатые стены Кремля и его башни, купол здания Верховного Совета с развевающимся красным флагом, купола Ивана

Великого. Темной громадой, со смягченными выпавшим снегом, жесткими прямыми линиями, мавзолеей. Неподвижно застывшие фигуры караула. Не сговариваясь, остановились и отдали честь. Вытянувшись по стойке смирно, плотно прижав пальцы к виску, они отдавали честь не только памяти великого человека, но овеществленному образу страны, Родины, для большинства советских людей неразрывно связанному с Кремлем, Красной площадью и Мавзолеем, Лобным местом и памятником Минину и Пожарскому. У Новикова было ощущение, что он стоит сейчас в самом сердце страны. Что стоит немного напрячься, прислушаться и ощутишь её пульс. Это было ни с чем несравнимое чувство единения с великой страной, со всем народом, с её историей. Этих чувств почти не было в будущем, которое было, но они будут - в том, которые настанет.

На следующий день было посещение Третьяковской галереи и Большой театр.

Не успел умыться, как в дверь постучали, посыльный доставил новую одежду. Новиков был поражен. Он никогда не был щеголем, ни место ни время этому не способствовали, но одеваться стремился аккуратно и того же требовал от бойцов, справедливо считая, что "бардак в одежде - бардак в голове". Шинель из тонкого, необычайно мягкого, серого с голубоватым отливом английского сукна. Такая же немислимо красивая форма - однобортный френч с отложным воротником и накладными карманами, ослепительно белая рубашка, прямые брюки навыпуск. Каракулевая шапка и новая с ослепительно сверкавшим козырьком фуражка. Отдельно были упакованы хромовые сапоги, отливавшие черным как паюсная икра и ботинки. Все было удивительно по фигуре, как будто неоднократно подгонялось на многочисленных примерках.

-Вот это мастер!

Переодевшись во все это великолепиие, затянувшись такими же новыми ремнями - почувствовал себя настоящим франтом. Невольно распрямлялись плечи, походка становилась легкая и пружинящая.

"Все-таки форма меняет человека! И почему там, в будущем, даже военнослужащие, вне службы старались ходить в гражданке? Откуда это взялось? Прямо таки какой-то комплекс национальной неполноценности! Неужели и это нам навязали? "Выделяйся! Не будь как все! Будь сам собой!" - лозунги, буквально вдавливавшиеся в голову, наверное, со времен печально известных "шестидесятников". И старались. Выделялись! Правда, в конце концов, превращались не в личности, а в стадо. Это не парадокс - это грустная, железно обусловленная закономерность! Чем больше внимания внешнему отличию - тем меньше отличия внутреннего. Вместо совершенствования себя - погоня за имиджем. А в итоге? В итоге печально известное - "Быть не хуже других" и как прямое следствие - "Не выделяйся, будь как все". Всё, приплыли. Получили стадо обывателей. Ну и что в этом плохого - быть обывателем? Да собственно - ничего! Кроме самого главного, того, что делает человека - человеком, отсутствия стремления к познанию и совершенствованию. Это уже не "человек разумный", а человек потребляющий. А как легко управлять таким стадом!"

-Интересные мысли приходят вам в голову, товарищ Новиков, в процессе разглядывания своей особы в зеркале. Почему же вам это раньше в голову не приходило?

Новиков действительно стоял в это время у большого, в деревянной оправе, зеркала.

Надо признаться - увиденное ему нравилось. Молодой, стройный подтянутый, элегантный. Чуть выше среднего роста. Фигура, как было принято говорить потом, спортивная. Лицо - тоже

ничего, хорошее лицо, правильное, ни в коем случае не звероподобное, но и без излишнего аристократизма или интеллигентности. Вообще, сейчас он впервые мог посмотреть на себя вот так - в полный рост, как бы со стороны. До этого как-то не представилось случая.

"Так, полюбовались на себя, дорогой товарищ и хватит. А то прям нарциссизм какой-то получается. Вы зачем к зеркалу-то подошли? Правильно! Посмотреть, как вам сшили новую форму. Вот делом и занимайтесь!"

Привычные руки, где надо одернули, где надо подтянули, где надо ослабили.

"Вот, теперь другое дело. Ещё походить немного, что бы обмялась и будет совсем хорошо".

Процесс самолюбования был прерван самым бесцеремонным образом - в дверь буквально ввалился капитан Захаров.

-Примерил? Молодец! Теперь бегом в парикмахерскую.

-Зачем?

-Вот чудак человек! Ты что, с исполосованной своей тупой бритвой физиономией собираешься в театр идти? Не спорь со старшим по званию. Исполнять! Об исполнении доложить.

Улыбнувшись во все свои тридцать два зуба, Захаров ушел.

Делать нечего. Приказ получен, надо выполнять.

В доме Красной армии была своя парикмахерская, но туда была небольшая очередь, и Новиков решил прогуляться, в глубине души прекрасно понимая, что просто хочется покрасоваться в новенькой форме.

Искомое оказалось совсем рядом. В небольшом помещении с большим окном стояло два кресла, был один пожилой мастер, и не было посетителей. Увидев входящего, мастер оживился. Удивленно смотревший на ряд пустующих стульев вдоль стены, Новиков только теперь сообразил, что был будний день, все на работе.

-Товарищ командир хочет постричься или мы будем работать с лицом?

Неистребимая одесская манера разговора вызвала у Новикова невольную улыбку.

-Будем и стричься, и работать, маэстро.

-У товарища командира хорошее настроение. Это замечательно! Когда военные смеются - война плачет. Значит и бедный, старый Моня может шутить.

Не прекращая говорить, он усадил раздевшегося Новикова в кресло. Белоснежная простыня легла на плечи, обдав легким запахом одеколона.

-Позволено ли мне будет узнать, кто так обошелся с вашей головой? Я не доверю такому человеку стричь ветки на кладбище, покойники будут возмущаться такому неприличию.

Старик парикмахер все говорил и говорил, а его ловкие, уверенные руки уже работали. Ножницы и расческа порхали, нечувствительно делая свое дело. На простыню сыпались пряди

волос. Прикрыв глаза Новиков, полностью доверился рукам мастера.

Минут через сорок он выходил из парикмахерской со странным чувством легкости. Лицо приятно пощипывало от одеколона. Кожа на щеках казалась мягкой и нежной как у ребенка.

-Вот теперь, молодой человек может идти хоть к невесте, а может и Кремль.

-Спасибо, отец. Именно в Кремль.

-Командир изволит шутить над старым цирюльником?

-Нет. Командир изволит говорить правду - улыбнулся Новиков.

Неизвестно, почему этот эпизод так запомнился. Возможно испытанным ощущением свежести, покоя и легкой, какой-то детской радости. Возможно тем, редким в нашей беспокойной жизни, состоянием, когда хочется воскликнуть сакраментальное - "Остановись мгновенье! Ты прекрасно!".

А потом за них взялись всерьёз. Обязательная культурная программа, черт бы её побрал! Как будто, в Москве показывать больше нечего только Третьяковку и Большой театр.

Посещение Третьяковской галереи не вызвало у Новикова никаких эмоций. Всё это он уже неоднократно видел, конечно, не сейчас, а тогда. Никогда не считал себя тонким ценителем живописи, да и голова была занята совсем другим. Неторопливое хождение по бесконечным залам и мерное, воспринимавшееся как фон, звучание речи экскурсовода. Внешне сохраняя на лице восторженно-внимательное выражение, Новиков прокручивал в памяти события и информацию последних дней. Слишком многое отличалось от того на что он рассчитывал. Слишком много, порой малозаметных, отличий от знакомой по сотням книг исторической линии. А ещё досаждало постоянное, на грани чувствительности, ощущение покалывания и подергивания в мышцах и ошутимо нарастающая потребность в физической нагрузке. "Это у меня-то?! У кабинетного ученого? Да и Новикову такие заходы были не свойственны. Это насколько же должна измениться физиология? И как всё это отвлекает! А тут ещё эти зубы!". Нет, зубы не болели - они росли! Вместо вырванных и больных - новые, здоровые.

В Большом была премьера, после длительного перерыва "Князь Игорь". Слушал, знакомую с детства, когда ещё по школьным абонеентам ходил в театр (были когда-то при советской власти и такие, практически бесплатные), музыку, рассматривал сидевших в зале зрителей. А в голове уже привычно, практически на бессознательном уровне выстраивались цепочки сравнений и ассоциаций.

"А ведь после девяносто первого, я "Князя" ведь ни разу не слышал. Чего только не показывали и не транслировали, особенно первое время, а его - нет. За что же опала-то такая?".

Взгляд скользнул по видимым почти в профиль, лицам зрителей на первых рядах.

"Вот они, хозяева теперешней России. И откуда взялось понятие - "новые русские", когда вот они, те же морды! Конечно у них сейчас другие отличительные признаки - ни цепи на шее толщиной в палец и печатки на пальцах как гайки, а полувоенные "сталинки" и сапоги. Но морды (это не лица) у тех и у этих - одинаковые - надутые спесью и чувством собственного превосходства. Откуда же вы беретесь, гады? Чем вас так во власть тянет? Ведь сама ВЛАСТЬ

вам, в большинстве своем, не нужна. Вы же ей, этой властью пользоваться боитесь до дрожи в поджилках. Ведь любая власть - это ОБЯЗАННОСТЬ РЕШАТЬ и ДЕЛАТЬ. А вы этого терпеть не можете. И действовать способны, только как какие-то амебы - увидел пищу - вытянул псевдоподию, укололся - втянул. И чтобы ни за что реально не отвечать! Так зачем вам, паразитам, власть? Что она вам дает? Какие такие привилегии?! Стоп - стоп - стоп! Кажется вот оно, ключевое слово. ПРИВИЛЕГИИ. Ведь если заработать неспособен, а воровать в открытую страшно, то другого способа выделиться нет. Надо это обдумать, на досуге. И как, и зачем, и что с этим делать".

От размышлений на эти грустные, в общем-то, темы, Новикова отвлек князь Игорь - "... Я Русь от недругов спасу!". Князь пел свою арию несколько непривычным, слишком высоким, голосом. Но как пел! Новиков закрыл глаза и слушал. Так и просидел до самого конца. Рождаемые волшебной силой музыки перед ним возникали то князь, то Кончак, то пляски половцев. Из своеобразного транса его вывели аплодисменты и крики: "Бис! Bravo!". Хлопал вместе со всеми, а краем глаза, с тревогой отметил удивленный взгляд Никишина. "Расслабился. Забыл, что мне ТАК слушать не положено. И что теперь делать? А-а пошло оно всё! Удивлять - так удивлять. Ну, держись господин штабс-капитан, наблюдательный вы наш".

Никишин с расспросами не торопился, и это было хорошо. Право дело, ну не здесь же, не в театре. Но затягивать с этим не хотелось. Быстро прокрутил несколько вариантов и выбрал этакий - нагло-профессиональный.

Когда вышли из машины и остановились покурить на улице, Новиков, сказал, вроде ни к кому конкретно не обращаясь: "Велика сила искусства! А на самом деле, дурак был Игорь".

Никишин от удивления и неожиданности поперхнулся дымом и закашлялся.

-Почему?!

-Но вы же военный человек. Подумайте сами.

-Не понимаю.

-Все достаточно очевидно. Должную разведку не провел. Знал примерно, где противник находится, а какие у него силы, в каком состоянии, есть или нет рядом союзники, узнать не удосужился. С другими Русскими князьями не договорился, решил все сам, следовательно, тыл себе не обеспечил и тактических резервов не имел. Даже боевого охранения нормального не выставил, и пришлось вступать в бой в самой невыгодной ситуации - из походного положения, против изготовившегося к бою и занявшего выгодные позиции численно превосходящего противника. В результате, войско потерял, сам в плен угодил и открыл противнику дорогу на Русь. Если бы не прихоть хана, захотелось ему видеть князя своим зятем, то через месяц, а то и раньше, запылали бы Русские города и села.

Новиков сделал паузу, прикуривая новую папиросу. "А капитан хорошо удар держит. Уже оправился. Ну, так мы сейчас добавим".

-Вот если бы, с таким талантом да про Олега Вещего или Александра Невского. Особенно про Олега. Это было бы, как сейчас принято выражаться, актуально. Особенно - Римская змея. "Вот именно так, с большой буквы".

Совсем растерявшийся Никишин, явно не ожидавший такого, попался.

-А почему Римская?

-Николай Петрович! Вы меня удивляете. Это мне можно таких вещей не знать. Ни по рангу, ни по происхождению неположено. А вам, служилому дворянину - сам Бог велел. Ведь кому смерть Олега выгодна была? Хазарам? Возможно. Но хазары были людьми чести. Конечно, понятия чести у них своеобразные. Но - одно дело поймать князя в засаду, а другое, змеюку подкинуть. А вот Рим - в самый раз. Его методы! Взял под свой щит Византию, расстроил все наши планы - получи и распишись.

Новиков глубоко, до треска и искр, затянулся и резким щелчком отправил папиросу в сугроб.

- Ох, утомил я вас, товарищ майор. Пора нам, наверное, спать-одышать. А опера, тут я с вами полностью согласен, великолепная. И слова "Я Русь от недругов спасу", правильные. Только личной храбрости для этого мало - нужно еще и умение.

Слащев.

Вечером, переделав все, требующие мужских рук, дела (которых в деревне не меряно), Слащев с Егоровым курили, сидя на крыльце. Мимо них, с разрешения командиров, от правления до моста и обратно, ездил их автомобиль, катавший деревенских мальчишек. Они набились в него как сельди в бочку, махали руками и кепками и, что есть сил, орали "Ура". Рядом с шофером стоял Колька в кепке со звездой и непрерывно отдавал честь, неумело приложив руку к козырьку.

- Этак у него рука к вечеру отвалится, - с усмешкой сказал Егоров.

- Слушай, Егоров. Ну чего ты мучаешься? Давай я сейчас в монастырь уеду, а ты ночуй. Утром машину пришлю.

- Дурак ты, Слащев. Умный, а как есть дурак. Ты о ней-то подумал? Ты Маше хоть и липовый, но брат. Пусть и троюродный. А я кто? Надел, понимаешь, командирские шаровары и сразу ночевать? Мы - то с тобой уедем, а ей с людьми жить. А что люди скажут, знаешь или подсказать? Думаешь, сейчас нас никто не видит? Это ты никого не видишь, а за тобой не одна пара глаз наблюдает. В деревне ведь как - вроде и нет никого, а ты сам на виду. Особенно если пришлый. Где, думаешь, легче всего от наблюдения скрыться? Да в городе, среди множества людей. Главное вести себя спокойно, обычно, и никакая сволочь тебя не отыщет. Я по Одессе, бывало, по Приморскому бульвару среди беляков спокойно ходил. И жив, как видишь.

- Где же ты её отыскал, такое чудо?

- Да здесь и отыскал. Точнее в Пскове. Мы когда от Юденича драпанули, было дело, наша часть через Псков отходила. А в городе уже поляки были. И наш госпиталь, который еще с германской оставался. Это просто удача, что мы со стороны госпиталя к городу подошли. Смотрим - резня идёт, "славные жолнежи" раненых и больных убивают. Прямо в палатах, на койках, штыками. Сестричек в кучу возле сарая какого-то согнали и ржут, твари. Ну, мы, даром что золотопогонников резали, озверели малость, ну, и вмазали. Патронов нет, так мы в штыки, откуда только силы взялись. Ни один не ушел. Белые, которые ходить могли, вместе с нами. Всю эту панскую сволочь в Пскове кончили. А потом разошлись в разные стороны. Сестры милосердия кто с белыми ушли, кто с нами остались. Среди них и Маша. Меня тогда в плечо тюкнуло, она перевязку сделала. А потом тифом заболела. Ну, я свою спасительницу в Ленивку отвёз и у Евсея Тихоновича пристроил.

- У дяди Евсея?!

- А что тебя удивляет? Евсей Тихонович мужик свойский. Наш, одним словом. И всё про нашу конспирацию знает. Ты, будет время, поговори с ним, попроси про жизнь свою рассказать. Такого услышишь - зубы от злости сломаешь. Я когда Машу сюда привёз, он как раз партизанский отряд организовывал. Мужики в отряде все злые как черти, все битые - перебитые. Кто с германской вернулся, кто от белых, кто от красных. Им любая власть была поперёк горла, наелись всякой власти всласть. Представь картину. Я в фуражке со звездой еду на телеге. В телеге Маша бредит. А из дворов на улицу мужики выходят - все с оружием, злые и смотрят в упор. Куда ехать? Ладно бы сам, а у меня Маша, хрен сбежишь. Вдруг слышу: "Эй, служивый. Куда путь держишь"? Ну, я подъехал, с телеги слез и всё как есть рассказал. Другие мужики подошли. Про Псков послушали - винтовки опустили. "Да-а-а", - говорят; - "Выходит, не важно, какого ты цвета. Красный, белый или зелёный. Важно, что ты русский и вместе с другими русскими стоишь против врага. Так какого лешего, вами, красными, не пойми кто командует"? Тут я взбеленился и говорю: "Мать вашу! А что, белыми пойми кто командуют?! Юденичи, колчаки, врангели. Нашли, мать, русаков. Не надо нам троцкими пенять, у белых своих бангерских хватает. Они еще себя покажут, не сегодня, так завтра". "Ладно, служивый. Не кипятись. Кипеть мы и сами можем. Что сестру милосердную спасти хочешь - за то мы тебя уважаем. Заноси ко мне в избу, как за дочкой смотреть стану, в обиду не дам. А сам уходи. Воюй, если не устал". Я в Псков вернулся и вскоре мы с отрядом на юг двинули. Под Каховкой раздолбали нас вдребезги, мало кто уцелел. Мне повезло. Помотался по степи и прибил к бригаде Григория Ивановича. Там одну сволочь своей рукой удавил, а Котовский не шлёпнул меня, а в разведку направил. Мне потом шепнули, что гниду эту пейзаюту, Котовский сам давно имел ввиду, а я, получается, его приговор исполнил. И, знаешь, не жалею нисколько. Кровушка я к тому времени насмотрелся - на пять жизней хватит, но просто так её лить, из интересу и удовольствия... Тут, понимаешь, какое дело было. Котовский в Одессе в авторитете был у уголовных, он ведь в Малороссии с бандитской шайки начинал. Потом только большевиков понимать начал. А до этого, сам понимаешь. Кто и зачем в Одессе погром организовал - я не знаю, но Котовский его смог остановить и одного еврея сам спас. Спас и потом к себе приблизил, в бригаду взял. Так этот спасенный такой сволочью оказался, что Котовский, думаю, сам жалел, что спас. Нет, речи он говорил правильные, справедливые, но имел слабость лично кончать приговоренных. Настолько ему нравилось это дело, что, как я и выяснил, приговаривал и невиновных и не очень виновных. Мне как сказали, кого кончать повели, я галопом, да не успел. Там же его и придушил нагайкой. Пулю на него пожалел, а нагайку там и выбросил. Стою и думаю: "Всё, кончился ты, Егоров. Эх, Маша, Маша. Не довелось нам". Чувствую, рядом Котовский встал. Посмотрел на казненных, их уже на рогожи положили и руки сложили: "Что, не успел"? "Не успел, Григорий Иванович". "Вот и я не успел". Вдохнул глубоко, рукой рубанул и ушел. И на этого "комиссара", мной удушенного, даже не посмотрел. На следующий день меня разведкой командовать поставил. "От товарищей сородников подальше", - как он выразился.

Слащев слушал неторопливый рассказа Егорова и думал. "Странно складывается картинка. Очень странно. Фрунзе мы помогли выздороветь, это понятно. Но откуда этот Егоров выискался, что Котовского спас? Ведь спас получается, когда жидёныша того удавил. В нашей истории именно он Котовского и застрелил. Списали на помутнение рассудка, а там как знать, как оно на самом деле было. Некого оказалось потом к Котовскому подвести? Да тут подведешь, пожалуй. Если такие, как Егоров рядом. С другой стороны, не вытащи Фрунзе обариновшегося Котовского из имения, подвели бы и так или иначе дело своё поганое сделали. Вот Фабрициусу авиа катастрофу всё-таки организовали. Намечался к Фрунзе замом, но не долетел. Ни разу не летал, ни на чем, никогда, и вдруг - аэроплан. Кой черт понес? Интересно, как уговорили? А может и не было никакой авиа? А был разбившийся аэроплан и трупы пилота и Фабрициуса. Поди, проверь сейчас. Но каков Егоров! Ведь беззаветнейший товарищ, боец, а

не озлобился, не возненавидел своих противников в гражданской. Знает же, что с генеральским сыном сидит, а говорит как с братом. И ладно я, но чувствую же, что и Сашкина память не бунтует. Как же удалось тварям этим безродным разделить нас на белых и красных? Впрочем, это-то понятно. У красных троцкие старались, у белых - будберги и бреслеры. И чем больше они "старались", каждый со своей стороны, - тем больше наступало взаимное озлобление у русских, разделённых только лишь разным пониманием блага Отечества. И, слава Богу, что у Сталина и его соратников нашлись сила и политическая воля это понять, признать и призвать к примирению. И очистить советскую власть от троцких. Пусть не ото всех. Так ведь для того мы и здесь, чтобы напомнить при случае, кто чего стоит и будет стоять. Будберги, видя их конец, не вернуться. Но вернуться, уже вернулись, Слащевы, Аверьяновы, Барановы и Баскаковы, Виноградовы, Герасимовы и Денисовы. И многие, многие другие. А в моей истории, так и остались эмигрантами, потерявшими Родину и не нашедшими её в чужой земле. Теперь у них появился второй шанс. И они, хлебнувшие "цивилизации", его не упустят. Со всей "любовью и благодарностью" за "бескорыстную помощь" белому движению. Видели они её, эту бескорыстную. Полной ложкой хлебали. И получив снова Родину и её поддержку, вернут долг со всей русской широтой. И последний гвоздь в крышку гроба европейской цивилизации забьют со словами благодарности. Ненависть учит. Учит жестоко и навсегда. Я... Мы это знаем. И мы постараемся эту ненависть передать. Егоров, видевший всякое, еще не знает, какой может быть ненависть. Ненависть, которая сдирает кожу живьем. Ненависть, от которой кипит кровь, и вздуваются жилы. Ненависть, которая туманит рассудок, но оставляет чистым разум. И этот разум говорит только одно слово - СМЕРТЬ! СМЕРТЬ - всем врагам, предателям и иудам! СМЕРТЬ - всем перевертышам и продавшимся! СМЕРТЬ - всем извращенцам, растлителям и преступникам! СМЕРТЬ, СМЕРТЬ, СМЕРТЬ! И не будет нам покоя, пока последняя мразь не сдохнет в корчах. Они слишком долго пытались уничтожить нас. Настало время мести. И нашей мезтью будет только смерть. Мы, русские, не звери в человеческом облики. Мы не будем мучить, измываться, капля за каплей выкачивая кровь и силы. Мы не станем развращать и растлевать. Мы просто уничтожим эту плесень, эту раковую опухоль на теле человечества. Мы не палачи, мы санитары. Санитары человечества".

Новиков.

Прием в Кремле. Наконец представится возможность увидеть тех, на кого они так рассчитывали - там, тогда. Невольно вспомнилась лихорадочная спешка последних дней перед... Он даже сейчас не мог подобрать слов, перед чем. Время поджимало. Сколько всего надо было успеть. Как они тогда справились? Бог весть. Все силы и время ушли на практическую подготовку к переходу (переносу, отправлению, перемещению?), и на все остальное - уже не хватало. Ни почитать, ни полазить в Интернете. С каждым осталось то, что он до этого знал и умел. Оказывается, этого было так мало! Что он знал, например о Сталине? Не как о руководителе, лидере, вожде, а как о человеке. Практически ничего. Бог с ней техникой! Это его волновало меньше всего. Техники и в это время хватало всякой. А немного подправить путь технического развития - не проблема, если знаешь, к какому конечному результату надо стремиться. А вот как быть с ними, с людьми, фактически вершившими сейчас судьбу не только России, но и всего мира? Как до них добраться? Убедить в собственной правоте? А может быть и не стоит ломиться? Может быть, надо просто делать все что в их силах каждому на своем месте? А как? Тогда, они решили, что разбираться с этим будут уже на месте.

Информация о бывшем будущем (опять парадоксы языка!), вместе с ЭИДом достигла, по крайней мере, Сталина и Фрунзе. И личности эти уже умудрились эту самую историю изрядно поменять. Он ещё не знал, не мог определить истинных размеров этих изменений, но они были

на лицо. Первая пятилетка началась в двадцать пятом - на два года раньше! Коллективизация происходила, но без таких эксцессов, как он помнил. Разгром военной оппозиции в тридцатом! Это вообще откуда? Про всякую мелочь, вроде огромного количества немецких или по немецкой лицензии производимых авто и говорить не приходится. Почему именно так? Когда произошел этот поворот, и какие силы в нем задействованы?

Пока не будет ответа на эти вопросы - глупо проявлять большую активность. А где взять их, эти ответы? Причем взять так, чтобы не привлекать ненужного внимания? Пожалуй, самый надежный способ - это напросится на учебу в училище или академию.

Вереница машин, на сей раз без остановок, пересекла Красную площадь. Спасская башня Кремля. Быстрая, но внимательная проверка документов. Кремль.

Странное ощущение, нереальности происходящего, не покидало Новикова. Видимо от вчерашних странностей "пережог нервы" и на сегодняшнее действие адреналина банально не хватило.

На всех остальных это явно не распространялось. Народ волновался и переживал так искренне, что было даже чуточку завидно. Кто краснел, кто бледнел, кто нервно вытирал платком внезапно вспотевшую голову. Станным образом это всеобщее возбуждение помогло ему настроиться на адекватное восприятие реальности. Мир начал приобретать привычные краски и очертания.

Широкие лестницы. Белые, отделанные золотым кружевом, двери. Застывшие в скульптурной неподвижности часовые. Сводчатые потолки. Слепительный свет десятка огромных люстр и настенных светильников. Ковровые дорожки, приятно приглушавшие звук шагов. Матово блестящий паркет. Впервые в Советское время награждение проводилось в Георгиевском зале Кремля. Тридцать награждаемых во главе с командармом Блюхером, застыли в напряженном ожидании. Новиков к своему удивлению не увидел Дудкина. Но особо удивляться было некогда, беззвучно открылись широкие двери и в зал вошли Сталин, Фрунзе, Калинин, кто-то ещё и... мать моя женщина! Котовский Григорий Иванович собственной персоной. Живой и невредимый. Конечно, Новиков уже помнил (запутаясь в этих временах!) что первый зам наркомвоенмора жив и здоров. Но, одно дело знать, другое дело видеть. Тем более что личность уж больно колоритная. Но оставим удивление на потом. Сталин и Фрунзе. На них они рассчитывали, надеялись, мечтали увидеть. Гениальный правитель, которому, несмотря ни на что, почти удалось невозможное, и гениальный военный организатор и стратег, который не успел реализовать свои возможности. При должной помощи они и только они могли погнать "клячу историю" в нужном направлении. Вместо капитуляции и самоуничтожения бросить вызов Мировому англо-саксонскому Варварству.

Как там у Маяковского?

Пусть,

оскалясь короной,

вздывает британский лев вой.

России не быть покоренной (это уже моё).

Вот и они, живые и здоровые.

Сталин. Какое отличие от уже привычного, созданного десятками, талантливых и не очень, фильмов и множеством фотографий и плакатов образа. Не старый ещё мужчина, только недавно отметивший свое пятидесятилетие. Несколько сутуловатая, но легкая и подвижная фигура без капли дурного жира. Походка легкая, скользящая. Лицо. А вот лицо-то как раз совсем на себя не похожее. Без выражения каменного величия или вселенской мудрости и всезнания. Ещё без следа той смертельной усталости, которая даже после ретуши видна на кадрах кинохроники сороковых - пятидесятих. Глаза - это отдельная песня. С чем только не сравнивали их выражения - и тигриные и орлиные и "взгляд маньяка" и ещё невесть что. Не знаю, какими эти глаза станут потом, а сейчас - это глаза умного, уверенного в себе и своих силах, решительного и властного (не без этого) человека. И всё, никакой мистики. И никакой сухорукости. Двигаются обе руки, как миленькие!

Фрунзе. Во многом человек-загадка. Вокруг его имени слишком много сплетен, легенд, странных недомолвок. Но даже из того что в свое время о нем можно было узнать - личность необычайная, яркая и сильная.

Профессиональный революционер, после случайного ранения в руку на "Кровавое воскресенье" понявший и осознавший важность и необходимость армии (в какой орган надо было стрелять политикам "демократической России" чтобы до них это дошло). Сидя в камере смертников по расстрельной статье, самостоятельно изучил немецкий язык, чтобы в подлиннике читать Клаузевица, Мольтке и других военных теоретиков Германии. Похоже, там же начал изучать английский. С партийной работы добровольцем вступил в Красную армию и с восемнадцатого года сделал стремительную военную карьеру (это без всякого военного образования!) от военного комиссара губернии до командующего фронтом, членом ЦК и наркома по военным и морским делам СССР. Военные операции проводил блестяще. В полной мере используя знания и навыки "военспецов". Не проиграл ни одного сражения. Пользовался огромным уважением в войсках. Был, пожалуй, единственным командиром Красной армии, честному слову которого верили противники. А чего стоит в бытность его командующим Туркестанским фронтом раскрытие "тайны Альгамбры"! Сколько сотен миллионов золотых рублей он спас для нищей России! Какие мозоли он при этом отдал, можно только догадываться. Но этого ему не простили. Достали, даже когда он уже был наркомом. Банально передозировали нарком во время принудительной, утвержденной после многочисленных консилиумов (даже Сталина убедили в необходимости) операции. Что интересно, до тридцать четвертого года погибли все врачи, так или иначе причастные к этому. Сваливать это на Сталина, как потом стало модно - глупо (или слишком умно). В то время Сталин был далеко не так всемогущ, как принято думать. Генеральный секретарь ЦК - это в двадцатые годы была просто административная должность, не наделенная реальной властью. Даже такой момент, что Генеральный секретарь, до тридцать пятого года, имел только совещательный голос при голосовании, говорит о многом. Тем более что почему-то забывают или умышленно умалчивают про то, что Сталин и Фрунзе ВСЕГДА, на ВСЕХ заседаниях и съездах безоговорочно поддерживали друг друга.

Жив, здоров и невредим. Коренастый. Даже на взгляд, физически крепкий. Выправка, иначе не скажешь - офицерская. Выглядит даже моложе своих сорока пяти. Высокий лоб, подчеркнутый зачесанными назад волосами. Густые, прокуренные до рыжины, усы. Взгляд открытый, внимательный. Движения расчетливо-скупые, точные. И ни следа хромоты. А ведь была, была - память о ссылке и травме.

Новиков замер, стараясь даже не дышать. Сталин мягкой, легкой походкой подошел в трибуну, провел ладонью по усам, оглядел напряженно застывший строй военных.

-Товарищи командиры. От лица всего Советского народа, хочу выразить вам глубокую благодарность за ваш ратный труд. Вы, бойцы и командиры нашей славной Красной армии, с честью выполнили задание партии и правительства. Ваше мужество и стремление к победе, позволили в кратчайший срок дать отпор зарвавшемуся врагу, сорвали планы по втягиванию нашей страны в длительную войну на Дальнем Востоке.

Мы, весь Советский народ, заняты строительством своей страны. Своего будущего. И мы никому не позволим нам мешать. Сильное государство, сильно не только своими заводами и фабриками, не только трудом крестьянина, рабочего, служащего - но и своей армией. Армией, которая сможет отразить агрессию и разбить врага.

Наш советский народ хочет быть уверен, что наша страна находится под надежной защитой. Для этого нужна армия, оснащенная не только передовой идеологией, но и самым совершенным оружием.

Там, на Западе, многие считают, что мы, нищие и голодные, в разоренной гражданской войной и интервенцией стране, неспособны создать и обеспечить всем необходимым настоящую, современную армию. Они сильно ошибаются.

Наш народ не хочет войны. У нас много дел на мирном фронте. Но мы вынуждены возродить регулярную армию, принять программу создания военно-воздушного и военно-морского флотов. Успехи первой пятилетки позволяют нам с уверенностью заявить, что наша промышленность способна справиться с этой задачей.

Сталин сделал неторопливый глоток воды и также не спеша, подчеркнуто аккуратно, поставил стакан на место.

-Мы, большевики, и мы обязаны не бояться видеть и говорить правду. Наша армия и наша страна, сейчас, неготовы к большой войне. Мы должны признать это. Признать и сделать все, что бы в кратчайшие сроки исправить положение. И нельзя рассчитывать, что за вас это сделают товарищ Сталин или товарищ Фрунзе. Каждый, кто любит свою Родину, должен отдать все свои силы, все свое умение - только тогда мы сможем выполнить наш долг. Товарищи командиры вправе гордиться своими высокими наградами, они их заслужили. Родина высоко оценила ваш подвиг. И с вас, командиров - орденосцев, спрос будет особый. Мы надеемся, что вы оправдаете доверие нашего народа. Верим, что вы будете так же храбро, не щадя своих сил, трудиться, как и воевали.

Новиков аплодировал вместе со всеми. Такого он не слышал давно ни в этом времени, ни в будущем. Ни каких славословий. Все четко, по делу. Пять минут. Максимум информации и минимум слов. Да и манера ведения речи завораживала. Голос негромкий. Чуть заметный кавказский акцент не режет слух на фоне литературно правильного русского языка, скорее подчеркивает мысль, концентрирует внимание слушателей. Получалось, что слушали ни Сталина, а то, что он говорит. Воспринимали не форму, а суть. Конечно не все, но большинство. Получалась не речь, а скорее обращение к собравшимся в зале ТОВАРИЩАМ. И ещё внимательный взгляд, чуть прищуренных глаз. Не страшный, даже доброжелательный, но очень внимательный. Просканировал всех, а на Новикове (или это только показалось) даже задержался. На аплодисменты - улыбнулся. Чуть повернув голову к стоящему за его правым плечом Фрунзе, что-то ему сказал. Также легко и неторопливо покинул трибуну.

После речи Сталина вручали награды. Запомнилось крепкое рукопожатие Котовского. Сухие, старческие руки Калинина. И слезы на щеках Никишина, на груди которого рядом с Георгиевским крестом алел орден Боевого Красного Знамени.

Сфотографировались для прессы и на память. Ну и какой же праздник без застолья!? Торжественный обед. Блестели и сверкали многочисленные хрустали на столах и люстрах. Соперничая с ними, блестели голубоватыми искрами сапоги военных, льдисто отсвечивали скатерти. Во всем этом великолепии скромно багровели знамена орденов на кителях командиров. Распорядители развели всех по столам на определенные неведомым протоколом места. Увидев перед собой целый набор ножей и вилок разнообразных размеров и форм, Новиков растерялся. Оглянулся в поисках поддержки, но Никишин оказался на другом конце стола.

-И что со всем этим делать?

-А черт его знает! Сам до сих пор мучаюсь.

Новиков недовольно покосился на нежданного шутника и от удивления чуть не открыл рот. Рядом, добродушно улыбаясь, в густые русые усы, стоял Фрунзе.

-Товарищ народный ком...

-Вольно, лейтенант, вольно. Мы не на плацу. Товарищ Новиков, если не ошибаюсь. Спаситель наших танкистов и гроза китайцев. Перед врагом не терялись, неужто перед этим спасуете?

-Не спасую, товарищ народный комиссар, - Новиков уже оправился от неожиданности, - но подучится бы, застольному этикету, не мешало.

-Успеете. Какие ваши годы.

Нарком тихо рассмеялся и пошел к столу для членов правительства.

Было шампанское, были тосты и здравицы. Тихо играл камерный оркестр. (!) Выпитое не пьянило, но несколько сняло напряжение. Потихоньку за столами завязались разговоры. Сначала поодиночке, а потом и небольшими группами потянулись к курительной комнате самые заядлые курильщики. После ухода Сталина, почувствовали себя совсем свободно. Удивительное все-таки создание военный человек. Прошло совсем немного времени и он почти в любой обстановке чувствует себя пусть не как дома, но успевает освоиться, приспособиться и создать вокруг себя свой маленький мирок привязанностей и интересов. Разлитое по бокалам красное вино. Тосты за знакомство, службу и дружбу. Обстановка стала более непринужденная. Фрунзе и Котовский стояли в окружении старших командиров. Доносились приглушенные голоса, кто-то яростно жестикулировал, доказывая свою правоту.

Наверное, на каждом празднике или застолье возникает момент, когда человек как бы выныривает из праздничной обстановки, выключается из общего процесса создания праздничной атмосферы. Чувствуешь себя при этом по особенному неуютно - словно ты одинокий зритель в театре, где актеры играют не для тебя. Чаше всего это длится несколько секунд или минут, но иногда растягивается надолго и тогда лучше всего просто уйти, чтобы не портить праздник. А если уйти нельзя? На Новикова как раз накатило такое неприятное состояние, и он мучительно, но безуспешно пытался из него выйти.

Между тем группа командиров окружавших Фрунзе оказалась совсем рядом. Новиков с отстраненным интересом рассматривал раскрасневшиеся лица Рокоссовского, Блюхера, Барановича (комдива 36 стрелковой дивизии). Наверное, разговор был жаркий. Неожиданно командиры расступились и дружно повернули головы в сторону Новикова. Нарком приглашающе взмахнул рукой.

-Товарищ Новиков, подойдите к нам.

Выброс адреналина. Горячая волна по телу. И куда только подевалась расслабленность и прострация. Невольно весь подобрался. Встал и, оправив китель, подошел к Фрунзе. На секунду замешкался, не зная как обращаться к наркому в такой ситуации. Выбрал нейтральное.

-Товарищ Фрунзе?

Нарком видимо оценил. В глазах мелькнула улыбка.

-Товарищ Новиков, мы вот с товарищами командирами спорим о роли танков в будущей войне. Вам довелось непосредственно взаимодействовать с танкистами. Каково ваше мнение о боевом применении танков?

Не ожидавший такого вопроса Новиков замер. Стараясь сделать это незаметно, глубоко вздохнул - выдохнул. Невольно вскинул подбородок. "Ну, поехали!" - не к месту мелькнуло в голове.

-К сожалению, я могу судить, о применении танков, только на основании одного эпизода. Но можно с уверенностью заявить, что выполнение поставленной задачи теми незначительными силами, которыми мы располагали, с минимальными потерями, стало возможно только благодаря активным действиям танкистов. С другой стороны, как оказалось, танки без пехотного сопровождения - легко уязвимы и совершенно не приспособлены к действиям в условиях города или сильно пересеченной местности. Если бы китайцы стреляли лучше, танки были бы поражены еще на подходе к позициям и окопам.

Ещё один глубокий вдох-выдох. Внимательно отслеживаем, мягко говоря, удивленное выражение лиц командиров. Закрепляем впечатление.

-Я считаю, что танк, безусловно, мощное оружие и способен выполнять многие задачи, но для реализации его мощи обязательно нужна поддержка пехоты, артиллерии, возможно авиации. Причем и пехота, и артиллерия должны быть способны двигаться так же быстро, как и танки. Если бы не кони, нам было бы не угнаться за танковой ротой, тем более в условиях бездорожья. Особенно не хватало поддержки артиллерии. Так же следует отметить недостаточную подвижность и слабое огневое вооружение наших танков. Против пехоты и пулеметов хватает, а уже стена глинобитного дома непреодолима ни огнем, ни гусеницами.

Новиков остановился и перевел дух. Командиры молчали. Только Рокоссовский одобрительно кивнул головой, как бы соглашаясь со сказанным. Фрунзе слушал внимательно, смотрел с некоторым удивлением. Наконец, провел ладонью по волосам, словно поправляя прическу, при этом из-под ладони успел внимательно и незаметно (ну почти) разглядеть лица командиров и, наверное, отследить их реакцию.

-Я ожидал услышать эмоциональный рассказ очевидца, а услышал четко сформулированное мнение. Не скрою, мне приятно, что наши молодые командиры могут не только храбро воевать, но и способны думать.

А взгляд при этом...

- Знаете, товарищ Новиков, я считаю, что вам необходимо сменить коня и шашку на броню и пушку. Танковые и моторизованные войска только создаются в нашей армии. Многие вопросы их применения не решены и находятся в стадии обсуждения и разработки. Большинство военных видят перспективу применения танков только как средства сопровождения пехоты, а вы меняете акцент, предлагая пехоте обеспечивать действия танков. Правда у вас есть союзник в лице комкора Рокоссовского, но даже он не столь радикален.

Фрунзе коротким движением руки остановил готового что-то сказать Рокоссовского.

-Я думаю, что следует на практике предоставить вам возможность доказать или опровергнуть истинность ваших рассуждений. Завтра обратитесь в отдел кадров наркомата за предписанием. Благодарю вас за службу и содержательный анализ.

Крепко пожав на прощание руку, нарком ушел. А не ожидавший, честно говоря, такого резкого поворота Новиков, остался.

-И кто кого больше удивил? Ну да ничего. Зато теперь товарищ нарком точно не забудет молодого, неизвестного лейтенанта.

В течении вечера, словно в подтверждение его мыслей, Новиков неоднократно замечал внимательный взгляд наркома.

"Ну что, товарищ танкист? Броня крепка и танки наши быстры?"

Слащев.

Слащев промучился всю ночь. Спать не получалось - Егоров постоянно ворочался, вздыхал и кряхтел. Плюнув на попытки уснуть, Слащев рывком встал с топчана и достал с буфета, стоявшего на веранде, где они спали, точнее, пытались спать, пару папирос.

- Так, Егоров. Кончай ворочаться, пошли, перекурим на холодке.

Прохладные доски крыльца приятно остужали натруженные за день ноги. Вокруг была спокойная тишина, только изредка тренькал сверчок. Пахло скошенной травой, и от недалёкого ельника лёгкий ветерок доносил запах хвои. Огромные яркие звезды мерцали в небе, а над ельником повис оранжевый блин Луны. Облокотившись о перила, неторопливо попыхивая папиросой, Слащев наблюдал за Егоровым. Тот сидел молча, но напряжение чувствовалось в каждом движении.

- Егоров, Егоров. Ты мне вот что скажи. Тебе Григорий Иванович намекал, какими делами моей команде заниматься придется?

- А что тут намекать? Знаешь поговорку про Крым и Рым? Вот и придется тебе и в Крым и в Рым ходить. И может так случится, что Крым у тебя на Дальнем Востоке будет, а Рым, понимаешь, в Мурманске. Так что...

- Весёлое дело! Где тот Восток Дальний, а где Мурманск. Еще скажи Константинополь.

- И скажу. Думаешь, там у нас дел нет? Очень даже есть. Как, по-твоему, чего Фрунзе в

Турции делал? Это же проливы, выход в Черное море. И не только. Это канал египетский, понимать надо. Закрой его, как британцы свои корыта в Средиземное проведут? В обход Африки? Так пока дойдут - война кончится. Да и дойдут ли?

- Считаешь, будет война?

- Удивляюсь я тебе, Слащев. Как дите неразумное, право слово. Да как же её не быть? Разве оставят они нас в покое? В кои-то веки Россия своими интересами жить стала, своим умом, отказалась своими руками для них жар грести. Думаешь, они так это оставят? Вот уж дудки. На желчь изойдут, а попытаются.

- Нет, Егоров. Понимаю я - будет война. Они вот в гражданскую только с краев пощипали, и то, нахапали столько, что не сожрут никак. Но аппетит у них разгорелся. Хапать они любят. Индия, Африка, Китай, Сиам. А у нас - все это в одном месте. И, главное, народ работающий уже есть. Преврати его в рабов и богатей, ничего не деля. Мечта любого буржуя. Поэтому они попытаются. Не могут не попытаться.

- Вот и я так думаю. Считаешь, мы с тобой всего наркомата умнее? Мы с тобой думаем, а они нет? Тех, кто не думал или думал не о том, о чем нужно, из армии, гм.. вычистили. К счастью для всех нас и для всей страны. А те, кто остались и вновь пришли, думают лучше нас и дальше нас. И если они посчитали, что нужно создать подразделение, способное воевать что в Турции, что в Африке, что в Китае - значит, полагают, что там тоже возникнут дела, требующие решения. К нашей пользе и выгоде. Хватит уже нам для французов войны выигрывать. Пора о своих интересах думать.

- Стратег ты, Егоров. Но прав во всем. Не зря тебя Котовский ценит. Вот и отпускать не хотел со мной. Да видно, серьезное значение отряду придается, если не пожалел. Где, думаешь, мне бойцов искать?

- Как тебе сказать... Тут такая штука получается. Задачи тебе будут ставить, сам подумай, почти невыполнимые. Стало быть, люди тебе понадобятся, как бы сказать, беззаветные, что ли. Которые пойдут куда угодно и сделают что угодно. Такие в мирное время чаще на губе сидят, им простая дисциплина военная поперек горла. В мирное время это нарушители и разгильдяи. А дай им сложное, трудное дело - надежней бойцов не сыщешь.

- Знаешь, я тоже так мыслил. Для сложной задачи нужен характер, упорство, упрямство, даже. Может быть даже хулиганство, лихость. А какая же лихость, да без губы? Ты, кстати, сколько раз на губе сидел?

- Пять. Не считая ареста в 27-м.

- Ареста?

- Слушай, ты откуда такой взялся? Когда этих, не тем местом думающих, из армии гнали, знаешь, скольких они с собой тащили? Вот я одному такому очкастому морду и размазал. Прямо в штабе. За товарищей своих боевых. Арест. Думал, всё, кончился раб божий. Какая-то добрая душа Котовскому сообщила. Он мужик резкий - я на свободу, комдив, чьего свояка я размазал, на моё место. Такие вот дела.

- Да, Егоров... Мы, так получается, с тобой подельники. По одной статье гуляем. Чудны дела твои, господи.

- А ты думаешь, почему Григорий Иванович твоим делом заинтересовался? Фрунзе и отец твой - это само собой. Тут другое еще. Он когда в армию вернулся и увидел, что творится, пошел прямо к Фрунзе и сказал - Или мы с тобой порядок наводим или я в Румынию ухожу. Лучше с мамалыжниками жить буду, чем такой срам видеть. Тех-то я лупил от души, знаю чего от них ждать можно, а тут... Такие вот дела. И круто взялся, скажу тебе. Когда он меня из тюрьмы вытащил и своим помощником назначил, я такого насмотрелся. По сравнению с этим моё приключение, да и твоё тоже, мелкая шалость. Сколько же настоящих товарищей, пламенных борцов погибло не за понюх табаку! У меня тогда состояние было - в пору самому в исполнители идти. Спасибо, Григорий Иванович заметил, командировками замордовал. Теперь, вот, с тобой. Да и про Машу он всё знает. Взгрел меня по первое число, но оставил. Душевный он человек. Но доверие его обманешь - голову снимет не задумываясь.

- Егоров, а Сталина ты видел? Какой он?

- Было дело. Пару раз с Котовским на совещаниях был. А какой он? Не знаю, как описать. С виду - простой. Среднего роста, крепкий, широкоплечий. Но знаешь, вот входит он и возникает желание встать. Нет, не потому, что Вождь, а просто чувствуешь, что надо. Как-то само собой получается. В обращении прост. Говорит спокойно, неторопливо, ясно и понятно. Когда говорит - смотрит в глаза. Глаза! Вот, его глаза. Смотрит на тебя, и ты чувствуешь, словно тебя рентгеном просвечивают. Словно понимает он тебя до печенок. И понимаешь, что соврать нельзя, бесполезно, он поймёт. Поэтому говорить нужно только правду, какой бы она ни была. Если стараешься и не получается - поможет. Начнешь ловчить - добра не жди. Вранья терпеть не может. Предательства - тем более. Обманешь его доверие - всё, тебя для него больше нет. Ну, что еще? Много и не скажу, трудно вот так, сразу. Да и видел-то я его всего пару раз. Но, уверен, уже никогда не забуду.

Новиков.

Уже поздним вечером, наконец, оставшись один, Новиков смог спокойно проанализировать все произошедшее с ним за последнее время. Благо был и повод и возможность. Впервые он остался совершенно один и мог не отвлекаться на окружающее. А поразмыслить было о чем. Ох, как было! Слишком быстро и круто стала меняться известная ему истории. Нет, меняться она начала в правильном направлении, и это просто замечательно. Но уж слишком круто и очевидно. "Такого сближения России (ну пускай Союза, все время забываешь) с Германией, англо-саксонский запад допустить не может. Там умных голов предостаточно. А если своих не хватит - купят. И не допустить возникновение такого союза для них вопрос жизни и смерти. Следовательно - противодействовать наметившейся тенденции они будут яростно. И ожидать можно чего угодно. Эти не перед чем не остановятся, ничем не побрезгуют. А сил и возможностей у них предостаточно, даже с учетом мирового кризиса. Где в первую очередь следует ожидать удара? Советский Союз? Но здесь Сталин сыграл на опережение. Основных фигурантов возможного заговора из игры выбил. Конечно, далеко не всех. Но, так сказать, первый эшелон выкосил. Остальных быстро в дело не ввести. Нужно время. Экономическая блокада? Судя по всему, этап пройденный. Не получилось. А теперь дыр в этой стене столько, что уже и не получится. Итак, что у нас остается? Индивидуальный террор. Это да. Это они могут. Хотелось бы посмотреть на рожу такого убийца, если он попытается грохнуть Фрунзе или Сталина! Ведь энергоинформационный домен срабатывал наподобие пресловутого "браслета гомеостата". Чтобы убить носителя, его организм надо практически полностью уничтожить, например, попасть в него фугасным снарядом. А без устранения Сталина или Фрунзе всё остальное теряет смысл, превращаясь в череду болезненных, но не смертельных ударов. Так. С этим всё более или менее понятно. Сделать, что-либо лично, или повлиять на

ситуацию я не могу. Ну, или почти не могу. Оставим это на потом. Давай рассуждать дальше. Германия. По Германии информации к размышлениям практически нет. Что на данный момент мне известно? Про Гитлера ничего не слышно. Ни в газетах, ни по радио, ни от Никишина. А это крайне непонятно. На дворе, как ни как, тридцатый год. Вроде бы самое время для рывка к власти. И рейхсканцлер сейчас не старик Гинденбург, а вполне еще крепкий умница Зект. И где-то там Фриц. Так, оставляем лирику на потом. Что могут предпринять против Германии? Война? Не сейчас. Французы войны с Германией боятся до колик в животе. Поляки, при всей своей ляхости, пока во главе у них прагматик Пилсудский, не решаться, как бы на них не жали. Значит или деньги, или убийства, или и то и другое вместе. Зекта и Грегора Штрассера или хотя бы одного из них Фриц должен был снабдить доменом - гомеостатом. Если бы у него все получилось. Черт! Как не хватает информации.

Логика - выручай. Допустим, что арест Тухачевского и иже с ним не столько успех Сталина, сколько проявления излюбленного британского "заговора в заговоре". Однако, судя по фигурантам дела, такие прогермански настроенные личности как Уборевич остались на свободе и прекрасно себя чувствуют. Замели всяких там "бонапартов", пустобрехов и действительных вредителей. И как это прикажете понимать? Недомели и все еще впереди? Или...? Хочется думать, что я прав. Но если это так, то это высший пилотаж. Заговор в заговоре против заговора. Или я все-таки преувеличиваю возможности Сталина и спецслужб СССР? Но, Господи, если ты есть, как же в это хочется верить!"

Глава - 4

Новиков

Казань встретила Новикова низкими серыми тучами и снегом пополам с дождем. Лужи, грязь, промозглый порывистый ветер. Но стоило переступить КПП, и словно попадал в другой мир. Аккуратные, красного кирпича, казармы. Линейки плацев. Механические мастерские. Ангары и гаражи. Свой исследовательский и испытательный центр. Выложенные битым кирпичом дорожки, высаженные ровными рядами заснеженные елки. Спешащие по своим делам курсанты и командиры. Чисто, красиво, правильно.

Казанская танковая школа. Созданная на основании Советско-Германского договора о совместной подготовке специалистов она давно переросла рамки первоначальных задач и превратилась в настоящую кузницу кадров для моторизованных подразделений РККА и Рейхсвера. Это здесь или сейчас. А в прежней реальности... Развалили хорошее дело напрочь. Совместными, причем, усилиями. Лишний раз Новиков убеждался, что все эти совместные проекты создавались под конкретного руководителя. Не стало Фрунзе и все пошло наперекосяк. Здесь смешалось и обычное чиновничье нежелание брать на себя ответственность, и непонимание того для чего это вообще нужно. И самое главное растущее недоверие между Союзом и Германией.

Как же они старались, гады! Недопустить! Сорвать! Разрушить! Называй их как хочешь. Мировая закулиса. Агенты мирового империализма. Жидомассоны. У дьявола тысячи имен. "Ну, до самого рогатого мы вряд ли доберемся. А вот его слугам рога пообломаем, и копыта на переработку пустим. А иначе, для чего мы здесь? Ведь не в эмиграцию удрали".

В силу своей специфики в школе не было четкого деления на курсы. Не было вступительных экзаменов. Группы набирались по мере направления на учебу слушателей. Предыдущее

обучение, воинские звания и заслуги в расчет не принимались. Бывшие регалии складывались в специальный чемодан и сдавались на хранение вплоть до выпуска или отчисления. В одинаковой форме темно-серого цвета и черных шапках или пилотках они как бы начинали все с нуля. Не всех такое положение устраивало, но в школе никого силком не держали. Не нравится, рапорт на стол, получил свои вещи и свободен. Насколько Новиков помнил, в его истории, подобного не было. Тогда Казанская школа практически не выросла за пределы испытательного полигона преимущественно для офицеров рейхсвера. Теперь - другое дело. Совершенно другое.

В группе, куда получил назначение Новиков, вместе с ним было одиннадцать человек - шесть немцев, пятеро советских. Двадцатый учебный взвод отдельной Казанской автобронетанковой школы. Сколько всего было взводов, знало только командование. Только на учениях взводы иногда сводились в учебные роты, а так, каждый взвод занимался самостоятельно.

Но всё это Новиков узнал потом. А пока. Сдал документы - получил документы. Сдал вещи - получил вещи. В сопровождении дежурного бойца дошел до места расположения своего взвода и ... обалдел. Это ещё мягко сказано. У крыльца дома, в котором располагался взвод, мирно стояли и беседовали два совершенно не похожих, но очень ему знакомых, курсанта. Новоприобретенная память услужливо вытащила из каких-то файлов и предъявила - "Фас, профиль".

Невысокий крепыш с грубоватыми, но, тем не менее, приятными чертами лица - Катук Михаил Ефимович, 1900 года рождения и тд и тп. Пожалуй, лучший командующий танковыми войсками Красной армии в период Отечественной войны.

Тоже невысокий, но худощавый, с правильными чертами лица и "волевым" подбородком - Эрвин Ойген Йоханес Роммель. "Лис пустыни", командующий Африканским корпусом. За одну летнюю компанию 1941 года так навешавший британцам в Северной Африке, что главнокомандующий силами Среднего Востока генерал Окиленк, от страха, издал приказ, не имеющий аналогов в военной истории: "Существует реальная опасность, что наш друг Роммель станет для наших солдат колдуном или пугалом.

О нём и так уже говорят слишком много. Он ни в коем случае не сверхчеловек, хотя он очень энергичен и обладает способностями. Даже если бы он был сверхчеловеком, было бы крайне нежелательно, чтобы наши солдаты уверовали в его сверхъестественную мощь.

Я хочу, чтобы вы всеми возможными способами развеяли представление, что Роммель является чем-то большим, чем обычный германский генерал. Для этого представляется важным не называть имя Роммеля, когда мы говорим о противнике в Ливии. Мы должны упоминать "немцев", или "страны Оси", или "противника", но ни в коем случае не заострять внимание на Роммеле.

Пожалуйста, примите меры к немедленному исполнению данного приказа и доведите до сведения всех командиров, что с психологической точки зрения это дело высочайшей важности".

Вот такие два персонажа несостоявшейся истории мирно стояли рядом и беседовали на дикой смеси немецкого и русского, в трудных местах помогая себе жестикуляцией.

"Ох, куда же я попал? Для полноты картины не хватает только Гудериана с Манштейном".

Как говорится - как в воду глядел.

Первое занятие. Лектор - Гейнц Гудериан.

"Нет. Ну, так нельзя! В одном месте, в одно время. Так не бывает!"

Оказывается - бывает. Но особенно рефлексировать было некогда. Взялись за них всерьез. Тем более, что занятия, оказывается, шли уже две недели, и Новикову пришлось догонять. Вот когда он в полной мере оценил новые возможности своего организма. Особенно выручала способность запоминать любой материал с первого раза и навсегда. До этого никогда немецкий язык не изучал - теперь выучил. Всего за неделю! Конечно, произношение ещё страдало, но когда имеешь ежедневную практику - это легко поправимо. Другим было не в пример тяжелее. Но старались не за страх, а за совесть.

Сидели над конспектами до отбоя. Алгебра, физика, химия. Инженерное дело, теория мотора и теория артиллерии. Прикладная радиотехника и военная история. Тактика и стратегия применения танков. Тактика общевойскового боя. Уставы и наставления. И так, двенадцать часов в день.

А на восьмой день... Сначала, всё шло своим чередом, уже привычно и обыденно. Четвертой "парой" были занятия по радиоделу и вот тут...

-...Как вы все, наверное, знаете, радиоволны распространяются со скоростью света, которая равняется ТРЕМСТА ТРИДЦАТИ ТРЕМ ТЫСЯЧАМ километров в секунду.

ЭТОГО, Новиков не знал. Зато ещё со школьных времен знал, что в ЕГО мире, скорость света была ТРИСТА ТЫСЯЧЬ тех же самых километров в ту же самую секунду. И таковой эта скорость была всегда!

"Куда же я попал?!" - мысль крутилась в голове, не давая, сосредоточиться, закрывая собой всё. Она крутилось, а от неё, как волны разбегались совершенно никчемные и тупые - "Ну, ни х.. себе" и им подобные.

Видимо "напряженная работа мысли" отразилась на его лице далеко не лучшим образом. Сидевший рядом Катукоев весьма чувствительно ткнул его в бок локтем.

-Николай, ты чего? Тебе плохо? Коля?

Хорошо толкнул. Вовремя.

-Ничего. Все в порядке. Вчера немного перестарался с этой механикой.

-Так дело не пойдет!

Катуков поднял руку.

-Товарищ преподаватель. Курсант Новиков плохо себя чувствует. Разрешите отвести его в медпункт.

Несколько растерявшийся лектор торопливо закивал головой.

-Конечно, конечно!

Новиков решив, что так действительно будет лучше, покорно проследовал за Катукоевым в медпункт, благо недалеко. Предоставив Катукоеву самому объясняться с врачом, улегся на

жесткой, покрытой дерматином кушетке и закрыл глаза.

"Так значит вон он какой - неопределенный фактор!"

Слащев

Сумасшедший год, отпущенный на формирование отряда, заканчивался. Чертова уйма работы и бешеной нервотрепки начинали принимать более-менее приличные формы. Нет, он видел и отдавал себе отчет в том, что люди, от которых он требовал необходимое, готовы были отдать последнее. И отдавали, нечего напрасно жаловаться. Встречались, правда, и такие вальяжные баре, нарождающаяся будущая советская бюрократия. Но с подобными деятелями разговор бывал простой и жесткий - полученные полномочия позволяли. Прозвище "бешеный лейтенант" вполне заслуженным оказалось. В такие моменты поднималась кровавая пелена в глазах, и голос срывался на рык. И жаловались и доносы писали, но после первого же приезда Котовского, когда он прилюдно отругал "бешеного" за излишнюю мягкость и либеральничанье, всё встало на свои места. Хотя Слащев понимал, что писать продолжают и, даже, знал кто именно. "Да и черт бы с ними, - считал Александр; - нам же потом легче будет овнов от козлиц отделять. Дурак - это одно, хотя таким совсем не место в руководителях. Чванливая сволочь - вот проблема. Валяйте, ребята. За нами не заржавеет. Запомним и не забудем".

Сейчас Слащев сидел в отрядной канцелярии и сочинял итоговую справку. Не любил он это дело - ни тогда, ни сейчас. Родство душ, надо полагать. Недаром сосуществование двух личностей обходилось без сколько-нибудь заметных конфликтов. Даже больше. Сходство эмоциональной реакции на события только усиливало решимость и делало поступки более твердыми и жесткими. Одно слово - "бешеный". Да еще эти, с позволения сказать, "скоропишущие" ручки. С вечно цепляющимся пером, которое приходилось постоянно макать в чернильницу, с вечными кляксами. Пальцы, испачканные чернилами. Не командир Красной Армии, а бумажный червь, честное слово! Крыса канцелярская. Посмотрев на листы бумаги с ненавистью, Слащев продолжал. В целом, отбросив эмоции, картина получалась достойная. Отстроены казарма, учебные классы, баня. Два полигона - для огневой и минно-взрывной, диверсионной подготовки. Отдельный ангар для приписанных к отряду двух АМО Ф15 нижегородского завода, переданного "в распоряжение" "Руссо-Балта" и другой техники. Мастерская. Под отрядную канцелярию, жильё для командиров и Ленинскую комнату настоятель отец Андрей выделил примыкающую к лесу часть монастырских строений. С наказом оберегать. Отремонтировали, как полагается, и повесили табличку "Канцелярия". А что, у попов тоже канцелярии имеются. Слащев, правда, пытался возразить против "Ленинской", предлагал "Сталинскую", но ему прозрачно указали, что решение принято на самом верху, руководствуясь политической ситуацией. "Так что заткнитесь, лейтенант, и делайте что положено". Хм. Программа боевой подготовки, в целом, тоже была готова. Хотя постоянно изменялась и дополнялась. И если огневая, спортивная, диверсионная подготовки особых проблем не вызывали, то радиодело, по первоначальному, вызывало сплошную головную боль. Ну не было в Красной Армии в достаточном количестве подобных специалистов! Да ни в каком количестве не было. Телефонисты и телеграфисты - пожалуйста, а вот радио... К счастью, Слащев старой памятью вспомнил Льва Термена. Этот то ли немец, то ли еврей для своего времени был настоящим мастером. С руганью и матюками вытащил его из Москвы и, чуть было не пожалел. Это нескладный лохматый очкарик оказался категорически не приспособленным к армии. Попытки одеть его в форму одним видом его вызывали безудержный смех бойцов. Это даже не как корове седло, это...хуже. Смешнее многократно. Слащев сам смеялся до животных колик. Но отдавая должное его способностям и помня где и кто этими способностями воспользовался, Слащев распорядился энтузиаста радио постричь,

привести к Присяге и оставить, с согласия и личного разрешения Котовского, в разряде, так сказать, вольноопределяющихся, разрешив ходить в гражданском. Поселили вместе с командирами, где этот то ли боец, то ли не пойми кто, имел возможность возиться со своими железками. Поскольку в районе Пскова началось строительство аэродрома для размещаемой бомбардировочной дивизии, вопрос с парашютной подготовкой тоже можно было считать решенным. Хотя вышку для получения и освоения первоначальных навыков они у себя поставили. Это тоже в справку запишем. Для "водоплавающей" подготовки бойцы по графику направлялись в Ленинград во флотский экипаж. Особых проблем с моряками не возникало. Так, недоразумения. Пишем плюс.

А телефонная связь! Из Липецка Егоров припёр немецкий полевой провод. Много. Хотя в армии много не бывает. Тогда до фига. Хватило и в "наблюдательную" землянку протащить. Ну, землянка не землянка, а вросший в землю сарайчик. Непонятно за каким чертом, стоящий в центре поляны перед лесом, вдоль которой шла дорога. Слева от дороги поляна, справа болото и мосток через речушку при въезде в лес с поворотом. Замечательное место! Малыш помнил, как на срочной в патруле они на похожее местечко наткнулись. Там еще на опушке леса окоп был вырыт. Судя по гильзам, которые они на дне окопа собрали, место и нашими использовалось в 41-м и вермахтом в 44-м. Да и "лесные братья" наверняка удобное место использовали. Во всяком случае, неразорвавшаяся советская минометная мина 49-го года, застрявшая в скате окопа, говорила именно об этом. Сарайчик использовали по полной программе - и в качестве передового наблюдательного пункта, и для отработки скрытного проникновения, и, случалось, в качестве наказания: комары, будь они неладны. Хотя, если вдуматься, тоже тренировка. На терпеливость, усидчивость, упорство. Во всяком случае, именно этот сарайчик однажды сыграл главную роль в одной истории. Они в тот день с заместителем с самого утра сочиняли планы политработы, её никто отменять не собирался. При правильной направленности - нужное дело. Вдруг звонок:

- Докладывает наблюдательный пункт. По направлению к расположению движутся два легковых автомобиля. Оба "Адлер-М". Номерные знаки не местные.

Командиры переглянулись.

- Кого черт несет? Инспекция две недели как уехала. Местная власть предварительно позвонила бы - порядок знают.

- Слушай, командир. Ну их к лешему, а? Давай их останавливать. Кто сейчас на "глазах"?

- Архипов. Не успеет. Хотя... Алло, Архипов. Ты сейчас с какой командой занимаешься? Отлично. Значит так - опускайте мост к чертям. И чтоб эти автолюбители дальше не проехали. Но без излишеств, учти. А то я тебя знаю.

Передний "Адлер" заехал как раз на середину мостка, когда его опоры сложились, и он боком опустился в речку. Вместе с автомобилем. Сама речка была мелкой, но с топкими берегами. Шедший вторым автомобиль затормозил и успел остановиться. Высыпавшие из него пассажиры увидели, как у притопленного "Адлера" открылись дверцы, но из машины никто, кроме водителя, не вышел. Тот с ошарашенным видом обошел вокруг и открыл капот. Наконец из салона выполз, иначе не скажешь, лысоватый толстячок в полувоенном френче. Речка хотя и была мелкой, но вода заливалась в новенькие высокие сапоги толстяка. Отчего тот не стоял на месте, а перебирал ногами. О чем он спросил водителя, никто не расслышал, но тот только выглянул из-под капота, махнул рукой и снова уткнулся носом в мотор. Толстяк оглянулся на второй "Адлер" и направился к нему, пытаясь влезть по скользкому берегу. Ему помогли, хотя френч и щегольские галифе оказались основательно измазаны глиной и торфом. Через

некоторое время в речку сошел второй водитель и принялся помогать первому. Они какое-то время посоветовались, после чего второй вернулся и бросил первому конец пенькового троса. Наконец, натужно рыча, двигаясь задним ходом, второй автомобиль начал медленно вытаскивать застрявший. "Мощный у него мотор, всё-таки", - подумал Архипов, наблюдая картину в бинокль. На всякий случай у него было готово еще одно "препятствие" - готовая рухнуть поперек дороги сосна. Там, где объехать её было очень трудно. Ну, и еще кое-то, на самый крайний случай. Это как раз то, что командир называл "излишествами". Применить - руки чесались, но...приказ есть приказ. Никто из командиров не знал, что несостоявшимся визитёром был переведённый из Киева и назначенный в Военный совет округа Н.С.Хрущев. И это оказалось к лучшему. Для Слащева - потому что неизвестно, чем бы эта встреча закончилась. Точнее, известно. И Малыш с чистым сердцем считал бы, что в этом случае свой долг он бы исполнил, собственноручно. Собственно, эта поездка Хрущева оказалась последней. Но об этом командиры тоже не знали.

Новиков

Будучи гуманитарием по образованию и разбиравшийся во всей этой мудреной технике только как пользователь Новиков, тогда известный всем как Сеня Доктор, не очень вникал в суть возникшей проблемы. Своих забот хватало. Но всё более громкие голоса физиков, не давали сосредоточиться, и он невольно начал прислушиваться. Понимал с пятого на десятое, но кое-что уловил. При расчете точки переноса определились два практически совпадающих вектора переноса, связанных между собой каким-то неопределенным фактором, но на несколько порядков отличающихся друг от друга по необходимой для переноса энергии. Причиной возникшего разбирательства стало то, что по энергозатратному вектору точка переноса полностью совпадала с расчетной, а по энергосберегающему - смещалась. Причем и величина смещения и сами точки переноса были связаны между собой и зависели от этого самого неопределенного фактора. Послушав некоторое время этот грозящий дойти до рукоприкладства научный спор, Сеня не выдержал.

-Мужи ученые, разрешите смиренно просить вас разрешить возникшее вследствие моего врожденного скудоумия и тупости недоразумение.

Ученые мужи, вырванные из мира формул и стремительно меняющих друг друга на экранах мониторов кривых, уставились на него красными как у кроликов (увы, не от алкоголизма, а от постоянного недосыпа) глазами.

-Сеня, ты чего?

-Я не чего, я - кого. Мужики, я вас тут слушал и от тоски на обычном калькуляторе посчитал. Странные цифры получились. Чтобы сработал ваш первый вариант, нам не хватит энергии, даже если мы каким-то чудом, сумеем обесточить всю Ленинградскую область. Времени осталось - сутки. Теперь объясните мне, дураку, используя второй вариант, мы попадем в двадцать девятый год или нет. А если попадем, то, какого ... вы тут затеяли этот научный диспут!

Леха Очкарик (как этому солидному дяде не шло сейчас это прилипшее со студенческой скамьи прозвище), снял свои знаменитые очки и уставился на него близоруким взглядом оскорбленного носорога.

-Скорее всего, попадем. Но...

-Мужики, - неизвестно откуда возникший в кабинете, причем совершенно бесшумно, совсем немаленький Малыш, заставил всех вздрогнуть. - Я с Доком, согласен. Главное что бы ни нас с вами, ни всех этих ваших чертовых ящиков, ни клочка информации о том, чем мы тут занимались - в ЭТОМ мире не осталось. Считайте, что мы вынуждены сыграть в "Русскую рулетку".

-Тут ты не прав, шансов у нас побольше.

-Тогда тем более.

И вот теперь этот неопределенный фактор сработал. Перенос состоялся. И во времени, как они и рассчитывали, и в пространстве. Вот только в каком?! По какому измерению?! Попасть не только в другое время (с этим они заранее смирились, да и наличие личностей реципиентов спасло от неизбежного шока), но в другой мир! Стоп. А чем тебе этот мир не угодил? Россия тут есть? Есть! Спасти её от грядущего хаоса и развала необходимо? Необходимо! Чем, кроме этой трижды долбаной скорости света, этот мир отличается от твоего? Вроде бы ни чем. А если тебе этого не хватает, вспоминай почаще: "Точки переноса и вектора жестко взаимосвязаны"! Изменим этот мир - лучше станет и в твоём, родном. А если изменим как надо, то чем черт ни шутит, может быть и получится сделать это не опосредованно, а своими руками. Черт! А ведь это - мысль! Так держать товарищ Новиков!

-Молодой человек, можете вставать.

Военврач, осматривавший Новикова, дружелюбно улыбнулся.

-Давно не встречал такого здоровяка, даже среди наших, не жалующихся на здоровье пациентов. Легкое переутомление и больше ничего. Сегодня отдохнёте, а завтра можете приступить к занятиям.

-Спасибо доктор. Похоже, мне действительно надо немного отдохнуть.

-Вот и замечательно. Идите, отдыхайте, а начальнику курса я сам сообщу.

На крыльце медпункта Новиков вздохнул полной грудью пьянящий весенний воздух и неожиданно хлопнул по плечу стоявшего рядом Катукова, так что тот чуть не слетел со ступенек.

-Ну, вот Миша, а ты боялся!

-Потише, ты, медведь сибирский. Ничего я не боялся, ты бы на себя в тот момент посмотрел. Морда вытянулась, глаза стеклянные.

-Ничего Миша, это всё ерунда. Мы ещё повоюем. Так повоюем, что чертям станет тошно.

Сидя в комнате самоподготовки и пользуясь редкой возможностью побыть в одиночестве, Новиков и так и этак прокручивал в голове сложившуюся ситуацию.

"Где вы сейчас друзья-одновременно? Как и договаривались, письма, на почтамте в Москве, до востребования оставил. Объявления, в окнах Мосгорсправки, о покупке пианино Tokatta, разместил. Но ни ответа, ни привета. Куда же все подевались? Не может быть, чтобы он здесь оказался один. Будем считать, что сработал временной разброс. О возможности такого мужики

говорили. Где-то в пределах плюс - минус шесть месяцев, может немного больше. Да и в столицу, не все, наверное, могли попасть так быстро. Хорошо, будем ждать и работать. И учиться, учиться и учиться - как завещал великий Ленин, правда совсем по другому поводу".

Вообще Новиков не переставал удивляться, насколько поверхностны были их рассуждения об этом времени. А ведь всё, на чем базировались знания и умения их - гостей из будущего, создавалось здесь и сейчас. Даже если "не растекаться мыслью по древу", то, что получается? Теорию создания и применения крупных танковых соединений Де Голь уже разработал. Гудериан эту теорию творчески развил до уровня практического проведения тактических операций. Триандафилов уже опубликовал свои работы по стратегии глубокой наступательной операции. Вот она - база. Почему же все это не сработало в их мире? Вернее сработало, но сначала именно против Советского Союза. А здесь и сейчас всё уже начинает выглядеть по-другому. Неужели все дело в той самой пресловутой роли личности в истории? В их истории - не стало Фрунзе, и начавшаяся военная реформа превратилась в пшик, стараниями всяких Тухачевских и иже с ними. А Сталин, несмотря на все свои таланты, не мог один объять необъятное. Ему сначала было необходимо разобраться со сворой профессиональных революционеров, иначе страна могла быть в любой момент втянута в убийственную войну или просто разворована на нужды Мировой революции. Провести экономическую реформу. Наконец разобраться с Ягодским гадюшником. И при этом постоянно испытывать жесточайший кадровый голод. Где их взять готовых специалистов? Кого поставить вместо проворовавшихся или неспособных или просто ленивых, а то и настоящих врагов. На их подготовку нужно время и опять люди! И всё это время получать постоянные уверения, несомненно, честного и преданного, но в общем-то находящегося не своем месте, Климушки Ворошилова, что в армии-то все как раз хорошо. Что готовы могучим ударом разгромить любого врага. Что техника у нас самая лучшая, а армия самая передовая. И потребовалась кровь Халхин-Гола и позор Финской войны, чтобы увидеть - и тут врут! Боятся, до дрожи в коленях, и все равно врут. Взвалил на себя и это, но времени не хватило. А сейчас - у армии и флота был настоящий хозяин. И не просто хозяин, а умный и преданный помощник, которому Сталин мог ПОЛНОСТЬЮ доверять.

Все это конечно хорошо и даже просто - замечательно. Но чем конкретно ты, именно ты, товарищ красный командир Новиков, можешь помочь? Что ты можешь сделать? А можешь ты не так уж и мало. Правда, для этого надо ещё не затеряться среди тысяч таких же молодых да ранних. Ты можешь помочь сэкономить главное - время. Ведь ты знаешь, на какие грабли наступали, и где бы ни мешало соломки подложить. Ты знаешь основные пути развития технической мысли почти на сто лет вперед. Конечно не факт, что и здесь техника пойдет тем же путем, но основные принципы и тенденции развития остаются неизменными. В конце концов, ты знаешь не только, что надо сделать, но как это надо сделать, чтобы действительно работало и функционировало. И самое главное, у тебя за плечами опыт, пускай только книжный и эмоциональный, Второй мировой войны. Опыт, который был получен чудовищной ценой и ты должен сделать всё, чтобы здесь эту цену платить не пришлось.

Что для достижения этого необходимо? В идеале, занять должность этакого "серого кардинала" имеющего влияние на Фрунзе и Сталина. При этом желательно не погрязнуть в административной рутине, а остаться в действующей армии. Почему? Да потому, что опыта подковёрной борьбы и придворных интриг у тебя нет, и сожрут тебя аппаратчики, даже не прилагая к этому заметных усилий. Выделиться, обратить на себя внимание не проблема. А вот как удержаться на этом особом положении? Особое положение, - Новиков несколько раз повторил про себя это словосочетание. - А ведь это - выход. Особое положение, обеспечит особое подразделение. Причем желательно командование этим подразделением, а не просто

служба в нем. А для этого? Для этого необходимо предложить ИДЕЮ. И не просто предложить, а детально обосновать и доказать реальность и необходимость её реализации. И что мы можем предложить? Чем уже удалось заинтересовать товарища наркома? Организацией танковых войск и их взаимодействием с другими родами войск. Правильно? Правильно! Осуществимо? Вполне. Значит - за дело! Во-первых, делим задачу на две части. Ближайшие тактические и технические рекомендации и дальнейшее развитие, так сказать эволюцию. С эволюцией всё просто и понятно - берём за основу организацию и штат танковой армии образца сорок пятого. А вот с тактикой и техникой, особенно с техникой, пока больше неясного, чем понятного. Все-таки, в той жизни, к армии отношения не имел, ни какого. Все знания почерпнуты из книг и Интернета. Но это дело наживное. Не зря тебя, дорогой товарищ Новиков, направили учиться, и ни куда, ни будь, а в Казанскую танковую. Будем учиться и думать. Благо учиться есть у кого и чему. Итак, как там в "Чародеях"? "Вижу цель - не вижу преград"? Вроде бы так.

Нельзя сказать, что планы Новикова были только сейчас придуманными. Все это уже неоднократно обсуждалось ТОГДА, и обдумывалось здесь. Немного добавилось конкретики. Но сейчас это было ему необходимо. Позволяло удержать разум от срыва. Когда у тебя есть конкретная цель и перспектива оно всегда легче. Придает дополнительный стимул не только выжить, но и бороться.

Перво-наперво, необходимо было выяснить, в чем ещё заключались отличия этого мира. Несколько дней все своё свободное время Новиков потратил на то чтобы просмотреть все доступные материалы в библиотеке школы. Со стороны это, наверное, выглядело весьма необычно. Стоит среди стеллажей молодой военный и с крайне сосредоточенным видом стремительно перелистывает страницы книг. Одну за другой. Как будто ищет что-то забытое. На самом деле всё просмотренное, до точки и запятой, с фотографической точностью запечатлелось в памяти. К удивлению и облегчению Новикова, других отличий он не нашел - ни в технической, ни в исторической литературе. Зато почерпнул много для себя интересного и полезного. Общие мысли стали постепенно обретать под собой конкретную основу.

Слащев

Вызов в Москву пришелся на апрель. Просто приехал из Пскова нарочный и под роспись вручил пакет. "С получением сего..." и так далее. Только прибыть предлагалось в Наркомат и к первому заместителю наркома. Собраться - только подпоясаться, и с богом, как говорится.

10 апреля 1931 года к перрону Ленинградского вокзала Москвы подошел скорый поезд Ленинград - Москва. Когда паровоз, окутавшись паром, издал короткий басовитый гудок, круглые часы на башне вокзала отбили 9 часов утра. Из двери классного купейного вагона, открытой услужливым проводником, на перрон сошел стройный молодой командир. От всей его сухощавой, но жилистой фигуры ощутимо веяло скрытой силой и решительностью, поэтому шустрые малолетние представители неистребимой московской шпаны, обратившие внимание на новый кожаный чемодан приехавшего, спрятались за стоящий в конце перрона киоск с газированной водой. Молоденькая продавщица киоска вначале с опаской следившая за малолетками, теперь, не отрывая глаз, смотрела на подходившего военного. Она заморгала глазами, когда командир, проходя мимо киоска, заглянул в окошко и подмигнул ей.

На выходе из здания вокзала командир остановился, закурил, и подождал комендантский патруль, спешащий к нему через площадь.

- Старший лейтенант Слащев Александр Яковлевич, - прочитал начальник патруля

протянутые удостоверение личности и командировочное предписание.

- Как добраться до наркомата знаете?- спросил он, возвращая документы и с интересом разглядывая знаки различия командира.

- Да, спасибо. Я жил в Москве. Вот только не знаю, на трамвае я туда доберусь? Слышал, что новые линии открылись. Но какие, куда?

- Можно. Станция "Краснопресненская". От нее до наркомата 15 минут пешком. Остановка вот, видите? Крытый павильончик, - начальник патруля показал через площадь на покрытый гофрированной жестью небольшой павильон, внутри которого были видны массивные скамейки:- Проезд стоит пятнадцать копеек.

Пока продавщица, преодолевая смущение, отсчитывала ему пятаки, Слащев внимательно рассматривал схему новых веток московского трамвая, прикрепленную к стеклу киоска. Мелочь, казалось бы, но для приезжего очень удобно. Улицы Москвы были ему знакомы, и он быстро сориентировался, куда и как ему проехать. Минут через 30, когда Слащев неспешно докуривал папиросу, из-за угла дома показался, поскрипывая на поворотах колеи, новый голубенький трамвайчик. Народу на остановке оказалось мало, поэтому Александр с удобством устроился на жестком фанерном креслице и принялся рассматривать яркий плакат, приклеенный на стене. "Так. Трамвай марки "Х/М". Год выпуска 1929-й. Мытищенский завод. Однако... Как бы сказать? Непривычно. Двери на обе стороны. Деревянные рейки пола. Стеклянная загородка водителя. Изучив, по-военному говоря, ТТХ первого советского трамвая, Слащев развернул свежий номер "Правды", купленный еще на вокзале. В глаза бросилось название статьи, набранное крупным шрифтом: "Враг не дремлет". В статье говорилось о завершении расследования фактов вредительства на Грозненских нефтяных промыслах. В ней было написано, что еще год назад дежурная смены В. Григорьева обратила внимание, как инженер смены Гринштейн, проводя регламентные работы, протирал части насосов высокого давления промасленной ветошью. После таких работ насосы часто выходили из строя, и линия останавливалась. Зимой, когда возник пожар и пострадали рабочие, она обратилась в органы НКВД. Расследование показало, что действия Гринштейна не случайны и речь идет о целой группе специалистов, занимавшихся саботажем и вредительской деятельностью. Связи этой группы шли к так называемой "Промышленной партии", выполнявшей задания английской разведки. Основной целью был срыв индустриализации в Советском Союзе и, в частности, снижение объемов добычи нефти, вплоть до полной остановки промыслов. Завершалась статья требованием усилить бдительность:

"Они превратились в организующую силу худших и наиболее озлобленных врагов СССР, потому что у них не осталось никаких политических мотивов борьбы с партией и с Советской властью, кроме голой, неприкрытой ненависти ко всему, что составляет основу Советской России. Перед лицом совершенно неоспоримых успехов социалистического строительства они вначале надеялись, что наша партия не сможет справиться с трудностями, в результате чего создадутся условия для их возможного выступления и прихода к власти. Но, видя, что партия с успехом преодолевает трудности, они ставят ставку на поражение Советской власти в предстоящей войне, в результате чего они мечтают поставить страну на службу своим английским хозяевам.

Теперь, когда доказано, что троцкистско-зиновьевские изверги объединяют в борьбе против Советской власти всех наиболее озлобленных и заклятых врагов трудящихся нашей страны - шпионов, провокаторов, диверсантов, и т. д., когда между этими элементами, с одной стороны, и троцкистами и зиновьевцами, с другой стороны, стерлись всякие грани - все парторганизации, все члены партии должны понять, что бдительность коммунистов

необходима на любом участке и во всякой обстановке.

Неотъемлемым качеством каждого большевика в настоящих условиях должно быть умение распознавать врага, как бы хорошо он не был замаскирован."

- Никак не успокоятся, мерзавцы!- Слащев обратил внимание на пожилого, профессорского вида человека, заглядывающего в газету через его плечо.

- Надеюсь, они получат по заслугам,- ответил Слащев.

- Если Вы имеете в виду этих "партийцев", то я не о них, а об их хозяевах. Сами эти деятели мало что смыслят. Еще до революции вместе доводилось студюзовцев наставлять. Они и тогда сами думать не умели, а уж сейчас тем более. Позвольте отрекомендоваться, агроном Чаянов. Позвольте, позвольте, молодой человек. Уж не приемный ли Вы сынок Якова Александровича?

- Да, это я. И Вас я узнал, профессор. Здравствуйте.

- Вы какими судьбами в столице, молодой человек? Как раньше говорили: "на побывку"?

- В некотором роде. По служебной надобности. Но столицу рад посмотреть. С 26-го года не был.

- Да Вы ее и не узнаете теперь,- обрадовался профессор:- Совсем другой город. Чистый, просторный. Университет новый строим. Громадное здание. Будете в наших палестинах, милости прошу. Организую Вам экскурсию по всем правилам.

Распрощавшись с профессором, Слащев легко соскочил с подножки трамвая на нужной остановке. Город действительно поразил его. Александр помнил Пресню серой, угрюмой рабочей окраиной. А сейчас, хотя дворики остались теми же, город словно расправил плечи, раздался вширь. На улицах прибавилось зелени, появилась новая трамвайная линия, по которой он и приехал. А метрах в пятистах от остановки развернулось какое-то грандиозное строительство. Видя его заинтересованность, к Слащеву подошел постовой милиционер в белой форме нового образца и каске, напоминающей древнерусский шлем.

- Новый дом строят. Сам товарищ Сталин распорядился. Говорят, добрых тридцать этажей будет. Такая громадина вырастет. Вот детворе удовольствие на лифте кататься,- тоном радушного, гордящегося своим домом хозяина пояснил он.

Внезапно рядом раздался грохот барабана, и из переулка вывернула небольшая колонна детворы в красных галстуках. Впереди с сияющим лицом выступал барабанщик, самозабвенно выбивающий на своем инструменте какой-то марш. Следом за ним, в окружении двух сопровождающих, гордо шагал знаменосец. На красном знамени золотыми буквами было написано: "Первая пионерская дружина Красной Пресни". Лица детей буквально светились от гордости и осознания важности дела, которое они делали.

- Новая смена пошла,- значительно проговорил постовой:- У них сейчас митинг "За ликвидацию неграмотности". Есть еще несознательные элементы, и сами не хотят и детей не пускают. Вот они и думают их образумить.

Новиков

А учеба шла своим чередом. Учились, конечно, много. Но и времени на общение тоже хватало. Особенно, когда постепенно стали осваивать язык. Собственно говоря, общение между советскими и немецкими слушателями не возбранялось изначально. Но раздельное проживание (немецкие офицеры жили в отдельном доме, у каждого была своя комната) и языковой барьер делали его крайне проблематичным. Новиков первым вырвался за эти неофициальные рамки. И самым натуральным образом "принялся обхаживать" Роммеля. Уж очень неординарная личность.

Школа была не только центром подготовки командиров - танкистов, но и исследовательским полигоном, где испытывалось все самое новое, что создавалось конструкторами и военными теоретиками. Много было впервые. Впервые танки оснащались системами радиосвязи. Впервые использовались металлические понтоны для форсирования водных преград. Впервые танки везли на себе пехоту.

Постепенно втянулись в учебу. Незаметно стали все лучше понимать друг - друга. Познакомились и даже завязали приятельские отношения. Среди немцев по возрасту и отношению к учебе выделялись двое - Ханс Хубе и Эрвин Роммель. Прошедшие школу первой мировой, они казались молодым, двадцати - тридцати летним курсантам чуть ли не стариками, хотя надо отдать должное ими не выглядели. Поджарые, сухощавые, с отличной выправкой они способны были многим дать фору во время физических упражнений. И это не смотря на то, что у Хубе вместо левой руки был протез. Разные по характеру и темпераменту оба были фанатиками танковых войск, считали их главной ударной силой в будущей войне. С несколько высокомерным, холодноватым Хубе отношения у Новикова не наладились. С Роммелем наоборот, стали неожиданно теплыми. Один раз Роммель даже показал ему фотографии своей жены и сына, белобрысого мальчишки четырнадцати лет. А для немца, это такой знак доверия, что - о-го-го!

Как и во всех частях Красной Армии, в Казанской школе были партийная и комсомольская организации, но с учетом особенностей совместного обучения. Основным были успехи в учебе и боевой подготовке, скорейшем освоении новой техники. Именно этому были посвящены проводившиеся комсомольские и партийные собрания. Первоначально представители Германского командования относились к проведению этих собраний с большим недоверием и настороженностью. Но после посещения нескольких открытых собраний полковником фон дер Лит-Томзенем, вопрос был решен положительно, и немецким курсантам было даже рекомендовано посещение собраний посвященных итогам проведенных учений.

Жизнь налаживалась. Но отдыха не предвиделось. Новые предметы, новые задания, новые зачеты и экзамены. Три месяца провели в классах. Только к лету произошло первое знакомство с настоящими боевыми машинами.

В специальном ангаре, освещенные ярким светом мощных ламп стояли танки разных конструкций. Начиная линейку машин, уже знакомый Новикову по КВЖД, легкий танк Т-18. Следом за ним стояли двухбашенные пулеметные танки "Викерс 6-и тонный" и угловатый "Викерс 12-и тонный". Мрачноватыми громадами с непропорционально маленькими башнями, застыли "большие трактора" Рейнметал, Крупп и Даймлер - Бенц. Завершали линейку колесно-гусеничные танки "Кристи". Все что производилось и закупалось Советским Союзом или в опытным порядке производилось в Германии. Грозные для своего времени машины. Первый раз, с трудом протиснувшись в узкую горловину башенного люка Т-18 и разместившись на ремнях сиденья, набив несколько синяков и шишек, Новиков про себя выругался на наркома,

своим приказом заснувшим его в эту железную коробку. Запах железа, оружейной смазки и бензина, теснота и торчащие в самых неожиданных местах острые углы, первое впечатление было, мягко говоря - не очень.

А потом был пробег по полигону. Заревел, гулко отдаваясь в металлической коробке корпуса двигатель, боевое отделение сразу наполнилось дымом. С лязгом провернулись и бесконечной лентой полились звенья траков. Помня наставления инструктора Новиков, крепко держался за поручни, но даже на ровной дороге его мотало из стороны в сторону. Само прохождение полигона запомнилось как сплошная череда рывков и ударов. Усиленный пробковыми вставками шлем, и кожаная окантовка командирской башенки служили слабой защитой для бедной головы. Рассмотреть окружающее через смотровые щели оказалось делом чрезвычайно трудным. Перед глазами все прыгало, а стоило придвинуться к прорези поближе, как лоб вступал в крайне неприятное соприкосновение с металлом. С трудом, покинув башню и спустившись на надежную неподвижную землю Новиков, чувствовал себя как после похмелья (хорошая такая пьянка, завершившаяся дракой) тошнит, голова кружится, все тело в синяках и ушибах, кисти рук свело от постоянного напряжения. Ожидавшие своей очереди курсанты смотрели на него с сочувствием, а инструктор и механик-водитель с улыбкой.

-С крещением вас, товарищ Новиков, - поздравил инструктор.

-Спасибо, - выдавил из себя Новиков и сплюнул в сторону кровь из прокушенной губы.

В конце дня оптимизма у многих заметно поубавилось. Роммель ходил с классическим кабацким синяком под глазом - попытался на ходу воспользоваться окуляром перископа. Остальные потирали многочисленные синяки и шишки. Но, как известно - "Не боги горшки обжигают", приспособились, приноровились к ритму езды, к реакции машины на управление и встречающиеся препятствия. Окончательно вернули уверенность, в собственных силах посидев за рычагами управления. Послушность машины твоей воле - ни с чем несравнимое ощущение. Опробовали и другие модели танков, что бы получить представление об их возможностях. Большинство курсантов с восторгом отзывались о 6-и тонном "Викерсе". Действительно, этот британский танк выгодно отличался от старенького Т-18, скоростью, маневренностью, мощностью. Новиков, по понятным причинам, относился к этим восторгам скептически.

Да и было от чего впадать в уныние, а не в щенячий восторг. Только представьте себе железную колымагу, поскольку танком ЭТО назвать язык не поворачивается, с сантиметровой броней (толщина стенок трубы какого ни будь газопровода) и мотором слабее, чем у "Жигуля" - 35 лошадиных сил! У танка! К этому надо добавить такие прелести, как почти полное отсутствие обзора, через неудачно расположенные смотровые щели и перископ с мутным, чуть ли не бутылочным стеклом, коротенькую "пукалку" калибром 37 мм, и прицел чрез который можно прицеливаться с таким же успехом, как и через ствол. А на "Викерсе" вообще, всего два пулемета. Причем в отдельных башнях! И все это трясется, гремит, воняет и пытается сломаться при каждом удобном или, если быть точным, неудобном случае. Картина маслом! И на этом надо воевать?!

А ведь уже написана и опубликована работа Триандофилова о глубоком стратегическом наступлении. Глубокий же стратегический прорыв без применения механизированных соединений невозможен. А действия механизированных частей во многом будут определяться взаимодействием родов войск, в первую очередь с пехотой, артиллерией и авиацией. Для осуществления таких операций требовались другие машины - с большим запасом хода, надежно защищенные от артиллерийского противодействия и обладающие мощным наступательным вооружением. Ведь уже созданы и массово выпускаются противотанковые

орудия. Уже строятся линии обороны, специально рассчитанные на противодействие танкам. Пехота вооружается противотанковыми ружьями, а в Японии успешно разрабатывается противотанковый пулемет! И всему этому должно противостоять такое убожество.

"Ну а ты тогда здесь зачем? Дерзай!" - так подумалось. А вот как это исполнить. Собственно говоря, идея оформилась довольно быстро. В основе - здоровая наглость и расчет, что Фрунзе сумел адаптировать полученную информацию из будущего. Надо просто подсказать и, заодно, напомнить о своем существовании.

Новиков завел себе тетрадь, куда стал записывать свои расчеты и соображения. Причем делал это демонстративно, во время самоподготовки. И вопросы при этом задавал всякие каверзные. Нет, не преподавателям. Они-то в чем виноваты?! Подзуживал своего брата курсанта. Особенно доставалось Роммелю и Катуюкову. В итоге, по вечерам, в их классе самоподготовки или в курилке разгорались жаркие споры о будущей войне, о развитии бронетанковых сил и их применении. Только один раз Новиков отступил от своего правила, не приставать с провокациями к преподавателям, когда в их кабинете нарисовался Гудериан. Завести еще не "быстроходного" Гейнца, зная и помня дословно его "Записки солдата", труда не составило. Через пять минут клиент Гудериан был готов.

-Скорость, скорость и еще раз скорость! Войти в прорыв и вперед! Танкам нужна скорость и связь. Их задача рвать тылы, вносить панику и сеять ужас! Внезапный, массированный удар всеми силами и вперед.

В подтверждение своих слов Гейнец стучал кулаком по крышке стола, словно пытаясь вбить азбучные истины в голову этому тупому русскому.

-А если противник не растерялся и нанес удар под основание прорыва? Ведь удар был всеми силами. Что тогда? Окружение! А если противник разгадал направление удара и встретил твои жестяные коробочки массированным артиллерийским огнем? - внес свою лепту Катуюков.

И понеслось. Разогнал всех, только сигнал к отбою.

А Новиков, почти не вмешиваясь в спор, торопливо делал заметки в свою тетрадь. И так несколько дней подряд. Пока народ не стал с некоторой опаской (наши, разумеется) или с недоумением (конечно же, немцы), интересоваться. А, что собственно говоря, курсант Новиков так упорно пишет. Первым, как ни странно, не выдержал Ромель.

-Прошу прощения за свое, возможно чрезмерное, любопытство. Но увидел ваши наброски и невольно заинтересовался. Вы не возражаете?

-Не возражаю. Но, это действительно наброски, размышления на тему.

-Не секрет?

-Ни в коем случае. Пытаюсь представить структуру и организацию механизированных соединений. Возможные задачи и способы их выполнения. Заодно и требование к технике составляю, которая эти задачи может выполнить.

-Любопытно. Можно посмотреть?

-Пожалуйста. Но, с одним условием. Свои замечания и предложения обязательно записать. Согласны?

И пошла тетрадь по рукам. В итоге, получилось весьма оригинальное совместное произведение. Новиков ещё раз убедился, что способных творчески думать людей в это время было как бы ни больше чем в начале XXI века. Хотя чему здесь удивляться. До общества "потребления" здесь ещё не додумались, и поэтому думать и творить, еще не разучились. Кстати, требования к танку сформулировали такие, что любо - дорого посмотреть.

"Противоснарядное бронирование. Запас хода до 300 километров. Артиллерийское вооружение - не менее 76 мм, в большой башне. Мотор позволяющий преодолевать любые препятствия и обеспечивающий скорость хода до 50 км/ч.. Радиосвязь. Дополнительное инженерное оборудование. Зенитный пулемет."

Вот так. Ничего не напоминает?

Но "народное творчество" на этом не остановилось.

"Для обеспечения артиллерийского сопровождения можно установить мощные пушки или гаубицы на танковое шасси. Такое орудие не нуждается во вращающейся башне, главное - это запас вертикальной наводки, а по горизонту можно наводить, поворачивая всю машину. (Тем более что большинство орудий первой мировой войны наводились аналогично, требовалось разворачивать весь лафет.)"

Долго не давал покоя длинный ствол, пока не "пришла идея" развернуть корпус танка двигателем вперед.

Не забыли и бронетранспортеры на гусеничном или полугусеничном ходу.

А так же - тягачи, машины техобслуживания, топливо и снарядо-заправщики. Даже до идеи ЗСУ додумались!

Что интересно, с подачи Роммеля, к обсуждению подключился и Гудериан. Вот только времени свободного не хватало. Но, как-то раз, помог случай. На подстанции случилась большая авария, поговаривали о диверсии, и вечерние занятия были отменены. Свободного времени оказалось больше чем достаточно. Команда "экспертов" собралась в свободном классе, освещенном несколькими лампами "летучая мышь". Помимо Новикова и Роммеля были еще Гудериан и Катук. Полутемное помещение, неверный свет, плотные занавеси на окнах, обстановка самая "заговорщеская". Разбросанные по столам схемы и бумаги, склонившиеся друг к другу головы, дополняли обстановку. Первым не выдержал Гудериан.

-Черт побери! Мы тут сидим, ломаем головы. А кому это нужно? Наш Альбрехт, видит роль танков только как спутников пехоты. Ваш генштаб, судя по всему, тоже придерживается того же мнения. К нам никто не хочет прислушиваться!

-Гейнц, ты не прав. Если мы не будем доказывать свою правоту, то кто это сможет? Война? Но тогда будет поздно что-то менять. Николай говорит, что подобных взглядов, возможно, придерживается Рокоссовский. И Фрунзе не возражал против его высказываний. Я думаю, что надо этим воспользоваться при первой возможности. Составить докладную. Обосновать наше мнение. Предоставить расчеты. Если не получится передать их лично, отправить копии Рокоссовскому и Фрунзе. Если мы получим благожелательный отзыв, то и командование Рейхсвера не останется в стороне.

Роммель прошелся по комнате, в нарушение правил закурил у открытой форточки.

-Михаил прав. Тем более, что Альбрехт не вечен. Перед моим отъездом в Россию, ходили упорные слухи, что на его место будет назначен Фрич. А это - совсем другой человек. Вообще я считаю, что здравая идея рано или поздно пробьет себе дорогу.

-Хотелось бы, чтобы не было поздно.

-Гейнц, да вы сегодня прямо-таки записной пессимист.

-Я не пессимист, я - реалист. Вы не хуже меня знаете, как тяжело наладить взаимодействие даже на уровне стрелковой дивизии. А казалось бы чего проще! За плечами сотни лет армейского опыта. Здесь же всему придется учиться заново. Нарбатывать штат, структуру, взаимодействие, связь, обеспечение - а на это нужно время. ВРЕМЯ! Кто его нам даст?! Как только мы создадим первую танковую дивизию, и про это узнают в Британии или Франции то они тут же начнут подготовку к вторжению.

-И все-таки вы пессимист. Во-первых, сразу не начнут. Им сейчас не до вторжения. Экономический кризис! Падение производства, инфляция и все такое прочее. Только СССР и Германия, не попали в этот финансово-экономический шторм. Во-вторых, вы сами говорите, сколько проблем надо решить, что бы создать боеспособное подразделение. Кто начинает первым, то выигрывает время. Садимся и выигрываем это время.

Слащев

Через 25 минут, после неспешной прогулки по помолодевшим улицам Москвы, Слащев подошел к КПП наркомата. Там, после предъявления командировочного предписания, его попросили подождать в общей приемной, а дежурный отправил одного из красноармейцев доложить коменданту. После короткого ожидания посыльный сопроводил Слащева в приемную первого заместителя наркома. Когда порученец открыл дверь в кабинет, Слащев вытянулся, от порога отрубил положенные пять шагов и вскинул руку к козырьку:

- Товарищ первый заместитель...

- И тебе не болеть, Слащев. Присаживайся, одну минуту.

Котовский быстро дописал что-то на листе бумаги, лежащем перед ним. Пробежал глазами, расписался и вызвал порученца.

- Немедленно отправить и доложить о вручении.

Когда порученец, козырнув, вышел, Котовский повернулся к Слащеву.

- Ну, что, брат воскресший. Пришла пора для экзамена. Средств в твою богадельню вбухано не мало, пора показать на что способен. Знаю, знаю, что без дела не сидел. Все твои художества знаю - все жалобы на тебя изучал. Комендант ленинградского гарнизона грозился лично тебя шлёпнуть. Говорит, ты всю его клиентуру увёл, муштровать и в ум вводить некого. Московский меньше. Зачем Москву не любишь? Короче. В августе планируются большие маневры в Белорусском округе. Совместные. Совместные, как понимаешь, с нашими немецкими друзьями. Немцы - вояки очень серьезные. Не чета малахольным французам. Тем более, полякам. Так что учения будут очень серьезные. Легко и красиво не будет. Это присказка, а сказка заключается в том, что запланировано и участие твоих архаровцев. Как, пока сказать не могу, но готовься по полному профилю. У немцев тоже есть что-то аналогичное

твоему подразделению. Не совсем то, но готовься и к противодействию. Не получится у тебя как у лисы в курятнике - пока к курам пролезешь, придется от охотников бегать.

- Товарищ Котовский. Хотя бы в общих чертах. Задачи будут поставлены с началом учений или ставится в процессе?

- Для тебя есть разница?

- Дело в том, что нам многого не хватает. И у немцев мы, именно мы, попросить не можем. Когда через Вашего помощника купили в Липецке провод телефонный - еле-еле отговорились. Дело не в том, что я...мы им не доверяем. Ни в коем случае нельзя раскрывать все карты. Мы, безусловно, союзники и, случись такое, воевать будем вместе. Потребуется, мой отряд станет решать задачи в интересах немецкого командования. Но это должен быть НАШ отряд. Додумаются немцы сами до аналогичной структуры - поможем, чем сможем. Опытом поделимся, научим. Но первенство должно остаться за нами.

- Та-а-к. Доверяй, но проверяй. Я правильно понимаю? Можешь не отвечать. Считаешь, в своих мы можем быть уверены, а кто доверия не внушает, того... А на немцев мы так влиять не можем. У них свои тараканы в голове и кто чем дышит, мы точно сказать не можем. Можем только из опыта личного общения понять, кто доверия достоин. А кто нет, не можем. Ну что же, разумная предосторожность. А то у нас появились горячие головы, готовые без раздумий делиться с союзниками. Как считаешь?

- Я считаю, товарищ Котовский, что можно и нужно совместно решать стратегические задачи. Организационные. Технические. Но решения и находки, которые могут в сложный момент изменить ход военной кампании, должны оставаться тайной.

Заместитель наркома смотрел на молодого командира и не мог понять, откуда у молодого человека, пусть и испытавшего на себе ужас братоубийственной войны и "удовольствие" эмиграции, такое понимание государственной политики. Слащев, в свою очередь, смотревший на Котовского, думал: "Эх, Григорий Иванович. Я мог бы рассказать тебе, как из-за прекраснотуши и излишней доверчивости оказываются слитыми государственные секреты. И твоя страна вместо грозы для ублюдков превращается в тряпку, о которую вытирают ноги все, кому не лень. Как излишняя доверчивость позволяет проникать в государственные секреты разной мрази, торгующей потом этими секретами за крашеную бумагу с физиономиями президентов-масонов. Как прекраснотушие не позволяет за красивыми словами разглядеть звериную харю скота, продавшего самое святое, что может быть у человека - Родину. Как... Не поверишь ты, товарищ Котовский. Потому, что сейчас подобных уродов ты просто ставишь к стенке - и весь разговор. Но потом наступит время, и тебя назовут палачом, а конченных тобой предателей, шпионов и просто продажных тварей - невинными жертвами. Нет, теперь, не наступит. Надеюсь и верю. Иначе, зачем мы здесь"?

Новиков

Прошла неделя, и Новикову вновь хотелось удивленно открывать рот, хлопать себя по ляжкам и самозабвенно-глупо вопить: "Не может быть"! Новая реальность преподнесла новый сюрприз.

В распоряжение Казанской школы прибыли два новых советских танка модели Т-19. Два серийных танка! А ведь в "его время", стараниями Тухачевского и Бокиса этот многообещающий проект закрыли и вместо него начали производство английского "Викерса" под индексом Т-26.

Конструкторы постарались учесть весь передовой опыт танкостроения ведущих держав мира. Танк поражал необычной формой. Большие углы наклона брони. Необычно большая башня, с сорока пяти миллиметровым скорострельным орудием и спаренным с ним пулеметом. Мощный, ста двадцати сильный, двигатель. Большинство курсантов и преподавателей с восхищением рассматривали танк, знакомились с его ТТХ. Но "эксперты" отнеслись к новой машине намного более критично. Настораживала чрезмерная сложность конструкции, малый запас хода, позаимствованная от "Викерса" подвеска. Гудериана особенно раздражала маленькая скорость и отсутствие радиостанции. Роммель, вытирая вспотевший от усилий лоб, отметил большую нагрузку на рычаги управления. Новикова больше всего не устраивал ограниченный обзор с командирского места. Сказывалась выработавшаяся привычка анализировать возможности боевых машин применительно к условиям возможных боевых действий. Посоветовавшись, решили внести замечания по машине в свой инициативный проект.

Итогом совместного творчества явился весьма объемистый документ, с которым, теперь, возникла проблема отправки адресату. Советским курсантам выход в город был запрещен, наверное, по обычному российскому головоутипству, а немцы не хотели брать на себя ответственность и рисковать с выносом с территории особого объекта секретной, по своему содержанию, документации. И все же удалось "уломать" Гудериана и однажды, в обычный пасмурный денек, полковник, напустивший на себя самый надменный и неприступный вид, в сопровождении курсанта Новикова, покинул территорию Школы. Новиков, в качестве добровольного помощника, тащил на руках объемистый сверток. В этом свертке помимо народного творчества "экспертов" находилась и работа Новикова. Каких трудов стоило ему незаметно подложить эту тетрадь - разговор отдельный. Но удалось. Дело сделано, в кармане похрустывает квитанция о приеме ценного письма, теперь остается только ждать и надеяться, посылка не затеряется и дойдет до адресата - народного комиссара по военным и морским делам СССР Михаила Васильевича Фрунзе.

Москва.

Берзин вошел в кабинет наркома неслышной, быстрой, какой-то кошачьей походкой. Фрунзе откинулся на спинку кресла, прикрыл лежавшие перед ним бумаги и устало потер красные от напряжения глаза.

-Ян. Престань подкрадываться. А то как-нибудь пристрелю как шпиёна.

-В меня не так просто попасть. После седьмого года ещё ни кому не удавалось.

-И много было желающих?

-Изрядно. Да ведь вы и сами это знаете.

-Знаю. И ценю. Ладно, хватит лирики. Теперь по делу.

Берзин, до этого стоявший в непринужденно-расслабленной позе моментально подобрался.

"И все-таки в нем определенно есть что-то кошачье. Такая большая, опасная и очень умная кошка. Барс или тигр". Фрунзе неоднократно приходило в голову это сравнение, и никак он не мог решить на кого начальник разведуправления РККА (IV - главное управление) похож больше.

-Мне из Казани прислали очень интересный документ. Сути касаться не будем. Так вот под этим трудом стоят подписи. Новиков, Катукон, Гудериан, Роммель. Полное досье на всю четверку мне на стол. Никого не трогать! Если будет необходимо, приставишь к каждому по ангелу хранителю. Особое внимание обрати на немцев. При любом стечении обстоятельств эти против нас воевать не должны. За нас - пожалуйста. Вопросы есть? Вот и молодец.

Когда за Берзиным закрылась дверь, Фрунзе вновь открыл бумаги. "Значит танковая дивизия как основное ударное соединение армии. А возможно даже корпус или армия. Смело рассуждаете товарищ Новиков. Смело. И цитаты из Триандофилова весьма к месту, и Мольтке и Клаузевиц, и самое главное хорошо обоснованные расчеты. Представляешь ли ты Николай Максимович, какую задачу перед нами ставишь? Как ни странно, судя по всему, представляешь. Это хорошо. Это очень хорошо! Конечно, надо ещё все проверить и не один раз. Но реализовывать идею поручим вам Николай Максимович. Чем надо поможем, но и проверим и одернем, если надо".

Станным образом присланные материалы, совпадали с его собственными мыслями. Хотя периодически Фрунзе сомневался, а собственные ли они. После той ночи в Кисловодске, периодически к нему приходили своеобразные озарения, и как говорится, все в кон. Причем чем дальше, тем легче становилось ему вызвать в себе такое состояние. Просто требовалось своеобразное усилие, что бы открыть нужную дверцу.

Звонок телефона оторвал Фрунзе от мыслей. Сталин требовал к себе. "Если представиться повод, надо обсудить идею. Создать для начала отдельный танковый батальон. Оснастить самой современной техникой и вооружением. Штатное расписание корректировать два раза в год, по потребностям. Пусть практически обкатают свои идеи. А там дальше посмотрим. Можно на основе батальона развернуть полк или бригаду. Ладно, пока забудем. Что там опять случилось, что так срочно потребовался? Вроде бы Европам сейчас не до нас. Кризис! Или наоборот, решили поправить положение за наш счет?".

Сталин сидел за столом уставленным стопками книг и что-то быстро выписывал на листки бумаги. При появлении Фрунзе сделал приглашающий знак и с явным сожалением закрыл лежавшую перед ним книгу.

-Здравствуй Арсений. Как твоё здоровье?

-Сталин мало к кому позволял себе обращаться на - ты, а уж если вспоминал партийный псевдоним, то разговор предстоял необычный. Только в отношении Фрунзе и, пожалуй, Молотова делал исключение.

-Спасибо, Коба, всё в порядке.

-Присаживайся Арсений, присаживайся, - Сталин сделал жест в сторону кресла - а я похожу.

Прикурив папиросу, он неторопливо стал ходить по кабинету, вдоль длинного стола для совещаний.

-Сегодня собираем внеочередное заседание Политбюро и Совнаркома. Тебя специально пригласил пораньше. Ты уже в курсе, что Юнкерс предложил возобновить концессию на новых условиях?

-Да. Берзин докладывал ещё вчера.

-Я думаю, что это многообещающий намек. Если даже Юнкерс, который уже раз обжегся, решил возобновить с нами работу то...

-Или Германия полностью и окончательно сориентировалась на сотрудничество с нами, или экономический спад в Европе и мире, превзошел, самые мрачные прогнозы и он держит нос по ветру.

-Правильно мыслишь, товарищ Арсений. Хотя я считаю, что правильно и первое и второе положение. Но главное не это. - Сталин слегка взмахнул рукой, словно подчеркивая свою мысль. - Главное, что и в Европе и в Америке сейчас закрывается множество заводов и фабрик. Особенно в Соединенных Штатах. Станки стоят и приносят убытки. Мы могли бы "помочь" - Сталин выделил последнее слово - нашим американским и европейским друзьям. Купить у них оборудование и технологии, которые сейчас все равно простаивают. Деньги мы найдем. Вопрос в другом.

Сталин затушил папиросу и встал прямо напротив Фрунзе.

-Что нам действительно необходимо приобрести? И на какую сумму? Чтобы потом наши деньги не сыграли против нас. И второе - не вызовет ли массовая закупка Советским Союзом современного оборудования и технологий ненужного, на данный момент, обострения международной обстановки?

-Если все сделать по-умному, то никакого обострения не будет. Закупки можно провести через Турцию и Германию. А вот, что закупать - это действительно вопрос. Я считаю, что пора отказаться от покупок единичных станков. Надо брать технологические линии целиком и только самые новейшие, лучше всего только спроектированные. А старье пусть оставляют себе.

-Твое решение о прекращении закупок военной техники не изменилось.

-Нет. Я тебе уже неоднократно говорил - нам старья не надо. А свои новейшие разработки никто кроме немцев нам продавать не будет. Вообще, я считаю нам надо менять свой подход к разработке новых образцов военной техники.

-А если конкретнее.

-Можно и конкретнее. До сих пор мы только и делали, что догоняли. Создавали оружие для противодействия уже принятым на вооружение образцам. И проигрывали самое главное - время.

-Что ты предлагаешь?

-Заведомо выйти вперед. Если сейчас разрабатываются и применяются истребители со скоростями 300 - 350 км/ч, то мы должны поставить задачу создания самолетов способных летать со скоростью 450 - 500 км/ч. И одновременно начать создавать средства противодействия подобным самолетам. Сейчас, когда на западе разразился кризис, мы располагаем резервом времени для создания таких перспективных разработок.

-Хочешь перепрыгнуть через ступеньку? А не поломаем ли мы себе ноги или хуже того шею, если споткнемся.

-А мы соломки подстелем. Пока наши КБ будут заниматься перспективными разработками, мы воспользуемся немецкими. Проведем модернизацию всего что можно. Лет пять, а то и больше протянем. К тому времени, и промышленность заработает в полную силу. Как тебе

такой расклад?

-Звучит заманчиво. Но не слишком ли большой риск?

-Знаешь, Коба, если бы мы, я имею в виду Союз, оказались бы одни. В политической изоляции. Без надежного союзника. Тогда - да, риск был бы не оправдан. А вот за то, что так не случилось, за то, что в двадцать третьем, да и после, ты нашел в себе силы и мужество выступить против экспорта революции в Германию, за то, что у нас теперь появился надежный партнер и союзник - вот за это низкий тебе поклон. И не воспринимай это как славословие. Ты знаешь, что я на это не способен. Это объективная оценка. И никуда теперь немцы от нас не денутся. Особенно если их промышленность загрузим военными заказами.

-Хорошо. Меня ты убедил. Теперь осталось убедить ЦК и Совнархоз.

-Ну, извини, дорогой товарищ Сталин, это твоя забота. А мы уж как обычно поддержим тебя "зловещим" молчанием армии. Кажется так у Троцкого?

Сталин довольно улыбнулся в прокуренные усы.

-А разве когда было иначе?

Новиков

Вместо предполагавшихся трех месяцев курсы продолжались в течение пяти, слишком много нового приходилось усваивать и отрабатывать на теоретических и практических занятиях. Перед самым окончанием занятий Новикова вызвал к себе начальник школы. Николай был удивлен и встревожен. Вроде бы никаких грехов за ним не числилось. Но кто его знает - пути начальства неисповедимы.

Начальник школы, полковник Людвиг Риттер фон Радльмаер, вызвал Новикова больше из чувства любопытства, чем по необходимости. Не каждый день встречаются курсанты, состоящие в переписке с самим Фрунзе. По положению, вся переписка курсантов, имеющей статус секретного объекта школы, подлежала просмотру. Но тут был особый случай. Письмо от наркома, да ещё с пометкой лично в руки. Какая уж тут перлюстрация.

С плохо скрываемым интересом разглядывая запыхавшегося, не столько от бега как от волнения, Новикова, Радльмаер тихонько постукивал кончиком остро отточенного карандаша по краю бронзовой пепельницы.

-Курсант Новиков по вашему приказанию прибыл!

-Предъявите ваши документы и получите конверт от народного комиссара по военным и морским делам СССР.

Если Радльмаер хотел таким образом намекнуть на необходимость разъяснения, то он в этом не преуспел. Вот уж кого Новиков хотел посвящать в свои дела меньше всего. Так что, предъявив свое удостоверение личности и расписавшись в получении, получил письмо и быстрее из кабинета.

Письмо от наркома читали четвером. Нарком благодарил за проявленную инициативу, своевременность и глубину разработок, сообщал, что их предложения рассмотрены на

совместной коллегии с наркоматом тяжелой промышленности и на их основании выработаны конкретные рекомендации конструкторским коллективам. Предложения по формированию и структуре танковых дивизий их возможному применению и особенно вопросы взаимодействия с другими родами войск будут обязательно проверены на практике с обязательным привлечением всех авторов предложения, соответствующие рекомендации будут даны и командованию рейхсвера.

Новиков, Катуков и их немецкие друзья были довольны и озадачены одновременно. Правда, каждый по своей причине. Гудериан беспокоило отношение командования Рейхсвера к проявленной инициативе. Роммель гадал, где же ему удастся на практике отработать свои идеи, если у Германии нет бронетанковых частей и, по условиям Версальского договора, не предвидится. Катуков просто радовался как большой ребенок - дали в руки новую, замечательную игрушку. Новиков удивлялся оперативности и обдумывал прозрачный намек. Ведь сообщение было адресовано ему лично. Их идеи, их труды были признаны нужными и своевременными. Но перспектива реализовывать их на практике, начинать с нуля, несколько пугала. Хотя, он ведь к этому и стремился.

Приказ об окончании курсов совпал с приказом о присвоении Новикову и Катукову внеочередного воинского звания - майор. Катуков получал назначение на должность командира танкового батальона в формируемый стрелковый корпус, Новиков - командиром отдельного танкового батальона в Поволжский военный округ. Роммель и Гудериан возвращались в Германию к своим "фанерным танкам". Катуков на прощание пошутил: "Если не получится покататься на "роликах" у себя, приезжайте. Места хватит, а для друзей и танки найдем". Они ещё не знали, что шутка Катукова окажется, очень близка к истине.

Получили документы и предписания, наскоро отметили звания, обменялись адресами и в путь.

Глава - 5

Новиков

Красавица Волга. Сколько песен и сказаний о тебе сложено. Величаво и неторопливо несет свои воды из лесов и холмов Валдая к далекому Каспийскому морю через лесостепи среднего и нижнего Поволжья. Здесь на территории Саратовской губернии со времен Екатерины поселились немцы-колонисты. Крепкие хозяйства, каменные дома, образцово ухоженные дворы и наделы. Города, носящие пусть с советским окрасом, но немецкие имена - Энгельс, Маркс. И рядом крупные растущие промышленные центры - Сталинград, Саратов, Ульяновск, Самара, Нижний Новгород.

Место дислокации батальона было выбрано не случайно. В последние годы количество немецких колонистов значительно выросло, и к ним стали часто приезжать самые разнообразные "родственники" - дяди и племянники преимущественно сурового мужского возраста. Когда таких родственников собиралось достаточно много - в степях ревели моторы и грохотали пушки, начинались совместные учения. Через две-три недели наступала относительная тишина. Счастливые, дочерна загоревшие "родственники" уезжали в родной Vaterland, увозя с собой не столько деревенские подарки, сколько приобретенные знания и практический опыт. То, что не смогут заменить никакие учебники. А самое главное - растущее доверие и уверенность в своем могучем восточном союзнике. Но и оставляли они не меньше.

Гудериан, Гот, Манштейн и многие другие, чьи имена в другой реальности и в другое время, вызывали ненависть и желание своими руками, вцепится в их глотки, становились пусть не друзьями, но верными союзниками.

По результатам поведенных учений составлялись рекомендации по действию танковых подразделений и оперативно рассылались в автобронетанковые подразделения РККА. Но все это было позже.

А с начала, была заснеженная степь и приказ на формирование. Хотя если быть точным, сначала была Москва и приказ на формирование, а уж потом всё остальное.

В управлении кадрами с ним собственно и не разговаривали. Только явился - приказ прибыть на прием к наркому по военным и морским делам СССР. И удивленно-завистливые взгляды в спину. У-у-у, крысы кабинетные! Неистребимое племя. Никаким дустом вас не выведешь! Что за порода такая?! И все ведь щеголеватые, образцово-показательные! И это в армии, которая испытывает жесточайший кадровый голод!

"Как бы расшевелить это болото? Вспомнить старика Хайнлайна? А что, может сработать! Вот только, как это преподнести? Ладно. Война планы покажет". Мысли крутились в заданном направлении, а в душе понимал, что это просто способ отвлечься. Слишком все быстро и просто получилось. Не иначе, как товарищ нарком хочет своими глазами посмотреть на "реформатора". И все равно, слишком быстро.

Приемная. Адъютант-секретарь. По всем признакам, из бывших. Тяжелая дубовая дверь. Стулья вдоль стен, конечно не обычные, конторские, но и без всяких изысков. Нечего, мол, рассиживать. Народ в ожидании. Все серьезные, деловые. И звание не ниже полковника. Но на вошедшего майора смотрят без удивления. Видимо и не к такому привыкли. А это, очень положительный момент!

Ждать пришлось недолго. Посетители, больше пяти минут не задерживались. Кроме одного. Вышел весь красный, потный, торопливо промокающий платком лоб и шею. Ага! Головомойка и шеедрайка в действии. Но морда, а иначе это сооружение не назовешь, довольная. Видимо высекли, но помиловали. Бывает.

Наконец, ушел последний, и Новиков остался один. Адъютант, до этого шуршавший бумагами, посмотрел на часы, что-то сверил в своем списке.

-Майор Новиков?

-Так точно.

-Проходите. Вас ждут.

"Интересно. Это просто оборот речи или действительно - ждут? Увидим".

Ждали. Заметно по папке с личным делом, которую нарком отодвинул на край стола.

Рапортовать не пришлось. Фрунзе попытку пресек сразу. Встал из-за стола. Приглашающим жестом указал на соседний стол, примыкавший к его, рабочему, в виде ножки буквы Т.

-Присаживайтесь. У нас есть примерно полчаса.

Сели напротив друг друга. Фрунзе пожил перед собой лист бумаги и карандаш.

-Время, обдумать свои предложения и пожелания, а так же план первоочередных мероприятий у вас было. Докладывайте.

В полчаса не уложились. Новиков реши сразу взять быка за рога, и загнул по полной. Ну, или почти по полной. Дальше дивизии пока решил не распространяться. Не время. Старался говорить спокойно, четко. Обосновывая каждую мысль и требование. Цифры приводил только самые необходимые, если конечно не требовали уточнения. А уточнения требовались постоянно. И одного листа бумаги наркому не хватило. Да и двух тоже. Но здесь Новиков мог помочь. Приученный в своем времени все фиксировать на бумаге, к встрече он приготовился серьезно. План развертывания и подготовки, с дополнительными техническими расчетам, лег на стол увесистой, на двести листов, папкой.

Фрунзе был удивлен. Фрунзе был поражен. Планы. Таблицы. Схемы. Расчеты.

-Этому вас тоже научили в танковой школе? Если это так, то я туда отправлю всех сотрудников наркомата.

-Я много задавал вопросов, товарищ нарком. Германские офицеры не зря славятся как отличные штабисты.

-Вот как.

Видно было, что Фрунзе не удовлетворен ответом, но Новиков не стремился ему помогать. Не сейчас.

Нарком встал. Сделал несколько шагов, в задумчивости подкручивая пальцами усы. Остановился напротив вскочившего со своего места Новикова.

-Будем считать, товарищ Новиков, что свой первый экзамен вы сдали на отлично. Я думаю, что у нас с вами будет ещё не один повод поговорить на эту интересную тему. Приказ о вашем назначении уже готов. Но, с учетом ваших соображений и планов придется его несколько поправить. Пару дней пока отдохнете. Когда все будет готово, вас вызовут. Вопросы и пожелания есть?

-Есть, товарищ нарком.

-Слушаю вас.

-Может быть не совсем уместно. Но... Зачем в наркомате столько строевых командиров? В армии жесточайшая нехватка грамотных штабных командиров, а здесь их столько.

-А что вы предлагаете?

Заменить их на канцелярской работе на вольнонаемных гражданских специалистов. А их в войска.

Фрунзе усмехнулся.

-Вы радикалист. Мы подумаем о вашем, честно скажу, неожиданном предложении. Но и вы подумайте. А от всех ли таких командиров в войсках будет польза? И не лучше ли, если они все здесь? Под присмотром? Подумаете? Вот и хорошо. Не смею вас больше задерживать.

И Новиков думал. Собственно результатом встречи с наркомом, он был доволен. Поставленные перед собой задачи выполнил. Если он не ошибся, то полномочия получит самые широкие. Руки у него будут свободны, по крайней мере, на какое-то время. Дальше все будет зависеть от того, что у него получится. Но и щелчок по своему не в меру любопытному носу, получил. Далеко не все так очевидно, как кажется. Но стукнули вежливо. Даже не стукнули, а ткнули носом. А мы и не в обиде. Учится никогда не поздно, а уж у такого учителя и тем более.

Через три дня приказ был получен. Собственно о такой самостоятельности Новиков и не мечтал. В округе предстояло находиться только на довольствии. Все остальное на свое усмотрение и по приказу из Москвы. Отдельный и Особый. Это значит много.

А письма до востребования все нет.

Значило многое, но много и требовалось. Наполеоновские планы пришлось отложить подальше и на подольше. Приказ есть, а больше ничего не было. Все пришлось делать своими руками. Строили казармы и ангары, штаб и столовую, хозяйственные помещения и учебные классы, размечали полигон и танкодром, подводили коммуникации. Полномочия были даны Новикову большие, и он использовал их сполна. Используя не только резервы округа, но и все чем могло помочь партийное и советское руководство области и района. Кадры отбирал сам, после личной беседы. Поначалу было тяжело отказывать людям, но - дело превыше всего. Ругался с кадровиками до потери голоса. Неоднократно "вызывался на ковер" и "получал головомойку", но делал так, как считал нужным и полезным. Разошедшийся по штабу округа слух, что он протеже самого наркома здорово помогли. Перестали приставать по мелочам. Наконец удалось все силы сосредоточить на главном.

Четыре месяца отведенные на развертывание, буквально пролетели. В конце апреля в батальоне наступил торжественный день - прибыли первые танки. Новенькие, только с завода, машины пахли краской и маслом. Прошло меньше года с того дня, когда Новиков впервые увидел прототипы Т-19 в Казани. Теперь это была уже другая машина. Это уже похоже на танк. Несовершенный, капризный, легкий - но танк. Лобовая броня усилена до 40мм, как и бронирование башни. Новое 45-и миллиметровое орудие длиной 50 калибров. Дополнительные наружные бензобаки. И самое главное - новый двигатель, 150 сильный немецкий "Майбах". Машины сопровождали представители КБ (ОКМО) Ленинградского завода "Большевик". Их помощь помогла в короткие сроки освоить новую машину, без серьезных поломок и проблем. В приватном разговоре инженеры пожаловались Новикову, что когда проект был уже утвержден и подписан к серийному производству, поступило указание в срочном порядке переделать изделие под новые требования, выдвинутые группой военных. "Черт бы их побрал с их требованиями! Вы не представляете, какой начался аврал. Какие громы и молнии летели с самого верха! Люди сутками не выходили из цехов". Первые десять серийных машин были направлены на укомплектование Особого отдельного танкового батальона прямым указанием Фрунзе. Инженеры должны были находиться в части до окончательного определения претензий военных к новой машине. Новиков слушал и посмеивался, он-то знал, что это за "группа военных".

К концу первого месяца полевых испытаний инженеры стали внешне неотличимы от танкистов, дочерна загорелые, с обветренными лицами, в пропыленных и промасленных комбинезонах. Новикову машина нравилась и не нравилась одновременно. Хорошие технические данные, но очень сложна в обслуживании и особенно в ремонте. Большинство

узлов можно было заменять только в условиях стационарных мастерских. Очень смущала подвеска. Сделанная на основе Британского "Викерса", она работала на пределе. А ведь торсионная подвеска известна достаточно давно. Список выявленных замечаний рос с каждым днем. Новиков не жалел ни себя ни машины. Танков мало - значит, будем их использовать в две, а если надо, то и в три смены. Представители КБ за голову хватались, но вынужденно соглашались. Вместе ломали голову над возможностью скорейшего устранения недостатков. В ответ на письменные сообщения в КБ о ходе испытаний примчался главный конструктор танка Гинзбург. Ещё одна живая легенда. Незаслуженно забытый и оболганный. Человек по сути создавший основу советской танковой мощи. Но сейчас, он был совсем не легендой, а самым что ни на есть живым и очень злым и агрессивным. Поначалу чуть до драки не дошло. Выясняли кто более прав, КБ или армейцы. Успокоились потом, когда Новикову удалось "побить" конструктора на его же поле, его же оружием. С помощью расчетов и технических проектов. Наконец удалось перейти на нормальную речь. Под подоспевший чаек разговорились. Как же Новиков ждал этого разговора! Сотни раз мысленно беседа с Генеральным конструктором (хотя тогда так не было принято называть), выстраивал цепь умозаключений, приводил железные аргументы, доказывал и убеждал. Но действительность оказалась, как всегда, совсем другой.

Что он мог сейчас предложить сидящему напротив него человеку, с покрасневшимся после "горячей" встречи и выпитого чая лицом? По большому счету, только несколько усовершенствований и большую цель. До остального промышленность просто не доросла! Но ведь, не сразу Москва строилась! Ну что, начнем потихоньку?

-Семен Александрович, разрешите для меня один вопрос. За каким чертом, вы поставили на машину подвеску от "Викерса"?

Несколько расслабившийся Гинзбург, вскинулся как боевой конь при звуках трубы.

-Машина спроектирована на основании рекомендации правительственной комиссии! А подвеска "Викерса" является в настоящее время самой лучшей в мире для легких танков. Это общепризнанно!

-Семен Александрович, да перестаньте вы давить на меня авторитетом комиссии и общепризнанных авторитетов! Я к вам как к конструктору обращаюсь, а не как к чиновнику. Вы что, своего мнения не имеете? Или не хотите?

Новиков хотел задеть Гинзбурга за живое и своей цели достиг вполне. Теперь надо было дать иссякнуть фонтану красноречия. За то время, пока уязвленный конструктор фонтанировал, Новиков успел не торопясь допить чай и выкурить со вкусом папиросу. Наконец Гинзбург стал повторяться и сбиваться видимо обескураженный благожелательным молчанием собеседника. Вот теперь можно и поговорить.

-Семен Александрович, да вы успокойтесь. Что же вы так разнервничались. Нервные клетки, знаете ли, не восстанавливаются. Да и проявлять свою горячность и принципиальность надо было раньше. Когда вы подписывались под заданием. Не надо, не надо мне сейчас ни чего говорить! Все я знаю. И страшно. И неудобно. И опереться не на кого. Но вы же конструктор! Вы же не только исполнять, вы и думать должны!

-Да откуда вы знаете? - вклинился, было, Гинзбург.

-Знаю! Ведь задание на изменения проекта вам было дано не без моего участия. Или вы думаете, что нам это было сделать проще? Ошибаетесь. Мы люди военные. Будет приказ, будем

воевать даже на телегах. Но на телегах войну сейчас не выиграешь. А вы для чего создавали машину? Для удовлетворения, чьих-то нездоровых амбиций или для защиты своей Родины? Ах! Вы не думали в таком ключе! А для чего вообще нужна такая недешевая игрушка как танк? Для парадов? Или все-таки для боя? А если для боя, то и создавайте то, что способно бить врага. А не ломаться по каждому поводу. Да и без повода тоже. А если сразу не получается, то давайте не орать друг на друга, а разбираться, искать наилучшее решение и не бояться отстаивать его на любом уровне. Ну что, Семен Александрович, будем дуться друг на друга как мышь на крупу, или...?

Получилось как раз или. Все-таки Гинзбург был действительно замечательным конструктором и дело свое любил. Ну а его нерешительность. В конце концов, тяжело в тридцать лет проявлять настойчивость и принципиальность, если ты известен только в узких кругах, а на тебя давят со страшной силой.

Посидели до утра. И на полигон Новиков Гинзбурга вытащил. И провоз ему в танке устроил по полной программе. Так что вынесли бедного конструктора на руках. А напоследок, "гвоздь" так сказать, программы. Прокатил, уже пришедшего в себя Гинзбурга на шасси от Т-19 с самодельной, прикрепленной прямо к днищу, торсионной подвеской. Тем и добил.

Вечером, после баньки и ополовиненного самовара, дошло дело и до Новиковской заветной тетради. Не до всей конечно. К чему зря смущать человека. Всеу свое время. Если оно конечно придет. Особенно заинтересовал Гинзбурга проект самоходной артиллерийской установки с передним расположением мотора. А проект среднего танка вызвал целую бурю эмоций. Еще бы! Ведь за основу Новиков взял его же, Гинзбурга, Т-28. Только основательно его переделал. Впрочем, показал он только "наброски" общего вида, и некоторые основные цифры. Толщину брони, вес, размеры, поперечное расположение двигателя, длинноствольное орудие 75 или 85мм. Большого и не требовалось. Гинзбург загорелся. Надо было только вовремя, как поленья в костер, подкидывать наводящие вопросы и сделать несколько "только что пришедших в голову" замечаний и предложений.

Рассматривая ушедшего с головой в расчеты конструктора, Новиков поймал себя на том, что челюсти сводит непроизвольная зевота. Все-таки третьи сутки без сна даже для его организма многовато. Пожелав Гинзбургу "счастливой охоты" и получив в ответ что-то неопределенное, он потихоньку вышел из своего временно оккупированного кабинета.

После насмерть прокуренного помещения, ночной воздух ударил в голову освежающей прохладой и свежестью. Летняя ночь. На небе ни облачка. Слабый свет из окон штаба и дежурных помещений не рассеивает, а наоборот, подчеркивает, усиливает темноту и не мешает видеть невероятное звездное великолепие. Раньше, Новикову было не дано его видеть. Вынужденный с детства носить очки, потомственный горожанин, он мог любоваться этим завораживающим узором бесконечности, только во время редких вылазок за город, да и то только с помощью бинокля. Толи дело сейчас! Загруженный свалившимися на него заботами сверх всякой меры, тем не менее, он старался всегда найти хоть несколько минут, чтобы спокойно посмотреть на звездное небо. Оно завораживало, очищало, позволяло отвлечься от ежедневных мелочей, которые порой заслоняли собой главное. Вот и сейчас, он словно нырнул на несколько минут в звездную реку Млечного пути. Звезды. Во все времена были мечтой, недостижимой, но от этого ещё более манящей. В его реальности, их лишили этой мечты. Подменили блеск звезд, блеском шмоток и золота. Но если здесь и сейчас они справятся, он справится, то дорога к звездам будет открыта.

-Мы придем к вам, звезды.

"Разбудит утром, не петух прокукарекав. Поднимет Гинзбург, как человек" - так и хотелось переделать известные с юности строки, глядя на смешно переминающегося с ноги на ногу от нетерпения конструктора. За окном чуть серел рассвет. Торопливый взгляд на часы - четыре часа. Ещё можно было поспать минут этак шестьдесят. Но видать не в этой жизни.

Новиков сел на диване, со стоном потянулся, разминая застывшие от неудобного положения мышцы. Вчера так и заночевал в штабе, на дежурном диване.

-Что случилось Семен Александрович?

-Случилось? Нет, ничего. Просто мне необходимо вам сейчас же это показать.

-Да, что показать?

-Идемте со мной. Я не стал пытаться все это принести сюда. Боюсь, по дороге, развалится.

Заинтригованный Новиков, торопливо натянул сапоги, и уже на ходу надевая ремни портупеи, отправился следом за Гинзбургом.

Дыму в кабинете явно прибавилось. Все признаки умственного процесса на лицо.

На столе, буквально, груды исписанной бумаги, но центр стола свободен и на нем... Скрепленный хлебными мякишами из шести обычных листов бумаги эскиз. Вот что значит иметь дело с настоящим конструктором. Ночное творение Гинзбурга должно было поразить воображение понимающего человека, и оно поразило. Машина, отдаленно похожая на КВ, только с двумя пулеметными башенками. Большая, несколько приплюснутая башня с выступающей над ней командирской башенкой. набросок длинного орудия. Поперечно расположенный двигатель. Торсионная подвеска семи больших катков. И самое главное наклоненный передний броневой лист. Цельный! Без всяких люков и курсовых пулеметов. Подробности впечатляли все больше и больше. Да если этакое удастся воплотить в металле! И это сейчас, когда на дворе тридцать первый год, а не сороковой. Уважил Семен Александрович, уважил. Сна как не бывало.

Через два дня донельзя измотанный и счастливый, Гинзбург отправлялся домой. Драка за машину ещё предстояла нешуточная, но начало положено. И это хорошо. Это просто здорово!

Уже на вокзале Гинзбург обрадовал еще одной новостью. На Ижорском заводе с помощью немецких инженеров налаживают производство новых сортов цементированной брони, что позволит при той же толщине увеличить снарядостойкость почти на 50 процентов. Так что новые Т-19 будут иметь надежную защиту от огня 37-мм противотанковых орудий на дистанции до 300 метров.

Гинзбург уехал. А командирские заботы навалились на Новикова с новой силой.

Время. Для некоторых оно тянется нестерпимо долго, для Новикова он летело, мчалось, его всегда не хватало. Он жалел, что в сутках всего двадцать четыре часа. Учился сам. Учил командиров рот и взводов. Проверял, как они передают науку рядовым. И подгонял, подгонял, подгонял. Сам удивлялся своей энергии и напору. Неужели перенос так повлиял на него? Но времени на отвлеченные размышления не было. Благо было на кого опереться. Невозможно, да и не нужно быть везде и всюду. Нельзя подменять собой командиров, душить инициативу. Но проверять нужно. С кем повезло, так это с замполитом. Его Новиков выбирать не мог, получил по назначению, как кот в мешке. Капитан Ковалев. Его неутомимости и вездесущности

Новиков мог только завидовать. И самое главное, он снял с командирских плеч большую часть бумажной работы. Партийная бюрократия вещь страшная. И становится на её пути, сейчас было не время. И ведь умел с людьми найти общий язык. Вроде бы без усилий. Подошел, поговорил. Включился в общую работу и явно не для галочки, а от души. И народ оценил, потянулся, поверил.

Потихоньку стало налаживаться нормальное армейское житье-бытие. Механики-водители, вчерашние трактористы, водители полторок и трех тонных Опелей, стали чувствовать себя за тугими рычагами танков увереннее, чем за "баранкой". Башнеры, часами тренировавшиеся у прицелов в определении расстояния до цели и наведении, перекрывали все нормативы по скорострельности и точности. Командиры танков научились держать строй и боевой порядок на любой местности, не задумываясь, на уровне рефлексов. Научились чувствовать танк как продолжение себя, своих рук и ног. Ощущать его предел и выжимать из него все, даже запредельное. Расход моторесурса, горюче-смазочных и боеприпасов во много раз перекрывал все нормативы но, эффект был на лицо. Конечно, не все было гладко и безоблачно. Были аварии. Были травмы. Было всякое. Иногда такое, что нарочно не придумаешь и оставалось только разводиться руки да материться (про себя конечно, хотя и не всегда, не всегда) так, что самому становило неудобно. Ну, кто мог предположить, что служака старшина, на радостях, что раздобыл краску, лично покрасит командирский так ВЕСЬ! Целиком. Вместе со смотровыми приборами и лючками-заглушками. Но это была жизнь. И она Новикову нравилась!

И люди нравились. Смотрел на бойцов (своих бойцов!), деловито изучающих "кишочки" специально разобранных машины, или выводящих непривычными пальцами формулы в тетрадах, или марширующих на плацу и сравнивал. Сравнивал с той армией, которая осталась там, далеко. И сравнение было не в пользу последней. Здесь, от армии не "косили". В армию стремились. Службу уважали и относились к ней как к серьезному и нужному делу. И ведь не просто служили и тянули лямку, а подходили к этому делу с душой, с огоньком. И мысли все это навевало своеобразные. И к поступкам подталкивало неожиданным. Например, создать в батальоне комиссию по научно-техническому развитию. Да. Вот так громко и пафосно! И ведь заработало! И ещё как! КаБэшники и за голову хватались, и ляжки себе все отбили от удивления. Столько дельных и, самое главное, легко реализуемых предложений они получили. Пришлось командиру выделять деньги на приобретение ценных призов. Хотя народ старался не за призы, а за совесть.

Слащев

Наступивший, наконец, август "радовал" частыми нудными морозящими дождями и густым туманом по утрам. Хотя днём бывало жарко, и к полудню всё успевало высохнуть. Земля еще не успела пропитаться сыростью и впитывала в себя падавшую с неба воду. Поднявшийся с раннего утра густой туман гасил шарканье множества ног, сопровождающееся позвякиванием и хриплым дыханием. Наконец, туман немного рассеялся, и стала видна заросшая травой полевая дорога, по которой двигалась длинная колонна. Шагавший впереди колонны командир сошел на обочину и подал знак продолжать движение. Через некоторое время к нему подбежал еще один командир, шедший в хвосте колонны, с белой повязкой на рукаве. Первый некоторое время прислушивался, поворачивая голову в разные стороны. Наконец замер, повернувшись в сторону невидного в тумане леса. Подал знак рукой и сразу же, отделившись от колонны, пара бойцов, взяв винтовки наперевес, скрылась в тумане. Командиры продолжили движение рядом с колонной.

- Вас что-то беспокоит, товарищ майор?

- Слишком спокойно. Не люблю, когда спокойно. В этом чертовом тумане как слепой - не знаешь, откуда неприятностей ждать.

- А Вы их ожидаете?

- Я всегда их ожидаю. Без чувства опасности ты гарантированный покойник. Особенно на войне.

Прошло минут десять - пятнадцать, когда майор резко остановился, замер и хриплым голосом крикнул: "К бою!", указывая рукой направление возможной атаки противника. Команда, повторяемая другими голосами, мгновенно пробежала вдоль колонны, раздались резкие трели свистков. Колонна, мгновение назад бывшая единым целым, распалась на небольшие группы, которые рассыпались на отдельных бойцов, развернувшихся фронтом к дороге и принявшихся энергично окапываться. Возницы приданной батальону батарее полковых пушек, нахлестывая лошадей, повернули в сторону видневшегося кустарника. Быстро отцепив в кустарнике передки с орудиями, они проскочили еще дальше в сторону и остановились. Пулеметчики, навьюченные станинами и ребристыми стволами "Максимов", оттянулись на фланги и принялись устанавливать свои кургузые агрегаты. Туман совсем рассеялся и опал, оставшись кое-где небольшими мутными озерцами. Из отчетливо проступившей в паре сотен метров рощицы выскользнули отправленные ранее командиром бойцы. Пригибаясь и виляя из стороны в сторону, они понеслись к дороге.

- Танки, товарищ командир. Около десятка. На той стороне луга, в роще. Готовились к атаке, - сдерживая вырывающийся хрип, доложил один из них.

- Гранатометчики - вперед! Приготовится к отражению танковой атаки!

Звуки в утренней тишине разносятся далеко, поэтому рев моторов все услышали еще до того, как из рощи начали выскакивать танки. Один, второй, третий... Десять танков. Рота. Приземистые угловатые машины, казалось, плыли над лугом, иногда покачиваясь и ныряя на кочках. Мгновение - и на концах курсовых пулеметов заплясали огоньки пламени. Затягивали тонкие танковые пушки. В ответ гулко и резко из кустарника бухнули "полковушки". Командир с белой повязкой заметил, что в первый момент часть бойцов дернулась было вскочить, но резкие команды заставили их снова залечь. Хотя уже достаточно рассвело, но утренний сумрак ограничивал видимость. Поэтому было видно, что на танках раскрыты люки механиков-водителей. Командир батальона это тоже заметил, подал команду, и позиции батальона рассыпались винтовочными выстрелами. Еще сто, ещё пятьдесят метров и под гусеницы танков полетели деревянные колотушки с дымовыми шашками - вначале редкие, потом, по мере того, как танки подходили ближе, всё более частые. Поднявшись, посредник быстрым шагом вышел на дорогу и замахал белым флажком. Вскоре к нему подошел командир стрелков. Не дойдя нескольких метров до дороги, танки остановились, потрескивая нагретыми моторами. На одной из машин откинулся люк, и из танка вылезли два человека, направившиеся к ждущим их командирам.

- Считаю атаку сорванной. Танки остановлены и частично уничтожены.

- Согласно условиям учений, стрелковый батальон уничтожен на марше внезапной атакой танков.

- А где вы видите маршевую колонну? Батальон рассредоточен, приготовился к отражению атаки и начал окапываться.

- В таком случае, я настаиваю на том, что батальон рассеян и понес существенные потери.
- Ротой лёгких танков стрелковый батальон?! - вскинулся комбат.

Шедший с батальоном посредник посмотрел на него:

- Не стоит спорить, товарищ майор. В донесении я отмечу четкие и организованные действия Ваших подчинённых: бойцов и командиров. И особенно ваши лично, товарищ майор. Согласимся на том, что батальон не смог продолжить движение. Но дорога осталась не перехваченной, танки свою задачу выполнить не смогли. На этом участке.

Потом посредники посовещались, согласовав дальнейшие действия по карте. Танки взревели моторами и ушли. Слащев, а именно он был посредником в батальоне, вернулся к командиру.

- Не переживайте, товарищ майор. Вы и ваши подчинённые действовали совершенно правильно и грамотно. Просто, как я понимаю, никто не мог предугадать, что вы почувствуете возможную атаку. Предполагалось, что удар будет нанесен внезапно, когда батальон будет на марше, в колонне. И вы прекрасно понимаете, чем бы это закончилось. Приходилось мне видеть.

Слащев лукавил. Он не видел, он помнил. Как это было, когда в "его" 41-м году лёгкие немецкие Т-II и Т-III рвали в клочья, застигнутые на марше батальоны и даже полки. Не ротами рвали, взводами. И, даже случалось, отдельными танками. Нет, не трусость бойцов была тому причиной. И не трусость командиров этих батальонов и полков. Трусость и глупость "больших звезд", не подготовившихся к войне и не подготовивших к ней армию. Ведь знали же и про танковые прорывы, и про опыт боев, но... "Мне этого не нужно". Уроды! Собственное предательство, а как иначе это назвать, если даже и не продавались непосредственно за фунты и марки, покрывали кровью людей. А потом на Сталина свалили. "Не приказал, не распорядился, не подготовил". Мать вашу, а Вы-то тогда за каким хреном хлеб жрёте?! Вы командиры или пописать вышли? И как удобно ведь - докладывали, а он не приказал. А вас-то тогда зачем народ кормит? Обгадились по полной программе, господа "гениальные стратеги". И не Шпанов вас на благодушные настроил, вы сами себя успокоили. И успокоились. "Броня крепка и танки наши быстры". Да не ваши это танки, а наши. Вот этого майора танки, который их не испугался и приготовился драться.

- Черт возьми! Я даже бойцов как следует не покормил, сухим пайком приказал. Обидно.
- Наблюдая вашу распорядительность, не удивлюсь, если в скорости кухни придут. А скажите, товарищ майор, как вы танки-то почувствовали?

- Да чего тут чувствовать? Что танки, что конница... Батальон выдвигался на усиление обороны. Эта дорога здесь единственная. И нужно быть полным идиотом, чтобы не предусмотреть перехват подходящего подкрепления. А подкреплению, соответственно, возможность перехвата. Теперь без моего батальона оборону будут считать прорванной - следующее подкрепление сможет подойти не скоро. Посыльных вперед и обратно в полк я отправил, но пока туда-сюда - время ушло. Эх-х-х... Ротой лёгких танков стрелковый батальон...

Именно этими словами Слащев начал свои возражения на разборе учений.

- Легкий танк способен нанести значительный урон пехоте, только застигнув её на марше, в чистом поле. В походном порядке, в колоннах - может и разогнать и уничтожить. Но если

пехота рассыпалась, тем более окопалась, сделать это ему практически нечем. По крайней мере, быстро не получится. Фугасное действие малокалиберного снаряда маленькое, осколков почти не дает. Потери, конечно, будут, но больше, по моему мнению, от зазевавшихся бойцов, не успевших увернуться. В любом случае, время будет потерянно. В рассматриваемом эпизоде учений - танкисты скорее передавили бы стрелков. Почему я и остановил атаку. Видимости из танка в тех условиях - никакой. А из башенных люков наблюдать командир батальона не дал бы, его бойцы даже по люкам механиков-водителей огонь вели.

- То есть вы считаете, что наши советские танкисты, вооруженные современной техникой, не способны выполнить приказ?

Слащев оглянулся. "Понятно. Кто-то из штабных теоретиков. Вон, вся рожа опухла и пожелтела от недостатка воздуха и переизбытка кое-чего покрепче".

- Не сомневаюсь. Способны. Особенно, если действовать будут грамотно и инициативно. А не как в данном случае. Будь у пехоты что-нибудь бронепробивающее, легко носимое или возимое, наши доблестные советские танкисты остались бы гореть, не пройдя половины расстояния от леса.

- Что вы имеете в виду?

- Я имею в виду, что только отсутствие у пехоты оружия, способного пробить танковую броню, не позволило мне остановить атаку сразу же, как только танки выскочили из рожи. Да, приданные орудия помогли их остановить. А если бы их не было? Будь у пехоты что-то, вроде тех же 37-и миллиметровок танковых, дальше середины луга танки бы не прошли. Или противотанковых ружей. Пусть даже броню не пробьет, но гусеницу сбить сможет - танк встанет. Тогда его можно и из орудий разбить. Или подобраться поближе и гранатами забросать.

За спиной докладчика раздался одобрительный гул собравшихся командиров.

- А если конница?

- И здесь всё не так однозначно. Отрыть полноценные окопы батальон просто не успел. Но, пулеметы на фланги выдвинули, залечь и рассредоточиться успели, артиллерию развернули. Следовательно, отпор дать смогли бы. Все остальное зависит от действий командира кавалеристов.

- То есть, вы считаете, что атаковать пехоту лёгкими танками бесполезно, и они нам не нужны? А вместо них нужна только конница.

- Нет! Я так не считаю и так не говорил, потому, что это глупость. Как является глупостью, а в условиях настоящего боя - преступлением, в лоб атаковать изготовившуюся и занявшую оборону пехоту. Если бы командир танковой роты использовал главное преимущество танка, его подвижность - всё было бы не так очевидно. Да ещё отсутствие пехотного сопровождения. Хотя бы стрелковая рота. Она связала бы батальон огнем, отвлекла внимание. Тогда пару танков можно было бы послать в обход. Разбить батарею и зайти батальону с тыла. Потери бы у танкистов были, но поставленную задачу они бы выполнили. Но атаковать позицию в лоб, без пехоты - просто отдать танки на съедение. Даже если бы они не были лёгкими. А против конницы противодействие давно придумано. Автоматическое оружие. И не только пулеметы. Хотя, вооружение нашей армии большим количеством ручных пулеметов, несомненно, своевременное и правильное решение. Но нельзя забывать и про личное стрелковое оружие. Самозарядные винтовки, например. Или автоматические винтовки Федорова.

А лёгкие танки нам нужны. Для разведки, для таких вот внезапных, но подготовленных, ударов. В конце концов - обоз перехватить и по тылам погулять.

-Прав капитан. Полностью прав. И хотя это были танки моей бригады, я согласен с его оценкой.

Слащев оглянулся на поднявшегося коренастого полковника с танковыми петлицами. Лицо показалось смутно знакомым. "Это еще кто? Вспоминай... Вспоминай, давай".

-Бригада поставленную задачу не выполнила. По моей вине; - закончил полковник и воткнул гневный взгляд, в сразу же начавшего ёжиться капитана-танкиста.

"Мать моя, Баданов. Точно, Баданов. Василий Михайлович. Получается, не добрался до него Зальцман. Точно. Эта скотина только в 33-м на заводе объявится. А вот этого уже допускать нельзя, таких паразитов нужно давить заранее. Глядишь, ленинградцы нормальные танки и пушки делать будут. Кто у них там главным конструктором сейчас? Док говорил, вроде бы Гинзбург. Тогда толк будет. И снаряды взрывающиеся, а не эта хрень малосильная, которую для "сорокопятки" клепали. Ну, быть сегодня разносу. Баданов с капитана шкуру спустит. И правильно, думать надо. Головой".

Закончив свой отчет и передав карту с записями ответственному, из штабных работников, Слащев вышел во двор. Закурил, уселся на скамейку, прислонившись спиной к нагретой стене, и с наслаждением вытянул ноги. Хлопнула дверь штаба, где проходил разбор, и на крыльцо вышел Егоров. Увидел Слащева, улыбнулся и направился к нему.

-Разрешите, товарищ полководец?

-Лавка не моя, с собой не вожу. И хватит ржать, смотри, копытом бить начнешь.

-Да. Подбросил ты ежа штабным. И Баданов тебя поддержал. А он мужик упёртый. Кстати, про какое-такое ружье бронепробивающее ты говорил?

-Да так, вспомнилось. Французы, ещё в конце мировой войны придумали. Вроде обычной винтовки, только с длинным стволом и калибром миллиметров так 12-14. Представляешь скорость и вес пули? Думаешь, не пробьет броню?

-Откуда узнал?

-Что узнал, Егоров? Слушать надо, что на курсах говорят, не щеку давить. Просто представь себе такую дуру. Тяжеловата, ясное дело. Так переносить можно вдвоем: один стреляет, второй патроны подает. Зато шиш лёгкий танк её пройти сможет. А если таких на батальон штук пять? Где были бы те атаковавшие танки?

-Значит, не сам, говоришь, придумал?

-Да ты яснее говори, в чем дело-то? Не тяни kota за..., сам знаешь, что.

-Есть у нас информация, что поляки подобные ружья на вооружение ставят. Специалисты нас уверяют, что это они от бестолковости и бедности - пушек толковых и в нужном количестве сделать не могут, вот и выкручиваются.

-Уж не те ли это специалисты, которым поляки по сусалам настучали?! Даже наша обычная

трехлинейная пуля со стальной оболочкой с 50-ти метров рельс пробивает. А тут калибр, скорость пули за счет длины ствола. Устоят 20-мм брони на 200-тах метрах? Да со специальной какой-нибудь пулей или зарядом усиленным такое ружье и больше возьмет. В шею гнать таких специалистов! Полякам подарить - пусть их вооружают.

-Вот, значит, как... Считаешь, полезная вещь? Так и запишем. А что это за самозарядные винтовки и кто такой Федоров?

-Слушай, Егоров. Кто у Вас там вообще вооружением занимается? Ты бы шепнул Григорию Ивановичу, пусть он их на вменяемость проверит. Докладываю. Самозарядная, она же магазинная, винтовка снаряжается сразу пачкой патронов и при стрельбе не требует передергивать затвор. Магазин вставил - и пуляй себе, пока патроны не кончатся. Федоров и сделал такую на основе "арисак" японских. Своих-то не хватало, зато японского старья "союзники" навезли. Да не пришелся ко двору - "слишком большой расход огнеприпасов". Тоже, видимо, специалисты решали. А у немцев уже в 16-м пистолеты-пулеметы были. К пузу приставят и поливают во все стороны. Так Федоров дальше пошел, он настоящий автомат сделал. Та же винтовка, только на 25 патронов калибра 6,5 мм и с автоматическим огнем. Потому и автомат. Сделали их, правда, мало, но на Балтике они себя показать успели. Что, не слышал?

-Это ты у нас, Слащев, по всяким техническим премудростям дока. А я что - крыса штабная. Мне по Уставу не положено. Федоров, говоришь. А у немцев кто эти... пистолеты-пулеметы делал, не знаешь?

-Нет, Егоров. Этого не знаю. Да вы у них же и спросите. Слышал только, что ими шущманов вооружают - значит, продолжают делать. Не откажут, думаю, союзники. Да и не только в автоматических винтовках дело. Тут шире надо смотреть. Вот представь себе: стрелковый взвод, в каждом отделении противобронное ружье, итого три штуки, ручной пулемет, итого три штуки, пара автоматов, итого шесть штук, у остальных самозарядные винтовки, итого восемнадцать, плюс оружие взводного - автомат или винтовка. И гранаты по штату. Как? Лёгкая добыча для конницы или лёгких танков?

-Забодал ты меня, Слащев. Как есть забодал. Вечно ляпнешь что-нибудь эдакое, а мне потом перед Котовским отдуваться - почему такой-сякой не доложил раньше? А у меня голова не лошадиная.

-А голова, друг ты мой дорогой, человеку дадена, чтобы соображать, а не фуражку носить. Ты чаще ко мне заезжай. Вот тебе и повод - с товарищем полководцем посоветоваться. Как там Маша?

-Домой рвется. Никак не привыкнет к Москве. Да я и сам, честно говоря. Ну, ничего. Годик еще поучительствует, потом в университет поступать будет. Историю изучать хочет. Она когда, с твоей помощью, с отцом Андреем познакомилась, аж загорелась вся. Говорит - мы же собственной истории не знаем. Нам про неё почему-то Скагерраки... отставить, Скалигеры какие-то рассказывают. А мы сами должны её знать. Так что штатно всё, в общем и целом. Сам как, к завтрашнему дню готов?

-Готов. Ты, кстати, не знаешь, кто у меня посредником будет?

-А что, есть пожелания?

-Ничего себе, Егоров, в каких эмпиреях ты летаешь! Серьёзно? Ну, если возможность есть -

давай мне того капитана, который у танкистов был. Чувствую, обиделся он и не понял ничего. Хочу попытаться объяснить ему, что к чему.

-Думаешь, получится?

-Попытаться стоит. Таких как он, в армии не один. Нужно учить и убеждать. Убеждать и учить. Потом может оказаться поздно.

-Стратег ты, я смотрю. И вот еще, Слащев. Передаю тебе распоряжение Григория Ивановича. По окончании учений напишешь рапорт на его имя со всем, что ты тут понавыдумывал. Понятно напишешь, понял? Чтобы меня не драли потом, как кота нашкодившего. Не как в прошлый раз - дифракция, дифракция. А я ни ухом, ни рылом про ту дифракцию. Короче. От лица Главковерха, меня то есть, товарищу полководцу порицание. Общественное, от моего имени. За дифракцию, чтоб ей ни дна, ни покрывки.

Новиков

Когда в июле 1931, в присутствии командующего округом были проведены первые официальные учения, батальон получил отличные оценки по всем видам подготовки - боевой, строевой, политической.

Если разобраться, то ничего странного в этом не было. Новиков справедливо считал, что от подъема до отбоя боец должен быть занят. Нет свободных танков - занимайся стрелковой подготовкой, строевой, физической, изучай уставы и наставления и не просто изучай, а творчески каждое положение примеряй к практике. Он требовал, чтобы командиры были с бойцами всегда. Составили график, по которому командиры вне зависимости от должности даже ночевали в казарме за тонкой фанерной перегородкой. Пыль, грязь, бензин, масло, ржавчина - значит больше внимания внешнему виду. Боец должен передвигаться по расположению части или бегом или строем - это не требование самодура начальника. Если видишь бойца, который неторопливо бредет, засунув руки в карманы, значит ему нечего делать! Значит плохой командир, который не бережёт государственные деньги и не бережёт своих подчиненных. Ведь вместо подготовки К ВОЙНЕ, а в этом смысл существования армии, он готовит из них нарушителей в мирное время и пушечное мясо в случае боевых действий. Если бойцу нечего делать, он найдет себе занятие сам, и не трудно себе представить, что может взбрести в молодую, ещё без внутренних тормозов голову. А необученный боец на войне... Говорят война - научит. Научит, но какой ценой, какой кровью!

Несмотря на явные успехи, а может быть благодаря ним, жалобы на Новикова шли в Москву, если не потоком, то весьма бурным и зловонным, надо сказать, ручейком. Закончилось это тем, что в октябре из Москвы нагрянула комиссия во главе с заместителем наркома командармом Уборевичем. Невысокого роста, чрезвычайно подвижный он неожиданно нагрянул в расположение батальона в сопровождении целой свиты из представителей штаба округа и наркомата. Задержка у пропускного пункта, где побледневший до синевы молодой боец категорически отказался пропускать кортеж в расположение части до прибытия начальника караула, не прибавил хорошего настроения комиссии, скорее наоборот. Оповещенный начальником караула, Новиков встречал гостей у дверей штаба. Увидев злорадную усмешку на лице командующего округом, понял - будут валить. Тем не менее, четко доложил Уборевичу и пригласил пройти в штаб.

-Еще насидимся. - Голос Уборевича был брезгливо-недовольный. - Показывай комбат, что ты

тут натворил. Из-за чего шум до самой Москвы.

-Товарищ заместитель наркома, в батальоне идут плановые занятия. О каких либо ЧП мне не известно.

-Ему не известно! Пошли, посмотрим, что у тебя за плановые издевательства над бойцами. А тем временем товарищи из управления снабжения проверят ваши отчеты.

Новиков, как не странно, не испытывал страха перед грозной комиссией. Злость, досаду - да, но не страх.

-С чего начнем, товарищ заместитель наркома? Первая рота - на стрельбах, вторая - на полигоне, третья - занята сдачей зачетов по матчасти.

-В казарму.

На пороге казармы Уборевич резко повернулся к Новикову.

-Значит, не боишься? Гонор свой показываешь?

-А мне нечего бояться. Я честно выполняю свой долг перед Родиной.

-Красиво говоришь комбат. А я не люблю красивых слов.

-Говорю так, как думаю, товарищ заместитель народного комиссара.

-Как думаешь?

Уборевич, держа руки за спиной и покачиваясь с пятки на носок, пристально смотрел на Новикова. Даже то, что он успел увидеть за несколько минут, разительно отличалось от привычной картины в других строевых частях. Дорожки, посыпанные битым кирпичом, аккуратная будка часового на въезде в часть. Железная решетка для чистки подошв перед входом в штаб и казарму. На территории никаких следов грязи и мусора. Сам комбат и командиры одеты подчеркнуто щеголевато. Но ведь явно не знали о проверке, не готовились. Значит, это повседневное состояние. К такому Уборевич не привык. Подобное он видел только в Германии. И держится комбат достойно - глаз не отводит, ни тени подобострастия. И все же...

-Боевая тревога! Задача батальону - в срочном порядке обеспечить переправу главных сил через Волгу и занять оборонительные позиции... Карту комбат.

Новиков торопливо вынул из планшета карту района расположения.

-Что за город на том берегу? На вашей карте левый берег не отмечен.

-Вольск, товарищ...

-Так вот, занять оборону севернее Вольска. Частью сил провести разведку на флангах. Об исполнении докладывать каждые... - Уборевич посмотрел на наручные часы, - тридцать минут. Приступайте!

-Разрешите, товарищ командарм.

Новиков взбежал по ступенькам мимо посторонившегося Уборевича и распахнул дверь в

казарму.

-Дневальный! Боевая тревога!

Через секунду по всей территории части завывли сирены.

-Тревога объявлена, товарищ заместитель народного комиссара. Разрешите приступить к выполнению своих обязанностей.

-Разрешаю, товарищ майор. На время проведения учения разрешаю обращаться ко мне по званию.

-Есть.

Уборевич проводил глазами бегущего к зданию штаба комбата. Территория части напоминала растревоженный муравейник. Но опытным глазом командира Уборевич уже видел, что это не бесполезная суета, каждый бал занят конкретным делом.

-А комбат молодец! С сиренами это он здорово придумал. Надо и у себя так сделать.

Уборевич покосился на говорившего полковника и тот сразу умолк.

-Нравится? Тогда я вам поручаю документировать ход проводимого учения с полным хронометражем.

Отдельный танковый батальон - почти пятьсот человек личного состава, это если не считать технические и вспомогательные службы. Десять танков, шесть бронемашин, артиллерийский дивизион, зенитная батарея, пулеметный взвод и стрелковая рота, взвод технического обеспечения и т.д. Все это нужно сдвинуть с места, и не просто сдвинуть, а организованно, в полном боевом порядке, чтобы часть могла в любой момент вступить в бой. Это не просто. А если по тревоге, то это уже настоящее искусство. Искусство командира. Тем более что предстояло провести переправу через Волгу, самую большую реку Европы.

Уборевич до последнего момента собирался остановить, как он сам считал, безрассудную переправу. Но невольно залюбовался слаженными действиями батальона. Команду на прекращение переправы он выдал, только когда стрелковая рота высадилась на остров, который был определен как промежуточный пункт переправы, а от берега отчалили первые понтоны с танками и артиллерией.

-Остановить переправу! Противник неустановленными силами ведет атаку вдоль берега. Приказываю, организовать оборону переправы.

-Есть.

И снова, никакой суеты. В воздух взлетела серия ракет. Понтоны с танками и артиллерией повернули к берегу, с острова возвращалась стрелковая рота, оставившая один взвод для охраны важного пункта переправы. Посыльные разворачивали подходившие в строгом порядке подразделения батальона с указанием новой задачи. Зенитная батарея под прикрытием счетверенных пулеметов спешно заканчивала окапываться, готовая прикрыть переправу от нападения с воздуха. Пропылили по дорогам броневика разведки. Взрывая моторами и настороженно поводя из стороны в сторону длинными тонкими стволами орудий, выходили на определенную позицию танки. Несколько минут, и прибрежная рощица надежно скрыла их от

любопытных глаз. К удивлению присутствовавших командиров - танки везли за собой "сорокапятки" - легкие противотанковые пушки. Вот пристали к берегу лодки с пехотой, и бойцы, получив команду от уже поджившего их посыльного, бегом отправились к участкам определенным для развертывания. Прикрываясь густым кустарником, развернулся артдивизион.

-Товарищ командарм. Батальон поставленную задачу выполнил. Оборонительные позиции заняты...

Новиков карандашом показал на карте рубежи развертывания.

-Молодцы. А это что такое?

Мимо стоявших на обочине дороги командиров разбрасывая искры из короткой трубы, на рысях промчалась походная кухня.

-Время обеда, товарищ командарм. Повара торопятся.

-Торопиться говоришь? Молодцы!

Теперь Уборевич уже не скрывал удовлетворения от увиденного.

-Как, товарищи командиры, уложился комбат в нормативы развертывания?

Полковник, которому было поручено вести, хронометраж учений, протянул Уборевичу полевой блокнот.

-Какие там нормативы. По нормативам они сейчас должны из расположения части выходить. А у них уже обед готов.

Напоминание про обед, сопровождавшееся глухим урчанием в животе полковника вызвало невольный смех. Уборевич тоже улыбнулся.

-Похоже, комбат привел самый основательный аргумент в свою пользу. Ну что же. Веди, показывай, как построили оборону, заодно и пообедаем и с бойцами поговорим.

Осмотром позиций окопавшегося батальона Уборевич остался доволен. Да и наваристые щи и густая пшенная каша с мясом явно прибавили настроения.

-После такого сытного обеда не о делах бы говорить, но надо, надо. У меня к комбату есть несколько вопросов. Думаю и у остальных членов комиссии их предостаточно. И так. Во-первых, почему вывел на учение только десять танков? Где остальные двадцать? На ремонте? Пожег технику?

Лицо Новикова вытянулось от удивления. Ожидал всего, но такого!

-Товарищ заместитель народного комиссара, в учении принимают участие все танки батальона. Больше у нас нет.

-Как нет?! - Пришла очередь удивляться замнаркома.- Ещё два месяца назад вам по разнарядке были отправлены двадцать машин с Ленинградского завода.

-Мы не получали ни какой техники, после прибытия первых танков в апреле. Ни положенных

по штату понтонов, ни радиостанций, ни тем более танков. На мои неоднократные запросы командование округа не отвечало.

Удобно устроившийся на раскладном стуле в тени старого тополя Уборевич, вскочил как на пружинах. Лицо его налилось кровью, хваленую выдержку как ветром сдуло.

-Командующий округом! Потрудитесь объяснить!

Командующий, дородный мужчина, стоял перед Уборевичем, обливаясь потом. Вид у него был такой, как будто из него выпустили воздух.

-Мы решили до приезда комиссии технику не давать. Чтобы ... Не угробил зря. Мы...

-Куда дели технику, генерал. - Голос Уборевича стал до ледяного спокоен.

-Мы, значит... Временно то-есть...

-Товарищ заместитель народного комиссара, - прервал лепет до этого момента незаметный майор, - кажется это уже по нашей части. Не волнуйтесь, товарищи. Мы быстренько разберемся кто это - МЫ. А вам комбат советую готовиться к приему запоздавшей техники. Товарищ заместитель наркома, разрешите нам с этим гражданином покинуть общество и заняться намного менее приятными делами.

-Работайте майор. О результатах прошу докладывать немедленно.

-Слушаюсь. - И уже обращаясь к, судя по всему, бывшему командующему, - Пройдемте гражданин, нас ждут великие дела.

На комкора было жалко смотреть. Новиков впервые в жизни видел, чтобы человек вот так в одну минуту ломался. Мутный, отсутствующий взгляд, обвисшие, безжизненные какие-то, складки щек, безвольно опущенные плечи. Вот только что был человек, и нет его, весь вышел.

-Так на чем же вы переправлялись если не получили понтонов?

Голос Уборевича вывел всех из тягостного состояния.

-На бочках, товарищ командарм.

-На каких бочках?

-Из-под бензина. Когда понтоны не пришли, мы с ленинградскими инженерами подумали, посчитали и решили сделать своими силами, временные. Три пакета по шесть сваренных между собой бочек. Стягиваем их между собой стальным тросом. Сверху деревянный настил. Конечно грузоподъемность поменьше, чем у штатных, но для наших танков вполне хватает. И главное перевозить в трехтонках удобно, как раз по размеру кузова получилось.

-Все комбат, хватит. Удивил, так удивил. Значит и все танки на ходу?

-Так точно.

-Давайте товарищ майор отбой тревоги и ведите, показывайте своё хозяйство. Можете не волноваться, проверку вы уже прошли, теперь мне самому интересно посмотреть, как вы добились таких результатов.

Утро наступило ясное и тёплое. На чистом, голубом и ярком, промытом дождями небе застыли перистые облака. Ни ветерка, ни шороха. Слащев читал доставленный курьером приказ и медленно обалдевал. Ему предлагалось, ни много ни мало, сорвать наступление всей группировки противника. Стоящий рядом посредник, тот самый капитан, не без ехидства улыбался. Содержание приказа он узнал еще в штабе, поэтому не мог отказать себе в удовольствии полюбоваться на выражение лица этого, слишком возомнившего о себе, Слащева. "А вот хрен вам, товарищ капитан! Нас просто так не слопаешь. Хочешь порадоваться? Сейчас удивляться начнешь".

-Командиры и старшие групп ко мне! Карту!

Карта в отряде была особенная. С виду - обычная трёхверстовка, но на неё была нанесена вся обстановка. С упором на слово "вся". Все мостки и тропки, броды и топкие места, ручейки и овражки, пни и коряги, словом, всё. Позиции противника тоже были нанесены со всей возможной точностью, чуть не до отдельного бойца. Не зря бойцы отряда буквально обнюхали весь район учений. На брюхе обползали, ножками обошли и руками потрогали. И даже кое-где себе, так сказать, рабочие места подготовили. Так что не на пустом месте и с чистой импровизации концерт начинался.

-Слушай приказ. Архипов. Ты со своей группой рвешь мосты возле Святкино. Но не сразу, а когда начнется подготовка переправы. Капитально рвешь, с обеих сторон. Имей в виду, там тебя могут, и будут ждать. Это единственные мосты в округе, до ближайших, способных технику выдержать, вёрст пятьдесят в обе стороны. Иди по воде. Оставь людей здесь и здесь, видишь? И минируй противоположный берег. Если будут переправы наводить, когда ты мосты рванешь, то только там. Василенко. Берешь свои тарахтелки и закрываешь дорогу здесь, смотри. Мёртво закрываешь. Тут у них броневики есть, поэтому дорогу закрывай завалом и минируй. Патронов бери - сколько увезешь. Когда и если тебя обойдут - подвоза не будет. Дальше. Кожевников. Ты от Термена запалы получил? Испытывал? В Николаевке работают? Тогда так. Устанавливаешь заряды в Николаевке, Степановке и здесь вот, южнее Гривок. Да, на складах. Охренел?! Дымовые, конечно. Гривки-то, может, и уцелеют, а от остальных только пар останется. Какие есть мысли про штаб противника? Где он может быть?

-Да тут и гадать не нужно. В Николаевке он.

-Откуда такие выводы?

-Ну... Курьер рассказал.

-Сам?!

-Не то, чтобы сам...

-Вы его хоть не сильно покалечили, партизаны?

-Да что ему сделается? Еще и выпил на дармовщину. Почтальон...

-Инициативу одобряю. Много выпил? Без излишеств? Годится. Тогда так. "Почтальон" сказал, где именно? Джумалиев. Сан Сергеич. Бери своих зверобоев и блокируй правление. Маскировка максимальная. Начнется суета - отстреливай полковников и кто выше. Ясно?

Кожевников. Можешь организовать сюрприз в правление? Или рядом с ним. Нет, сюда действующий, но из специальных. Парфюмерный, к примеру. Вот ни в жизнь не поверю, что твои умельцы не сообразили. Телефонист, связь со штабом.

-Прошу выслать наблюдателей и обеспечить артиллерийскую поддержку отряда в районах Святкино и хутора Отдельного. Да, заградительный огонь по квадратам 56-02 и 58-44. Лист карты А12.

-Товарищи командиры, всем всё ясно? Тогда по местам. За меня остается заместитель. Я буду вместе с группой Джумалиева. Начали...

Не всё прошло так, как планировалось. Но в целом, действия отряда произвели ошеломляющее впечатление.

Началось с того, что когда главные силы наступающих подошли к мостам и начали готовиться к переправе, деревянный мост "загорелся" с обоих концов, а с береговых опор железнодорожного повалили густые клубы какого-то зелёного дыма, вызывавшего першение в горле, слёзы из глаз и резкий кашель. Когда группа бойцов в противогазах пробежала задымление, их встретил артиллерийский посредник, сообщивший, что мост взорван, а предмостовой плацдарм накрыт артиллерийским огнем. Подтверждением этому были далёкие глухие раскаты орудий. Честно говоря, группа Архипова успела в последний момент. Когда он через мать-перемать "конфисковал" в свое распоряжение взвод охраны, через мосты перескочили немцы в камуфлированных комбинезонах. Они были сильными бойцами, но отрядная подготовка оказалась выше. Поэтому сейчас помятые немцы сидели в сарае под охраной бойца охранного взвода, которому в схватке повредили колено. Скула самого Архипова кровоточила здоровенным синяком, когда он нарвался на удар ногой в подкованном сапоге, хорошо что вскользь. Поняв, что пост на другой стороне реки, скорее всего, уничтожен, Архипов приказал паре бойцов переодеться в немецкий камуфляж и проверить. Оказалось - не зря. Немцы оставили пять человек для охраны подступов к мостам, но... Бойцы отряда давно не считали, что двое против пяти - это неравный бой. Только развязали "своих" пленных и передали строжайший приказ командира "сидеть и не высовываться". "Пленных" немцев увели с собой. От греха, так сказать - развязанные славяне вполне могли посчитаться за свои синяки и шишки. Потом минировали мосты и спешно рыли окопы на своем, более высоком берегу. Успели, благо берег был песчаным. Всё это время с группой Архипова находился артиллерийский наблюдатель - посредник, самым тщательным образом фиксировавший всё, что происходило.

Танковая бригада, входившая в состав ударной группировки, рванулась к ближайшему мосту. Её не повезло - командир выбрал направление, перехваченное группой Василенко. Расчет строился на том, что в случае возникновения любых неприятностей, с ними смогут разобраться броневики, располагавшиеся в гарнизоне Гривки. На маршруте имелось только одно уязвимое место, как раз в районе Гривок, поэтому расчет был вполне правильным. Тем более, что расстояние до другого моста, в другую сторону, получалось вдвое больше - требовалось обойти лесной массив, через который дорог не было. Огромный столб дыма и звуки стрельбы, в которой выделялись резкие очереди пулеметов, установленных на броневиках, показали, что танкисты опоздали. "Горели" склады ГСМ под Гривками, а броневики при поддержке пехоты пытались расчистить завалы на лесной дороге. А еще одним "плюсом" за выбранный маршрут, как раз и была возможность дозаправить танки.

Группа Джумалиева, вместе с которой был Слащев, "погибла". Нет, началось всё хорошо. Когда задымился ящик, поставленный якобы для хозяйственных нужд возле крыльца правления, и громко "фукнув" выбросил сноп резко пахнувшего свиного дерьма, началась та самая "суета", о которой и говорил Слащев. Закрывая носы и рты рукавами и просто руками, из правления начали буквально выпрыгивать командиры разного ранга. Раздолье для отличных стрелков! Работу штаба можно было считать парализованной, а часть командования уничтоженной. Потом началось преследованное. Гнали их грамотно, и умело: преследователи явно хорошо знали лес и не боялись его. Наиболее удобные места и тропки оказывались перехваченными, а преследующая группа и не думала отставать. Она легко держала темп, заданный Слащевым. Начал сдавать капитан - посредник, всё чаще он останавливался, тяжело дышал и сплёвывал, заходясь дыханием. После того, как перебрались через болотце, едва не потеряв одного из бойцов, провалившегося в окно и которого пришлось вытаскивать, зацепив кошкой на тросе, Слащев понял - всё. Дальше бежать было бесполезно - посредник скис, да и бежать с раненым бойцом, сохраняя прежний темп, они не смогут. Оставалась надежда, что преследователи в болото не полезут. Немцы надежду не оправдали - не прошло и десяти минут, как болотце снова вспухло пузырями воздуха и из него показались "загонщики". Рослые, крепкие ребята в камуфляже. Впереди явно командир, хотя под комбинезоном знаков различия видно не было.

Подождали, пока немцы выберутся из болота, отложили винтовки и, выхватив ножи, бросились в атаку. Рванулся и капитан - посредник, но оставленный с ним раненый кошкой боец, просто навалился на него всем телом, не давая встать. Сошлись, молча, яростно нанося удары и уворачиваясь от ответных. Удары, уклонения, подножки, перекаты. Хриплое дыхание, хеканье и глухие стоны. Немцы не уступали. Не хотели уступать, хотя разница в подготовке всё-таки сказывалась. Наконец, командир немецкой группы что-то резко закричал, и немцы остановились. Бойцы отряда тоже замерли, не понимая. Слащев понял - немец предлагал поединок. Вышли вперед и встали друг против друга. Прыгнули одновременно, в движении принимая позы для удара. Немец был хорош! Чертовски хорош. Слащеву понадобились все его знания и умения, и "старые", и вновь приобретенные. Наконец, ему удалось поймать противника на обманном броске, перекатом уйдя от ответного удара, и бросить его через спину. Немец, сломав сухое деревце, пролетел пару метров и, впечатавшись в пень, обмяк. "Бляха муха. Не дай бог, позвоночник сломал". Слащев подскочил к противнику и проверил пульс. "Слава богу. Дышит. Но каков боец"! Вдвоем с подбежавшим Джумалиевым аккуратно подхватили немца и осторожно посадили, прислонив спиной к широкому стволу дерева. Поняв, что продолжения не будет, бойцы, и наши и немцы, опустили на землю. Подошел разозлённый капитан, выбравшийся, наконец, из-под своего "охранника".

-Слащев, мать твою! Ты что себе позволяешь?! Думаешь, я телёнок, драться не умею?

-А тебе не положено, капитан. Тебе полагается наблюдать и надзирать. Вот и... Короче, записывай - группа уничтожена в ходе преследования. Выживших нет. Кроме тебя, конечно.

-Найн. Это не есть правда.

Командир немцев разлепил глаза. Этим тут же воспользовался Джумалиев, влив немцу в рот несколько капель из фляжки. Прокашлявшись, немец продолжил.

-Правда есть, что групп ушэль. А мой групп есть убит.

"Ай да фриц. Молоток. Благородство демонстрирует. Рыцарь, прямо". Слащев опустился на землю рядом со своим бывшим противником. Повернулся к нему и протянул руку.

-Капитан Слащев. Александр.

- Гауптман фон Риттер. Отто.

"Гляди-ка. В самом деле, рыцарь. Ну, дела"...

-Тогда будем считать, что обе группы уничтожили друг друга во встречном бою. Годится?

-Го...дится. Гут.

-Что скажешь, посредник? Принимается такое решение? Всё по честному, с раненым мы бы от них не оторвались. А мордобой - дело такое, кому как повезет.

-Ты мне мозг не полируй, Слащев. И то, что я тебе гирей на ногах висел, можешь говорить прямо. Ты же мог, пока немцы через болото пробирались, перещелкать их как куропаток. Почему не сделал?

-А сам как считаешь? Думаешь, эта группа одна была? Вот уж нет, уверен. Эта у нас на хвосте висела, а где другие? Начни мы стрельбу - они нас быстро посчитали бы и подтянулись. Вот тогда, если они такие же, как эта, действительно - всё. А так... Баш на баш, как говорится. Вот, благородством с союзниками померялись и то дело. Как считаешь, союзник?

-Гут. Карашо.

Новиков

Новый, тридцать второй год встречали под вой бурана. Не за праздничным столом, а за приемкой новых машин. Ленинградцы сдержали свое слово, новые танки к Новому году. Т-19М. Легкий маневренный танк. Машина, определившая основные пути развития отечественного и зарубежного танкостроения на ближайшие годы. В принципе, от первоначального варианта осталось очень мало. Новиков, испытавший машину на следующий день, после сдачи зачета по матчасти и эксплуатации, был в полном восторге. Не зря говорят, все познается в сравнении. Наконец на вооружение Красной армии поступил танк, превосходивший все зарубежные аналоги. Танк, предназначенный для боя, а не для парада. Средство ведения боевых действий, а не пропагандистский трюк. Десять танков и как новогодний подарок - два самохода с 76-мм дивизионной пушкой!

Вместе с сопроводительными документами Новикову передали письмо от Гинзбурга. "Николай Максимович. Прошу простить за мой скептицизм в отношении Вашей идеи применения торсионной подвески. Подвеска полностью себя оправдала. Более того, создание самоходов на такой короткой базе без неё вообще технически крайне сложно. Тележки не выдерживают отдачи. От себя и всего коллектива конструкторского бюро и всех рабочих и служащих завода поздравляю Вас с Новым 1932 годом. Желаем, что бы наши танки в ваших руках стали грозным оружием, способным дать отпор любому врагу".

К вполне понятному восторгу примешивалась изрядная доля удивления. Откуда это всё СЕЙЧАС?! Не убогие двадцать шестые и гоночные БТ. Серьезные боевые машины. Ведь не его же, в общем-то, скромное вмешательство привело к такому результату? "Совсем ты дорогой товарищ погряз в текучке. Думать и наблюдать совсем разучился"! Конечно, это было не совсем так, но доля истины и немалая в этом самобичевании содержалась. А ведь выходило все достаточно просто и понятно.

Была не просто разработана, но и активно и планомерно внедрялась в жизнь единая военно-политическая доктрина. Не было ненужных и весьма дорогостоящих метаний и экспериментов с закупкой запуском в производство импортной военной техники. На одном этом деньги были сэкономлены немалые. В партии и госаппарате шла усиленная чистка. Коминтерн, как сборище международных перманентных революционеров - приказал долго жить. Сколько так необходимой стране валюты уходило в эту пропасть, Новиков толком не знал. Но что суммы были сравнимы с годовым бюджетом СССР, слышал. Даже если это было преувеличением (а если преуменьшением?), то все равно получалось достаточно, чтобы вкладывать в создание и развитие передовой индустрии в разы больше. И не стоит сбрасывать со счетов, все более развивающееся сотрудничество с Германией. Порою просто не возникает необходимости изобретать свой доморощенный "велосипед на паровой тяге". Наглядный пример - прицелы и смотровые приборы на его новых машинах. Карл - Цейс. Это вам не плюшки лопать! И ведь читал в газете, что Цейс налаживает завод в Ленинграде. ЛОМО, да не тот.

Да и в самом Союзе уже до его "прибытия", все пошло по-другому. Служили ведь в Поволжье. Но о голоде - ни слова! Да, засуха была. Сложно было. Но никакого голода и тысяч умерших вдоль дорог. В первый месяц несколько расстрельных приговоров не в меру ретивым чиновникам, вплоть до областной администрации, преимущественно почему-то со странно нерусскими фамилиями. Особо громкое было дело первого секретаря Средне - Волжского крайкома партии Менделя Хатаевича и целой кучи его прихлебателей. И, всё. Как отрезало! И хлеб нашелся. И посевное зерно никто больше не выгребал. И даже стратегический запас вскрывать не пришлось. Вот только в Саратовской Консерватории и бывшем Николаевском университете очень много вакансий открылось. Да и студент пошел другой. Станный какой-то коммунизм стал строиться. С нееврейским лицом. И ведь никаких официальных компаний! Да и в предвзятости не обвинишь. Своих сволочей тоже хватает. Но соотношение! И почему так получается?! Как только начинают разгребать очередную кучу дерьма - так в ней обязательно окажутся евреи! Ведь есть же вполне нормальные - рабочие, служащие, крестьяне, военные! Или они уже не евреи? Или те - не евреи, а жида? Черт его поймет этот богоизбранный народ! Никогда, ни в той, ни в этой жизни антисемитом не был. Но глядя на всё, что вокруг происходит - начинаешь их понимать. Или правильно говорят, что дьявол великий притворщик и путаник? И что он делает все, чтобы его не было видно?

Такие праздничные размышлизмы так его достали, что не выдержал. Ухватил за рукав спешащего куда-то по праздничным делам Ковалева и затащил его в свой кабинет.

-Комиссар, нужна помощь. Иначе сейчас сорвусь с катушек и устрою новогодний марш-бросок.

У Ковалева, даже его глазки-щелки стали круглыми как у совы. Пришлось объяснить, какие такие неразрешимые вопросы мучают командира. На удивление, Ковалев все понял сразу и правильно. Это было заметно. Точнее, слышно. Таких оборотов и пируэтов "великого и могучего" языка нашего, Новиков не слышал давно. И из чьих уст! Оказалось, что все это не просто так - эмоции, а вполне конкретное определение линии партии касательно этих.... Ух, язык не поворачивается! После короткой, но содержательной лекции Новиков понял, что в этих вопросах он сущий телок и младенец, несмотря на весь свой исторический опыт. Хотя, это не совсем верно. Многое он знал. Знал намного больше чем Ковалев. Но знание и понимание вещи сугубо разные. В чем ещё раз и пришлось убедиться. Вкратце, если переводить речь Ковалева на нормальный язык, это не народ, а дрожжевая культура в выгребной яме западной цивилизации. И как любая зараза норовит распространиться и всё вокруг сожрать. Ну что сказать? Коротко и доходчиво. А те, кто не эти, по жизни, то они уже русские. И для остальных паразитов объект ещё большей ненависти, чем все остальные.

А в конце своей политпросвет работы, Ковалев честно и открыто, как и полагается истинному члену партии, заявил. Что если командир ему сейчас же не нальет стакан водки, в компенсацию за испорченное праздничное настроение, то он этому командиру даст в рыло. И это будет вполне соответствовать задачам партии в данный исторический момент. Пришлось наливать. И не стакан. И не два. Наконец товарищ успокоился. Но напоследок пообещал всерьез заняться политическим воспитанием командира.

По уже устоявшейся традиции вместе с новой техникой с завода приехали представители, "инженерный десант". Среди прибывших Новиков с удовольствием увидел знакомое лицо. С Сергеем Михайловичем Ивановым он познакомился летом, во время войсковых испытаний Т-19. Немногословный, чрезвычайно работоспособный, влюбленный в свое дело, он сразу пришелся по душе Новикову. То что, не смотря на многочисленные поломки, все танки удавалось быстро вводить в строй, было, несомненно, заслугой Иванова. И вот снова вместе. Обнялись как старые друзья.

-Что, уже успели соскучиться по нашим степям?

-И по степям соскучился и по людям. Хорошие у вас подобрались сотрудники. Тьфу ты, черт! Извините привычка.

Новиков рассмеялся.

-Ничего. Нормально получилось. Сотрудники, соратники - слова похожие по смыслу и содержанию. А если серьезно? Вон, даже загар сойти не успел. Ведь все жаловались, что домой пора, жена заждалась.

-Не дождалась. Ушла с... А какая разница с кем! Так что теперь я вольный казак. И дома сидеть нелегко. Все о ней напоминает.

-Вот оно как. Извините Сергей Михайлович, тут, наверное, и наша вина. Отпусти мы вас пораньше, и глядишь, все было бы в порядке.

-Да нет тут вашей вины. Не могу я все время дома сидеть, за юбку держаться. Натура не та. Так что может быть оно и к лучшему. Хорошо, что детей не успели народить. И хватит об этом. Лучше показывайте, что тут успели без меня наломать. Знаю я вас - вояк. Так и норвите технику угробить.

Новиков проводил инженера до общежития для командиров, расписывая по пути план предстоящих работ. "Никуда я тебя теперь не отпущу. До Фрунзе дойду - но будешь у меня зампотехом. Где мне другого такого найти? Завтра же напишу рапорт".

Служба, как принято говорить, ладилась. Полностью обновили танковый парк. Шло совершенствование структуры батальона. Теперь в его составе было три роты по девять танков, командный взвод из трех танков, разведвзвод - пять броневых автомобилей, артдивизион из батареи 120-мм гаубиц и батареи 76-мм полевых орудий. Батарея самоходных орудий - семь самоходов с 76-мм орудиями, зенитная батарея - 37мм полуавтоматов, стрелковая рота усиленного четырех взводного состава, инженерно-саперный взвод. Конечно, это не соответствовало, ни каким нормативам. Но на то и "отдельный, особый". Стали массово получать средства полевой радиосвязи, правда, пока германского производства. Поставили приемо-передатчики на все машины, во все роты и батареи. Конечно, не забывали и проверенную проводную связь. Конечно, это было необычно. Новая аппаратура требовала

времени на освоение. Часто ломалась. Да и привыкнуть к тому, что в любой момент тебя может одернуть строгий голос командира, это понимаете ли, тоже, проблема. Но, прошло немного времени, и командиры уже с трудом могли представить, как им удавалось управлять батальоном без радиосвязи. Насколько гибче, подвижнее стало управление! У комбата словно появились дополнительные глаза и руки. Дождь, туман, ночная темнота - теперь не были препятствием. То, что было необычно, стало необходимо. Необходимой стала и реформа батальона, в апреле на его основе был развернут 1-й отдельный танковый полк особого назначения.

Глава - 6

Новиков

Прошла метельная многоснежная зима. Отжурчала ручьями весна. Наступил Май - прекрасный месяц, когда все вокруг цветет и радуется жизни. И люди радуются - Первомай, праздничные колонны и демонстрации. Праздник мира и труда. Новиков натурально "балдел", от нахлынувшей ностальгии. Флаги, цветы, физкультурники. Плакаты и транспаранты. Люди веселые, радостные. И ведь это не Москва. Саратов. Провинция. За все время впервые оказался в областном центре не по долгу службы. После демонстрации, было свободное время. Решил просто прогуляться по городу. Людей посмотреть. Себя показать. Все-таки культурный центр. Университет. Консерватория. Театры. И вообще - гражданская жизнь. Ведь находясь постоянно в своей части, загруженный текущими заботами, он как бы выпал из окружающей жизни. Вот и хотелось теперь прикоснуться к ней хоть краешком. Неторопливо шел по выложенным булыжником и брусчаткой улицам. Отвечал на приветствие многочисленных в этот праздничный день бойцов и командиров. Глазел по сторонам. А что, город как город. Не Москва конечно и не Питер. А сколько девушек хороших! Вот где дало себя знать изрядное омоложение организма. Гормоны-то зашкаливают. Хотя и типаж, у женской половины населения, так сказать, другой. И одеты они на его, избалованный выкрутасами моды, вкус весьма непрезентабельно. Но. Ножки мелькают. Глазки стреляют. Весна! Солнышко! Хорошо-то как! А в только что открытом парке культуры и отдыха его все-таки подстрелили. Дуплетом. Из серых глаз.

Юное создание, в легком белом (ситцевом, что ли?) платье, в белых парусиновых туфельках и с длиннющей русой косой, буквально влетело в Новикова, со смехом выскочив из-за поворота аллеи. Еле успел поймать.

-Ой!

И взгляд удивленно распахнутых глаз. И румянец на всё лицо, когда разглядела все ещё держащего её за плечи капитана орденосца.

-Ой, мамочка!

"Пропал!" - мысль мелькнула и растворилась.

Как познакомились и куда подевались Танины (она звалась Татьяной!) подружки - из памяти выпало. А осталось - доверчиво-крепкая ладонь, запах весны и свежести от волос и ощущение света. Катались на лодках по прудам. Ходили по тенистым аллеям, проложенным сквозь дубраву. Ели мороженое. Даже попали на концерт в Летнем театре. И говорили. Вроде ни о чем, и в тоже время о важном и главном. Слова создавали и укрепляли незримый мост,

возникший между ними. Даже не слова, а то, что было за ними.

Белые, наверное, старательно натертые зубным порошком, туфельки Тани и черные ботинки Новикова, уже давно запылились. Весенний день стремительно угасал. Время промелькнуло. А сказать надо было так много. Хорошо, что догадался, на прощанье, обменяется адресами, а то и не велико вроде расстояние, всего-то около ста километров, а вырваться когда ещё удастся.

Как в воду глядел. Не удалось. Не успели отгреметь марши и поздравления, как полк Новикова был поднят по тревоге. Стремительный бросок до станции, погрузка в вагоны и на платформы. Эшелоны подавались один за другим, как патроны в винтовку и выстреливали куда-то вдаль. Конечный пункт был не известен, было понятно одно - эшелоны шли на восток. Соблюдалась строжайшая маскировка. Техника была укрыта фанерными щитами, вагоны с личным составом закрыты. Строжайше было запрещено покидать вагоны и вступать в контакт с населением. На станциях хранилось строгое молчание. Официального сообщения не было, но все понимали - Манчжурия. В 1931 году началось Японское вторжение в Китай. Японское правительство заверяло Советский Союз, что никакого ущерба интересам последнего на КВЖД и в других его предприятиях не допустит. Но вторжение постоянно расширялось, несмотря на неоднократные предупреждения СССР. Никакие усилия лиги Наций также не могли привести к остановке агрессии. Действия Японии приобретали все более выраженный антисоветский характер. Квантунская армия и оккупационные власти в открытую поддерживали непримиримых белогвардейцев, засевших в северной Манчжурии. Начались провокации и аресты советских сотрудников КВЖД не забывших ещё ужас 29-го года. Об этом писали все центральные газеты Союза. С самого начала японской агрессии проводилось всемерное укрепление наших дальневосточных рубежей. Но видимо в последнее время ситуация стала критической, если сняли войска из центральных округов. Предположения подтвердились, когда прибыли в Читу. Эшелон остановился на запасных путях сразу за городом. Команды на разгрузку не последовало. Явно кого-то ждали. Новиков, пользуясь привилегией командира, вышел из вагона, накинув на плечи кожаное пальто, скрывающее знаки различия. Не торопясь, размял в пальцах папиросу. Закурил, глубоко вдыхая свежий ночной воздух вместе с ароматным дымом. Вдалеке между составами мелькнул свет фар.

-Та-а-к. Это уже по нашу душу.

Черный Адлер-М притормозил рядом с вагоном. Свет в салоне не горел и Новиков не мог разглядеть лица выходящего из машины, но что-то удивительно знакомое почудилось ему в этой высокой фигуре, в плавных сдержанных движениях, как будто человек скрывал недюжинную силу. Вот незнакомец сделал шаг, ещё. Рокоссовский! Новиков вытянулся, вскинув руку к фуражке.

-Товарищ ..., -он замялся, сообразив, что не знает в каком сейчас звании его бывший комбриг.

-Вольно майор. И потише, а то всех окрестных сорок разбудишь. Вижу, что узнал. Вот и молодец. А теперь разрешите представиться - официально и до особого распоряжения, я командарм Константинов.

-Слушаюсь.

-Николай Максимович, давайте пройдем ко мне в машину, а то мне нездоровиться.

Когда расположились на удобных мягких кожаных подушках, Рок..., то есть Константинов отправил водителя покурить и проверить подвеску.

-Теперь давайте познакомимся по-настоящему. По моим воспоминаниям и по вашим аттестациям вы человек весьма не глупый и думаю, уже поняли, зачем вас везли через пол страны. Ваш полк направлен в мое распоряжение прямым приказом Михаила Васильевича Фрунзе и задачи на него возлагаются особые, что впрочем, соответствует вашему наименованию. Ситуация складывается таким образом, что и сидеть сложа руки наблюдая что творят японцы - нельзя, и в длительную войну мы сейчас вступать не можем. Если мы здесь завязнем, то нам нанесут удар в спину - на западе. Поэтому, вся компания спланирована в расчете на стремительность. Главным фактором становится время. Хочу, чтобы вы как можно лучше поняли всю сложность возлагаемой на ваш полк задачи. Ваш полк по штату практически равен бригаде и задачи на него возлагаются соответствующие. После прорыва обороны на нашем участке мы всеми силами обеспечиваем ввод в порыв вашего полка. Ваша задача - двигаясь вдоль линии КВЖД прорваться к Цицикару и обеспечить прием войск, которые будут переброшены на самолетах. Главное - скорость, скорость и еще раз скорость. По возможности, в крупные боестолкновения не вступать. Очаги обороны обходить. Но при этом постараться нанести максимально возможный урон противнику и нарушить его коммуникации. За вашим левым флангом будет наступать ваша родная 5-я бригада при поддержке бронепоездов. Так что за свой тыл не беспокойтесь. Подробнее все узнаете из боевого приказа. Какие вопросы и предложения есть сейчас - задавайте.

Новиков задумчиво потер подбородок.

-Вот так вот с ходу трудно определиться. Пожалуй, самое главное - снабжение. На такую автономность мы не рассчитывали. И еще средства дальней радиосвязи.

-Топливо и боеприпасы перебросим по железной дороге. В крайнем случае, будем использовать тяжелую авиацию. Автофургон с "Телефункеном" завтра прибывает. Нарком распорядился ещё в Москве. Еще вопросы есть?

-Поддержка с воздуха будет?

-Будет. Истребительное прикрытие на всей длине маршрута, конечно, не обещаю, сами понимаете, радиус действия у них маловат, а вот бомбардировщики вас поддержат по первому требованию. В распоряжении нашей армии две бригады ТБ-1. Порядок связи и вызова, все в приказе.

-Тогда вопросов больше нет.

-Разгрузка на станции Отпор. Там же примите двух политических советников. Не надо морщиться, их присутствие крайне необходимо. Японцы - это не знакомые вам китайцы. Это совсем другой народ и совсем другая культура. Кстати, чуть не забыл, нарком просил передать вам это.

Рокоссовский вынул из портфеля и передал Новикову книгу в сафьяновом переплете.

-Сказал, чтобы обязательно прочли.

-Что это?

-Бусидо. Кодекс японских самураев. Ну что же Николай Максимович, до встречи.

Проводив взглядом, раскачивающуюся на вечных российских ухабах, машину командарма, Новиков покачал в руке довольно увесистый том. "Глубоко копаете, товарищ нарком. Ох, глубоко. Интересно, это только мне такой подарок, или для всех припасли?"

Быстро перелистал страницы. Задержался взглядом на последней странице где, обычно, указываются данные издательства. Издательство Академии Наук СССР. Тираж 1000 экземпляров. "Значит не для всех. Значит, выделяете меня, товарищ нарком. Но полный академический перевод! Это к чему? Как там говорил, товарищ Вени? - "Это жу-жу, неспроста!" Стоп. А если...?"

Вспомнилось. Как-то, одурев от бумажной работы, свалившейся на него в связи с разворачиванием полка, он решил поразмяться. В прежней жизни из всех видов холодного оружия профессионально он владел только скальпелем. Но ведь товарищ Новиков был рубака со стажем и навыки его никуда не делись. Вот и пришла в перегруженный мозг идея - попытаться изобразить то, о чем читал и видел в фильмах про всяких там ниндзя-самураев и прочих кунфуистах. Благо, его нынешние кондиции и не такое позволяли. Взял свою, Златоустовскую, и вторую у начштаба прихватил. Вышел на глухой задний двор за зданием штаба. Покрутил шашки в руках, примеряясь. Все-таки не меч и баланс другой и рукоять. Ну, с Богом! Видимо сил и возможностей своих он таки не рассчитал. Рассекаемый воздух, взвыл, как от боли. Сложившийся в голове рисунок, тело выполнило на удивление послушно - словно он всю жизнь только и занимался двоеручным маханием. Видимо гормоны, или избыток энергии, или отсутствие привычки контролировать свое тело, а скорее всего все вместе, сыграли с ним шутку. Вовремя не остановился. Прыгал по двору так, что увидь его Джеки Чан или кто там еще из восточных махальщиков, удавились бы от зависти. Остановился, только когда перед ним рухнула срезанная, двумя одновременно-косыми ударами, молодая березка. Только вырезанный из середины ствола чурбачок, с блестящими срезами, весло запрыгал по траве. Да вершина, с печальным треском сломанных ветвей, неторопливо легла рядом. Потом, конечно, все это безобразие быстро прибрали. Но ругал он себя самыми распоследними словами. И выходит не зря?

А что же тогда получается? А получается Николай Максимович, что вы под присмотром и вам об этом благожелательно намекают. Мол, если не дурак - поймешь. Хагакурэ почитаем. Вещь сама по себе редкая и до сих пор не читанная. И за намек спасибо и за присмотр. Искренне. Безо всякой иронии.

Отпор - последняя станция на границе с Китаем. Все подъездные пути забиты эшелонами. Поэтому полк выгружался на безымянном переезде, не доезжая до станции. Разгружались в темноте, подсвечивая путь только голубоватым светом маскировочных фар. По предварительной договоренности с командирами других эшелонов перевозивших полк, специально созданные группы быстро наладили контакт между частями, что позволило избежать большой путаницы. Новиков смог облегченно вздохнуть только под утро, собрав полк воедино.

Котовский

Первый заместитель народного комиссара по военно-морским делам, Котовский Григорий Иванович, сердился. Не на кого-то конкретно, хотя претендентов хватало, а так, вообще. Случается такое - вроде и конкретной причины нет, а вот накатывает что-то и... Нет, в глубине души Котовский прекрасно понимал причины этой нередко накатывающей злости. Какой черт толкнул его тогда, в начале 20-х, в это барство?! Он до сих пор испытывал стыд перед Фрунзе, который застал его в совхозе "Рея" за выгулом коней. Совхоз-то он совхоз, но скорее подсобное хозяйство одного из корпусов, находившихся в его подчинении. Сахаром, понимаешь, всю

Красную Армию собрался обеспечивать. Коммерсант, непман, твою мать! Время-то наступило сумасшедшее. Только закончилась гражданская война, и сразу повылазили из всех щелей дельцы - предприниматели. И вместе с ними - ворьё и спекулянты. В стране разруха, голод на пороге стоит, а они торговлишку развернули и капиталы сколачивают. Да какие капиталы! Застил золотой телец глаза, ой застил. Особенно после введения золотого рубля. Да еще Зайдер этот, Майорчик. Ну что можно было ждать от бывшего одесского сутенера? И ведь купился, поплыл. А Фрунзе подошел незаметно, пешком, оставив машину за околицей. Водится за ним такая привычка. Посмотрел, молча, губы брезгливо поджал и ушел. Хорошо хоть доложить успели вовремя. На неоседланного коня верхом и галопом до станции. Еле успел. Встал, молча, в дверях купе и замер. А что говорить-то, и так всё ясно. "Хочешь, сожгу всё к чертовой матери"? "Всю республику "Котовию"? Стыд, позор, срам! И что с того, что потом этого Зайдера нашли на рельсах без головы? Газетам настоятельно рекомендовали правильную версию "самоубийства от неразделённой любви". Правильные чекисты поняли и с версией согласились. Ну, а кто не понял... Малороссия - она большая. Вместе с Россией - еще больше, до Тихого океана. И мало ли какая неприятность с человеком произойти может, пока он месяц до нового места службы добирается? Стыд притупился, но не исчез, особенно после брошенного мимоходом - "Думаешь, он один такой"? Да знаю, что не один! Столько таких "майорчиков" насмотрелся - поперек горла стоят. Один раз только стоит слабину дать - тут же тучей, как мухи на дерьмо, слетятся. Чуют они что ли? А может и чувят. Стоит посмотреть внимательно на окружение любого, кто повыше во власти поднялся, сразу из ихнего племени пара-тройка отыщется. Затаились и ждут. Ждут, когда человек слабину покажет, лишнего захочет. Ласковые, твари, заботливые - "Вы так себя перетруждаете, так о благе народном печетесь, не жалеете себя, отдохнуть Вам нужно, подлечиться, для великого себя сберечь. Не желаете баньку лечебную, массажик полезный, коньячок, мозговой деятельности способный, перинку помягче, косточки расслабить". И... попался ты, братец, "пламенный революционер". Заглотил наживку. Крючок аж из задницы торчит - не сорваться. Ну, много ли человеку для работы надо? За стеной кровать, книжные полки, столик для приема пищи, чайник. Столовая в наркомате. Жена понимает, что когда человек такими делами занят, времени на семью нет. Но каждую свободную минуту - к ней и к детям. Мало, правда, этих минут, но что поделать - такова жизнь. Либо ты служишь, либо прислуживаешь. А Котовский никому и никогда не прислуживал. Никому и никогда.

И еще один предмет этой безадресной злости сейчас лежал перед ним на столе. Да какой там "безадресной"? Очень даже адресат был известен, сам подписался. Даже адресаты, правильной сказать. "Ну что за семья такая ядовитая? Язва на язве, что старший, что младший. Головы, правда, у обоих соображают - дай бог каждому. За это многое простить можно. Нужно только постараться их уберечь, от них же самих. Генерал Слащев - Крымский. Раненый - перераненный. Кокаинист. Но - гений тактики, грамотный вояка. Не разругайся он с Врангелем - Перекоп бы нам гораздо большей крови стоил. Вешатель... А вы посмотрите, кого он вешал? Да нам, красным, ему спасибо сказать нужно! А что нервы ни к черту - так попробуйте повоевать с гноящейся раной, без кокаина. Хорошо, психанувший Семен Михайлович в тот раз только поугаать решил - вывел его из себя генерал Слащев. Заслуженно вывел, надо сказать. Главные виновники польского позора своё получили, но если ты сам командовал, как бог на душу положит - какой Слащев тебе виноват? Тактичней надо было? А ты что, Семен Михайлович - институтка? Но товарищ генерал молодец: "Как Вы стреляете - так Вы и командовали". Даром что побледнел как смерть. Умеет фасон держать, недаром боевой генерал. Нашли потом общий язык Буденный со Слащевым, сблизилась даже. Да и сам генерал поспокойней стал. А то ведь даже у Дзержинского в поезде кого-то пороть собирался. Ну, пороть - не пороть, а в разум у нас многих пока вводить требуется. А у Якова Александровича словно нюх какой - сразу понимает, кто от незнания или неразумения, а кто и злонамеренно.

Почему и с Буденным помирились - понял Семен Михайлович, простил обиду. Теперь вот общими усилиями учебник по тактике сочиняют. А Слащев - младший? Нормальные командиры доклады и рапорты пишут, а этот? "Размышления". Мыслитель, вошь его задери! Но голова у него работает и характер имеется. На учениях по всем статьям отметился. Не ошибся я в нем. Ну, товарищ Фрунзе ерунды не посоветует. Да и Егоров абы кого себе в друзья не возьмет - стреляный воробей. Ну, давай почитаем, чего этот мыслитель наразмышлял".

На первом листе в стопке, лежащей в раскрытой папке, действительно было написано: "Размышления об организации и вооружении стрелковых подразделений. До полка включительно". Предваряла "Размышления" цитата из Фрунзе (ехидно сказался "старый" опыт Малыша по написанию "политически грамотных отчетов", нужных только бюрократам, дескать - знаю, читал, принял к исполнению).

"Маневренность должна войти в плоть и кровь нашей Красной Армии. Наш комсостав должен воспитываться преимущественно на идеях маневрирования и подвижности, а вся Красная Армия должна быть подготовлена и обучена искусству быстро и планомерно производить марш-маневры. Никакая наиманевреннейшая война никогда не обходится без элементов позиционности. Само обеспечение маневра требует уже в известной обстановке и при известных условиях применения позиционных приемов..."

Таблицы, схемы, расчеты. Практические примеры и следом за ними - выводы. Отражение танковой атаки - противотанковые ружья, противотанковые орудия, ручные гранатометы, гранаты. Отражение атаки пехоты - автоматическое оружие, пулемёты, миномёты, гранаты. Штурм укрепленной полосы - автоматическое оружие, гранаты, ранцевые заряды, огнеметы, холодное оружие. Атака с воздуха - крупнокалиберные пулемёты, скорострельные малокалиберные пушки, зенитные орудия. В составе батальона - пулеметная рота, миномётная батарея из трёх 80-мм стволов, взвод связи, отделение специальных стрелков. В полку - гаубичный дивизион, противотанковый дивизион, зенитный дивизион, танковая рота, автомобильный батальон, рота связи, взвод разведки, взвод наблюдения и оповещения, сапёрный взвод. Штатное расписание, расчеты боепитания, примерный состав вооружения. И в заключение - предложения по вооружению: назначение, калибр, требования. Имеющий личный опыт боевых действий Котовский хмыкнул. "Дельно. Посадить пехоту на колёса, сославшись на авторитет товарища Фрунзе, решение очевидное. Только где же мы возьмем всё, что ты тут затребовал? И чуть не через слово - радио, радио. Нет у нас пока радио. Но будет, не ты первый об этом говоришь. И всё остальное будет. Но это не твоя забота, Слащев. Свою часть ты уже выполнил - задал нам задачку. Толковую задачку. Значит, будем думать, как её решать. Генштаб подключим. А мне от тебя еще одни "Размышления" нужны. Выкрутасы твои технические, про которые мне Егоров все уши прожужжал, нужно решать по-другому".

Растерев затекшую шею, Котовский снял трубку телефона.

-Не спишь еще, Егоров? Тогда зайди ко мне, дело есть.

Новиков

Разведвзвод выполняя свою задачу, отправился обследовать окрестности. Еще в период проведения учений под Энгельсом, Новиков буквально вдолбил в головы командиров, что по прибытии на новое место, в первую очередь надо изучить состояние дорог и мостов, чтобы в случае приказа выступить в новый район, точно зная маршруты следования. Так было и на этот раз. Опыт, добытый большой кровью. А её, кровушку, Новиков зазря проливать не хотел. Ну, ни

в какую. Ни свою, ни своих бойцов.

Совещание в штабе армии проводил командарм Константинов. Шутники сразу окрестили его - три К. Присутствовали командиры бригад, дивизий и авиационных соединений.

Забайкальская группа войск, под командованием Рокоссовского, имея в составе два стрелковых корпуса (18 и 21), 5-ю отдельную кавбригаду, отдельный танковый полк, шесть бронепоездов, две бригады тяжелых бомбардировщиков и два смешанных авиаполка, должна была осуществить прорыв обороны на участке ст. Отпор - ст. Абагатуй. Двумя сходящимися ударами и выйти к городу Хайлар, завершив окружение Чжайларской группировки противника.

Задача сама по себе сложная. Но для дальнейшего успешного развития операции требовалось в целостности и сохранности захватить самый крупный в Азии Хинганский тоннель. После успешного захвата тоннеля планировалось нанесение дальнейшего удара вдоль линии КВЖД. На этом этапе, на острие удара предполагалось использовать отдельный танковый полк при поддержке 5-й кавбригады и бронепоездов. Правый и левый фланги обеспечивались освобождающимися после разгрома окруженной группировки пехотными частями. Конечной задачей группировки войск, являлся Харбин. Войска должны были продвнуться на территорию Китая почти на четыреста километров.

-Товарищи командиры, прошу вас обратить особое внимание, что операция проводится в условиях крайне ограниченного времени и практически не обеспечена оперативными резервами. Поэтому призываю вас всячески беречь бойцов, избегать ненужных потерь. Это не значит, конечно, что вы должны избегать столкновения с противником! Нет. Вы должны действовать так, чтобы противника разбить. Но при этом не забывать суворовское правило - "Побеждай не числом, а умением"! Не бойтесь маневрировать. Навязывайте противнику свою волю. Не ждите подсказок начальства - оно может быть далеко и не успеет среагировать на меняющуюся обстановку. Не бойтесь самостоятельности и требуйте её от подчиненных. Начало операции - двенадцатого мая, пять часов. Одновременно с артиллерийской подготовкой, бомбардировщики нанесут удар в глубине обороны по разведанным местам сосредоточения противника. В дальнейшем авиация работает по указаниям штаба группировки и по выявленным объектам. Маршруты и порядок выдвижения на исходные позиции вам доложит начальник штаба.

Рассвет 12 мая застал Новикова на КП командира 18 стрелкового корпуса Василия Ивановича Чуйкова, который сменил выбывшего по болезни комкора Вострецова. Полчаса назад, над головой, басовито жужжа моторами, курсом на юг прошла армада ТБ первых. Теперь пришло время артиллерии. Тяжело вздрогнула под ногами земля, со стенок блиндажа струйками побежал песок. Через секунду уши буквально заложило от тяжкого грохота, а на противоположном берегу Аргуни вырос целый лес разрывов. Залпы батарей следовали один за другим, сливаясь в один невыносимо долгий и мучительно громкий рев. Новиков впервые видел столь массированное применение артиллерии. Двести стволов! Для будущих времен, да и для прошедших побоищ Первой мировой это, конечно не цифра. Но одни бои уже прошли, другие ещё не наступили. Через полчаса звук распался на отдельные аккорды. Батареи перешли к прицельной стрельбе по выявленным целям. Убийственная точность была достигнута постоянной корректировкой огня наблюдателями с двух аэростатов. Под прикрытием артподготовки саперы наводили понтонный мост, а на железнодорожный, грозно поводя из стороны в сторону орудийными башнями, бронированной змеей вползал бронепоезд. Японо-манчжурские войска явно не ожидали такого внезапного и сокрушительного удара.

Передовые части переправились, практически не встречая сопротивления.

-Ну, вот и началось Николай Максимович.

Чуйков, до этого момента наблюдавший за происходящим через окуляры мощной цейсовской стереотрубы, вытер вспотевший от напряжения лоб.

-Пора и нам сниматься за передовыми частями. А то немудрено управление потерять.

Оправив китель, он собрался выйти из блиндажа, но тут удивленно присвистнул и даже схватил Новикова за рукав.

-Ты посмотри, кто к нам пожаловал!

Проследив за его взглядом Новиков, увидел Рокоссовского и рядом с ним незнакомого человека с сухим нервным лицом. Тот что-то возбужденно говорил Рокоссовскому, поминутно взмахивая рукой с зажатым в ней биноклем.

-Кто это?

-Генерал Слащев-Крымский, собственной персоной. Ах, мать твою! Вот уж никогда не думал, что мне придется белому генералу, честь отдавать!

-Да какой он белый?! Уже восемь лет прошло как он сам, добровольно вернулся. Причем один из первых.

-Ты, Николай Максимович, Гражданскую только в конце захватил. А я, с самого начала. И прекрасно помню, сколько наших он под Перекопом положил. Он там такую кровавую баню устроил.

Новиков с удивлением посмотрел на молодого, всего тридцать два года, полковника.

-Нам в "Каме", преподавали его оборонительную операцию как образец оперативного искусства. А первый штурм Перекопа и перешейка Красной армией как образец безграмотного управления войсками. Сами виноваты.

-Знаю что сами. И все равно привыкнуть не могу. Умом понимаю, а сердцем...

В это время Рокоссовский и Слащев, видимо о чем-то договорившись, направились к КП. Первым в блиндаж, согнувшись в низком проеме двери, вошел Слащев. В полутемном помещении лицо его показалось, еще более худим, даже каким-то болезненным. Следом за ним вошел Рокоссовский и быстрым взглядом нашел хозяина.

-Полковник Чуйков. Доложите главному инспектору Красной армии, генералу Слащеву о ходе наступления.

Слушая доклад и стараясь получше рассмотреть Слащева, Новиков не заметил, как в блиндаж вошел еще один командир.

Не перебивая, выслушав доклад, Слащев нервно, как будто ему мешал ворот кителя, дернул головой.

-Почему КП всё еще на этом берегу?

-Ожидаю, пока связисты проложат связь к новому КП. После чего, оставив за себя начальника штаба, немедленно перебазируюсь.

-Хорошо. Принимаю. А вы кто? - Слащев повернулся к Новикову.

-Командир первого Отдельного танкового полка, майор Новиков.

-Хорошо, что вы здесь. Принимайте представителя союзников. Полковник Роммель, направлен к нам командованием рейхсвера в качестве наблюдателя.

Роммель вышел вперед и крепко пожал руку Новикову.

-Вот мы и снова встретились Николай.

Слащев резким движением пододвинув раскладной стул, не сел, а буквально упал на него. Сняв фуражку, провел ладонью по редким волосам.

-Знакомы. Это хорошо. Не будете тратить время на притирание. Не смею задерживать вас, майор и вас, полковник.

К концу четвертых суток стрелковые корпуса свою задачу выполнили, замкнули кольцо окружения южнее Хайлара. В последний день сопротивление японцев стало отчаянным, они любой ценой стремились сохранить коридор, по которому отводились войска. И вот тогда, впервые в истории, для захвата Хинганского тоннеля были использованы воздушно-десантные подразделения. Эффект неожиданности был полный. Запертые в узкой долине, не имеющие путей отхода, подвергаемые постоянной бомбежке и артиллерийским обстрелам японцы дрались отчаянно, до последнего солдата, в плен практически не сдавались. Их порой совершенно безрассудное мужество вызывало невольное уважение и вместе с тем злость. Из-за их фанатизма гибли твои товарищи и друзья, а ты должен миндальничать! Нет уж узкоглазые, не дождетесь! Особо яростные бои шли у входа в Хинганский тоннель. Воздушно-десантная рота, захватившая его, полегла практически вся, но японцев не пропустила. Прорвавшиеся к тоннелю кавалеристы 5-й бригады на руках вынесли оставшихся в живых израненных защитников. Трупы японцев лежали так густо, местами в несколько слоев, что на ум невольно приходило лермонтовское:

...И ядрам пролетать мешала гора кровавых тел.

Путь на Харбин был открыт. Настал черед полка Новикова. Даешь Цицикар!

Все предыдущие дни Новиков и Роммель провели на КП передовых частей, чтобы из первых рук получать информацию о противнике.

Для Новикова это все же была первая война. Память прежнего хозяина, конечно, здорово помогала, но все же. "Опыт, сын ошибок..." Свой опыт, ничем не заменишь. Да и просто было интересно.

Япония хорошо подготовилась к войне и многому научилась за прошедший год. В частях была железная дисциплина. Солдаты были хорошо экипированы и обучены. Непропорционально большие потери командного состава Красной армии в первые же дни боев, объяснялись широким использованием японцами снайперов. Наши командиры по форме

сильно отличались от рядовых, и их было видно издалека - чем враг и не преминул воспользоваться. Самого снайпера обнаружить было чрезвычайно сложно, и даже обнаружив тяжело уничтожить обычным стрелковым оружием. Японские снайперы укрывались за ... саперной лопаткой. Лопатка была острая как бритва, сделанная из великолепной стали, с небольшим отверстием по левому краю лотка и крепкой легкой ручкой. Воткнутая наклонно в бруствер окопа или просто в землю, саперная лопатка была надежной защитой от стрелкового огня на средних и дальних дистанциях. С еще большим уважением Новиков стал относиться к этому на первый взгляд немудреному шанцевому инструменту, когда ему с одного удара удалось перерубить лопаткой толстый бамбук.

Роммель покрутил лопатку в руках и вдруг резким движением метнул её в росшее метрах в десяти дерево. К удивлению Новикова лопатка чуть не до трети лотка вошла в ствол.

-И сбалансирована хорошо. У нас для рейхсвера делают не хуже, только до смотровой дырки не додумались.

"А у нас, полное дерьмо" - подумал про себя Новиков, вспоминая, сколько сделанных из плохого железа, тупых как валенок лопат было поломано при рытье окопов.

А вот японские танки впечатления не производили. Сделанные из тонкой противопульной брони, вооруженные пулеметами или 20-и миллиметровыми пушками, с плохим обзором - они явно были не соперники для Т-19. Да и было их очень мало. Опасаться следовало только огня артиллерии, которой японцы пользовались весьма удачно.

Котовский

Вызвав помощника, Котовский зашел в соседнюю комнату и поставил на плитку чайник. Достал маленький чайничек и насыпал в него "конрабандного" крупнолистового индийского чая. Через минуту большой чайник издал короткий свист. Залив заварку кипятком, Котовский закрыл заварочный чайник крышкой и накрыл сверху матерчатой куклой - подарком дочери. Достал из буфета пару стаканов в подстаканниках. Насыпал сахара и хмыкнул, вспоминая свое "сахарное" прошлое. Раздался стук в дверь кабинета.

-Входи, Егоров. Я всё подготовил, а ты организуй нам чаю в кабинет.

Прихлёбывая горячий, как он любил, душистый чай, заместитель наркома спросил своего помощника.

-Вот что, Егоров. Думаю, хватит уже дружку твоему Слащеву над тобой измываться. Фамилии, кем он интересовался, у тебя с собой?

-Так точно, Григорий Иванович.

-Про кого он последнего спрашивал?

-Про нескольких. Капица, Зворыкин и Ларионов.

-Что выяснил про них?

-Капица в Англии, работает в кавендишской лаборатории в Кембридже. Под руководством Резерфорда. Специалист в области электромеханики и магнитов. Зворыкин был у Колчака. С

19-го года в САСШ эмигрировал. Сбежал, другими словами. Работает в компании "Вестингауз". Занимается радио и связью. Ларионов в Ленинграде. Инженер-конструктор.

-Вот как. А зачем они ему понадобились?

-Я уже докладывал, что у Слащева Термен придумал, как по радио передавать документы. Вроде телеграфа, только без проводов, по радио. А Зворыкин, как мне рассказали, научился, как по радио передать картинку.

-Картинку?

-Да. Как в кино, только без плёнки, проводов и далеко, на дальность действия радиостанции. А Капица рассчитал, как из радио радиопеленгатор сделать. Какие антенны, на каком расстоянии, ну, и всё такое. Первые опыты по радиопеленгации у нас в России на Балтике мичман Попов провёл, еще до революции. А сейчас и техника и возможности вперед шагнули.

-А с патронами, что за проблема?

-Дело в том, Григорий Иванович, что патроны к трехлинейной винтовке имеют закраину. При одиночной стрельбе это не так важно, а если говорить об автоматическом огне, то такая конструкция гильзы приводит к частым перекосам патрона. Даже при ленточном зарядании. Помните, как у нас постоянно "Максимы" клинило? Особенно при длительной стрельбе. А вот у японцев такой закраины нет, поэтому автомат Федорова работал почти без перекосов. У немцев тоже нет, на их патронах поясок для лучшего извлечения гильзы. Поэтому Слащев и предложил такой патрон, промежуточный, как он заявил - с пояском без закраины. Унифицировать с немецкими. На своем стенде стрелковом он мне показывал. Они там аппарат один соорудили, на основе "Максима", со сменными стволами под разные калибры. Тридцать минут непрерывного огня и ни одного перекоса. Только ствол поливали.

-Что с заявками?

-Как обычно - материалы, детали, инструменты. Станок токарный запросил. Да, вот. Просил достать килограммов пятьдесят жидкого каучука.

-Это еще зачем?

-Хотят попробовать непромокаемый комбинезон сделать. Вроде английских плащей - макинтошей. Вещевой мешок, снаряжение от воды защитить. Но, главное, они один из своих "Адлеров" под броневик переделали, обшили броневым листом для защиты от пуль, на кабину пулемет поставили. Получилась, как сказал Слащев, разведывательная машина для пехоты. Теперь хотят, чтобы она плавала. Если в колеса вместе с воздухом каучук закачать - вроде плавучесть выше получается. И пульей колесо так просто не пробить - каучук из дыры выходит и твердеет. Вообще-то здорово придумали - переплыл реку под защитой, на берег выбрался и сразу в бой. С пулеметной поддержкой. А если получится - можно и пушечку 20-мм поставить.

-Сколько бойцов эта...бронемашина перевозит?

-Слащев рассчитывал на отделение. Но пока больше пяти человек никак. Тонет. Тут понтон уже нужен.

-Понятно. Нашел каучук? Проси больше, килограммов сто или двести. Сколько дать смогут. О результатах доложишь сразу. Вот еще что. Прошлый раз он сварщиком каким-то

интересовался. Что выяснил?

-Так точно. Патон. Евгений Оскарович. Из Электросварочного комитета. Но он уже привлечен для работы с танкистами. Я с ним поговорил, он согласен одного из своих помощников в наше распоряжение выделить. Заменить трудовой стаж службой в армии. Парень толковый, рвется служить. Сам Патон, когда узнал, что парень нам именно по его специальности нужен, согласился вместе с ним один из своих аппаратов передать. Слащев не возражает на замену.

-Я так думаю, пора самостоятельность этого нашего мыслителя прекращать и переводить её на серьёзный уровень. В государственном масштабе, так сказать. Ты из него еще фамилий самородков вытряси, да и вообще, держи на контроле. А я подумаю, как нам их в одном месте собрать и к делу приспособить. С Берзиным поговорю, пусть свои каналы подключит. Нечего нам своими талантами разбрасываться, да буржуев кормить. Возвращать нужно, пусть Родине служат. А условия для работы мы им создадим.

-Спецгруппу при наркомате обороны?

-Думаю, нет, Егоров. Понимаю, самому хочется, но - нет. Тут ведь какое еще дело. То, что наши гении сотворят - это, как говорится, от нас не уйдет. Но ведь у "наших друзей" тоже специалисты есть. Почему бы нам их не пощипать, не заставить потрудиться на благо нашего Отечества? Не поставив их в известность. А наши гении пусть посмотрят, проверят - вдруг и нам пригодится. Вон, поляки идеями поделились и ничего, не болеют. Пока. А кто у нас такими экспроприациями занимается? И зачем нам время терять, из наркомата в наркомат бумаги гонять? Так что, думаю, специальный институт в структуре НКВД будет самое правильное. Тем более, опыт чекисты во вразумлении и привлечении к пользе брыкливой интеллигенции имеют. Самую что ни на есть контру пользу приносить заставляют.

И последнее. Что за приятель у Слащева объявился у немцев? Что еще за "фон" такой?

-Тут такое дело, Григорий Иванович. - Егоров рассмеялся. - Они на учениях знатно друг другу личности попятнали. Слащев, правда, чуть было немца не пришиб. Потом познакомились, в благородство поиграли. После учений, когда Слащев звание капитанское обмыть организовал, он этого немца тоже пригласил. Вполне свойский немец оказался. К нашим мерам он, понятное дело, не привык - сомлел. Ну, мы с капитаном его к своим и доставили. Пока пёрли - вместе песни поор... попели. А хулиганства никакого не было - врут.

-Пороть вас вместе с вашим Слащевым надо. Да некому, а мне некогда. Свойский, значит, немец говоришь? Тогда оформи Слащеву командировку в Липецк. Там выставка организуется, пусть съездит, посмотрит. Может полезное что найдет, да заодно и выяснит, что у немцев нам вообще может пригодиться. С "фоном" своим пообщается. Сотрудничество сотрудничеством, а личные контакты лишними никогда не будут. Да, и скажи Слащеву, что "можно". Немцы интерес проявили. С подачи этого самого фон Риттера. Он, чтобы Вы знали, в Германии команду альпийских стрелков организовал. У нас, в Белоруссии, Альп нет, а в Германии - пожалуйста. Как у нас болот. Так что найдут, о чем поговорить.

Новиков

В бой полк вводился на узком участке, пройдя ночью через "Десантный" туннель. Так его окрестили бойцы передовых частей, и название прижилось, даже в докладах вытесняя официальное - Хинганский. Стоя в открытом люке танка Новиков, внимательно осматривал проходившие мимо колонны машин. Вроде бы все десятки раз рассчитано и учтено, но холодок

под сердцем оставался. Впервые танкам предстояло совершить бросок на такое расстояние в боевых условиях. Впервые его бойцы будут участвовать не в учениях, а в настоящем бою. Как и их командир. Как себя поведут ещё не обстрелянные части? Не дрогнут ли или наоборот, не проявят ли безрассудную несдержанность? Всё покажет бой. Новиков щелкнул переключателем внутренней связи.

-Вперед!

Танк качнулся, и быстро набирая скорость, с сухим грохотом подминая гусеницами щебень, рванул вперед.

Боевое охранение японцев прорвали сходу, даже не стали разворачивать батарею самоходок. Пулеметные пули с противным, различимым даже через рев мотора чмоканьем плющились о броню или с не менее противным визгом уходили рикошетом. Несколько выстрелов из орудий и пулеметы подавлены. Японские солдаты бросались к танкам, что-то в них бросали и тут же падали срезанные и изломанные пулеметными очередями. Несколько раз машину на чем-то мягко качнуло, не хотелось даже думать на чем, и все - первый бой закончился, пехота подчистит, что осталось. А нам главное вперед.

-Вперед!

Последующие дни слились для Новикова в сплошную пеструю, а временами и черно-белую ленту. В памяти остались какие-то обрывки. Горящие японские броневики, накрытые прицельным огнем самоходок. Застрявший в скобах наружной подвески обломок самурайского меча. И пыль. Пыль и рев мотора, на долгие годы, стали для него визитной карточкой войны. За первые трое суток прошли более двухсот километров, оставив далеко позади пехоту и даже кавалерию. Темп наступления был невиданный! Только два артиллерийских бронепоезда с прицепленными впереди ножами-гаранами для расчистки завалов на путях и пролетающие над головой тяжелые разведчики Р-6 напоминали, что они не одни. "Пока везет. Дай бог, чтобы до самого Харбина"!

Крупную станцию Бухеду обошли, оставив на расправу переброшенной, на броневозах пехоте.

На четвертый день, когда до Цицикара оставалось менее ста километров, везение кончилось.

Начиналось все, как обычно. Утренний доклад. Постановка задачи на день. Определения порядка движения и развертывания. Рутинная. Собственно эта рутинная их и спасла.

Всегда и в любой обстановке, без разведки ни шагу! Новиков следовал этому правилу неукоснительно и этого же требовал от подчиненных.

Ещё с вечера, разведчики успели продвинуться вперед на пять - семь километров. С этих позиций и начали выдвижение. Броневики ФАИ, изрядно модернизированные под руководством все того же неумолимого Иванова, предназначались для проведения разведки изначально, а после установки на них радиопередатчиков, стали просто незаменимы. Конечно, передатчики стояли слабые, большие по мощности просто некуда было воткнуть, но на 10-15 километров связь держали устойчиво. Развертываясь веером вправо и влево от дороги, пофыркивая форсированными моторами, разведчики стремились как можно скорее выдвинуться на указанное расстояние. Они уже скрылись из вида, только пыль предательски

выдавала их движение, когда между ними встали султаны разрывов, подсвеченных изнутри багрово-оранжевым. Похоже на крышу штабного фургона Новиков взлетел одним прыжком. Цейсовский бинокль рывком приблизил картину избиения. Броневики заметались, вот вспыхнул один, нелепо вращая колесами, словно пытаясь ехать по воздуху, завалился на бок другой. Не выпуская из одной руки бинокль, Новиков заорал в неизвестно как оказавшийся в его руках микрофон. И ведь хватило длины шнура!

-Вперед, мать вашу! Вперед на полной! Выходи из-под обстрела!

Удивительно, но даже в такой критический момент команда была принята и тут же выполнена. Сказались постоянные тренировки, когда реакция на полученные команды доводилась до автоматизма.

Броневики рванули, только пыль из-под колес. Еще одна машина буквально развалилась на куски от прямого попадания тяжелого снаряда, но остальные проскочили и, рассредоточившись, скрылись в ближайшей рощице.

-Связь с авиабригадой! Срочно!

-Есть связь, товарищ майор.

Спокойно-деловой голос начальника связи несколько успокоил Новикова. Все на местах. Все работают. На войне, как на войне. Черт бы её побрал! Можно и с фургона слезть. Один черт, ничего не видно.

В наушниках неприятно хрипело и гудело, но связь была.

-Соколы, это коробочки! В районе станции Чжаланьшунь обстрелян тяжелой артиллерией. Несу потери.

-Принято, коробочки. Точное расположение батарей указать сможете?

-Нет. Огонь ведут с закрытых позиций.

-Понял. Высылаем разведчика.

Окончательно успокоившись, Новиков связался с экипажами броневиков. Были раненные. Но оставшиеся машины на ходу и готовы к выполнению приказов.

-Постарайтесь определить расположение противника. В бой не вступать. При обнаружении сразу отходить. Мне нужна информация, а не ваши трупы!

-Понятно, товарищ майор. Сделаем.

"Молодцы ребята! Молодцы! Не потеряли голову".

-Капитана Константинова ко мне!

Капитан Константинов, командир стрелкового батальона, плотный, коренастый прибежал, чуть запыхавшись и придерживая рукой полевую сумку.

-Товарищ...

-Отставить Игорь. Нужно срочно провести разведку на флангах. Боевое охранение выдвинешь вот сюда и сюда. Пусть окопаются в полный профиль, и если позволит время, подготовят запасные позиции. Свяжись с комбатом самоходчиков. По два орудия за позиции охранения. И что бы нормальную связь с ними обеспечил! Выполняй.

Капитан убежал, а Новиков склонился над картой. "Быстро они оправались. Быстро! Сколько же вас? И где засели? Вот влипли! Думай майор, думай! Для этого тебе голова и дана".

Положение было незавидное. Справа на расстоянии нескольких километров гряда обрывистых холмов с участками заболоченных солончаков между ними, слева за полотном дороги глубокое извилистое русло высохшей реки. Короче говоря, японский командир умело выбрал позицию - атаковать можно только в лоб. Каждая минута промедления уменьшала шансы на прорыв обороны. Ведь противник не дурак, он времени не теряет, наверняка сейчас окапывается по самые уши. Одна надежда на авиацию. Если им удастся разнести позиции дальнобойной артиллерии, то можно будет применить свою и использовать 105мм морские орудия бронепоездов. Тогда появляется неплохой шанс обойтись без значительных потерь. Ну, соколы, дело за вами.

Часа через полтора над головой прошло звено Р-шестых. Новиков по радиации связался с командиром и самолеты, набирая высоту, ушли в сторону станции.

-Коробочки, противник силами до бригады усиленно окапывается по обе стороны от дороги. Выявлены позиции трех батарей - квадраты ... По дороге, на удалении примерно сорока километров, в сторону позиций движется бронепоезд и эшелон из пассажирских вагонов. Основные позиции обороны расположены...

Новиков торопливо наносил на карту полученные данные.

-Спасибо сокол. От всей души спасибо! Возвращайся.

-Сейчас наведу наших, они уже на подходе.

Действительно через десять минут с севера появились ТБ-1.

-Не меньше отряда прислали! - начальник штаба, капитан Черфас стоял на башне танка и рассматривал в бинокль приближающиеся с грозным гулом тяжелые машины. - А за ними ещё идут! Сила!

Невысокого роста, подвижный как ртуть, он буквально приплясывал на башне от избытка переполнявших его чувств. Новиков всегда поражался, как при таком темпераменте Черфас справлялся со штабной работой, но штаб работал как отлаженная машина и он со временем привык.

-Миша, слезай с крыши. Обеспечь работу артиллерии и свяжись с бронепоездами, пусть не высовываются. Огонь, только после доклада о подавлении батарей противника.

-Слушаюсь.

Капитана как ветром сдуло с башни. Через секунду он уже бежал к штабному автобусу с развернутой мачтой радиостанции. И вдруг... Это проклятое вдруг.

-Атакован истребителями противника! Веду бой. Их не меньше эскадрильи! А-а-а сволочь!

Получи!

-Сокол уходи!

-Постараюсь оттянуть их в сторону. Мы тоже не лыком шиты! Горит гад! Горит!

Новиков поднес к глазам бинокль, стараясь рассмотреть подробности происходившего у горизонта воздушного боя.

-Командир, смотри что твориться! - окликнул Новикова механик танка, с не меньшим интересом прислушивавшийся к переговорам.

Новиков повернулся в указанную сторону. От строя бомбардировщиков отделилось несколько машин поменьше, и до дыма форсируя моторы, пошли в сторону воздушной схватки.

-На помощь спешат!

-Нет. Это непосредственное прикрытие. Они дальше станции не пойдут. Им бомбардировщики прикрывать надо.

-А как же...?

-Они свою задачу выполняют.

-Но их же собью!

-Может быть, и отобьются. Р-6 тоже истребитель, хоть и тяжелый. Шесть пулеметов, это тоже сила.

-Кого-то сбили!

Вдали, у самого горизонта, чей-то самолет, оставляя за собой густой дымный шлейф, стремительно несся к земле.

Бригада бомбардировщиков в это время проходил на самой головой, буквально вдавливая в землю тяжелым гулом работающих на пределе моторов.

-Ох! Не завидую я сейчас японцам, товарищ командир.

-Это точно. Все Алексашин, хватит болтать. Заводи машину.

-Это мы мигом!

Сержант скрылся в люке. Мотор фыркнул и, выбросив клуб густого сизого дыма, взревел, набирая обороты.

Новиков тоже забрался на свое место и переключил рацию на общую связь.

-Полк! Слушай мою команду! По машинам!

Высунувшись по пояс из люка, он внимательно наблюдал за действиями бомбардировщиков. Неторопливые, под завязку груженые бомбами машины, позскадрильно выходили на видимые только им цели. Вот оторвались и пошли вниз похожие на капли бомбы. Две эскадрильи по пятьдесят самолетов. Каждый ТБ-1 нес до одной тонны бомб. Даже здесь, земля дрожала и

раскачивалась. Японские позиции заволочло черной тучей дыма и пыли. И в эту тучу один за другим входили и входили бомбардировщики.

Роммель, все это время стоявший широко расставив ноги на крыше своего танка, не надеясь перекричать рев моторов и доносившийся грохот разрывов, оскалился в улыбке и показал большой палец.

-Коробочки, - раздался в наушниках чуть охрипший молодой басок, - цель уничтожена. Можете работать.

-Черфас, слышал?! Артиллерию на позиции! Танки! Люки закрыть. Вперед!

Моторы танков взревели и бронированные машины, стремительно набирая ход, помчались в сторону окутанных дымом японских позиций.

Порядок и построение были обговорены заранее. Основной удар наносит первый батальон. Первая рота впереди, в строгом "шахматном" построении. За ней уступом вправо и влево вторая и третья. В центре образованного танками клина - самоходки. Следом машины с пехотой. На левом фланге, окутавшись дымом и паром, выходили на позицию действенного огня бронепоезда. Батарея ста двадцати миллиметровых гаубиц уже выдвинулась на позиции к роще, в которой прятались броневики разведвзвода, и торопливо разворачивала орудия. Второй батальон, без одной роты, переброшенной на другую сторону дороги для прикрытия бронепоездов, в резерве.

-Вперед! Только вперед!

Десять километров до японских позиций. Пятнадцать минут хода. Новиков, как и Роммель, до последнего стоял в открытом люке. Так намного лучше видно. Вот уже пройдена половина расстояния. Не успел развеяться дым после бомбардировки, как к небу взметнулись разрывы снарядов.

Видна линия окопов. Вся изломанная и испятнанная разрывами бомб и снарядов. "Грамотно подготовились, чети косоглазые! Грамотно". Все, пора убираться в башню. Всякой дурной пуле голову подставлять! Нет уж. Увольте! Тяжелая бронированная крышка, придержанная пружинами компенсатора, мягко опустилась над головой. Новиков поднырнул в командирскую башенку. Толстый, чуть желтоватый "триплекс" надежно защищал от пуль и осколков. И все же, много ли увидишь в узкую щель или окошко панорамы? Оказывается достаточно, если знаешь, куда и как смотреть. Вот слева у самой насыпи замелькали частые вспышки - неподавленные пулеметы. Танки, не останавливаясь, рвались вперед. Все правильно, это не их дело. Огневую точку накрыла серия взрывов - работа самоходчиков. Сделали по выстрелу и тоже - вперед, вдруг понадобится помощь танкистам. Первая рота уже пересекла линию окопов. Откуда-то из-за кустов выскакивают японцы и пытаются бросать гранаты. Пулеметные очереди танков второй роты скашивают их и отбрасывают обратно в кусты. Коротко рывкает пушка посылая в сторону кустов осколочный снаряд. Вперед! Вдруг задымил и почти сразу вспыхнул чадающим пламенем правофланговый танк, высекло сноп искр из башни второго. Горящая машина не снижая скорости, повернула в сторону промоины и, непрерывно стреляя из пулемета, нырнула в неё почти по самую башню. Через секунду - другую, танк выскочил на противоположный край, выпихнув перед собой обломки орудия с тонким, как жало, стволом. Противотанк! Только теперь из горящего танка выскочили две черные фигуры и, сбивая, друг на друге пламя побежали от танка. Пять шагов, шесть. Упали. Взрыв подбросил башню и небрежно - криво поставил её на место. Взорвался боекомплект. Новиков разглядел на башне

закопченную семерку - комсомольский экипаж. "После боя, если живы, представлю к награде".

-Коробочки, внимание! Замечены противотанки! При обнаружении - подавляющий огонь.

Вперед!

Взрыв! и снесло гусеницу с идущей впереди машины. Танк резко развернуло. Видно торчащую из под голых катков, скрюченную руку.

-Вперёд!

-Кучум, - это позывной Новикова, - я первый! Слева, у дороги вижу танки!

-Сколько?!

-Пятнадцать - двадцать. Плохо видно.

-Понял. Продолжай движение! Вторая рота! Поворот влево тридцать. Танки противника уничтожить!

Вот они, утлые, покрашенные в пятнисто-желтый цвет коробочки. Спешат! Попытаются отрезать пехоту. Куда им! Звонкие выстрелы танковых орудий и вылетающие из стволов язычки пламени. Сорока пяти миллиметровые снаряды насквозь пробивали тонкую броню японских танков. Одному прямым попаданием снесло башню. Медные же пули японских пулеметов бессильно стучали по сорока миллиметровой броне. Между японскими машинами встали султаны разрывов, накрывая их одну за другой - трехдюймовка, это не шутка. Молодцы самоходчики! Пять минут и вместо японского танкового подразделения остались только чадающие костры.

-Кучум, я первый! Уничтожено кавалерийское подразделение! Противника перед собой не вижу!

-Вперед! Ещё километров десять и займи оборону по обеим сторонам дороги. Самоходы! Выйти на позиции первой роты. Занять оборону. Третий! Один взвод назад, помощи пехоте зачистить позиции. Остальными силами - вправо. Пять километров и стоп!

Через час бой закончился. Последних японцев пришлось буквально выковыривать из окопов и щелей, где они засели. Новикову доложили, что обнаружили убитого пулеметчика, который был прикован к тяжелому пулемёту толстой цепью. Победа досталась недешево. Особенно большие потери были в стрелковом батальоне - более ста человек. Два танка сгорели. Пять, повреждено. Один восстановлению не подлежит. Уничтожено пять броневиков из десяти.

-Не расстраивайся. Считай, легко отделались. Поторопился японец. Дал бы втянуться в дефиле основным силам, а потом открыл огонь - потери были бы намного больше.

Роммель сидел рядом с Новиковым и прихлебывал теплый чай из термоса. Лицо у него было совершенно пиратское, в трехдневной щетине, залепленное пластырем. Посекло осколками брони после попадания в башню снаряда. Профиль резкий, как говорится - рубленный, сдвинутая на левый глаз черная пилотка. Он действительно чем-то напоминал Новикову пирата.

-Да. Хорошо японец спланировал. Все! Без авиаразведки вперед ни шагу.

-Перестань! Сейчас самое время вперед. Пока не опомнились. Если успеют подтянуть свежие силы, можем малой кровью не отделаться.

-Наверное, ты прав, Эрвин. Но как вспомню - поджилки трясутся.

-Кстати, Николай, давно хотел спросить. Что такое поджилки?

Новиков обалдело уставился на Роммеля. Ну как это объяснить?!

Слащев

Идея, брошенная в массы, овладевает массами в такой же степени, как и массы, овладевают ей. Это, полухитрое студенческое определение невольно приходило в голову Слащева, когда он читал отчеты о заинтересовавших его персонах из мира науки и техники. Не прошло и полгода, как он "засветил" самых интересных, с его точки зрения персонажей. А уже такое началось! Умеют люди работать. Четко, конкретно, без сантиментов и розовых либерастических соплей. Прошло некоторое время и, по всему миру начали происходить события, которые если и привлекли внимание, то только очень небольшого количества людей, непосредственно с этими событиями связанных. В мире готовился разразиться кризис, который потом назовут "мировым". Охватившее людей сумасшествие, связанное с потерей привычных ориентиров, работы, основ жизни не давало возможности смотреть по сторонам. И обращать внимание на всё, что не касается тебя непосредственно. В таком кипящем котле проблем, страстей и трагедий могло происходить всё что угодно. Случиться могло всякое, в том числе события, на первый взгляд незаметные, но имеющие далеко идущие последствия. Любопытные такие события.

В один из дней "прекрасной английской осени", когда на улице стоит мерзкая и промозглая ветреная слякоть, когда, кажется, неистребимая сырость въедается в сами кости, к особняку мэра заштатного английского городка под названием Кембридж подкатил длинный и черный как гроб "Роллс-ройс". Из передней двери вышел дородный молодой человек, раскрыл огромный зонт и услужливо наклонившись, открыл дверь пассажирского салона. Оттуда вышел прекрасно одетый господин средних лет. Прикрытый зонтом, шагая прямо по лужам, он направился к особняку. Мэр, предупрежденный о визите, ждал гостя, поэтому вышколенный дворецкий, открывший двери особняка, принял небрежно брошенный мокрый макинтош и с поклоном указал на гостевую залу. Нимало не затруднившись сменой обуви, пачкая персидский ковер (а что, культурная Европа, цивилизация), визитёр направился к распахнутым дверям. Английский язык крайне скуден для передачи эмоций и оттенков речи. Поэтому состоявшийся разговор разумней передать по-русски.

-Рад вас приветствовать, господин Свингер.

-А уж я как рад, господин мэр.

-Чем мэрия может помочь столь достойному господину, уважаемому члену общества, одному из столпов нашей демократии?

-Волею судьбы и своей лично (сдержанное ржание) я вернулся в милую Англию. Суэта столицы меня тяготит - в своих странствиях я отвык от общества. Думаю обосноваться в вашем прелестном городке. Обзавестись недвижимостью. Несколько вариантов меня заинтересовали.

И, как нельзя кстати, они являются собственностью города.

-Что именно Вас заинтересовало, господин Свингер?

-Вот это и это.

-Но позвольте, господин Свингер. При всем моем уважении, в этих строениях располагается лаборатория господина Резерфорда.

-Резерфорд, Резерфорд... У него золотые рудники в Свазиленде? Нет? Серебряные в Анголе? Тоже нет? И я должен его знать?

-Но как же, господин Свингер? Мистер Резерфорд - светило науки.

-Я вот что подумал, господин мэ́р, а не подарить ли мне городу Кембриджу одну из моих алмазных шахт. Вы меня понимаете?

О, "Золотой телец"! Даже не телец, а его призрак! В мире, где все решают деньги, он способен открыть любые двери.

-Ну что же, господин Свингер. Я почему-то уверен, что городские власти будут рады оказать маленькую услугу столь уважаемому члену общества. И можете не беспокоиться по поводу обстановки - она тоже принадлежит городу.

-Что вы, что вы. Обстановка особняков меня нисколько не стеснит. Думаю, что сумею найти ей достойное применение. (Задорное ржание)

А еще через некоторое время к оставшемуся без работы сотруднику лаборатории, зашедшему в паб погреться и выпить чая, подсел элегантно одетый господин и спросил на чистейшем русском языке.

-Вы позволите, Петр Леонидович?

-Да, да, конечно.

-А что же это Вы, Петр Леонидович, Родину-то позабыли? Не надоело на чужбине-то? Пора, пора уже Вам домой. Кому Вы тут теперь нужны? А дома столько работы - делать, не переделать. Подумайте. Хорошо?

Будущую ядерную программу Великобритании можно было считать решенной. Окончательно. Или очень надолго. Хотя люди, её решившие, об этом даже не догадывались. Так часто случается, что когда решаешь одну задачу, одновременно решается еще одна. Фальшивый "алмазный король" весьма оперативно вывез всё оборудование в одному ему известном направлении. А через некоторое время и сам отбыл. Видимо, продолжать странствия. В данном случае Фортуна решала сыграть за правую сторону - начавшиеся изменения стали накапливаться. Как потом, возможно, скажут - образовался кумулятивный эффект.

С русским эмигрантом Зворыкиным получилось еще проще - у компании "Вестингауз" неожиданно сменился владелец. Которому совершенно, ну, то есть совершенно не нужен, оказался русский инженер. При всем уважении к его способностям. Найденный за привычным столиком в баре, где он привык обедать, забытый кем-то немецкий технический журнал со ссылками на его старые работы, придал правильное направление мыслям. А дорогу до

германского консульства он выяснил у ближайшего полицмена. Лицо "свободного" рынка, бывает.

И еще одно событие, удостоившееся места в разделе уголовной хроники, совпало с описываемыми. В некоем австрийском городе выпал из окна, покончив жизнь самоубийством, некий А.Эйнштейн, рядовой клерк патентного бюро. Свидетели утверждали, что незадолго до печального события, он имел продолжительный разговор с представительным молодым незнакомцем, найти которого не удалось. А господин Пуанкаре из "золотой академии" получил от Макса Планка очень заманчивое приглашение для совместной работы в Германии. Совместной с ним и Петером Зеemanом. Настолько заманчивое, что отказаться было невозможно. Фриц сильно-сильно не любил теорию относительности. Специальную.

Новиков

Оставшиеся до Цицикара километры проходили с постоянными боями. Японское командование бросало в бой все подразделения, которые могло снять с других участков. Соппротивление постоянно нарастало, и вместе с ним росли и росли потери. А потом, когда бойцы были уже на пределе человеческих сил, когда в поредевшие стрелковые роты были отправлены даже писари и повара, все, как отрезало. Объяснение получили из телеграммы Рокоссовского: "Харбин захвачен десантом кораблей Амурской флотилии. В районе Цицикара высажен воздушный десант. Идут уличные бои. Срочно на помощь. В бой с мелкими группами не вступать".

Замполит посоветовал провести митинг. "Сколько я уже здесь? Два года? А все никак не могу привыкнуть к этим постоянным митингам и собраниям. Все-таки я так и остался неисправимым циником. Видимо эта болезнь уже ничем не лечится".

-Какой митинг? Люди смертельно устали, с ног валятся, за рычагами засыпают.

-Вот поэтому, его просто необходимо провести. И выступать должен ты - командир. Тебе верят, на тебя надеются. Ты должен сказать для всех, а с коммунистами и комсомольцами я сам поговорю.

Новиков на минуту задумался, - "А ведь он прав. И моего слова действительно ждут. Не приказа, нет. Именно слова. Ну что ж, отец-командир. Ты взялся за гуж. Теперь тяни. И не ври. И ничего не придумывай".

-Хорошо. Завтра на рассвете, соберешь личный состав у штабного автобуса. Боевое охранение не снимать, наоборот усилить. А то чем черт не шутит, когда командир речь толкает!

В сером предрассветном освещении, все лица бойцов и командиров тоже казались серыми и безжизненными. Короткий четырех часовой сон (и это была невиданная роскошь за последние дни), не мог восстановить силы. Новиков видел, что многие пытаются уснуть стоя. Надо растормошить людей. Хотя бы на один день стряхнуть с них эту сонную одурь усталости!

-Товарищи! Бойцы и командиры! Я по себе знаю, что все - смертельно устали и, кажется, что нет больше сил. В Цицикаре гибнут наши люди. Гибнут десантники, в самый тяжелый момент пришедшие нам на помощь. Гибнут мирные граждане, с оружием в руках вставшие на защиту города. И России! Да России! Здесь мы защищаем свою страну! Свою Родину! Свои города и села. Свои семьи и своих любимых.

Новиков перевел дыхание и окинул взглядом обращенные к нему сотни лиц.

-Мы сегодня должны прорваться к городу. И не просто прорваться, а продержатся сутки, пока не подойдет подкрепление. Я не приказываю. Я прошу. Все у кого хватит сил. Все кому дорога Родина. Все... По машинам!

Новиков не знал, те ли слова он нашел. Он говорил так, как думал и чувствовал. К речи не готовился и чуда не ждал. И все же. Бойцы бегом направлялись к машинам. Вот взревел один мотор, другой, третий. Стали поступать доклады.

-Первый батальон. К движению готов! Все экипажи на местах.

-Второй батальон. Готовы.

-Стрелковый батальон - готов!

-Самоходки к бою готовы!

-Артдивизион к движению готов!

Подошел Ковалев, вскинул руку к козырьку фуражки.

-Товарищ командир Первого Отдельного Особого Танкового полка! - Именно так, с большой буквы. - Коммунисты и комсомольцы готовы выполнить свой долг перед Родиной до конца. Прошу разрешения первыми идти машинам с командирами коммунистами.

Новиков смотрел на Ковалева и не узнавал его. Всегда неунывающий, веселый, готовый острой шуткой подбодрить и поднять настроение, замполит был необычайно серьезен. Торжественно серьезен.

-Разрешаю.

Ковалев протянул руку к микрофону.

-Разрешите, товарищ командир.

Новиков молча, передал микрофон.

-Полк, внимание! Говорит замполит Ковалев. Слушай мою команду! Коммунисты вперед!

Взрывая моторами на низких передачах, танки начали перестройку, не предусмотренную ни какими уставами и наставлениями. Пятнадцать танков вышли вперед и встали, образовав ударную группировку.

-Мне пора, командир.

Ковалев, придерживая полевую сумку, побежал к головному танку.

Новиков повернулся к пораженному увиденным Роммелю.

-Поведешь основные силы. Мое место сейчас там.

-Ты что Николай сдурел. Твое место здесь!

-Не сейчас. Позже.

Новиков уже бежал к своему танку. И куда только делась усталость. А в голове, как набат - "Коммунисты, вперед!"

-Механик! Заводи! Вперед!

И переключив танкету связи.

-Коммунисты! За мной!

К Цицикару прорвались и десантников выручили. Переправа через Нуньцзян, на глазах, у японцев приготовившихся взорвать мост через реку. Скоротечный, но от этого не менее кровавый, бой с прорывавшимися из Манчжурии японскими частями 3-й пехотной дивизии. Все слилось в один непрерывный, кошмарный, наполненный болью, кровью и пожарами день. И ведь продержались, и не сутки, а почти двое. На остатках сил и моторесурса продвинулись вдоль дороги еще почти на сто пятьдесят километров до станции Сярту, полностью отрезав равнину Сунляо от Центрального Китая. Наконец подошло подкрепление, и полк отправили в тыл, на отдых.

В непрерывных боях потери составили более половины личного состава. Измотанные, смертельно усталые, люди отказывались от еды и засыпали, где придется. Уставший меньше остальных, Новиков нашел в себе силы, умыться и привести себя в относительный порядок. Похлопал по плечу похрапывавшего в неудобной позе сидя за столом Черфаса.

-Что?! Японцы!

-Нет никаких японцев. Остаешься за меня. Пойду, пройду по расположению. Посмотрю что и как.

Новиков шел, мимо спящих бойцов, мимо побитых, много выдержавших машин. Люди уснули, где и как пришлось, но оружие у всех под рукой. Экипажи танков спали рядом с машинами, многие на голой земле, но люки закрыты и на моторы наброшены брезентовые чехлы. Спотыкающиеся от усталости часовые на местах. "Надо сократить время нахождения в карауле, а то совсем попадают". Он уже совсем было собрался возвращаться к автобусу, где ждала желанная кровать и отдых, как услышал окрик одного из постов: "Стой! Кто идет?! Извините, товарищ командарм, не признал. Сейчас вызову начальника караула". Новиков поспешил на голос, на ходу поправляя фуражку. "Хорошо, что побриться успел" - мелькнуло в голове. Рядом с наскоро устроенным КПП стоял Рокоссовский и о чем то вполголоса говорил с караульным.

Новиков, переходя на строевой шаг, кинулся, было докладывать, но Константин Константинович скомандовал - "Вольно".

-Здорово, Новиков! Вот и снова увиделись. - Сказал он, обнимая Новикова, - Рассказывай, что ты там натворил с японцами. И не шуми, а то всех перебудуешь.

Пока шли до штабного автобуса, Новиков вкратце рассказал о произошедших событиях. Рокоссовский слушал, внимательно не перебивая. Осматривал до предела изношенные, побитые в боях машины, с видимым уважением проводя рукой по наспех заделанным

пробоинам и вмятинам, оставшимся от попадания снарядов и осколков.

-Вижу Новиков, вижу. Нелегко вам победа досталась. Ты не представляешь, насколько важное дело вы сделали. Теперь мы можем вести переговоры с позиции победителей. И самое главное. Удалось избежать войны на два фронта. Почитай. - Рокоссовский протянул Новикову газету. - Это результат нашей победы.

В передовице "Правды" красным карандашом было аккуратно подчеркнuto: "22 мая подписан договор о взаимных гарантиях территориальной целостности и независимости между СССР и Германией".

-Теперь понял?

-Понял.

-Я хочу, чтобы не только ты, но и все бойцы и командиры это поняли. А теперь расскажи подробнее свои впечатления. Что нового в тактике и технике заметил? Что придумал?

-Ох, рановато об этом. В голове еще не все уложилось. Но самое главное - в основном мы были правы. Крупные бронетанковые соединения себя полностью оправдали. Но полка, даже в таком усиленном составе, явно недостаточно для решения самостоятельных боевых задач. Нужна полноценная бригада или лучше всего дивизия.

Новиков потер лоб, и встряхнул головой, отгоняя сон.

-И я был прав, требуя увеличить количество пехоты. Танки без пехоты, в условиях прорыва оборонительных позиций несут неоправданно большие потери. Мы были вынуждены отвлекаться на разрушение окопов и истребление пехоты противника, и подставляли танки под огонь противотанковой артиллерии. Страшная штука! Хорошо, что у японцев легкие двухфунтовые пушки. Снаряд иногда прошивал танк насквозь, а экипаж оставался невредимым. Будь калибр крупнее или пушек побольше и наши потери увеличились бы в разы. Стрелков надо обязательно пересаживать на бронетранспортеры. Первоначально, хотя бы, одну роту из батальона. Но потом обязательно всех. Что еще? Японцы очень оперативно научались использовать против нас артиллерию большого, сто и больше калибра. Заранее пристрелянные сектора и мощный заградительный огонь. А нам и ответить нечем! Дальнoбойность у трехдюймовых гаубиц явно маловата, не говоря уж про орудия 76 мм. Выручала только авиация. Хорошо, что была надежная радиосвязь. Кстати, не успел я узнать судьбу звена Р-6, которые вскрыли систему обороны японцев под Чжаланьшунь. Без них мы бы положили там большую часть батальона, а так, легко отделались.

- Обязательно уточню. А тебе советую, не откладывая, пока все свежо в памяти. Составь подробный отчет. Подробно. Все замечания и предложения. Все ошибки, наши и противника. Отчет ждут на самом верху. Не торопят, но ждут. И внимательное изучение всего, что ты напишешь, обещаю. Очень благожелательное внимание. Да. Не забудь составить списки на награждение. Указом Президиума Верховного Совета, введен новый орден - Красной Звезды. Вот держи, ознакомься с положением. А теперь отдыхай, а то у тебя уже глаза закрываются. Меня не провожай, дорогу сам найду. Завтра в семнадцать, прибудешь в штаб вместе с Роммелем. Составим отчет о ваших действиях. И не забудь списки награжденных.

Рокоссовский ушел, а Новиков буквально рухнул на койку, из последних сил сняв сапоги и еще не коснувшись головой подушки, провалился в сон.

Приводили себя в порядок, ремонтировали технику, штопали обмундирование, стирались и мылись. И потихоньку, насколько позволяла обстановка, знакомились с Цицикаром. Когда батальон подошел к городу, тот горел. Уличные бои оставили после себя заваленные битым кирпичом, осколками стекла и прочим мусором улицы. Где кучно, а где поодиночке лежали трупы японцев и защитников города. Времени и сил убирать их, не было. Теперь, город постепенно возвращался к нормальной жизни. Оказывается, большинство домов уцелело, и после расчистки улиц от развалин и баррикад он быстро приобретал свой неповторимый облик. Отдав дань своеобразному "туризму", Новиков с головой окунулся в службу. С командирами подразделений, до взводных включительно провели детальный разбор проведенных боев, пока все свежо в памяти. Учились на своих ошибках и ошибках противника. Попытались представить свои действия в различных условиях с учетом полученного опыта. Больше всего споров вызвала проблема прорыва эшелонированной обороны, насыщенной противотанковой и полевой артиллерией. Спорили, ругались, думали, учились, учились и опять учились. И самое главное - и бойцы, и командиры поверили в свои силы и свою технику. Победа над сильной армией. Причем не за счет подавляющего численного превосходства, а за счет превосходства техники и тактики. За счет превосходства боевого духа. Это много стоило. И бойцы, и командиры от сознания своей силы, своей победы, изменились даже внешне. Приходилось даже немного закручивать гайки. А то ведь могут и с резьбы сорваться. Но ничего. Обошлось.

Это было невероятное ощущение, осознание своей силы и могущества. Силы и могущества своей Родины. Ради одного этого, стоило пойти на невероятный риск переноса. Сбросить со своей души невероятный груз "комплекса побежденных", это как обрести крылья. И за то чтобы у великой страны никогда не возникало такого комплекса, он был готов на всё. "Если скажут предать - предай. Если скажут убить - убей!" - сколько раз цитируемые и извращенные строки. С тем врагом, против которого предстояла битва не на жизнь, а на смерть, все средства хороши. Ибо нет у этого врага ни чести, ни совести. Зато злобы и подлости - хоть отбавляй.

Прошло всего несколько дней. А отношение победителей к пленным японцам разительно изменилось. Милость к побежденному противнику? Наверное, именно так. К своим бывшим противникам. Именно противникам, а не врагам. Новиков вспоминал свое отношение к китайцам во время конфликта на КВЖД. Невероятная, бессмысленная, даже не звериная, а какая-то патологическая жестокость, проявляемая китайцами и особенно хунхузами по отношению к рабочим дороги и пленным красноармейцам. Это вызывало ненависть и желание уничтожить их всех. Сейчас было по-другому. Самой яркой иллюстрацией являлись немногочисленные пленные японские солдаты и офицеры, особенно нуждающимся в медицинской помощи. И питание, и помощь они получали наравне с бойцами и командирами Красной армии. Офицерам, под честное слово оставляли холодное оружие и знаки различия. И это ни кого не возмущало, воспринималось как должное.

30 мая, наконец, состоялось подписание перемирия между СССР и Японией. С японской стороны присутствовали представители штаба Квантунской армии, с Советской - командование Забайкальской группой войск вместе с генералом Слащевым. Скорейшему подписанию соглашения, которое перед этим с японской стороны, под разными предложениями откладывалось, способствовало одно обстоятельство. Двадцать девятого мая, над Токио появился советский тяжелый бомбардировщик ТБ-3 и сбросил на город три тонны ... листовок. Аккуратные японцы собрали большую часть разбросанных на огромной площади бумаг и смогли подсчитать их общий вес. Император Хирохито задал своим министрам только один вопрос: "А если бы это были не листовки?".

Встречали японцев со всеми воинскими почестями. Полк Новикова во встрече участия не принимал. Слишком побитый вид был у прошедших с боями пятьсот километров машин, даже после проведенного на скорую руку ремонта. Тем большим было недоумение Новикова, когда в расположение примчался запыхавшийся посыльный из штаба и сообщил, что японская делегация вместе с командованием группы войск направляется к ним. Полк подняли по тревоге и выстроили для встречи неожиданных гостей. Стоя у КПП, Новиков еще раз придирчиво осмотрел выстроившиеся подразделения. Экипажи перед своими боевыми машинами. Самоходные орудия закрыты брезентом - незачем гостям показывать секретные разработки, которые только-только начали поступать на вооружение. Артиллерия по-походному закреплена за машинами. Поредевший стрелковый батальон, сведенный в две роты, замер на левом фланге. Вроде бы все готово.

Слащев принял доклад Новикова и сам повел японцев вдоль строя, следом двинулись и остальные. Представитель японского командования генерал Томон, начальник 2-й дивизии Квантунской армии, начал осмотр с левого фланга. Проходя перед замершими стрелками, внимательно вглядывался в их лица, прищуривая и без того узкие глаза. Шел молча. Вопросов не задавал. Так же молча, прошел и мимо артиллеристов. Но, дойдя до выстроенных в линейку танков, остановился, и неожиданно подойдя к крайней машине, провел рукой по отчетливо видимому рубцу-вмятине на лобовой броне. Поглаживая пальцами броню, повернулся к Слащеву и Новикову.

-Противотанковое орудие? - Вопрос прозвучал на правильном русском языке, хотя и с заметным акцентом.

Слащев вопросительно посмотрел на Новикова.

-Так точно. Двух фунтовое легкое орудие.

Теперь Томон смотрел только на Новикова.

-Я хотел увидеть командира, чьи танки, как меч, рассекли нашу оборону. И очень хотел увидеть эти замечательные машины. По донесениям некоторых наших командиров они неуязвимы. Но я вижу, что это не так?

-К сожалению, господин генерал - уязвимы. И ваши солдаты не один раз подтвердили это на поле боя.

-Несмотря на это вы блестяще провели операцию, майор Новиков. Благодаря вам и вашим солдатам мы проиграли компанию.

-"Нет позора погибнуть в битве с сильнейшим, выполнив свой долг и сохранив лицо". Ваши солдаты и офицеры "сохранили лицо", господин генерал.

Теперь пришло время удивляться Томону. Даже глаза у него стали шире.

-Вы знаете "Бусидо"?

-Противника надо знать и уважать, чтобы победить.

Томон кивнул головой соглашаясь с услышанным.

-А врага?

-Врага? Знать и ненавидеть, чтобы уничтожить.

В июне пришел приказ о передислокации к прежнему месту службы. Вся технику кроме САУ оставили в Харбине. Там пригодится, а вести до предела избитые машины через всю страну... Поэтому ехали домой не в теплушках а в нормальных пассажирских вагонах. Новиков, Роммель, Черфас и Ковалев должны были ехать в одном купе. Но в последний момент Ковалев решил, что поедет вместе с бойцами.

-Заодно и за порядком пригляжу. А то я не понаслышке знаю, как наш брат с войны возвращается.

За окном мелькали ставшие уже знакомыми и родными пейзажи Манчжурии. Долгий летний день медленно клонился к закату. Дорога. Перестук колес. Протяжные гудки паровоза. Все что нужно чтобы настроиться на философский лад. Этакое "Путешествие из Харбина в Москву". Впервые появилась возможность попытаться спокойно разобраться в себе и происшедших событиях. Первая война. Первое участие в бою его выпестованного и выстраданного полка. Первый несомненный успех и первые потери. Может быть это и неправильно, но особых эмоций сейчас, по крайней мере, он не испытывал. Тогда, особенно в первые дни, да, было. И мандраж. И неуверенность в своих силах. И вообще, все представлялось ему как-то по другому. А на самом деле - была работа. Тяжелая, на пределе человеческих сил, но обычная работа. Прав был видимо герой ещё не снятого фильма: "Есть такая профессия - Родину защищать". Самым тяжелым в этой работе, для него, было заполнять похоронки. И Черфас и Ковалев, предлагали, требовали, чтобы он не занимался этим делом. Есть штаб, есть комбаты. Но по-другому он не мог. Не сейчас. Не на тех, кого он знал не только в лицо, но и поименно. Ведь они все, ему в сыновья годились! Да, войны без крови не бывает. И за победу приходится платить. А вот для того, чтобы цена не стала чрезмерной, тебе командир, и дана голова. И знания, которых сейчас ни у кого нет. И совесть... И мысли в голове крутились все больше сугубо приземленные. Техника. Тактика. Стратегия. Планы, планы, планы. Какая уже по счету тетрадь? И карандаш. Сейчас, это его оружие. Его долг. И самое главное, именно сейчас к его мнению прислушаются. Его отчеты будут изучать, и шерстить от корки до корки. Зная Рокоссовского и Фрунзе, в этом Новиков не сомневался. Но и ему потрудиться предстояло нешуточно. Не просто разобрать всю проведенную операцию по косточкам, но и сделать выводы, далеко выходящие за её рамки.

Совсем уйти в себя и в расчеты не давали друзья-попутчики. И слав Богу. А то так можно совсем из жизни выпасть. Ну а если для поддержания разговора чего-то не хватало, то вагон-ресторан работал допоздна, а рестораны и буфеты на станциях вообще круглосуточно. Роммель не смотря на разницу в возрасте и положении, довольно быстро влился в компанию. Да и куда ему было деться от русского дорожного застолья, разве что с поезда на ходу прыгать. Все разговоры вольно или невольно постоянно возвращались к прошедшему "конфликту" - слово-то, какое выдумали обтекаемое. Нет бы по честному - война. Но дипломатия и политкорректность диктуют свои условия. Приходится их соблюдать. Если Роммеля и Черфаса больше интересовали тактические вопросы, то Новиков всерьез пытался разобраться в последствиях конфликта. Под водку (пусть она почти и не действует) да не о великом!

-Я честно вам скажу, что не понимаю, зачем Сталин ввязался в эту авантюру. У вас еще нет армии готовой к большой войне. Любое промедление, любая случайность, которая могла бы затянуть ход компании и Советский Союз на грани войны с Антантой!

-Эрвин, успокойся. По-моему тут все просто. Если бы мы стерпели такое ущемление

интересов Союза на Дальнем востоке и в Манчжурии, то расписались бы в собственной слабости. И тогда провокации следовали бы одна за другой, пока не привели бы к войне или локальному конфликту. Но при этом время и место выбирали бы уже не мы. И кто знает, как бы все оно повернулось.

-Здесь ты прав Николай. С этим не поспоришь. Но ты меня не понял. Все намного сложнее. Вся Европа и в особенности Польша, Британия и Франция - панически боятся усиления Союза. А здесь вы всему миру показали, что вы - это сила. И еще опубликовали договор с нами о взаимных гарантиях безопасности. Ведь это все равно, что красная тряпка для быка! Перед лицом такой угрозы Европа начнет объединяться и усиленно готовиться к войне. И не забывай про такого вашего ярого противника как САСШ. Они до сих пор не признали Советский Союз, а теперь и тем более. Ведь вы наступили на самую болезненную мозоль "Дяде Сэму", вторглись в сферу его финансовых и экономических интересов.

-Ты знаешь Эрвин, я об этом не задумывался. Но тут мне пришла мысль.

-О! Мысль, это великолепно!

-Не перебивай. По-моему ты сказал ключевую фразу и сам этого не заметил. Начнут готовиться! Понимаешь, начнут! Будут собираться с силами примериваться и принаравливать - потому что теперь будут бояться лезть напролом. А за это время и мы успеем основательно подготовиться. Если они не напали на нас сегодня, значит, скорее всего, не нападут и завтра. А лет через пять - посмотрим, кто кого. Если война неизбежна, то лучше что бы она началась, когда мы будем к ней готовы. А сейчас ты сам говоришь - армия не готова.

-Мы в двенадцатом году тоже так считали. И что из этого вышло?

-Но тогда Германия оказалась практически без союзников, если не считать всякую шушеру. А теперь мы вместе.

-Очень хочется надеяться, что так оно и будет. Что старику Секту хватит сил и выдержки. Слишком у нас беспокойно.

Глава 7.

Германия тридцать второго. Страна неразрешенных споров и противоречий. Бурлящий политический котел готовый в любой момент взорваться и разнести не только Германию, но и всю Европу. Относительная стабильность обеспечивалась только невероятной популярностью фон Секта и тем, что благодаря советским заказам мировой кризис не настолько сильно ударил по экономике.

"Демократия Германии противопоказана" - поставил, в свое время, политический диагноз фон Сект. Он и сейчас был готов подписаться под этими своими словами.

Ханс (Ганс) фон Сект или Сфинкс, как прозвали его сослуживцы, за замкнутый, холодный, расчетливый характер, сочетавшийся, однако, с изысканными манерами, тактом и высокой культурой, за внешнюю невозмутимость и спокойствие в любой, самой критической ситуации. Президент Германии. С момента своего избрания он очень многое сделал для того чтобы

вытащить страну из болота поражения. Он любил повторять: "Пути Господни неисповедимы. Даже проигранные войны могут привести к победе".

Сект сидел за большим рабочим столом в своем, не очень любимом, но положенном по рангу, кабинете. Даже такому, до предела занятому человеку, как президент Германии, необходимо время чтобы просто подумать. Оценить то, что сделано и то, что предстоит. В конце - концов, он просто устал. Имеет он право хоть на минуту слабости?! Он не молод. И последние пятнадцать лет занят одним - вытаскивает свою страну из пропасти, в которую её стараются столкнуть.

Оказавшись во главе государства, фон Сект занялся спасением армии. Армия не должна превышать ста тысяч. Значит, мы создадим новую армию. Комплектуемая по вольному найму, Германская армия будет состоять из небольших мобильных частей, где служат отборные, высококвалифицированные командиры. Когда ограничения будут сняты - а фон Сект ни на мгновение не усомнился в том, что рано или поздно они будут сняты! - на этой основе можно будет в кратчайший срок сформировать и обучить настоящую, мощную и многочисленную армию. Кадры нового рейхсвера составили офицеры-фронтовики, и он в первую очередь занялся их спасением и подготовкой.

По всей Германии, как грибы после дождя, вдруг в одночасье выросли всевозможные клубы - военные и спортивные, автолюбительские и авиационные. Там, под видом инструкторов, тренеров и судей, укрывались тысячи офицеров разбитой армии. От рейхсвера они получали материальную поддержку и оружие. В этих клубах молодежь под видом спортивной проходила допризывную подготовку, а сами инструктора при необходимости могли мгновенно стать в ряды армии, многократно усилив ее. (О масштабах предполагаемого усиления косвенно говорит существовавший в 1930 году секретный план "А", предусматривавший быстрое превращение семи пехотных дивизий официальной армии в двадцать одну).

Кроме того, по всей Германии, как бы сами собой, расплодились так называемые "добровольческие корпуса" - фрайкоры, численность которых во много раз превосходила армию. Если "черный рейхсвер", был организацией полуофициальной, то фрайкоры представляли собой что-то вроде отрядов самообороны, ни под какие условия не подходили и никаким ограничениям не подлежали. Состоявшие в основном из бывших участников войны, а также молодых людей, не успевших на нее попасть, они служили не только подспорьем рейхсверу, но и неисчерпаемым резервуаром для поддерживавших рейхсвер политических партий.

Нет, Германия есть Германия - с кадрами для будущей армии там все всегда в порядке. Куда труднее оказалось с вооружением. О том, чтобы развивать военную промышленность на территории Германии, не приходилось и думать - контроль победителей был слишком пристальным и всеобъемлющим. Тогда немцы придумали обходной путь - они стали вывозить капитал в другие страны, создавать там военные заводы. Заключались соглашения с испанскими, японскими, шведскими, швейцарскими фирмами, которые должны были производить и поставлять автоматическое оружие. В Голландии разместили заказ на производство подводных лодок.

Но все это не решало проблемы. Танк без танкиста - кусок железа. Танки с танкистами без стратегии и тактики - железный скот на бойне. Нужны были школы, нужны были полигоны - обучать кадры, разрабатывать стратегию и тактику новых родов войск, испытывать новейшую технику. Разместить все это в маленьких, насквозь просматриваемых европейских странах нечего было и думать. Надо искать что-то другое. Нужен мощный, неподконтрольный Антанте

и заинтересованный в сотрудничестве союзник. И такой союзник нашелся - Советская Россия.

Армия - это основа, но далеко не всё. Нужна была сила, идея способная объединить народ, поднять его на борьбу за возрождение великой Германии.

Монархист по убеждениям, он готов был пригласить вернуться в страну изгнанного после восемнадцатого года кайзера. Останавливал лишь страх перед возможной гражданской войной и четкое понимание того, что дважды в одну реку не войти. Заманчивым казался союз с вновь набравшим силу национал-социалистическим движением Гитлера. Программа понятная любому самому безграмотному и недалекому. И главный враг налицо - еврей и коммунисты. Но если с первым еще, куда ни шло, евреев не любили традиционно, то с коммунистами намного сложнее.

Экономика Германии более чем на сорок процентов загружена Советскими заказами. Заказами коммунистов. Это нельзя было сбрасывать со счетов. Но самое главное, коммунисты, после двадцать третьего года, стояли за укрепление государственной власти и отказ от условий версальского договора. В их партии из-за этого произошел раскол. Двадцать пятый год. Бились страшно. Насмерть. Но справились своими силами. Ни правительству, ни армии не пришлось вмешиваться. Озверевшие от недоедания и страха за будущее свое и своих семей, рабочие отряды Тельмана буквально порвали интернационалистов, после того, как узнали, какие суммы те потратили не на помощь рабочим, а на подготовку восстания и подкупы. И ведь как ловко Тельман сумел все это преподнести! Обыграл эту толпу прожженных политиканов на их же поле! Тогда, воспользовавшись ситуацией, Сект приказал арестовать всё руководство левого крыла КППГ и её активистов. А потом использовал их как козырную карту, когда надо было заткнуть рот французам и британцам, поднявшим дикий шум по поводу якобы антисемитских погромов в Германии поддержанных правительством. Проявил "добрую волю" и под шумок, выкинул их всех из страны. Пускай устраивают революцию в Великобритании и оставят в покое бедную Германию. Конечно, отправил не просто так. Перед этим, пока "спасенные от ужаса народного гнева" приходили в себя, с ними провели очень активную работу. Стены Маобита весьма этому способствовали. От полученной информации, много повидавший на своем веку Сфинкс, чуть не потерял всю свою невозмутимость. Германия была на краю катастрофы. Если бы не Тельмановцы.

И ведь они не остановились на достигнутом. Наладили контакты с национал-социалистами Штрассера, и пошли на создание объединенной партии. НКППГ - национальная коммунистическая партия Германии. Тельман, лидер коммунистов, в своей последней статье, опубликованной большинством центральных газет, заявил ясно и недвусмысленно: "Время революций прошло! Если мы хотим построить в Германии социализм, то сначала мы должны вытащить страну из того болота, куда она загнанна усилиями Антанты. Мы должны очиститься от позора Версаля! Мы должны показать всему миру, что Германия способна возродиться как Феникс. И если Британские империалисты и их союзники стремятся соблюсти свои интересы за счет Германии, то пусть не обижаются, если Германия выставит им за это счет. Великое будущее возможно только для великой страны! И мы национал-коммунисты призываем всех, кому дорога Германия, объединиться для её возрождения. Единая страна! Единый народ! Единая победа!". Попробуй после такого заявить, что коммунисты враги нации - сам окажешься врагом номер один. И этот жест - вытянутая вперед правая рука с крепко сжатым кулаком. Куда лучше нацистской вытянутой вперед ладони. Внушительнее.

Видимо и здесь этот хитрый грузин приложил свою руку. За прошедшие годы уважение Секта к Сталину только возросло. За десять лет вывести страну из такого кризиса который Германия не испытывала в самые тяжелые годы и не просто вывести а перегнуть весь мир по темпам развития! "Видел ли мир большую катастрофу, чем испытала Россия в последней войне? И как быстро поднялось советское правительство в своей внутренней и внешней политике"! - он это написал ещё в двадцать пятом. Теперь бы добавил: "Стремительно и беспощадно разобратся с оппозицией, которая грозила развалить все с таким трудом созданное. Начать всеобъемлющую реформу в армии и проводить её последовательно и решительно. Этим может похвастаться далеко не каждый политический деятель".

И его умение подбирать людей! Фрунзе, Зиньковский, Молотов, Куйбышев. "Кадры решают всё" - ведь это не просто фраза, это стиль и метод руководства. В свое время Сект сознательно пошел на всестороннее сближение сначала с Советской Россией, а потом и Союзом. Он искренне считал, что только в союзе с Россией Германия способна обрести несокрушимую мощь. Тем более, что в отличие от многих европейских русофобов прекрасно знал историю - Россия никогда не искала территориальных приобретений в Европе. Хотя не раз за свою историю могла её прибрать к рукам со всеми потрохами. Даже протекторат над Польшей и Финляндией навязанный в свое время русским международными соглашениями не вынудил их присоединить эти территории к империи.

"Польша! Проклятая Польша! Жадная, разлагающая все, с чем соприкоснется! Раковая опухоль на теле Европы!", - ненависть его к Польше была безгранична. Паразит, возникший и жирующий на свежих кровотокающих ранах двух поверженных волей судьбы гигантов Германии и России. Да какой там волей судьбы! Волей Антанты. Волей Британии и Франции. Будь они на веки прокляты!

Вот и еще один пункт, сближающий Германию и Россию. Союз с Россией, Германии жизненно необходим. А лидер национал-социалистов, их фюрер видит это по-другому. "Германия, должна увеличить свою территорию на Востоке - в основном, за счет России. Это означает, что новому рейху предстоит снова отправиться в поход по стопам древних тевтонских рыцарей и с помощью германского меча обрести землю для германского плуга и хлеб насущный для нации". О судьбах воинственных тевтонцев фюрер благоразумно не упоминает... А зря! Правда, в последние годы, этих высказываний почти не слышно. Даже совсем не слышно. Ему бы о таком доложили немедленно. Видимо и до Гитлера стало доходить, что он не там ищет врага. Да и поддержки в армии он теперь такой не имеет. Недовольные "излишней медлительностью", теперь могут размять свои кости, а заодно и мозги в России. Теперь реальностью становятся не только совместные учебные и технические проекты. Русские предлагают проводить совместные маневры. Пусть пока неофициально, не стоит раньше времени дразнить собак, но, тем не менее, это такой шаг к сближению о котором он в свое время мог только мечтать.

Невольно вспомнился 23-й год. Призрак революции носился в воздухе. Все как с ума походили. И вдруг как гром среди ясного неба - коммунисты заявляют о своей поддержке курса правительства на стабилизацию обстановки в стране и предотвращение интервенции со стороны стран Антанты. В последний момент Москва нажала на стоп-кран. Став президентом, Сект теперь прекрасно понимал, чего стоило Сталину принятие такого решения. Но он его принял.

Секту те годы вспоминались как сплошной, затянувшийся до бесконечности кошмар. Какие усилия ему пришлось приложить, чтобы армия осталась нейтральной, свободной от участия в

политических распрях! Рейхсвер остался той единственной силой, которая смогла удержать государство от полного распада. Но огонь до конца не погашен до сих пор.

Как тогда помогли советские оборонные заказы! Сект был готов оплачивать многие проекты из германской казны, но советы сами пошли на встречу. Тогда, принимая советскую делегацию, Сект впервые встретился с Фрунзе. Правда, нарком прибыл в Германию не в составе делегации, а на лечение. Хотя чего там было лечить? Все профессора в один голос завилы, что советский нарком абсолютно здоров! Видимо русские не хотели раньше времени привлекать внимание к переговорам участием в них такой фигуры. Итак, Фрунзе. Профессиональный революционер, не имеющий за плечами кроме тюрем, ссылок и подпольной работы ни какого образования, удивил Секта глубиной своих знаний. Позже он узнал, что труды Клаузевица и Мольтке, Фрунзе изучал, ожидая приговора в камере смертников. Когда в конце переговоров, воспользовавшись тем, что они остались наедине, Фрунзе произнес тост за будущего президента Германии, Сект был настолько поражен, что даже не мог скрыть своего изумления. Фрунзе лишь улыбнулся в пышные усы: "Не переживайте вы так, право слово. Считайте, что побывали на бесплатном сеансе у цыганки-гадалки". Прошел год и Эберт назначил Секта своим приемником на посту президента. Вот тогда и вспомнилось загадочное предсказание Фрунзе.

За прошедшие годы, Советы уже неоднократно доказали верность не только букве но и духу заключенных соглашений. В отличие от Американцев они не просто давали деньги, а предлагали руку помощи, как товарищи по борьбе. В двадцать девятом Сект тоже колебался, принять помощь от американцев и немалую, в обмен на отказ от заключения экономического договора с Союзом или заключить договор, практически на ту же сумму, с Советами. Тогда он выбрал Советы и не прогадал. Заводы Германии работали на полную мощность, тысячи специалистов трудились на советских заводах. Союз предлагает значительно расширить сотрудничество вплоть до приглашения немецких колонистов для освоения целинных земель Дальнего востока и Казахстана.

Дальний восток - край невиданных богатств и огромных неосвоенных территорий. Край, где совсем недавно отгремела невиданная до сих пор война, стремительная как удар молнии. Блицкриг. Послевоенная мечта германских генералов, осуществленная русскими. За две недели отхватили кусок Китая размером с половину Франции! Никто и пикнуть не успел. Лига наций только успела внести вопрос на рассмотрение, а рассматривать уже нечего. Факт совершился. Советы подписали с Японией сначала соглашение о перемирии и прекращении боевых действий, а затем и полномасштабный мирный договор. Вечером того же дня копия статей договора была доставлена фельдъегерем из Москвы спецрейсом ТБ-1 Москва - Кенигсберг - Берлин. Москва договорилась с Токио о разделе сфер влияния. Невероятно! Более чем столетние усилия британской и американской дипломатии, как говорят русские; "псу под хвост"! Союзу отошла вся территория к востоку от линии КВЖД и пятидесятикилометровая буферная зона к западу. Остальная территория Китая, а также Индокитай и Малайзия признавались зоной интересов Японии. Был подписан отдельный протокол об отсутствии взаимных территориальных претензий. На Японию проливался нефтяной дождь, гарантировались поставки по льготным ценам стратегических материалов, но каждый пункт был жестко оговорен. Никакой безвозмездной помощи, никакого альтруизма - жесточайший прагматизм.

Реакцию Лиги наций предсказать было нетрудно - и Союз и Японию обвинили во всех мыслимых и немыслимых грехах. На вполне резонные возражения, что поскольку правительство Чан Кайши не справилось с возложенными на себя обязательствами по

объединению Китая и не может гарантировать соблюдение интереса третьих стран, то оно не является легитимным и страны вправе сами обеспечивать свои интересы, никто внимания не обращал. Все резолюции с осуждением действий Японии и Союза проваливались. Создавались многочисленные комиссии для проверки деятельности комиссий, которые в свою очередь должны были проверить... и так до бесконечности. Сект с истинным наслаждением наблюдал за этой бюрократической войной. Сталин опять обхитрил всех. Пока шли бесконечные разбирательства, и голосования, Советы скупали все, что предлагалось на рынке высоких технологий. Страна жила впроголодь, но на это денег не жалели, сполна используя все преимущества даваемые членством в Лиге. Российское золото лилось рекой в западные банки, с помощью Германии и Турции в обход "золотой блокады". Но золото это лишь металл, а Британские, Американские и Французские заводы стояли, и инфляция от этого только нарастала. Сталин выигрывал самое ценное - время.

Сталин. Загадочный, немногословный кавказец, железной рукой взнуздавший бешеных коней революции. Чего же он хочет на самом деле? На этот вопрос необходимо получить ответ. От этого зависит судьба Германии. С русским или против них? Сейчас еще можно, что-то изменить. Сталин предложил личную встречу. Невероятное предложение! Иезуитская любезность Сталина или искреннее желание скорее информировать своего союзника? Вопросы, вопросы.

А тут еще глава абвера, фон Бредов со своей докладной запиской об антигосударственной деятельности различных масонских организаций в Германии. Картина получается страшная - контроль почти над сорока процентами политических партий, преимущественно радикального толка, находится в их руках. Агенты влияния внедрены почти во все государственные структуры. И что со всем этим делать?! Взять и по примеру Сталина всех пересажать в лагеря? Но у нас демократическая страна! Черт бы побрал эту демократию и тех, кто нам её навязал! Объявить их вне закона? Вой пойдет по всей "просвещенной и культурной" Европе. Бредов пишет, что советская разведка предлагает помощь. Интересно, как они это представляют? Советская разведка в Германии разбирается с германскими проблемами - срам на весь мир! Но все-таки Фердинанда надо вызвать, пусть доложит подробности. Может быть, что-то дельное придет в голову самому. И решать с этим надо быстрее, до встречи со Сталиным. Опять Сталин! Почему так сложилось, что все проблемы Германии, так или иначе, решаются в России? Или так и всегда было, а мы просто не желали себе в этом признаваться?

А сейчас назревает очередной кризис. Выборы. И от его позиции зависит многое, если не всё. Он - Сфинкс. И он умеет ждать. Ждать и готовиться. Но теперь время ожидания кончилось. От его решения зависит судьба Германии. Опять. Опять наступить на горло одной своей мечте - увидеть во главе страны и нации кайзера. Но выполнить свою другую - возродить величие и дух Германии. А это значит, придется идти на союз с коммунистами. Все логично и неотвратимо. Пора отбросить сомнения и страхи.

От тягостно-возвышенных мыслей и воспоминаний отвлек звонок телефона. Прямая линия связи. Этим телефоном могли воспользоваться только три человека в Германии - канцлер, министр иностранных дел и главнокомандующий рейхсвером. Сект взял тяжелую черную трубку.

-Слушаю.

-Господин президент, это Шлейхер.

-Что случилось, господин канцлер? Я же просил меня сегодня не беспокоить.

-Господин президент! Это крайне важно! Только что состоялось покушение на Грегора Штрассера. В его машину брошена бомба. А потом, её расстреляли из автоматического оружия. Выживших нет. Вы меня слышите? Господин президент, вы меня слышите?!

-Слышу, Карл. Слышу. Что делают Гитлер и Тельман?

-Пока не известно. Никаких обращений и заявлений ещё не было. Всё случилось буквально несколько минут назад.

-Это хорошо. Вы молодец, что сразу поставили меня в известность. Теперь слушайте внимательно и выполняйте. - Когда Сфинкс, говорил так, даже канцлер мгновенно вспоминал, что в первую очередь он офицер, и лишь потом канцлер, - Немедленно пригласите к себе обоих. Пусть берут с собой всех кого посчитают необходимыми. Как только улягутся первые страсти, думаю, что часа им на это хватит, появлюсь я. Заранее о моем визите не извещайте. Это должно выглядеть неожиданно. Всё понятно?

-Так точно. Господин президент!

-Выполняйте.

Сект медленно положил трубку на рычаги. Обеими руками провел по волосам, разглаживая и без того безукоризненную прическу.

-Само провидение дает нам шанс. И я им воспользуюсь.

Сект умел добиваться своего. Сфинкс он и есть сфинкс.

Через день он держал в чуть дрожащих руках экстренный выпуск *Vilkischer Beobachter* с речью Гитлера. "Памяти товарища по борьбе". Глаза торопливо пробежали строчки, временами задерживаясь и возвращаясь к прочитанному. По мере чтения нервная дрожь в руках проходила. Теперь Сект читал уже спокойно, положив газету на стол, делая торопливые заметки в блокноте. Ему удалось! Ему опять удалось! Он не просто вытащил Германию из очередного кризиса. Он смог её объединить. Гитлер и Тельман договорились. Договорились! Речь Гитлера это показала со всей очевидностью. Они больше не враги и не соперники, они теперь соратники по борьбе с общим врагом. Англия не могла сделать Секту лучшего подарка, чем совершенное покушение на Штрассера. Шеф криминальной полиции Мюнхена, где и произошло убийство Штрассера, Генрих Мюллер, сработал невероятно быстро и четко. Ему не только удалось схватить исполнителей, но и выйти на цепь заказчиков. Далеко её размотать не дали. Но все следы вели в Британию. Сделать столько за одни сутки! Эта информация, вовремя поданная и в нужном оформлении, послужила той последней веткой, которая сломала спину упряму Гитлера.

НСДАП готова объединиться со своими братьями из НКПГ для совместной священной борьбы против западной плутократии и происков мирового сионизма. "Неужели, кто-то действительно верит, что страна в состоянии достигнуть прогресса, если её политическая жизнь разрывается во внутренней борьбе, как в Германии сегодня. Тридцать четыре партии на одну страну. И это, в тот самый момент, когда перед нами стоят величайшие задачи, которые могут быть решены лишь в одном случае. Когда собраны воедино все силы нации! Нас называют нетерпимыми, не способными ужиться людьми, отказывающимися сотрудничать с другими партиями. Они путают нас с собой. В это историческое для Германии и её народа время, мы объединяем все

национальные силы в один кулак!

Они всё не желают понять, что происходит нечто другое, отличное от буржуазной парламентской политической партии. Наше движение и наше единение держится на том, что просто невозможно уничтожить. До того как объявились эти тридцать партий, был германский народ. Когда эти партии исчезнут, народ по-прежнему останется. И мы не желаем быть представителями, какого либо рода деятельности, класса, религии или местности. Мы будем представлять весь народ Германии"!

Яснее не скажешь. Скоро должны были доставить и речь Тельмана. Он должен был со своей стороны подтвердить идею объединения. Как будет называться партия и кто кем будет в ней это уже следующий вопрос. Главное сделано. Теперь можно и нужно форсировать переговоры с Советами. Сталин предлагает личную встречу, он - рейхпрезидент Германии, принимает предложение. "Если этот мир плох, то его надо изменить". Время пришло.

Колеса тайной дипломатии завертелись с удвоенной скоростью. Немцы и русские любили и главное - умели создавать обстановку полной секретности. Да и как в этой ситуации могло быть иначе. Слишком многое было поставлено на карту. Слишком многое зависело от этой встречи. В таком деле нет места случайностям, и, тем более, чужим ушам и глазам.

Вечером того же дня в резиденцию Секта прибыл рейхсканцлер Шлейхер. Давний соратник Секта, продвинутый им в верхние эшелоны власти для противодействия центристам и лейбористам. Человек жесткий. Преданный и лично Секту и Германии, но не политик. То есть абсолютно. Собственно у власти он был недолго, всего три месяца. И теперь пришло время с этой властью прощаться. Разговор получился коротким и сугубо деловым. Собственно, Шлейхер и сам прекрасно понимал, что он фигура временная и готов был, вернуться к службе в рейхсвере в любой момент. Секта он понял сразу и был готов его безоговорочно поддержать.

Вызванный следом за Шлейхером главнокомандующий сухопутных войск Германии фон Хаммерштейн всегда привлекал Секта своей энергичностью, способностью быстро и четко разбираться в хитросплетениях Германской политики и в любой ситуации соблюдать интересы армии. После обмена приветствиями, Сект даже не пригласил Хаммерштейна сесть. Словно подчеркивал необходимость принятия быстрых и резких действий.

-Генерал, я пригласил вас для очень важного разговора. Наступает время больших перемен и ответственных решений. Демократия чуть не сыграла с Германией злую шутку. Я знаю вас как человека обладающего политической проницательностью и самое главное как человека чести. Поэтому буду предельно с вами откровенен. Настало время, когда Германии предстоит возродиться как великой державе и громко заявить об этом на весь мир. Вы барон хорошо знаете мою позицию, мою доктрину. Только союз с Россией, даже при некоторой политической зависимости от неё, позволит не только сохранить, но и возродить величие Германии. Ставка на коммунистов сейчас - это гарантированный военно-политический союз с Россией завтра. В этот переломный момент я хочу быть уверен, что армия останется не просто нейтральной, но и поддержит меня. Что вы на это ответите?

-Господин президент, если это позволит возродить величие Германии и смыть позор поражения, то армия будет приветствовать любую сильную власть. Но что вы имели в виду, говоря о поддержке армии?

Сект прошелся по кабинету. Остановился перед огромной, на всю стену картой Европы. Монокль в левой глазнице радужно поблескивал цейсовской просветленной линзой. Наконец

повернулся к Хаммерштейну.

-Союз с Россией, для нас означает подготовку к новой войне. Возможно, даже, скорее всего, мировой войне. И Германия должна вступить в эту войну не только с сильной и по-современному оснащенной армией, но и с единым, исполненным волей к победе руководством. Объединившись, Гитлер и Тельман способны создать такое руководство. Но! Они, особенно Гитлер, способны зарваться. Почувствовать себя непогрешимыми и непобедимыми. К сожалению, я сфинкс только по прозвищу и я не вечен. А союз с Россией нужен Германии навечно! Я не собираюсь повторять ошибку Бисмарка.

За время своего монолога Сект подошел к Хаммерштейну почти вплотную и теперь смотрел ему прямо в глаза. Обычно холодные, серого цвета глаза, сейчас сверкали как золингеровская сталь.

-Германии нужна гарантия такого союза. И армия, должна стать таким гарантом! Вы, Хаммерштейн, создадите корпус охраны союза. Не перебивайте меня! Я, пока, являюсь гарантом соблюдения конституции. И я могу вносить в неё поправки. Внесение таких изменений будет мои условием партии Гитлера-Тельмана. И они на это пойдут! Не ваша забота думать про формулировку. Ваша забота создать инструмент, обеспечивающий её выполнение. Выполнение при любых условиях. Вплоть до свержения правительства Германии, если оно пойдет на нарушение союза.

Сект напряженно смотрел на генерала, словно пытался проникнуть в его мысли. Видимо оставшись удовлетворенным, прикрыл глаза. Отвернулся и снова подошел к карте. Постучал по ней пальцем.

-Хаммерштейн, посмотрите на эту карту. Внимательно посмотрите. Я хочу, чтобы вы поняли, не только умом, но и сердцем поняли, по-другому нельзя.

Хаммерштейн пристально рассматривал карту, которую ему приходилось видеть каждый день, у него в кабинете бала точно такая же. Но сейчас он словно увидел её впервые, так, как видел старик Сект. И ему становилось не по себе. Каждым изгибом своих, изуродованных волей победителей в мировой войне, границ карта действительно кричала - ВОЙНА!

-Вы видите. Германия самой судьбой расположена меж двух миров. Непримириемых миров Хаммерштейн. И воевать нам придется все равно. Или с Россией, или против неё.

Антанта даст нам любые деньги, только бы мы сцепились в смертельной схватке с Россией. Россия предлагает полноправный союз.

Я верю в силу нашей армии и наш народ. Мы сможем победить в любой войне. Но какой ценой и для чего? России нужна сильная Германия и возможно объединенная Германией Европа, как надежный партнер способный гарантировать безопасность её западных границ. Территориальные претензии их к Польше и Румынии естественны и справедливы. А для них, - Сект ткнул пальцем в сторону Британских островов, - для них мы только меч. Орудие, которое когда оно затупится, надо выбросить или переплавить.

Холодный северный ветер принес с собой дождь. Крутая, свинцово-серая, балтийская волна с гулом ударяла в крутые борта корабля, поднимая тучи брызг, временами долетавшими даже до мостика. Учебный линкор крингсмарине "Шлезвиг-Гольштейн", с трудом удерживая пятнадцатиузловый ход, спешил с дружественным визитом в Кронштадт. Давно запланированный поход, о котором последние два месяца трубили все газеты Германии.

Старый, времен Ютландской битвы, линкор, один из двух оставшихся у немцев по Версальскому соглашению, не привлек к себе внимания Британских и Французских спецслужб. Если бы они только могли предположить, что на борту линкора находится имперский президент Германии Ханс фон Сект!

Все было обставлено с истинно немецкой аккуратностью. Провожаемый корреспондентами и членами правительства, Сект уехал в свое загородное имение для поправки пошатнувшегося здоровья. Только вместо уютного "сельского дома" оказался на борту "Шлезвиг-Гольштейн".

Сект спешил, и старые машины работали с предельной нагрузкой. Личная встреча со Сталиным, договоренность о которой была удивительно быстро достигнута, была ему жизненно необходима. Когда решается судьба Германии, не может быть ни каких личных амбиций. Если нельзя провести встречу на нейтральной территории и совершенно непредставим визит Сталина в Германию, то он сам прибудет в Россию.

Подписанный накануне министрами иностранных дел договор о взаимных гарантиях, представлял собой хорошую основу для предстоящей встречи. Фундамент заложен крепкий. Пришло время строить здание будущего союза.

Даже здесь, на борту корабля, Сект старался не терять самого драгоценного - времени. Доклады, отчеты, проекты - ежедневная рутина, которую не отложишь в долгий ящик. Ко всему прочему - это ещё и хорошее подспорье успокоить нервы. Когда голова занята делом, в неё не лезут дурные мысли. И все же, непредсказуемость предстоящей встречи и её результатов, лежали на плечах тяжким грузом. Стали категорически отказался заранее оговорить круг вопросов, которые будут рассматриваться. Ограничился фразой о взаимных интересах и долгосрочном сотрудничестве. И всё, и ничего! И почему они должны встретиться обязательно до выборов? Вопросы, вопросы. А Германии как никогда нужна определенность. Если бы не необходимость соблюдения секретности и не эта проклятая Польша! Отправился бы на поезде или самолете. И не было бы этого выматывающего ожидания. Впереди целая ночь!

Сект с раздражением, благо никто не видит, отодвинул лежащие перед собой бумаги. Даже его спокойствию и выдержке есть предел! И все же, надо взять себя в руки. И если не получается работать - лечь спать. Не хватало завтра предстать перед Сталиным с помятым и опухшим от бессонной ночи лицом.

Рюмка конька, сигарета и качка - отличный набор для людей страдающих бессонницей. Так что Секту всё же удалось поспать и наутро быть внешне собранным и спокойным. Сфинкс - он в Германии Сфинкс.

Зайдя в адмиральскую каюту, командир линкора, капитан цур-зее Вильгельм Маршалл, застал Секта именно таким - строгим, собранным и готовым к любым неожиданностям.

-На горизонте Кронштадт, господин президент. Нас встречают корабли Балтийского флота.

К застывшему на кронштадском рейде линкору стали подходить многочисленные катера и барказы и немудрено, что в этой суете никто не обратил внимания на одинокий разъездной катер. Наконец Сект ощутил под ногами прочную и надежную землю и невольно с интересом огляделся. Какая она советская земля?

Когда через два дня "Шлезвиг-Гольштейн" отправлялась обратно, настроение фон Секта было

совсем иным. Прошло время неопределенности, настало время действия. И, черт возьми, ему это нравилось! Он стоял у открытой заслонки иллюминатора, с наслаждением вдыхая свежий соленый ветер, и мелким глотками смаковал действительно превосходный армянский коньяк, презентованный ему Сталиным. Сект не был тщеславным человеком, но ничто человеческое ему было не чуждо, и мысль, что именно ему удалось осуществить мечту Бисмарка о создании тройственного союза Германии, России и Японии, приятно согревала. Конечно, до реально оформленного союза со всеми положенными в таких случаях протоколами и соглашениями пройдут годы, но самое главное было достигнуто, теперь очередь за дипломатами. Сект любовался редким по красоте закатом, позволив себе хоть на короткое время выбросить из головы груз постоянных забот. Сегодня был его день, его праздник. Собственно говоря, праздник всей Германии, хотя она об этом сейчас и не подозревала. Сект погрозил кулаком в сторону заката и скрытой за горизонтом Великобритании.

-Приходит время расплаты господина! Я еще увижу, как германский орел вцепится в гриву вашему льву, советский серп вопьется ему в глотку, а молот вобьет последний гвоздь в могилу британской империи!

В уединении адмиральской каюты никто не видел слез железного Сфинкса. Все было не зря.

Поезд плавно покачивало. Стук колес был почти не слышан. Его гасили бронированные стены, толстые стекла и мягкие ковры на полу. Лампа с зеленым абажуром отбрасывала яркое пятно света на стол с разложенными на нем бумагами и книгами. Правда сейчас они были отодвинуты в сторону и уступили свое место в центре вазочке с вареньем и стакану крепкого ароматного чая в витом серебряном подстаканнике. Сталин пил чай, не торопясь, вприкуску. Отхлебывал небольшими глотками, запивая приторную сладость ягод. Вспомнил счастливого Секта и невольно улыбнулся в прокуренные усы. Конечно, встреча удалась, и результаты были достигнуты немалые. Искренняя ненависть Секта к Антанте и Польше нашли у нас полную поддержку. Чем-то Сект напоминал известного римлянина, который каждое свое выступление в сенате заканчивал словами: "И поэтому, Карфаген должен быть разрушен".

"Если бы все было так просто, дорогой господин президент. Похоже, вы не представляете себе, с какой силой нам придется столкнуться. Предстоит борьба не с Антантой, а англо-саксонской цивилизацией. И драка будет страшная. Насмерть. До последнего фунта и доллара. Вы любите образные сравнения, господин президент, тогда можно сформулировать так: "Воина между цивилизацией чести и цивилизацией наживы", или если вам больше нравится "между честными тружениками и ворами торговцами", выбирайте, что вам больше нравится. И война эта будет без всяких там рыцарских правил, с ударами из-за угла и ядом в стакане, с возвращением любимых женщин и кражей детей, с такой грязью, что вам не привидится и в самом кошмарном сне. И на этом поприще мы им не соперники. Нам остается надеяться только на нашу силу и ум, доблесть и отвагу наших народов. Второго шанса не будет. Но вы, похоже, этого не знаете и это к лучшему - "Больше знания - больше скорби". Когда придет время, мы вас просветим.

А Тельман - молодец! Сколько сил пришлось потратить тогда, в двадцать четвертом, да и потом, чтобы убедить его - время Коминтерна прошло. Что если коммунисты хотят победить, то вместо идеи мировой Коммуны должны во главу угла поставить идею построения социализма в возрожденной и могучей Германии. Но он понял. А многие наши "товарищи" не поняли. И понимать не хотят. Но мы этих "товарищей" заставим понять, как они неправы. Исключительно по рекомендациям графа Толстого - непосильным трудом на благо всего народа.

Да, Тельман много добился. Не без нашей скромной помощи конечно. Все-таки раскол

национал-социалистов, это во многом заслуга Зеньковского.

Партия Гитлера во многом нам ближе по духу, чем все эти эсдеки. Гитлер прекрасно понимает, что у нас есть один враг - западный либерализм, и те, кто его поддерживает и подпитывает, его идеологи и главные распространители - сионисты. И за всем этим - Англия. Или они считают, что они за ЭТИМ. А на самом деле, их самих уже давно используют. Вот только используют по взаимному согласию.

Гитлер. Тот, кто начал войну с СССР, там, в неведомом будущем. И он же, сейчас, готов стать активным участником советско-германского союза. Сажал коммунистов в лагерь и пошел с ними на объединение. Но, ведь его основные идеи и лозунги остались неизменны. Почти неизменны. Изменились мы, коммунисты. Мы начали очищение партии. Мы отмежевались от сионизма. И не мы пришли к Гитлеру. Это он пришел к нам. Но все равно, кое-что мне не понятно. До двадцать четвертого года, он утверждал, что Англия и Германия самой историей обязаны быть друзьями и соратниками. А потом? За шесть лет Англия превращается у него в злейшего врага Германии и всего человечества. Это конечно правильный подход и совершенно верное понимание. Но откуда возникли такие перемены? Ведь агенты британских и сионистских кругов вокруг него так и вертятся. Надо помочь Секту разобраться с этой сворой шакалов.

Сталин прервал свой внутренний монолог и, закулив папиросу, подошел к, закрытому плотными бархатными занавесями, окну. Снова улыбнулся. Только улыбка была больше грустная.

-А шкуру неубитого медведя, мы ловко поделили.

Перед глазами, будто воочию встала карта мира. Граница советской зоны влияния проходила от побережья Балтийского моря западнее Мемеля, вдоль восточного берега Вислы, круто забираясь на запад, пересекала пополам Чехословакию и выходила к берегам Адриатики, включая в себя всю Югославию. Вся остальная Европа входила в сферу интересов и влияния Германии. Китай и государства Тихоокеанского региона отходили к Японии.

-Зрелище не для слаонервных.

Сталин сломал недокуренную папиросу в пепельнице.

-Мы рождены, чтоб сказку сделать былью.... Только бы успеть.

Он раздраженно тряхнул головой отгоняя непрошенные мысли. Что бы успеть, надо было работать. Нужно было выигрывать дни, часы и минуты.

Тихонько скрипнул стул, и усталое лицо склонилось над бумагами. Пальцы бережно открыли книгу на заложенном месте.

Гитлер спешил в Берлин. Съезд партии в Нюрнберге прошел непросто. Но он своего добился. Партайгеноссе Геринг, Гесс, Рэм - поддержали его по всем пунктам. Геббельс, не в счет, он способен только вещать его, Гитлера, идеи. Болтун и демагог. Талантливый демагог. И нужный. Но, не товарищ.

Теперь предстояла очередная встреча с Тельманом и Сектом. Очень важная встреча. Именно теперь должно решиться, кто станет канцлером Германии и возможным приемником Секта.

С Тельманом приходится считаться. За ним сила и миллионы голосов промышленного севера и запада Германии. Но у партии и нации должен быть один вождь и один лидер. Тельман неспособен объединить вокруг себя нацию и, видимо, это понимает. Иначе непонятно почему он пошел на уступки. Если только не по указке из Москвы. Или на него смог повлиять президент? Но должность заместителя по партии будет его. Это Гитлер решил окончательно. Тельман сумел вычистить КППГ от всякой либеральной и сионистской сволочи. Значит, сможет сделать это и в интересах объединенной партии. Такой жесткий и решительный человек партии и Германии необходим. Свою честность он доказал, когда вместе с тысячами евреев выгнал из партии и свою жену. Теперь уже бывшую жену.

Но если с Тельманом и коммунистами было все более-менее понятно, то президент оставался "сфинксом". Это было неприятно. Это раздражало. Но ничего поделать с этим Гитлер не мог. Сект олицетворял собой армию. А армия в Германии, это намного больше, чем просто вооруженные силы. Это надежда и дух Германии.

Дух. Что-то нематериальное, но от этого не менее весомое и действенное. Он это знал. Знал как никто. Он не забыл, да и никогда не сможет забыть весну двадцать четвертого года. Это ниспосланное ему озарение. И это состояние ужаса, которое он тогда испытал, почувствовав себя разбитым стариком трясущейся рукой засовывающим себе в рот капсулу с ядом под рев артиллерии и разрывы бомб стирающих Берлин с лица земли. Русских снарядов и русских бомб. А за всем этим, торжествующе-гнусные рожи заокеанских властителей денег. Еще бы им не торжествовать. Им удалось стравить два братских народа в бессмысленной бойне. Вместо величия тысячелетнего Рейха, развалины Германии и могилы миллионов её лучших сынов и дочерей. Он не позволит этому случиться! Он разорвал путы лжи и обмана вокруг себя. И никому не позволит больше ему лгать и обманывать.

Величие Германии закладывалось её предками, и он был глупцом, когда пытался забыть их заветы. Он был ослеплен парадным образом Британской империи. Его гипнотизировали её сила и мощь. Её захваченные по всему миру колонии и чудовищный флот. Противостоять ей - немыслимо! И только союз с империей может спасти и возвеличить Германию. Как он ошибался! Как он мог забыть, что Британия ВСЕГДА предавала ВСЕХ своих союзников! Ему мерещился кошмар захваченной и управляемой сионистами России, но он не видел, не хотел видеть, что сердцем сионизма стали Британия и САСШ. Он хотел стать спасителем не только Германии, но и Европы, в первую очередь, понимая под Европой - Британию. Слепец! Наивный идеалист. А ведь чтимый им "Железный канцлер" не уставал твердить, что Германия должна с Россией дружить, а не воевать. "Сила Германии - на востоке. Её враги - на западе". Его заветы забыли, и Германия получила позор поражения в Мировой войне. Понадобились невероятные усилия Секта и Сталина, чтобы наладить между двумя странами взаимопонимание и подойти к созданию союза. И если англичане и сионисты прилагают все усилия для того чтобы этого не допустить - значит Сталин и Сект правы. И теперь от него, Гитлера, зависит, чтобы этот союз состоялся. Чтобы величие третьего рейха стало явью, а не кровавым миражом.

Глава 8

Вместо ожидавшегося поворота на юг к Саратову, поезд шел дальше на запад. После Ярославля стало ясно, на Москву. Никто ничего толком не знал, будут останавливаться или проследуют, не останавливаясь дальше, но к встрече со столицей начали готовиться все. Чистились, брились, приводили в порядок изрядно помятое обмундирование, наводили на сапогах неподражаемый глянец. Одним словом - столица.

На Казанский вокзал поезд прибывал под гром духового оркестра. Весь вокзал был украшен флагами и цветами. Вдоль перрона стояли выстроившиеся в шеренгу бойцы. Примкнутые к винтовкам штыки как-то по-праздничному блестели в лучах полуденного солнца.

-Кого встречают-то, товарищ командир?

-Да сам знаю не больше вашего! Может быть, какой ни будь, перелет завершился. Мы с вами за время дороги совсем одичали.

Не успел поезд совсем остановиться как на подножку вагона, оттеснив проводника, ловко вскочил капитан, на щегольской шинели которого пламенели малиновые петлицы НКВД. Подвижный как ртуть он буквально просочился через столпившихся в коридоре командиров.

-Майор Новиков? - не столько вопрос сколько утверждение. - Разрешите представиться. Капитан госбезопасности Кондратенко.

-В чем дело капитан?

-Докладываю. Войска столичного гарнизона выстроены для торжественной встречи героев КВЖД.

Глаза серьезные, на лице ни один мускул не дрогнет, в официальных словах доклада тонкий намек на уважение. И где таких готовят?

-Разрешите ознакомить вас с протоколом торжественной встречи.

-Сколько у нас времени?

Капитан бросил быстрый взгляд на новенький наручный хронометр.

-Ровно двадцать восемь минут.

Новиков повысил голос, чтобы его услышали во всем вагоне.

-Товарищи командиры, внимание. Всем слушать внимательно, что скажет капитан. Встречают нас, и времени на подготовку в обрез. Все надо выполнить четко и с первого раза. Товарищ капитан все вас слушают. Надеюсь, во всех остальных вагонах тоже есть ваши сотрудники?

-Конечно. Все получают полный и подробный инструктаж. Приступим?

С последним ударом башенных часов Новиков сделал первый шаг по ковровой дорожке расстеленной прямо от подножки вагона. Десять отдающихся толчками в голову шагов. Рука к козырьку фуражки.

-Товарищ командир Первого отдельного танкового полка! Рота почетного караула войск Московского гарнизона....

А потом была поездка по Москве. Командиры в открытых Мерседесах, бойцы в автобусах. Толпы встречающих на улицах. Цветы, листовки, приветствия, крики - "Ура", транспаранты на стенах домов и поперек улиц и проспектов. Новиков сидел в передней машине вместе с Черфасом, приветливо махал руками, улыбался, даже вроде бы, что-то говорил, а в голове был полный сумбур. Такой встречи он не ожидал. За всем этим чувствовалась опытная рука режиссера. Видимо что-то случилось, этакое неординарное, если потребовалось организовать

такие торжества. Просто так такие деньки вбухивать не будут. Вот только интересно, что? Торопливо перебирая в уме возможные варианты, Новиков все больше склонялся к мысли, что все это как-то связано с наметившимися в последнее время изменениями национальной политики. Для умеющего сопоставлять увиденное и прочитанное раньше, признаков было достаточно. В течение всего последнего года, в газетах все чаще стали появляться статьи о единстве народов союза. Причем если сначала всё было стандартно и привычно, то дальше - больше. "Объединяющая роль русского народа". "Единство славянских народов". "Ленинское учение не догма, а руководство к действию"! "Национальная политика Советского Союза - отражение кардинальных перемен в нашем обществе". Передовицы центральных газет и темы лекторских выступлений, удивительно совпадали. И вот теперь средства наглядной агитации, наглядно подтверждали его умозаключения.

Бросился в глаза огромный транспарант "Москва приветствует героев!". Каких героев?! Почему нет привычного добавления "Советских" или "Советского Союза"? А вот этот! "Россия - родина героев"! Здесь еще хлеще - "Народ Кавказа приветствует русских воинов-героев"! Вот так. И никаких - "Двенадцать республик, двенадцать сестер".

"Ох, Иосиф Виссарионович! Больно ты крут, вождь и учитель. Как бы резьба не сорвалась. Хотя если все, что я сейчас напридумывал - правда, то позор 92-го, будет невозможен. Ну да, проживем - увидим. Хоть и не думаю, что ошибаюсь. Иначе, зачем все это? Но, все может быть. Все же рановато, на дворе всего-навсего 32-й год".

А Москва бурлила и ликовала. Причем искренне и от души. Праздник, он и есть праздник. И не только для москвичей, но и для его однополчан. Новиков видел, как светилось лицо Черфаса. Оглянувшись назад, видел такие же сияющие лица в других машинах. "Заслужили ребята! Пускай все это неожиданно и возможно слишком пышно и шумно, но заслуженно. Мы просто выполняли свой долг. А теперь, видим, как страна оценила нашу работу. И, черт возьми! Это приятно".

Наконец это неожиданное путешествие закончилось. Кортёж "Мерседесов" въехал в знакомые ворота Дома Красной Армии. Колонна автобусов с бойцами еще раньше свернула в сторону, их размещали в казармах гарнизона.

Шумной толпой, командиры буквально ввалились в фойе, где их уже ждали, готовые отвести каждого в отведенный ему номер, порученцы. Сначала Новиков хотел одернуть своих не в меру расшумевшихся командиров, но увидев искренний восторг на их лицах, смягчился. Даже Роммель сиял, как начищенный до блеска медный пятак. В последний момент Новиков пригласил к себе Ковалева, тот видимо хотел отказаться но, увидев что-то в глазах командира, кивнул головой.

Сняли фуражки, расположились в невероятно удобных, больших как бегемоты, кожаных креслах, молча, закурили из предусмотрительно положенной на стол чьими-то заботливыми руками пачки "Казбека".

Новиков не просто так разыграл маленький спектакль. Очень уж ему хотелось выяснить, как воспринимает все происходящее Ковалев. И как замполит и как человек. Но начинать разговор сам не спешил. Сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и наслаждался вкусом превосходного табака. Кстати еще один плюс этому времени и миру - превосходный табак. Конечно, не все марки папирос были так хороши, но те, что считались элитными, не только так назывались, но и были ими. Тот же "Казбек" или новомодный "Беломорканал" и уж тем более пресловутая "Герцеговина", были выше всяких похвал.

Наконец Ковалев не выдержал.

-Давай командир, рассказывай, что тебя тревожит.

Новиков невольно, мысленно правда, улыбнулся, - Не выдержал комиссар. Видимо ты уже мыслями далече.

-Не тревожит, нет. Скорее вызывает недоумение. Может быть, я чего-то не понимаю? Но объясни мне, как коммунист объясни, зачем весь этот шум?! Что такого невероятно героического мы совершили? Армия, и мы в том числе, просто выполняли свой долг.

-Так вот оно в чем дело! - Ковалев на несколько секунд замолчал, прикуривая новую папиросу, а может, ему было нужно время, что бы собраться с мыслями.

-Знаешь, Николай, как коммунист, как советский человек, как, в конце концов, русский, я тебя понимаю. Но не все люди, к великому сожалению, такие цельные личности как ты. Не все так, безусловно, понимают свой долг перед Родиной. Таким людям нужен пример, образец для подражания. Им нужен герой, на которого можно равняться. Я эту торжественную встречу воспринимаю именно так. Может быть я не прав. Может быть. Но думаю, скоро мы получим объяснение всему происходящему, так сказать из первых рук. Не зря же нас сюда везли через всю Москву.

"А ведь, как ловко выкрутился! Ай, молодца!" - Новиков в задумчивости погладил свой подбородок, поднял на Ковалева, заметно повелевшие глаза.

-Значит надо по второму разу бриться?

Ковалев на секунду оторопел от такого вывода, а потом рассмеялся.

-Ох, командир, заберут тебя от нас в дипломаты!

-Да куда я от вас, чумазой братии, денусь.

Судя по всему Ковалев оказался прав и не для того их сюда привезли чтобы наслаждались жизнью в роскошных номерах. Не прошло и получаса после их разговора, как в дверь постучали и в сопровождении лейтенанта с малиновыми петлицами, боец принес в номер новенький комплект парадной формы.

-Примерьте товарищ майор. Если что не так, сразу подправим. Но думаю, все будет в самый раз.

К удивлению Новикова форма действительно оказалась как на заказ сшитая.

-Вы, что с меня размеры во сне снимал?

Видя его удивление, лейтенант позволил себе пошутить.

-А кто вам сказал, что это не так?

И четко отдав честь, вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

"И когда же это вы меня обмерить успели? Проворные ребята".

К восемнадцати часам были поданы те же самые "Мерседесы" но уже в закрытом варианте. Разом присмиривших командиров быстро рассадили по машинам, и колонна стремительно помчалась в сторону Кремля.

Неулыбчивая охрана в воротах быстро, но внимательно проверила документы. Короткая прогулка по тихим Кремлевским аллеям. Уже знакомый Георгиевский зал. Распорядитель церемонии быстро расставил командиров на отведенных местах. Томительные секунды ожидания. Новиков еще раз быстрым взглядом окинул выстроенных в шеренгу своих подчиненных. Никто не давал команды - "Смирно!", но строй замер. В большинстве своем молодые, такие знакомые и ставшие за годы совместной службы родными, лица были напряженны. В скоротечных, но от этого не менее кровавых боях, они стали одной семьей. Сейчас Новиков испытывал к ним настоящее отцовское чувство. Он мог ими гордиться. Парни стали настоящими мужчинами, воинами. И те, кто сейчас стоял в этом зале, и те, кто сложил свои головы, там, в Китае, выполнили свой долг, свою работу. Честно выполнили. Как ему сейчас хотелось сказать им всем и каждому в отдельности: "Молодцы, сынки! Молодцы"! Видимо что-то подобное ощутил и стоявший рядом Роммель. Воспользовавшись возникшей паузой, он шепнул Новикову: "С такими солдатами, можно спуститься в ад и притащить от туда самого сатану, с обломанными рогами". Новиков только собрался ответить, но не успел.

Беззвучно растворились украшенные бронзой и позолотой двери. В зал вошли Сталин, Фрунзе, Калинин, начальник управления автобронетанковых войск Лебедев, Котовский, Слащев и незнакомые Новикову "другие официальные лица". "Аплодисменты, переходящие в бурные овации", раньше Новиков, тогда ещё Док, посмеивался над этим газетным штампом, теперь ощутил его истинность на своих барабанных перепонках. Сталин не стал подходить к приготовленной трибуне. Остановился перед столом президиума. Улыбнулся, хорошо так улыбнулся, открыто. И стал аплодировать сам, собравшимся здесь командирам. Наконец, взмахом руки показал, что достаточно хлопать и выражать восторг. Лицо стало серьезным. Подождал несколько секунд, пока установилась тишина. Кивком головы поблагодарил успокоившихся командиров. Его невысокая фигура как магнитом притягивала к себе внимание всех.

-Здравствуйте, товарищи командиры.

Новиков, был уверен, что в этот момент, те к кому Сталин сейчас обращался, готовы были запомнить каждое его слово и жест.

Новикову довелось слышать множество ораторов, время тогда было такое, красноречивых, способных словом завести, и поднять за собой людей, буквально подавляя их своей энергией и напором. Сталин явно таким оратором не был. Говорил тихо, спокойно. Именно говорил с залом, словно обращался к каждому. Не было красивых и громких призывов и обещаний. Была - правда. Правда, о том, как тяжело сейчас всей стране. Сколько сил и средств требуется для её возрождения и развития. Как нужны сейчас рабочие руки и каждая копейка. Правда, о том, что содержание и развитие армии тяжким грузом ложится на плечи всего народа и еще не окрепшей экономики. Но другого пути нет. Если мы не будем сильны, нас будут бить. Бить до тех пор, пока от Советского Союза, от России не останется лишь воспоминание.

-Да, товарищи, мы пошли уверенно и стремительно по пути индустриализации и коллективизации нашей страны. И теперь этот путь можно считать уже пройденным. Теперь уже все признают, что мы добились на этом пути громадных успехов. Теперь все признают, что мы уже имеем мощную и первоклассную промышленность, мощное и механизированное сельское хозяйство, развертывающийся и идущий в гору транспорт, организованную и прекрасно оснащенную Красную Армию. Это значит, что мы изжили уже в основном период

голода в области техники.

Но изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период, в период, я бы сказал, голода в области людей, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед. Дело в том, что у нас есть фабрики, заводы, колхозы, совхозы, армия, есть техника для всего этого дела, но не хватает людей, имеющих достаточный опыт, необходимый для того, чтобы выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать. Раньше мы говорили, что "техника решает все". Этот лозунг помог нам в том отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой. Это очень хорошо. Но этого далеко и далеко недостаточно. Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства.

Техника без людей, овладевших техникой, мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса. Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших колхозах и совхозах, в нашей Красной Армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она теперь имеет.

Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Вот почему старый лозунг "техника решает все", являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что "кадры решают все". В этом теперь главное.

Мы не хотим войны, и нам нелегко было решиться на использование армии для решения конфликта на КВЖДэ. Многие товарищи были против и выдвигали веские аргументы. Но они серьезно ошибались в своей оценке.

Мы, товарищи, живем с вами не в абстрактном мире, и стоит только подставить одну щеку, как нас сразу ударят по другой, ударят с превеликим удовольствием. Мы не собираемся подставляться свои щеки. Мы считали и как видим, не ошиблись, что наша Красная армия, её бойцы и командиры способны защитить свою страну и народ от любого агрессора. Вы показали, что нас нельзя запугать.

Однако не будем обманывать друг друга, и строить прекраснотушные иллюзии. Мы еще не готовы к Большой войне. Благодаря вашим самоотверженным действиям, страна получила столь необходимую передышку. Вы отразили угрозу с востока, отодвинули войну от наших границ. Теперь наши дипломаты смогут на равных общаться с японскими коллегами и при необходимости напомнить им, что с нами лучше дружить - чем воевать...

Речи и выступления Сталина даже читать интересно. А слушать вживую! Назвать это выступлением, язык не поворачивается. Скорее это доверительная беседа, в которой Сталин излагал свои мысли и решения. Спокойная, правильная речь. Он не вещал и не "отливал в граните" - он разговаривал. Подкреплял свои мысли. Находил новые аргументы и доводы. Вслушивался в реакцию собеседников и разделял их переживания.

Новиков пристально следил за выступлением Сталина и невольно сравнивал его с теми, из будущего. Сравнение явно не в пользу последних - те умели только вещать, или вешать лапшу на уши.

Сталин, между тем, прошел видимо к заключительной теме. И вот тут уже, Новиков забыл про все свои размышлизмы и сравнения.

Так же спокойно и обстоятельно Стали говорил об окрепшем братстве и единении народов Советского Союза. О необходимости стирать все, даже формальные границы, на пути этого единения. И в то же время, предупреждал раз за разом о страшной опасности поспешных и непродуманных решений и действий.

-...Братство советских народов нерушимо. Это доказали и успехи пятилетки и наши победы как над внутренним, так и над внешним врагом. Но, история нас учит и дает множество примеров, что братский народ и единый народ - это далеко не одно и то же. Если народы России, Украины и Белоруссии уже являются фактически одним народом, их связывают тысячи уз и тысячи лет истории, то народы Кавказа и Средней Азии, ещё сильно отстают от них в этом процессе.

Коротко. Ясно. Понятно. Понятно?!

"Да что же это твориться?! Неужели именно такие выводы он сделал из уроков будущего? И ведь это явно планировалось и подготавливалось заранее. На такое нужен ни один год. И как все тихо и аккуратно! Только бы все у него получилось! Господи! Или вы, Пресветлые боги! Я не знаю, кто из вас существует и есть ли вы на самом деле. Но если есть, то вы должны ему помочь! Нам помочь! А уж мы, за ценой не постоим", - мысли металась в голове Новикова. Бились о черепную коробку и норовили вырваться и претвориться в действие. История, очередной раз, и самым радикальным образом, менялась у него на глазах. Вместо двенадцати республик - три. Россия, Закавказье и Туркестан. В России отменяется национально-территориальное деление. Исключение составляет, только что включенная в состав федерации, Маньчжурская автономная республика. Верховный Совет СССР, рассматривает заявление народа братской Монголии о предоставлении их республике статуса - кандидата в союзную республику.

Обалдеть! Это, наверное, было единственное цензурное слово, которое в этот момент пришло на ум Новикову. И видимо, поэтому оно крутилось и вертелось на языке и плясало в каком-то странном ритме.

Речь Сталина и последовавшее за ней вручение высшей награды СССР - ордена Ленина, выбили Новикова из колеи. Слишком много мыслей и эмоций. Когда вручавший ему орден Михаил Иванович Калинин предложил выступить с ответной речью, он растерялся. Выступить после Сталина! Уже стоя на трибуне Новиков, невольно оглянулся на Сталина, и ему показалось, что Сталин поддерживающее кивнул ему. Слегка склонив голову в ответ, Новиков глубоко вздохнул и как шагнул в холодную воду.

-Товарищи! Позвольте мне от всех нас поблагодарить нашу партию, правительство и весь великий советский народ за высокую оценку нашего ратного труда. Наша родина, Россия, потребовала от нас выполнить свой долг. И мы его выполнили. Многие исполнили его ценой своей жизни - самого дорогого, что есть у человека. Они до конца исполнили свою присягу на верность Родине и народу.

Здесь и сейчас я хочу повторить её слова: "Я всегда готов выступить на защиту моей Родины - Союза Советских Социалистических Республик, и, как воин Рабоче-крестьянской Красной армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом!"

Неожиданно для Новикова все присутствующие командиры в один голос повторили, -
Клянемся!

Нервное напряжение отпустило его только во время торжественного ужина, после первого бокала вина. Тогда Новиков смог по достоинству оценить и красоту зала, и изысканность стола. Звучали, как и положено в таких случаях тосты и здравницы. Поднимались бокалы за Красную армию, за танкистов и пехоту, за коммунистическую партию и правительство. К концу вечера в голове уже изрядно шумело, мир вокруг стал ярче и красочней. Но свою "норму" Новиков знал, и до неё было еще далеко, примерно как пешком до Магадана. Сейчас, он готов проклинать эту свою обретенную "стойкость" к алкоголю. Хотелось банальнейшим образом напиться. Или прогуляться по вечерней Москве. Подышать прохладой парков и скверов. Отключится от всех этих мировых проблем. И хорошо бы не одному. "Где же ты, Татьяна?!"

Появившийся за его плечом, словно из ниоткуда, лейтенант НКВД прервал поток меланхолии.

-Товарищ Новиков, товарищ Фрунзе просит вас подойти к его столу.

Голос был вежливый, но глаза! Новикову показалось, что его мгновенно раздели, обыскали каждый шов и складочку и вновь аккуратно упаковали, с явным сожалением, что не могут так же просто проверить, что у него в голове.

"Знал бы ты, любезный, что у меня там. Враз бы вся твоя вежливость бы испарилась", - мысль мелькнула, а ноги уже несли Новикова в нужном направлении.

Фрунзе улыбнулся Новикову как старому знакомому и крепко пожал руку.

-Присаживайтесь, товарищ Новиков. Разрешите еще раз поздравить вас с наградой. Залуженной наградой. Михаил Иванович, кстати, просил меня вам напомнить, что кавалеру ордена Ленина полагается отдельная квартира в любом городе Советского Союза на выбор и автомобиль. И не надо этого стесняться. Люди должны видеть, что мы не забываем своих героев. Поверьте мне - это сейчас очень важно. Я тоже хотел вам сделать завтра небольшой сюрприз, но передумал. Вдруг у вас завтра возникнут другие планы. Москва она и есть Москва.

-Товарищ Фрунзе...

-Тем лучше. Тогда прошу вас завтра к девяти ноль-ноль быть готовым. За вами придет машина и отвезет на полигон в Кубинке. Я хорошо помню вашу работу. Хочется показать вам кое-что новенькое. После показа прошу вас ко мне в наркомат вместе с товарищем Гинзбургом.

Несмотря на то, что спать лег поздно, все-таки исполнил свою мечту и прогулялся по ночной Москве, встал Новиков легко. Ровно в девять, успев позавтракать и побриться, он вышел из дверей Дома Красной армии. Новенький "Адлер" в полевом исполнении уже ждал.

Это позже, по прошествии многих лет, полигон НИИ Автобронетанковых войск в Кубинке будет известен всем кто, так или иначе, интересуется бронетанковой техникой. Сейчас это была просто огромная территория окруженная забором из колючей проволоки с несколькими ангарами и мастерскими.

Водитель видимо хорошо знал дорогу, после короткой остановки на КПП и проверки документов он свернул на проселок и после нескольких минут качки на ухабах выехал на поляну где уже стояли насколько авто.

-Вам туда, товарищ командир,- водитель указал рукой влево, где виднелась довольно большая группа военных и штатских. - Мне приказано вас дожидаться, так что я ту буду.

Новиков оправил форму и, стараясь идти по траве, чтобы не запылились начищенные до блеска сапоги, пошел в указанном направлении.

Большинство собравшихся на полигоне Новиков знал достаточно хорошо - начальник автобронетанкового управления Халепский, его первый заместитель Богданов, представители КБ Харьковского и Ленинградского заводов. Все кого-то или чего-то ждали. Конструктора заметно нервничали. Не понимая причин волнения Новиков, отошел в тень одинокой березы, и удобно устроившись на пеньке, закурил первую за день папиросу. Наконец вдаль послышался звук моторов, и показались низкие силуэты двух изрядно запыленных "Мерседесов". Из первой машины вышли Фрунзе и Слащев из второй Гинзбург и Котовский. Новиков торопливо встал, вдавив каблуком в землю окурочек. Фрунзе шел быстро, на ходу о чем-то говорил со Слащевым. Ответил на приветствие, оглядел собравшихся.

-Все прибыли? Хорошо. Начинайте Семен Александрович.

Гинзбург, заметно волнуясь, махнул рукой расположившемуся неподалеку связисту с коробкой полевого телефона и тот отчаянно закрутил ручку вызова. Неизвестно откуда появившийся порученец раздал всем новенькие бинокли.

Где-то вдалеке, слева, послышался рев мощных моторов. Росшие на дальнем краю полигона сосны дрогнули и рухнули, выпустив на полигон трех стальных монстров.

Совещание у наркома было в самом разгаре. Фрунзе как обычно сначала давал всем высказаться. Есть время и возможность послушать в большинстве своем умных людей и еще раз отточить свои аргументы, а то и поменять свое первое мнение на более обоснованное.

Новиков тоже пока не принимал участие в дискуссии. Сидел чуть в стороне и внимательно рассматривал макеты танков. Сделаны они были с любовью и самое главное с потрясающей точностью, постарались отобразить даже заклепки. Машины были, безусловно, интересные - двухбашенный танк немецкого конструктора Гроте, трехбашенный - Т-28, и до боли знакомый классический однобашенный Т-19.

Показ на полигоне был свеж в памяти. И впечатление оставил, надо сказать, весьма своеобразное.

Собственно ничего особенного Новиков не ожидал. О планируемой модификации Т-19. Он был извещен заранее, тем более, что и сам принимал активное участие в её разработке. Танк Гроте, машина конечно своеобразная, но явно экспериментальная и для реальной эксплуатации и производства не приспособленная. Хотя некоторые решения были, безусловно, интересными и заслуживающими внимания. Например, полусферическая башня и отсутствие башенки водителя. Да и представленный Т-28, ничем не отличался от своего исторического аналога, разве что в главной башне красовалось 45 миллиметровое орудие, вместо привычного "окурка" 75мм. Так что все было в пределах ожидаемого. По крайней мере, для него. Почти час рева моторов, грохота орудий и гулко лая пулеметов. Для чего было необходимо приглашать его на это мероприятие, да еще и в такой необычной форме, ему было непонятно. Однако танки уже зарулили на смотровую линейку, а нарком и Слащев уходили и не собирались. Да и Гинзбург буквально светился и время от времени многозначительно поглядывал на Новикова. "Что же они там припасли? Неужели "пятиголового дракона Красной армии" Т-35? Вот уж не было печали! Этот монстр только на парадах хорош, а что с ним делать в реальных условиях

боевых действий, никому придумать не удалось".

Но всему приходит конец. Пришел конец и непонятному ожиданию. На полигон вышел новый участник. Вот этого Новиков никак не ожидал. Машина имела несомненное родство с Т-28, но это было нечто совершенно другое. Короче, ниже. Компактнее. Сплошной лист лобовой брони с характерным углом наклона как у легендарной тридцатьчетверки. Несомненно, торсионная подвеска. Башня цилиндрическая, но заметно большего диаметра, чем у двадцать восьмого. И машина была намного шустрее. Единственное чего не хватало - орудия в башне. Сорок минут напряженного внимания и вот танк замер, взрыкнув, напоследок, мотором. Сдвинулась вбок крышка люка механика водителя! Открылся башенный люк. Экипаж выстроился рядом с машиной.

Новиков настолько засмотрелся на это чудо, что не заметил, как к нему подошли Фрунзе и Слащев. Поэтому от прозвучавшего за спиной вопроса невольно вздрогнул.

-Понравилась машина, товарищ майор?

-Извините товарищ нарком, действительно засмотрелся. И машина понравилась. Вот если вы разрешите...

-Разрешаю, разрешаю! На полчаса машина ваша.

И Фрунзе и стоявший рядом Слащев засмеялись. Но Новикову, честно говоря, сейчас было не до их реакции.

С управлением разобрался быстро. Несколько пояснительных слов механика и все стало понятно. Остальное походу дела. Один вопрос.

-Какой вес?

-Двадцать семь тон, товарищ майор.

-Крен, какой держит?

-До тридцати, если грунт хороший. И со сцеплением, поаккуратнее, товарищ майор.

-А я зачем о вес спрашивал? Думаешь, не понимаю?

-Извините, товарищ майор.

-Ничего капитан. Все правильно. Ты меня не знаешь, в отличие от машины. Ну, тронулись!

Сначала осторожно, затем все смелее, Новиков вел машину по полигону. Препятствия сменялись одно за другим. Машина шла уверенно. Надежно шла. Несколько раз Новиков прогнал машину по склонам различной крутизны, внимательно прислушиваясь к ощущениям. Наконец забрался на вершину холма. Не глуша двигатель, перебрался в башню. Покрутил её вправо - влево, резко меняя направление и останавливая. Вновь вернулся за рычаги. Пора возвращаться. "Ай, да Гинзбург! Ай, да сукин сын! И когда же ты успел - зараза?! Думал меня удивить, конструктор?! Удивил. Но теперь держись. Назвался груздем - я тебя в такой кузовок запишаю, что мало не покажется. Пока из этого полуфабриката не получится настоящая машина".

От воспоминаний Новикова отвлекло чье-то громкое высказывание: "Если англичане

планируют расширенный выпуск трехбашенных "Виккерсов", то мы не имеем права не ответить адекватно, и необходимо начать выпуск Т-28 в большом объеме!".

"Похоже, пора вмешаться. А то товарищ нарком и так уже несколько раз бросал заинтересованные взгляды на мою скромную персону".

-Разрешите, товарищ нарком.

Фрунзе повернулся в сторону Новикова. Молча, кивнул.

Новиков получив разрешение наркома, встал, привычным движением оправил френч.

-По-моему, товарищ ошибается. Разрешите вам задать всего один вопрос. Зачем? Зачем нам повторять ошибки британских конструкторов?!

Выступавший сотрудник наркомата запнулся, лицо его налилось кровью, а гладко выбритая голова покрылась капельками пота.

-Вы, товарищ майор, считаете себя умнее, чем ведущие специалисты мира?

-А почему, я должен считать себя глупее? По крайней мере, у меня есть тот опыт, которого нет у этих, ведущих специалистов. Столь высоко чтимые вами британские конструкторы живут опытом мировой войны. А времена меняются.

-Объяснитесь, пожалуйста.

-Хорошо. Но сначала прошу вас ответить на еще один вопрос. Чем с вашей точки зрения конструкция "Виккерса А-6" превосходит представленные образцы? Только, если можно, без общих фраз. Конкретно - цифры, возможности, преимущества.

-Какое может быть сравнение! Пять пулеметов и орудие 57мм, против трех пулеметов и 45мм пушечки! Большой запас хода. Возможность преодоления рвов. И нельзя забывать про отработанность конструкции!

-И это все?! А теперь, когда, как я понимаю, все ваши аргументы исчерпаны, давайте оценим все эти "преимущества". Начнем с самого главного. "Отработанность" конструкции. Насколько я помню, "Виккерс" начал разработку своей модели А-6, еще в двадцать четвертом году. Сейчас уже тридцать второй. Вы предлагаете нам потерять восемь лет? Нет? Тогда я продолжу. Следующий аргумент - пять пулеметов. Это конечно сила, но как ими управлять в условиях скоротечного боя? Или, по-вашему, все враги убегут только от вида такого чудовища? Орудие 57мм, это вчерашний день. Для чего оно необходимо? Фугасный эффект незначительный. Бронебойный - хуже, чем у наших сорокапятков и значительно хуже, чем у новых германских орудий 50мм. Короткий ствол и отвратительная баллистика. С расстояния более трехсот метров нельзя попасть даже в пулеметное гнездо, разве что случайно. Двигаемся дальше? Преодоление линейных препятствий. За счет чего? Увеличение длины машины выше всяких разумных пределов. Тем самым - значительная потеря в маневренности и управляемости. Такая машина на поле боя - отличная мишень для всего что стреляет. А ведь у А-6 даже нормальной брони нет. Двадцать миллиметров. У наших Т-19, в два раза больше! И последнее, по списку, но не по значимости. Даже навскидку, подготовка к производству и стоимость такой машины должна быть в разы выше, чем стоимость Т-28. Правильно я считаю?

-Почти в шесть раз. - Моментально среагировал Гинзбург.

-Спасибо, товарищ Гинзбург.

-И что предлагает уважаемый товарищ "практик"?- неприкрытый сарказм буквально растекся по кабинету,- Остановить разработку новых машин и заняться модернизацией столь милого его сердцу старенького Т-19?

-Не нужно передергивать, товарищ. Разрабатывать, новые танки и можно и нужно. Армия ждет действительно мощного и надежного оружия. Хотя и забывать про модернизацию старого тоже не стоит. Легкий танк еще не сказал своего последнего слова. А если вы хотите конкретики - пожалуйста. Лобовая броня с большими углами наклона способная выдержать попадание из противотанкового орудия калибра до 45мм с любой дистанции. Борт, желательнее так же наклонный, выдерживающий попадание со ста метров. Башня - большого размера, коническая или сферическая, возможно по типу танка Гроте. Орудие - длинноствольное 75 - 85 мм с хорошей баллистикой. За основу может быть взята баллистика зенитного орудия образца 28-32 годов. Если удастся обеспечить машину более мощным орудием, то мы вам скажем большое спасибо. Надежная и простая подвеска. Изначально заложенный в конструкцию запас на возможную модернизацию и увеличение толщины брони. И постарайтесь убрать люк механика с лобового листа - это становится ахиллесовой пятой наших танков. Этого мало? Могу добавить хороший обзор, как для командира, так и для механика. Технологичность и надежность конструкции всех элементов. И, конечно удобство обслуживания машины в полевых условиях.

Представитель наркомата тяжелой промышленности, наконец, Новиков его узнал, растерянно вытирал голову носовым платком.

"Так. Этому наподдали. И поделом. Дилетантам здесь не место. Теперь надо и наших гениев от машинерии поддержать" - не ерничать, хотя бы про себя. даже на таком совещании, Новиков не мог. Все-таки позднесоветское воспитание сказывалось.

В заключение хочу отметить, что работа КБ товарищей Гинзбурга и Цейца заслуживает всяческого одобрения. Их машины намного превосходят все существующие зарубежные образцы. И самое главное имеют огромный запас на модернизацию и развитие. На этом разрешите закончить.

Новиков сел на свое место с чувством полного удовлетворения. Высказался вполне по теме. И пока ничего конкретного. Ведь не зря его сюда пригласили. Наверное не только для того чтобы он выслушал эти глубокомысленные споры. Должно быть продолжение.

Между тем зале наступила неловкая тишина. Наконец из-за стола поднялся Богданов, признанный авторитет в области организации бронетанковых войск.

-Я, к сожалению, вынужден согласиться с товарищем Новиковым. Это техника во многом даже не сегодняшнего, а вчерашнего дня. Хочется напомнить историю создания Т-19, тем из присутствующих, кто по тем или иным причинам её забыл или просто не хочет вспоминать. Ведь и тогда многие требовали слепо копировать британский "Виккерс". Хорошо, что нашлись умные и преданные своему делу и интересам страны люди. В итоге мы сейчас имеем Т-19, превосходящий 6-и тонный "Виккерс" по всем параметрам. Я глубоко убежден, что британская доктрина создания и использования так называемых "пехотных" и "кавалерийских" танков глубоко ошибочна. Она отрицает значение танков как самостоятельного рода войск. Именно поэтому создаваемые под такую доктрину танки мы должны рассматривать только как образчики инженерного и конструкторского поиска, как информацию к размышлению.

Видимо Фрунзе получил от совещания все что хотел. Все высказались. Положения определены. А время дорого.

-Спасибо товарищи. Пора подвести итог.

Фрунзе встал из-за стола и внимательно оглядел присутствовавших на совещании.

-Товарищи, я думаю, что товарищ Новиков замечательно сформулировал требования к настоящей машине поля боя. Считаю необходимым внести их в протокол заседания нашей комиссии как официальные и обязать КБ неукоснительно учитывать их впредь при разработке новых образцов вооружения. На этом совещание закончим. Все свободны. Товарищей Богданова, Новикова и Гинзбурга прошу задержаться.

"Ну вот. Что и требовалось доказать. Все-таки пути начальства, иногда вполне исповедимы. А вот его решения...".

Когда тяжелые створки двери закрылись, Фрунзе провел ладонями по лицу, словно пытаясь смыть накопившуюся усталость.

-Присаживайтесь поближе, товарищи.

Дождался, пока перестанут поскрипывать стулья.

-Так. На совещании специально собранном для решения вопроса государственной важности я не смог получить ни одного конкретного ответа на поставленные вопросы. Почему? За исключением товарища Новикова. Все остальные были извещены о предстоящем заранее и имели достаточно времени на подготовку.

Фрунзе встал из-за стола и неторопливо прошелся по кабинету. Остановился у окна. Зачем-то постучал тихонько по стеклу. Вновь вернулся на свое место, но садиться не стал. Стоял, опершись руками о спинку стула и внимательно, как будто впервые их видел, смотрел на модели танков на своем столе. Наконец поднял глаза. Осмотрел собравшихся.

-Как я понимаю, товарищи по каким-то причинам не хотели высказываться прилюдно. Видимо для этого есть причины. Хорошо. Давайте обсудим проблему в узком кругу. Кто готов? Или мне вас опрашивать поименно?

Наблюдавший за перемещения наркома наравне со всеми, Новиков явно чувствовал себя намного свободнее. Нарком не зря подчеркнул его особое положение. Так почему бы этим положением не воспользоваться? А заодно и товарищей выручить. Вот ведь сидят бедные, чуть пар из ушей не идет от волнения и напряжения.

-Товарищ народный комиссар. Разрешите?

-Товарищ Новиков хочет быть первым? Пожалуйста. - Фрунзе чему-то усмехнулся и, достав папиросу из лежавшей на столе пачки, закурил. - Мы вас слушаем.

Почувствовав ароматный дымок от наркомовской папиросы, Новиков невольно проглотил слюну. Заядлому курильщику, ему уже два часа о затяжке приходилось только мечтать.

-Товарищи. - Первое слово, поневоле вышло хриловато. Пришлось покашлять, прочищая горло. - Я действительно не готовился к сегодняшнему совещанию. Но по его ходу, у меня

сложилось странное впечатление, что и никто из присутствовавших к нему не был готов. Причина, по моему, в том, что товарищи не совсем представляют себе - зачем всё это. И большинство из конструкторов и представителей тяжпрома, воспринимают поставленные перед ними задачи как чисто технические. Я не спорю, полет творческой мысли - это прекрасно. Но возникает один вопрос. Для чего создаются эти шедевры?

Фрунзе, остановил готовившегося что-то возразить Богданова. Затушил, наконец, папиросу. Явно заинтересованно посмотрел на Новикова.

-Продолжайте, товарищ Новиков.

-Спасибо. Танк - это машина, в первую очередь, предназначенная для войны. Думаю, что с этим никто спорить не будет. Но для войны с кем? Пока у нас, военных, и у конструкторов не будет четкого понимания, для войны с кем мы должны готовиться, невозможно определить и требования к новой боевой машине. Можно рассмотреть это на конкретном примере. Для войны с Японской армией вполне достаточно, по крайней мере в ближайшие пять-семь лет, таких танков как Т-19М2. Сорок миллиметров брони и новое пятидесяти миллиметровое орудие, при правильном применении позволяют решить весь круг возникающих боевых задач. Другое дело, если вероятным противником являются страны бывшей Антанты. Здесь понадобится качественно другая машина. И задачи она должна будет решать другие и в совершенно других условиях. Здесь Т-19, может использоваться только как машина разведки или на вспомогательных направлениях. Почему? Ответ очевиден. К прорыву укрепленной обороны и действиям в условиях высокой насыщенности войск противника артиллерией и противотанковыми средствами он непригоден. Потери будут неоправданно большие. И самое главное. Возможно прямое боестолкновение с массой танков противника, вооруженных именно противотанковыми орудиями. Наиболее полно этому кругу задач отвечает машина товарища Гинзбурга. Но. И очень большое - но. Это не боевая машина. Это танк мирного времени.

-Вы про отсутствие орудия? - Все-таки вклинился Богданов.

-Никак нет. В условиях ведения напряженных боевых действий машины будут ломаться. Они будут получать повреждения от огня противника. И их надо быстро вводить в строй и налаживать их массовое производство. Даже короткого знакомства с представленной машиной мне хватило, чтобы понять - для ремонта этого танка нужны заводские условия. А производство этой машины большими сериями просто невозможно. Конструкция настолько сложна и требует такого количества точных операций, что её производство даже в мирное время превратится в кошмар для любого предприятия.

Фрунзе оторвался от блокнота, в который делал какие-то торопливые заметки. Откинулся на спинку стула.

-Откуда у вас такие глубокие познания в вопросах производства, товарищ Новиков?

-У нас, на базе полка, пришлось развернуть настоящий ремонтный завод. И мне волей - неволей пришлось окунуться в эти проблемы. И научиться в них разбираться. Да и общение с товарищем Гинзбургом и сотрудниками его КБ не походит бесследно.

Переждав тихие смешки, несколько разрядившие атмосферу и сам, поучаствовав в этом, нарком, тем не менее, отпустить Новикова не собирался.

-И все же, почему конструкция товарища Гинзбурга, а не Цейнца?

-Товарищ нарком. И та и другая машина, безусловно, передовые и возможности для их

развития огромные. Но одно из важнейших направлений возможной модернизации - это увеличение бронезащиты, следовательно, и веса машины. При равной толщине брони вес трехбашенной машины, имеющей большие габариты, будет намного больше. Да и защита пулеметных башен превратится в целую проблему. Вот если создать дистанционную систему управления их огнем - тогда да. Такое вооружение создаст ряд преимуществ перед обычной компоновкой. Но, может быть стоит оставить это для тяжелых танков?

-Интересно, каким вы себе представляете тяжелый танк, если так, по косточкам разобрали проект среднего?

-Опять, товарищ нарком, если подходить с позиции будущего применения, то получится следующее. Противоснарядное бронирование - 100-120 миллиметров корпус и до ста пятидесяти башня. Двигатель шестьсот - восемьсот лошадиных сил. Орудие не менее ста миллиметров, причем полноценное, а не огрызок. Возможно с применением дульного тормоза. Ведь для тяжелого танка, необходимость маскировки не так актуальна. Внутреннее расположение топливных баков, возможно под двигателем. Катки с внутренней амортизацией. Гусеничная цепь шириной до метра, чтобы максимально снизить нагрузку на грунт. И вся конструкция должна быть максимально малой по высоте и длине.

Для Новикова выдать подобные данные труда не составляло. В уме он держал картину уникального, к сожалению так и не пошедшего в серию тяжелого танка ИС-7. Конечно, он выдавал несколько скорректированные в сторону уменьшения данные. В реальные характеристики сейчас бы никто не поверил. Слишком фантастично они звучали. Но и того что он обрисовал видимо хватило не лишенным воображения людям. Фрунзе даже головой закрутил и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Гинзбург, видимо от волнения потерявший голос, присипел.

-Но ведь это невозможно!

Пришлось Новикову разыграть удивление и непонимание.

-Почему? Ведь вы уже решили основные вопросы, создавая свою машину. Дело только за двигателем, технологией изготовления брони необходимых параметров и системы управления.

Гинзбург нервно схватил стоявший на столе графин, расплескивая воду, налил целый стакан и осушил его в несколько глотков.

-Вы хотя бы представляете себе, это ТОЛЬКО? Ведь для этого требуется целая революция в производстве! Это, это...

-Научно-техническая революция? - подсказал Новиков.

-Да! Революция.

А Фрунзе в это время просто выпал из обсуждения. Слова Новикова и описанный им монстр из мира танков что-то сдвинули в его голове. Включились какие-то скрытые до поры до времени участки памяти. И снова, как тогда, в двадцать третьем, ужас сжал горло стальной перчаткой. Но все же, второй раз - не первый. Ему удалось сдержаться. Только пальцы до боли вцепились в крышку стола и захрустели сжатые до прострела в виски зубы. Ужас будущего. Послание из невероятного времени, а теперь он в этом не сомневался. Информация и предостережение. Лавина информации. Сколько прошло времени, он не знал, но наверняка не слишком много, споры и разговоры еще продолжались, и на его состояние никто внимания не

обратил, когда пришло осознание, что им уже многое удалось изменить. Еще не все. Еще может случиться и так, что история пойдет по тому - страшному и губительному для России пути. Но теперь все зависит только от него. И Сталина. Сталина? А ведь он тоже знает! Теперь, многие его решения стали понятны до конца. Исчез мистический ореол его всеведения. И все же, величие его от этого не уменьшалось, скорее наоборот. Взвалить на себя такую ношу и в одиночку тащить и толкать страну и весь мир от края пропасти - для этого нужно быть Сталиным! "Держись, Коба. Только не надорвись от невероятной ответственности и нагрузки. Ты теперь не один!" - мысль появилась, окрепла сама и придала сил ему. То что решалось здесь и сейчас - тоже работало против ТОГО будущего. А это значит, что надо собраться и решать. А знания из будущего ему в этом помогут. Пока помогут. "Мы сделаем так, что все это станет действительно простым ночным кошмаром. Предупрежден - значит вооружен. Мы будем во всеоружии". Фрунзе медленно расслабил пальцы и сведенные судорогой челюсти. Расстегнул ворот рубашки, сдвинув в сторону мешавший галстук. Постарался вникнуть в суть спора. Собственно многих усилий это не потребовало, времени действительно прошло немного - минуты три, возможно чуть больше. Пора брать совещание в свои руки.

-Семен Александрович, сколько времени потребуется на разработку и создание такого тяжелого танка? Хотя бы примерно. И в чем вы видите основные проблемы?

Прерванный посреди фразы, Гинзбург закашлялся, торопливо снял и протер очки.

-Трудно ответить так сразу, но думаю не менее пяти - шести лет. А основные проблемы они на виду. Нет столь мощного двигателя. Нет надлежащего оборудования. Не отработанны технологии. Отстают наши прибористы. Работы хватит всем.

-Насколько хорошо вы знакомы с возможностями Германской промышленности? Ситуация складывается таким образом, что часть заказов мы можем передать немецким фирмам таким как "Круп", "Порше", "Ман", "Цейс".

-Это конечно может значительно сократить время работ но...

-Ведь необязательно посвящать их во все тонкости проекта?

-Необязательно. Но, товарищ нарком, мы не можем рассчитывать только на германскую промышленность при развертывании массового производства.

-Согласен. А в чем вы видите проблему?

-Мне несколько неудобно об этом говорить, но в последнее время у меня складывается впечатление, что наши производственники всячески стараются затормозить внедрение новых разработок. Преимущественно ссылаются на слабую производственную базу и недостаточный профессионализм рабочих. Предпочитают производить пусть старье, зато проверенное и отработанное.

-А почему вы раньше не поставили перед нами такой вопрос?

-Раньше не было такой остроты, а теперь...

-Можете привести конкретные примеры?

-Сколько угодно! Вот наиболее типичный - разработка артиллерийских систем для новых танков. Созданная для танка Гроте 75мм система, при всех её недоработках, не имеет аналогов

по мощности и баллистике. Вместо доработки проекта и налаживания его серийного производства, как было зафиксировано в решениях СНХ, Ленинградцы продолжают работы только над своим, как образно выразился товарищ Новиков, "окурком". И это не исключение, это правило. И вообще, складывается такое положение, что конструкторы должны приспособляться к "возможностям" нашей промышленности, а не промышленность развивается соответственно требованиям времени.

-Что-то подобное я и ожидал услышать. Правда, не думал, что все уже так запущенно. Что еще?

-Разрешите. - Попросил слова Новиков, - Может быть не совсем верно ориентироваться только на потенциал Германии? В Штатах есть тоже очень интересные разработки, особенно в области обработки металлов, приборостроении и производстве двигателей. Стоит и у них взять все лучшее, чтобы ни пришлось изобретать велосипед.

-Это очень дорогое удовольствие.

-Время дороже.

Фрунзе, по ходу разговора делавший карандашом пометки в своей знаменитой во всей армии записной книжке, отложил карандаш и помассировал пальцами виски.

-Шесть лет. Пусть даже пять. Но не исключено что и больше. А сколько времени потребуется на доводку вашей машины, товарищ Гинзбург?

-Года три - четыре.

-Какие проблемы могут возникнуть здесь?

-Да те же самые, товарищ нарком. Станки, оборудование, специалисты.

-Думаю, что это все решаемо.

Фрунзе встал из-за стола, оперся руками на спинку стула. Внимательно посмотрел на замерших в ожидании Богданова, Новикова и Гинзбурга.

-Прошу вас, товарищи, тщательно сформулировать свои сегодняшние замечания и предложения. Предложения должны быть максимально конкретные. Все изложить на бумаге. Расчеты. Потребности. Словом - все. Сколько времени вам потребуется? Трех суток хватит? Хорошо. В ближайшие дни состоится заседание СНК. Будьте готовы выступить и отстоять нашу точку зрения. Благодарю вас за хорошую работу.

Фрунзе крепко пожал руки Гинзбургу и Новикову.

-До свидания товарищи. Семен Александрович, транспорт за вами закреплен. А вот товарищу Новикову придется поехать на своем наградном авто. Не забудьте получить ключи у секретаря. А вы Семен Ильич, - Фрунзе придержал за плечо Богданова - задержитесь. Нам еще надо с вами поработать.

У дверей кабинета наркома тепло попрощались. Гинзбург торопливо зашагал по коридору, а Новикова порученец повел во внутренний двор. То, что это его личный автомобиль Новиков поверил не сразу. Вытянутая, стремительная даже по своим формам машина. Длинный капот,

скрывающий под собой огромный, мощный двигатель. Блеск хромированных деталей и застывшей в полете над капотом стилизованной птички с поднятыми во взмахе крыльями. Чудо, цвета кофе с молоком - "Хорьх" шестисотой серии. Дверь закрылась с легким, мягким щелчком. Нежным зеленоватым цветом осветились диски приборов. Мотор заработал настолько тихо, что привыкший к реву и грохоту Новиков, было даже, подумал, что что-то сломалось. Яркие, желтоватые снопы света из фар. Мимо проплывают створки ворот. Поворот на право. Машина стремительно набирает скорость по пустым в этот вечерний час улицам. Прохладный ветерок через открытое окно влетает в салон, треплет волосы, остужает горячее лицо. Сейчас бы за город. Испытать всю скрытую мощь мотора, недаром на спидометре цифра сто шестьдесят. Но сегодня не получится. Надо хорошо отдохнуть. День был длинным и тяжелым, а назавтра еще работать и работать.

Результатом совещания Фрунзе был доволен. "Не зря пригласил Новикова. Молодой, принципиальный, еще не растерявший задора и желания драться за свои убеждения, к тому же действительно способный мыслить быстро и нестандартно командир нравился Фрунзе. И на совещании вел себя соответственно. Разворошил всех и помог быстрее принять нужное, столь необходимое сейчас решение. Неокрепшая экономика страны не могла позволить такой роскоши как выпуск заведомо слабой, но от этого не мене дорогой, боевой техники. Надо было сосредоточить все усилия на перспективных разработках, надо. Но и оставлять армию без более-менее современного вооружения тоже нельзя. После переговоров с фон Сектом появилась реальная возможность использовать германские разработки. Даже принять в них непосредственное участие, что позволит значительно сократить время на развертывание производства выбранных образцов в СССР. Наверное стоит послать туда не только инженеров и техников но и военных, того же Новикова да и не его одного. Пусть посмотрят. Все что увидят полезного возьмут на заметку. У немцев поучиться не грех. Главное чтобы со своими советами там не лезли. И без того ситуация в Германии не простая и отношение к нашим специалистам весьма разное. Нужно время чтобы привыкли, что бы поняли, что более надежного союзника, чем Россия у Германии нет и что мы им нужны больше чем они нам. Время, опять время! А его катастрофически не хватает. Сталин прав. Тысячу раз прав. Ни один народ не сможет долго выдержать такого напряжения, как русский, но и у него есть предел. Необходимо дать хотя бы несколько лет передышки. Дать людям почувствовать результаты своего труда. Тогда они смогут с новыми силами взяться за чудовищно тяжелую работу. Время. Где его взять? Как выиграть несколько лет, месяцев, даже недель. И еще, это постоянное ощущение, что они чего-то упустили, не успели, недоглядели. Когда брали власть, когда рвали жилы на Гражданской, все казалось, что вот победим и многое придет само. Весь мир увидит торжество идей социализма и мировая революция не за горами. А на самом деле... Мы не только подали пример, но и напугали западный мир. Причем не столько победой социализма, сколько выпадением России из сферы влияния британского мира. Оказалось, что они способны пойти на все, поддержать любые, самые гнусные идеологии и течения лишь бы они были направлены против России. Демократия по западному, оказалась просто красивой оболочкой, за которой скрывается по настоящему страшная звериная сущность - готовая на любые преступления, как против России, так и против своего народа.

Да и в самом СССР все далеко не просто и радужно. Слишком велика инерция, слишком тяжек груз прошлого. Мещанство - самый страшный враг. Нет, мещане ни в коем случае не противодействуют власти явно, боже упаси! Но им собственно на все, что не касается собственного благополучия, глубоко наплевать. А вот этого самого, личного благополучия, они готовы добиваться любой ценой - лгать, приспосабливаться, "вертеться". И нельзя за это судить. Можно только терпеливо и последовательно воспитывать, пытаться менять сознание. Этому нельзя потакать, но и нельзя не учитывать. Хорошо, что вовремя поняли, нельзя

требовать от людей братской любви к мировому пролетариату, убивая в них любовь к своей Родине, к её истории и культуре. Ломать - не строить! Наломали дров, наломали. Теперь выправляем, спасаем то, что можно. Но этого мало, нужно идти дальше. Нужно, жизненно необходимо, научить большинство людей чувствовать ответственность не только за свои дела и поступки, не только за свою семью, но и за свой завод или колхоз, за свой город, за всю страну, наконец! А сколько в последнее время повывлезало из каких-то темных углов и щелей, всевозможных подлецов и приспособленцев! Эти страшны своим разлагающим, как трупный яд, влиянием везде, а в армии особенно. И неизвестно, кто страшнее и опаснее они, или враги явные, которых тоже немерянно.

Эх, время, времечко! Страшное, кровавое, невероятно трудное, но не променял бы я тебя, ни на какое другое. Тем более на то, которое привиделось.

Надо. Обязательно надо поговорить со Сталиным. Повод найдется. Возможно даже завтра, на даче в Кунцево. И проверить кое-что из "подаренной" информации тоже не помешает. Хотели нас с Германией стравить! Чтобы два родственных народа убивали друг друга! Чтобы только их кошелькам и планам ничего не мешало. Сионисты, банкиры, политики. Британцы, американцы и евреи. Клубок гадов. Ядовитых и смертельно опасных гадов. А мы им все карты спутали. Но ведь не может быть, чтобы у них не было других вариантов? Война им необходима. Но сами нападать, в открытую бросить вызов, не решатся. Тогда на кого они сделают ставку? В Европе - Польша, это понятно и очевидно. Возможно Финляндия. В Азии - Китай или Япония. Но Япония теперь уже вряд ли. Здесь мы вас опередили. Значит Китай. Миллионы и миллионы китайцев, готовых за миску риса воевать против кого угодно. Но теперь Китай - это зона интересов Японии. А мы обязались взаимно уважать и поддерживать соблюдение интересов наших стран. САСШ готовы вкладывать в Китай любые деньги, лишь бы Япония не стала ей конкурентом на Тихом океане. Контроль путей сообщения - черт бы их побрал! И опять все упирается в деньги. Золотой телец. А где деньги - там евреи. Иудаизм. Это вам не превосходство белой расы. Это превосходство, всего на всего, одного народа над всем миром. И ведь не возрождение Израиля им нужно. Это только предлог, способ рекрутирования своих сторонников. Морковка перед мордой осла. А если у них эту морковку отнять? Надо поговорить со Сталиным. А с программой создания флота он, выходит, начал правильно. Прав был Петр - без флота России не быть. Авиация. Ракеты. Космос! Тесла. И так - до бесконечности. Надо составить список. План. Изложить все на бумаге. Представить, за что хвататься в первую очередь, а что может подождать. И, по возможности, все проверить и перепроверить. Только потом идти к Сталину".

Мысли бежали, вертелись в голове не мешая работать, скорее подстегивали, стимулировали. Глаза быстро просматривали текст, выхватывая самое главное и нужное. Перо чуть слышно поскрипывало, оставляя торопливые и только его хозяину понятные строчки. Наконец Фрунзе посмотрел на часы. Уже поздний вечер. Фрунзе устало прошелся по кабинету. На сегодня вроде бы все. Можно ехать домой. Заложили еще один кирпичик в строение государства, создание современной армии, развитие страны, её спокойствие и безопасность.

-Ох, высокими и мыслями стал думать Михаил Васильевич! Смотри, не возгордись - строитель социализма.

Фрунзе улыбнулся своему отражению в оконном стекле.

-Это верный признак! Пора домой, товарищ нарком.

Впервые попав на совещание такого масштаба, Новиков несколько растерялся. Слишком много за столом лиц, знакомых по портретам и газетным передовицам. Конечно, он не знал, что обсуждалось перед этим, но судя по раскрасневшимся лицам и буквально витавшей в воздухе напряженности, страсти успели накалиться.

Сталин, с незажженной трубкой в руках, медленно ходил вдоль стола. Доклад Фрунзе слушал внимательно, изредка задавая некоторые уточняющие вопросы. Дважды пришлось отвечать и Новикову. Его поразило доскональное знание Сталиным многих технических подробностей, с которыми в основном знакомы лишь специалисты. Старался говорить по существу, ясно и четко, по памяти называя все необходимые цифры и параметры. Видимо это Сталину понравилось. Остановился рядом. Неторопливо, словно обдумывая услышанное, раскурил трубку, пахнул ароматным дымком.

-Спасибо товарищ Новиков. У нас есть к вам еще один вопрос. Думаю, мы в скором времени сможем обеспечить нашу армию новой техникой, в том числе и танками, в большом количестве. Какую основную проблему вы в этом видите?

-Острую нехватку подготовленных кадров, товарищ Сталин. Это во-первых. И отсутствие необходимой технической базы для обеспечения эксплуатации этой техники, во-вторых.

-Еще раз, спасибо, товарищ Новиков. Мы тоже так считаем. Это очень хорошо, что командиры понимают, что на старом опыте далеко не уедешь. Присаживайтесь товарищ Новиков.

А вот Гинзбургу пришлось попотеть. Вникнув в суть проблемы, Сталин оставил его, в конце концов, в покое. И тут Новикову довелось впервые увидеть классический сталинский разнос. Что испытывали при этом Орджоникидзе и Зиньковский, представить было тяжело, а испытать такое на своей шкуре, не было ни малейшего желания. И все это не повышая колоса, не срываясь на крик и оскорбления. На Орджоникидзе было жалко смотреть. По-человечески жалко. Но это на уровне чувств. Умом Новиков прекрасно понимал, что Сталин прав. Не то время и не та ситуация, чтобы прощать повторяющиеся из раза в раз ошибки руководителю такого уровня. Взялся - тяни. Не можешь - признавайся в этом сразу. За это не осудят. У каждого есть свой предел. Но если начинаешь врать и изворачиваться. Начинаешь сваливать свои промахи и просчеты на других - такого Сталин не прощал. Это Новиков знал и раньше. Доводилось читать про это, в той жизни. Но одно дело читать, другое видеть своими глазами. А ведь Серго, был не просто нарком тяжпрома, они со Сталиным были в очень хороших личных отношениях. Да и личностью Серго был известной, можно сказать - легендарной. Но не смог, не справился, начал заваливать дело. Почувствовал себя незаменимым и неуязвимым. Начал протаскивать на теплые места свою многочисленную родню и знакомых, а это посчитай половина Кавказа. Пришло время отвечать за все. Зиньковскому тоже досталось, но совсем по-другому. Чувствовалось, что Сталин, в общем, доволен его работой и все это так, для профилактики звездной болезни. Все-таки всего чуть больше полгода на посту комиссара НКВД, а работу провел огромную. Начал расчищать Ягодовские конюшни и убирать Коминтерновский навоз. Профессионал. А профессионалов Сталин ценил.

Новиков понимал, что, не смотря на всю важность формирования программы танкостроения, их проблемы были не единственными и далеко не самыми главными. Слишком большие силы были приведены в действие. Слишком крутые и важные решения были приняты. Нарком Тяжпрома Серго Орджоникидзе был освобожден от занимаемой должности и направлен руководить речным флотом. Лишились своих мест многие директора заводов, и руководители управлений. Не забыли армию и флот. Похоже, сталинская метла прошла по самым темным закоулкам формирующейся советской бюрократии. Вспомнилась передовица "Правды": " Мы

неоднократно говорили, что кадры - решают всё. Мы всегда уделяли, и будем уделять большое внимание подготовке специалистов во всех областях нашего социалистического хозяйства. Мы уверены, что для нашего народа, наших рабочих, крестьян, инженерных и технических работников нет неразрешимых задач, но есть люди, которые не хотят или прямо мешают решать поставленные задачи. От таких кадров мы будем безжалостно избавляться. ... Особое значение в этой ситуации приобретает контроль как со стороны советских и партийных органов, так и всех советских граждан". И это было только начало. В общем, из Кремля выходил в приподнятом настроении. Страна менялась как в счастливом, фантастическом сне. Да и личная благодарность Сталина за проделанную работу - воодушевляла. Ведь и сказано было немного, но чувствовалось, что не для протокола, от души. А это много стоило.

Настроение Фрунзе после совещания было далеко не таким радужным как у Новикова. Пожалуй, всего несколько человек из присутствовавших понимали, что с принятием "Программы по модернизации и организации Автобронетанковых войск СССР" был запущен механизм реализации новой военно-политической доктрины. Страна начинала готовиться к Большой войне. Для большинства членов ЦК и правительства вопрос был второстепенный, напрямую не касавшийся их власти. Все-таки Сталин - великий политик! За кучей технических вопросов сумел замаскировать главное. Когда остальные поймут что к чему, будет поздно. Для них поздно. Это был пробный камень, за ним будут другие. Пора выполнять свою часть намеченного.

Берзин уже ждал в приемной с неизменной кожаной папкой в руках. Фрунзе не торопился. Прошелся по кабинету. Наконец, расчетливо-медленно, сел за стол. Берзин, стоя в дверях, держал паузу.

-Что скажешь Ян? Все готово?

-Если вы про "Невод", то все.

-Ну, если все, то бросайте его в синее море. Все результаты мне докладывать немедленно. На сегодня все. Свободны, Ян.

"Невод" - название точно отражало суть задуманного. Еще на момент обсуждения возможности принятия программы по модернизации армии, в том числе бронетанковых сил, Сталин заметил, что как только появятся первые результаты, как только ТАМ осознают всю важность происходящего - тут же начнут проявлять "нездоровый интерес и пытаться нам вставить палки в колеса". Тогда и родилась идея, заранее закинуть частую сеть и отследить все пути утечки информации и всех кто будет оказывать противодействие в любой форме. Кто по дурацки, а кто сознательно - разберемся потом. Слишком явно были обрублены нити, ведущие к истинным организаторам несостоявшегося заговора. Нарыв был вскрыт, но зараза осталась. Фрунзе предложил подключить к задуманной операции спецслужбы Германии, особенно к разработке всего, что касалось сионистов. Решили так сказать "в темную" использовать искреннюю неприязнь Секта и военной верхушки Рейхсвера к сионистам, а заодно защитить себя от преждевременных нападок "мирового сообщества" в антисемитизме. Вся основную работу по зарубежью должно было осуществлять ГРУ РККА. НКВД подключалось только для операций внутри страны и только на завершающем этапе. И дело было не в недоверии Зиньковскому, а в том, что слишком много нечисти оставалось ещё в этом аппарате. А сил и возможности закончить там генеральную чистку у него еще не было. И Новиков, в этой ситуации, с его решимостью отстаивать свою точку зрения на любом уровне, независимостью и умом оказался весьма кстати. Этакий катализатор процесса. Нет, Фрунзе не собирался

подставлять действительно понравившегося ему командира, наоборот старался ему всячески помогать и поддерживать. Но придется вам Николай Максимович побывать во всех "горячих" местах и на поле боя и в коридорах власти. Крепись командир!

Фрунзе поднял тяжелую черную трубку телефона, - На двадцать часов вызовите ко мне Котовского и Слащева.

Сталин работал. Стопки книг и справочников, переводы иностранных газет и журналов, листки бумаги, исписанные с множеством правок и понятных только ему значков. Работа предстояла адская. Используя уникальную историческую обстановку, используя сложившиеся противоречия между побежденной Германией и остальной Европой, вбить между ними клин. Расшатать и в итоге разрушить веками сложившийся союз против России. Сделать все, чтобы Германия восприняла СССР как своего единственного союзника и партнера. Единственную силу, дружественную силу, которая позволит разорвать оковы Версальского мира. Пускай немцы возрождают свою великую Германскую империю, а мы будем возрождать свою. Сейчас, когда в Лиге Наций обсуждают проекты исключения Советского Союза из этой Европейской говорильни, есть возможность красиво и громко хлопнуть дверью. Чичерин с Молотовым уже готовят проект заявления, в котором СССР признает полностью незаконными все статьи Версальского договора, особенно в его части касающейся Германии и считает себя ОБЯЗАННЫМ оказать Германии всю возможную помощь в случае любой агрессии со стороны третьих стран. Японцы, скорее всего в открытую не поддержат, сохранят нейтралитет. На большее мы пока и не рассчитываем. Пока. Если только не помешают.

Похоже, даже до русской интеллигенции, привыкшей во всем равняться на запад, стало кое-что доходить. В свое время, русский философ Ильин сбежал из России от "ужасов большевизма и попирающих всякие демократические свободы тиранов", а теперь видимо на своей шкуре почувствовал всю прелесть этой демократии. "Живя в дореволюционной России, никто из нас не учитывал, до какой степени организованное общественное мнение Запада настроено против России и против Православной Церкви. Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она действительно возрастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и Церкви, наших намерений, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас и для самоуспокоения внушают себе... что русский народ есть народ варварский, тупой и ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к бесправию и жестокости... Европейцам нужна Дурная Россия; Варварская, чтобы "цивилизировать" её по-своему; Угрожающая своими размерами, что бы её можно было расчленивать; Завоевательная, чтобы организовать коалицию против неё; Реакционная, Религиозно-Разлагающая, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; Хозяйственно-Несостоятельная, чтобы претендовать на её "неиспользованные" пространства, на её сырьё или, по крайней мере, на выгодные договора и концессии. Именно поэтому, следуя тайным указаниям европейских политических центров, которые впоследствии будут установлены и раскрыты исторической наукой (Зачем ждать "впоследствии"? Мы уже сейчас знаем!), Россия клеветнически ославлена на весь мир как оплот реакции, как гнездо деспотизма и рабства, как рассадник антисемитизма... Движимая враждебными побуждениями Европа заинтересована в военном или революционном крушении России. Она не скрывает этого. Она делает все возможное, чтобы это осуществилось. Поэтому, с кем бы мы ни говорили, к кому бы мы не обращались, мы должны зорко и трезво измерять его мерилom его симпатий и намерений в отношении единой, национальной России и не ждать: от завоевателя - спасения, от расчленивателя - помощи, от религиозного совратителя - сочувствия и понимания, от погубителя - благожелательства, от клеветника - правды".

Как все правильно! Как все верно и справедливо! Неужели раньше нельзя было сообразить?!

Слащев отогревался от охватившего его озноба, прислонившись спиной к раскалившейся печке, установленной в отрядной канцелярии. Руки уже согрелись и только слегка покалывали в кончиках пальцев. А вот пальцев на ногах он пока не чувствовал. И прекрасно понимал, что когда начнет чувствовать - весело не будет. Знал из прошлого опыта, когда не заметил и отморозил уши, как это бывает. Чуть по полу не катался, когда в тепло попал. Была, правда, уверенность, что появившаяся после переноса способность к восстановлению некритически поврежденных тканей, не даст проявиться сильной боли. Но насиловать лишний раз организм тоже не хотелось. Кто знает, как и когда это может аукнуться. Из открытой печной дверцы огонь бросал пляшущие блики пламени, добавляя их к свету настольной лампы. Напротив, возле стола сидели его заместитель и инженер, который к данному моменту уже успел согреться и сейчас, расстегнув гимнастерку и облокотившись на стол, прихлебывал горячий чай. С инженером ему повезло. Павел Швыдкой. Паша. Колоссального технического чутья человек. Вроде бы, как потом, возможно, будут говорить, без самого "верхнего" образования, а посмотрит на какую заминку, хмыкнет и предложит четкий работающий вариант. С его появлением вся техническая самодеятельность, о которой Слащеву постоянно намекали, вошла в организованные рамки. Рамки, которые её не только не ограничивали, но, наоборот - результатов стало больше. Ну, правильно. Одно дело - от случая к случаю, и совсем другое - когда любая мысль или идея будет выслушана, оценена и оформлена должным образом.

Заместитель тоже оказался удачным. Блюхер. Владислав Васильевич. Первое время Слащев ожидал подляны. Как же - два генеральских сынка собрались. Разных формаций, так сказать - старой и новой. Уживутся два медведя в одной берлоге? Особенно, когда оба с претензиями. Поэтому первое время Слащев ходил, ощетинившись, в постоянной готовности дать отпор и, если что, поставить на место. Но Владислав, к радости командира, оказался спокойным понятливым человеком. Заместителем и помощником. Поэтому на настоящий момент он просто Славка. Вот и сейчас, хотя давно уже отбой, кукует в канцелярии вместе с ними. Как же так, командир сопли морозит, обходя расположение, а заместитель спать пойдёт? Правды ради надо сказать, что сопли командир морозил последние минут сорок. Действительно обходя расположение. А до этого, вместе с инженером и добровольными помощниками, число которых пришлось сократить раз в пять, поскольку желание выразили почти все, они корячились в ангаре, переставляя двигатель в доставленном из Липецка БТ-2.

- Ну, что, инженер? Вроде получилось. Как мыслишь?

- Там видно будет. Заведем, попробуем. Если пойдет, значит, почти получилось.

- Почему почти?

- А кто знает, как у него центровка изменилась? Посадишь людей, а он фрикционы рвать начнет. Дополнительными колесами мы корпус разгрузим, понятно, а как оно дальше... Надо смотреть. Так и не надумал десантный отсек сверху закрыть?

- Не вижу смысла, Паша. С бортов от пуль десант защищен, а на пушки машину гнать глупо, не та у неё задача. Если наша идея сработает, потом на её основе можно будет и что-то целено-защищенное делать. Но это не наша с тобой работа. Это уже пусть танковые конструкторы думают. Нам важно предложить и проверить. Я так понимаю. Ну что, отцы-командиры? По маленькой, для сугреву, и на боковую?

Не получилось. Ни по маленькой, ни на боковую. Затрещал телефон, вызвав мгновенную настороженность. Блюхер снял тяжелую эбонитовую трубку. Пару секунд послушал и передал её отлепившемуся от печки Слащеву.

- Так точно. Слушаюсь. Через три часа. Нет, до большака мы сам дорогу пробили, а как дальше - не знаю. Сам лично.

Положив трубку на рычаг, Слащев обернулся к внимательно слушающим товарищам.

- Похоже, дождались - начинается наша работа. Егоров звонил - англичане захватили немецкую географическую экспедицию. Экспедицию сопровождал германский консул в Индии. Немцы просят нашей помощи. Подозревают, что если по дипломатической линии давить - экспедиция просто погибнет. Под лавиной, например. Что-то там очень не простое. Наша задача - спасти союзников. Ну, и заодно, настучать кому надо. Не привлекая внимания. Самим им тоже лишний шум ни к чему - немцы не индийцы, на случайные жертвы при окультуривании дикой нации не спишешь. Ты, Владислав Васильевич, остаешься на хозяйстве за меня. Не ворчи, на твой век дерьма хватит, мало не покажется. Должность у меня такая - сам могу в драку, а заместителю хвосты разгребать.

Слащев приоткрыл дверь и крикнул в тускло освещенный коридор:

- Дежурный!

Через короткое время по коридору прогрохотали сапоги, и в канцелярию вбежал боец в красной повязке на рукаве.

- Дежурный по отряду старший сержант Трофимов.

Слащев махнул рукой.

- Слушай сюда, Трофимов. Подними старшину, если он уже лег, и ко мне. Приготовь ключи от оружейной. Тихо подними первую и третью группы. Тихо, понял? Пусть в Ленинской комнате соберутся. И вот еще - найди мне Бадоева, он тоже нужен. Действуй.

В Ленинской комнате, когда туда зашли командиры вместе со старшиной, на удивление было тихо. Не было привычного невнятного гула, который возникает всегда и везде, где собирается больше пяти человек. Тишина была не то чтобы напряженная, но взволнованная. Бойцы чувствовали необычность момента - на учения поднимали не так: рев дежурного "Группа - подъем" и сорок пять секунд на одевание. А сегодня более-менее аккуратно потрясли за плечо и почти шепотом "Подъем". Очумевших от сна и торопливо нашаривающих обмундирование бойцов, дежурный посылал не на построение, а в Ленинскую комнату. Поскольку Трофимова было трудно заподозрить в излишней нежности, стало быть, случилось что-то необычное. А всё необычное чаще всего предшествует неприятностям. По крайней мере, в армии, где всё подчинено строгому и четкому Уставу. Сам Трофимов, придя вместе с командирами, маячил в двери.

- Товарищи бойцы! Слушать внимательно. Это не учения. Это боевой выход. Получен приказ командования. Подробности пока не известны, станут ясны на месте. Пока же хочу сказать одно - если посылают нас, значит, выполнить задание можем только мы. Это высочайшая честь и ответственность. Готовились мы крепко. Теперь предстоит показать всё это на деле. Еще раз повторю - это боевой выход и у нас будет настоящий противник. Опытный противник. С настоящими пулями и настоящей смертью. Поэтому от действий каждого будут зависеть жизни товарищей. И я хочу, чтобы каждый из Вас это знал и понял. Любая ошибка или глупость

может привести к чьей-то смерти. Смерти глупой и бесполезной. Не буду говорить того, что все и так понимают - каждый из нас готов, если потребуется, умереть, выполняя приказ Родины, или отдать жизнь за своих товарищей. Однажды Наполеон сказал об одном из своих генералов - он совершил хуже, чем преступление, он совершил ошибку. И я уверен, что никто из нас не ошибется.

- Дурак! Акробат чертов! - трубка телефона с силой опустилась на рычаги, - и сам гробанется и людей побьет!

Дежурный по аэродрому выскочил на поле, громко хлопнув дверью. Густой туман, спустившийся с гор, покрывал всё вокруг серой пеленой. Сквозь висящие лохмотья едва проглядывались ангары на дальней стороне взлетного поля. Чиркая быстро намокающими спичками, дежурный угрюмо посмотрел вверх и закурил. Поблескивая влагой на кожаном плаще, подошел начальник аэродромной службы.

- Что, решили садиться?

- Попробуй, отговори - надо, срочно. Он же психический.. Ему-то что - закопают под оркестр, а мне трибунал. Что делать будем?

- А что синоптик?

- Говорит - не раньше, чем через три часа. Может и дольше. Обычное дело в этих местах в конце зимы, сам знаешь. А им лёту часа полтора. Самоубийцы.

- Тогда так. Я сейчас костры по периметру зажгу, с дымом. Может хотя бы поле приоткроет. Ветерок вроде есть небольшой. А ты им пеленг давай и от гор заводи. Там кто пилотом?

- Голованов. Слышал?

- Тогда сядет. Кто-кто, а этот сядет. Давай ему пеленг и сам посиди с радистом - наводить будешь. А это кого еще черти принесли?

Из-за будки КПП вывернул легковой автомобиль. Дежуривший на КПП боец подошел к автомобилю, заглянул в открывшееся окно и поднял шлагбаум. Автомобиль прошуршал шинами по гравию и, подкатив к зданию управления полётами, остановились возле боковой стены. Следом показались два крытых грузовика, остановившиеся недалеко от края взлетного поля. Тот, кого "принесли черти", поблескивая длинным черным регланом, перетянутым ремнями, придерживав фуражку, вылез из автомобиля. Следом вышел еще один пассажир - высокий худощавый человек в сером гражданском плаще и широкополой шляпе. Дежурный по аэродрому, узнав приехавшего военного, подхватился и быстрым шагом пошел навстречу.

- Сколько им еще лететь, товарищ дежурный?

- Пилот докладывает: час тридцать - час сорок. В зависимости от ветра. Пока ветер попутный, но может измениться в любую минуту. Синоптик подтверждает - в предгорьях зимой это обычное явление. Хорошо бы изменился ветер, товарищ полковник, со стороны гор подул. Подлетное время увеличится до двух тридцати, но топлива им хватит. А ветер успел бы туман разогнать.

- Большевики с духами гор договариваться не любят. Они больше на Вас надеются, товарищ

капитан. Подождем. Пройдемте в помещение и организуйте нам с товарищем связь с самолетом.

Духи гор не пошли навстречу не любящим говорить с ними большевикам. Хотя туман немного поредел. Дым от разожженных костров и тепло горящего в бочках мазута словно растворили серые клубы над летным полем, хотя уже метрах в пятидесяти за его пределами они стоял колышущейся живой стеной. Причудливая игра света и тени. Через некоторое время в южной стороне неба раздался басовитый гул мощных моторов. Он становился всё сильнее и сильнее, пока в разрывах тумана не показался грузно идущий на посадку транспортный ТБ-3. Сбросив скорость, машина просела на пару метров и, коснувшись колесами грунта, покатила. Наконец, винты, молотившие влажную кисею, замерли, и самолет остановился у края аэродрома. Открылась дверь транспортного отсека и из него выпал металлический трап, по которому спустились два человека. Увидев встречающих, двинулись к ним навстречу.

- Старший особой группы капитан Слащев.

- Особый представитель германского командования гауптман Риттер.

- Комендант пограничного участка полковник Старинов. А это товарищ Кремер, представитель германского "географического общества". С прибытием Вас, товарищи. Транспорт ждет. Как только загрузитесь, двинемся в штаб участка. Вас товарищи прошу в мою машину, по дороге обсудим детали операции. Товарищ Кремер введет Вас в курс дела.

Слащев отнял бинокль от глаз и осторожно отполз за валун. Протер уставшие глаза и осмотрелся. Вокруг была беспорядочная россыпь валунов разного размера, притащенных сползающим ледником. Среди них затаились одетые в пятнистые маскхалаты бойцы группы. Опыт сказывался - даже опытному глазу трудно было различить среди островков снега и камней спрятавшихся людей. Слащев поднял руку и к командиру подползли, прижимаясь к каменистой земле, Риттер и Джумалиев.

- Трое на вышках и четверо по периметру. Смена через каждый час. В центре штаб и караулка. У края скального карниза казарма. Там, скорее всего, и держат членов экспедиции. Что в длинном бараке - не понятно. То ли склад, то ли еще что. Во всяком случае, туда с мешками входили-выходили. И еще какое-то сооружение непонятное. Похоже на нужник, но народец туда не шастал. Вдоль карниза идет провод. Так что, телефон на объекте есть. Колючка двухрядная, возле ворот пулеметное гнездо. И еще одно выше, на уступе. Я пойду к казарме, а ты Сан Сергеич, возьмишь на себя штаб. Отто, на тебе пулеметы. Двинем, как договорились - со стороны ледника, в сумерках.

В горах темнеет быстро. Только что было светло, и вот уже упали неясные тени, скрадывая очертания окружающих предметов. Постоянный невнятный шум, создаваемый сползающими камнями и текущей из-под ледника речушкой, был привычным. Поэтому на стук и шорох камней никто из часовых не обращал внимания. Никто из них не обратил внимания и на неясные расплывчатые тени, скользнувшие среди валунов и замершие у ограждения. А потом стало поздно что-либо замечать. Казалось бы, ничего особо сложного - подкрасться сзади, зажать рот рукой, отклоняя голову назад, и ножом в горло. Но Слащев по себе знал, что нормальному человеку сделать это не так просто. Особенно первый раз. Когда ты чувствуешь, как дрожит тело, из которого уходит жизнь. Даже если перед тобой враг. Для этого нужен особый настрой, привычка, если угодно. В бою легче - тебя убивают, и ты убиваешь. Поэтому пока отставить ножи и приготовить проверенные наганы с насаженными длинными трубками

наполненных металлическими опилками глушителей. Так оно надежней будет. Слащев не хотел, чтобы в первой же боевой операции кто-то дрогнул, и были ли бы ненужные потери. Боевой дух они, конечно, не подорвут, но и допускать появления неуверенности в своих силах после первой операции - нельзя.

Прижавшись к шершавой стене казармы, Слащев осторожно заглянул в низкое, на уровне головы, окошко. Масляная лампа освещает угол комнаты с прислоненным к стене креслом. В кресле, закинув ногу на ногу и постукивая стеклом по ручке кресла, расположился английский офицер. Перед ним, опустив голову, стоит женщина. Её лица Слащев не видел, заметил только коротко стриженные каштановые пряди. Офицер встает, небрежно стеклом за подбородок поднимает женщине голову. Брежливо кривит губы и без замаха другой рукой бьет женщину по щекам. Раз, другой, третий. Видно только, как качается из стороны в сторону каштановая голова. Кожей почувствовав, как напрягся притаившийся рядом боец, Слащев опускает ему руку на плечо. Не время. Наконец, почти одновременно сухо кашлянули выстрелы. Короткая, патронов на пять, очередь "Гочкиса". Снова кашель наганов и тишина. Заслышав непонятный шум, офицер в комнате подхватывает стек и быстрым шагом выходит из комнаты. Хлопнув бойца по плечу, Слащев бросается к входу казармы. Дверь открывается и англичанина, шагнувшего на крыльцо, встречает резкий удар ногой между ног. Он сгибается и тут же получает удар коленом, превращающий коленное лицо в кровавую кашу. В казарме сопротивления почти не было - лайми, получив пару наглядных примеров, бросали оружие и поднимали руки. Но неожиданно, из "непонятного" здания, оказавшегося не только складом, но и казармой для "вспомогательных" сил, выметнулась, дико завывая и потрясая кривыми ножами, группа гурков. Кого-то вой и неожиданная атака и могли ввести в оторопь, но не в данном случае. А широкому штурмовому ножу из донецкой стали, в умелых руках, никакой кукри не противник.

Уйти быстро, как и предполагалось, не удалось. Своих серьезно раненых, которые могли бы существенно ограничить передвижение, не было: раздробленное пулеметной пулей плечо у одного из бойцов и несколько порезов после рукопашной. Сковали члены экспедиции: с воспалившимися ранами, ослабевшие от голодания. Спасители успели вовремя - все пленники оказались живы, ведь ради их спасения всё и затевалось. Оставив Риттера опекать соотечественников, Слащев с Джумалиевым вышли во двор.

Джумалиев яростно потер заросшее черной щетиной лицо. Видимо, разбитое в кровь лицо женщины не давало ему покоя.

- Странное дело, командир. Я считал англичан цивилизованными и культурными людьми. Джентльменами. И в обычной жизни и на войне. Но так обращаться с пленными... Дикость какая-то.

- Удивляюсь я тебе, Сан Сергеич. Вроде взрослый мужик, а рассуждаешь как дитё. Они джентльмены только с теми, кто сдачи может дать. Тут же чистая экономия. Если экспедиция погибнет - на кой черт на неё харчи тратить? А если бы дипломатия сработала, списали бы на диких шерпов. Обычное дело. Поговори с Мальцевым. Он из Архангельска, в гражданскую этих джентльменов насмотрелся. Ты про восстание сипаев что-нибудь слышал? Так вот, эти цивилизованные пленных к пушкам привязывали и стреляли. Верх культуры и цивилизации, правда? Но англичане просто дети, по сравнению с теми, кого они вырастили. Я про САСШ. Нацию торгашей, нацию трусливых, подлых и продажных тварей.

- Но как же американский рабочий класс? Американские коммунисты?

- Это сейчас там есть и рабочий класс и коммунисты. Сейчас там тихо. Трудно там пока, потому и тихо. Но способности свои цивилизаторские они уже показали. Постепенно все эти лорды и банкиры английские туда перебираются. Когда переберутся совсем и у власти встанут, вот тогда и узнаем все мы вкус и цвет англо-саксонской цивилизации. Хреновый вкус, я тебе доложу. Я хоть и в сопливом возрасте его попробовал, но до сих пор тошнит. И запахок уже пробивается. Думаешь, этот кризис мировой сам по себе возник, потому что товарищ Маркс так сказал? Вот уж дудки! Согласно Марксу он не мог не возникнуть, это верно, но не сам по себе. Сам по себе даже прыщ не вскакивает. А любой кризис начинают люди. И тут я с товарищем Марксом согласен - эти джентльмены не могут не захотеть чего-нибудь этакое отчубучить. В гнилом капитализме это действительно неизбежно. Людям жрать нечего, а они зерно в океане топят, чтоб барыш свой не потерять. Ладно, хватит лирики. Пошли оборону готовить. Где думаешь стрелков поставить?

В штаб вернулись часа через полтора. К этому времени сюда перевели всех бывших пленников, накормили, обработали раны. Сейчас вместе со свободными бойцами они отдыхали на положенных прямо на пол матрасах. Риттер вместе с пожилым седоволосым человеком о чем-то в полголоса беседовали, сидя на раскладных стульях. Увидев вошедших, седоволосый поднялся и направился к ним, правильно угадав командира.

- Господин капитан. От имени правительства Германии благодарю Вас и Ваших солдат за проявленное мужество. Цель нашей экспедиции очень важна для мировой географической науки. На карте мира пока еще очень много темных пятен, и дело чести каждого честного ученого, чтобы их оставалось как можно меньше. Кроме того, составление подробных географических карт малонаселенной местности позволит ответить на вопросы, пока не имеющие ответа. До нас никто не знал, где именно находятся истоки великого Ганга, реки, являющейся объектом поклонения народа Индии...

"Ну да, ну да. Господин профессор думает, что туповатому солдафону можно спокойно лапшу вешать. Ганг их интересует, как же. Километров за пятьсот отсюда. Уж не сам ли это доктор Зиверс? Хрен его знает, что именно они тут искали, но если англикосы решились на почти открытое убийство, то это "ж-ж-ж" неспроста. Получается, мы ихнее "Аненербе" спасаем. Хотя нет, рано еще, через пару лет если только. Скорее, это что-то вроде "Туле". Из тех, что искали и не нашли. Или нашли, но пропали. То-то Риттер рвался. А эти, похоже, нашли. И молчат что именно и где. Иначе англы давно бы их кончили без лишних разговоров. Индианы Джонсы, блин".

- Господин профессор. Я выполняю задачу, поставленную моим командованием. О целях Вашей экспедиции мне знать не обязательно. Если наши руководители посчитают необходимым ознакомить меня с ними - буду польщен. Или геноссе Риттер поделится. Случайно. Потом, после возвращения. Сейчас же нам необходимо определить наши дальнейшие действия. Насколько Ваши люди готовы к передвижению?

- Они, как видите, очень слабы. Длительный переход по горам не выдержат. Особенно женщины. Но мы очень постараемся.

- А что наш эскулап скажет?

- Нечего говорить, товарищ командир. Раны не опасные, но загноились у многих. Это мы вылечим. Хуже другое - ослаблено зрение. Вместе с общей слабостью это... Не ходоки они,

одним словом. Днем, средним темпом, возможно.

- Ясно. Как пришли - уйти не получится. Тогда вариант два. Бадоев, стенку смотрел? Что скажешь?

- Серьезный стенка. Метров сто, сто пятьдесят. Внизу осыпь. Можно спуститься. Веревка надо. И ремни надо. К веревке пристегнуть - всех спустим. Но надо утром. Сейчас темно, плохо видно, сорвусь.

- Утром, так утром. Сейчас отдыхать. Кстати, как там этот знаток боевых действий с женщинами, не очоурился?

- Нет, товарищ командир, живой. Хотя личность Вы ему сильно огорчительно попортили. Я от себя еще добавить хотел. Смотрю, а он квёлый совсем. Как бы не загнулся, думаю, и раздумал, - ответил боец, вместе со Слащевым наблюдавший сцену допроса; - А что такое "мальборо", товарищ командир?

- Какое еще "мальборо"?

- Да этот, когда очухался малость, сразу вопить начал: мальборо, мальборо. Пришлось портянкой его заткнуть. А я вот подумал - может важное что.

- Мальборо, говоришь?

"Охренеть - не встать, мы, случаем, не племянничка ли Черчилля за одно место прихватили? Да нет, вряд ли, хотя черт еще и не тем шутит. Да и хрен с ним, если не он. Один черт, Мальборо важная фамилия. Прихватим с собой, может наверху и пригодится кому. Морда не ноги, идти сможет. А Гриневич молодец, обратил внимание".

- От лица командования благодарность тебе, Гриневич. За внимательность. Мальборо - то ли родня, то ли соперники английской королевской фамилии. Шут их там разберет, лимонников. Но фрукт этот, судя по всему, очень не простой.

- Жирный, стало быть, гусь попался? Может его того, мало-мало ошипать и в глине запечь, товарищ командир?

- Всё бы тебе, Онищенко, гусей дармовых да сала, - ответил Слащев под добродушные смешки бойцов; - Скоро гимнастерка на груди лопнет, а всё запечь, запечь. Всё, всем отдыхать, отбой.

Попытка отбить пленников началась не с самого утра. С самого утра в штабе зазвонил телефон. Дежуривший возле него боец встрепенулся и подвинул ближе литок бумаги с написанными на нем химическим карандашом словами. Еще ночью командир, слюнявя карандаш, написал их и заставил заучить.

- Что это, товарищ командир?

- А это то, что ты говоришь, когда, например, по пальцу себе молотком саданешь, только по-английски.

- Можно?! Это мы с нашим удовольствием. А добавить разрешите?

- А ты что, по-английски знаешь?

- Да если русский лаяться начнет любая собака сразу поймет. Не то, что какой-то

англичанин.

- Тогда валяй. Но сперва по-английски. Прояви вежливость.

Боец, придерживая бумагу, снял трубку телефона. Немного послушал булькающие звуки и старательно прочитал написанные слова. Прислушался к наступившей на том конце тишине и от всей души добавил. Никого не забыл, даже кошку с собакой. Если они у звонившего были, конечно. В приоткрытую дверь заглянул кто-то из бойцов и уважительно покивал головой. Слащев вошел стремительно, через пару минут.

- Пожелал доброго утра? Тогда рви провод и тащи к выходу. Там уже всё готово.

Готов был сюрприз. Еще ночью, подсвечивая найденными карбидными фонарями, в паре сотен метров от КПП, там, где шедший по карнизу телефонный провод провисал метров до трех, подвесили несколько толковых шашек. Теперь, когда надобность в телефоне кончилась, взрыватель на шашках через разрезанный провод можно было подсоединять к гальванической батарее от радиостанции. Если перекрыть идущую к лагерю дорогу, противник сможет атаковать только с ледника. Тут было чем его встретить - пара трофейных "Гочкисов" и пристрелянные винтовки с оптикой. А на льду где спрятаться? Если только в трещину, но это, как говорится, на здоровье - нам меньше работы.

Скальный лифт уже был почти готов к работе. Едва рассвело, Бадоев спустился по стенке на осыпь и протянул страховку. Благо кроме своих крючьев нашлись местные. Видимо, кто-то из джентльменов любил в свободное время по горам ползать. Поэтому для гарантии Бадоев повесил еще одну веревку - лишней не будет.

Атака началась часа через три. Видимо, без утреннего чая англичане воевать не умели. Показавшееся, наконец, из-за гор солнце сразу наполнило долину золотистым светом. Засверкали бликами осколки льда и островки снега. На широкой тропе, выворачивающей из-за скалы и идущей потом вдоль скального выступа, показалась голова колонны пехоты. Слащев, наблюдавший за дорогой в бинокль, дождался подходящего момента и махнул рукой. Взрывник, нырнувший за ограждение пулеметного гнезда, накинул оголенный провод на клемму батареи. Гулкое эхо многократно повторило звук рванувшего заряда. Вздрыгнула скала, следом посыпались камни, и долина наполнилась грохотом рушащихся обломков. Было ощущение, что обвал идет со всех сторон. Когда снежная и каменная пыль рассеялись, стало видно, что тропа до самого ручья, текущего из-под ледника завалена обломками камней и кусками льда. Ручей тоже набух, пытаюсь прорваться через возникшую преграду.

- Всё. Часа три у нас есть. Начинайте спуск. Быстро, но не торопясь. Отто, это твоя задача. В твоём распоряжении все свободные люди. Мы с Сан Сергеичем и стрелками будем гостей встречать.

Треть экспедиции уже была внизу на осыпи, когда на леднике показались черные точки людей. Короткими перебежками они медленно приближались к лагерю. Несколько англичан перебрались через завал и попытались двигаться по тропе. Стрелки быстро охладили их пыл, подстрелив несколько человек, но дав возможность остальным убраться обратно и унести раненных. Когда наступавшие по леднику подобрались метров на пятьсот, Слащев разрешил открыть по атакующим огонь. Стрелки неторопливо выцеливали и выбивали командиров и старались ранить подобранных ближе всех. Не мешая при этом оттащить их назад. Внезапно Слащев, наблюдавший поле боя в бинокль, выматерился.

- Сашка! Срочно троих к валунам. Видишь кляксы на льду? Зараза, они минометы прут.

Ближе чем на триста метров не подпускать! Иначе они нам такой концерт устроят, небо с овчинку покажется. Малинин, Глушко, тащите пулемет к тому сортиру. И не высовываться.

Англичане начали ответный огонь, с предельной дальности, неприцельный. Но, тем не менее, раздражающий и опасный. Рассыпался дробью прямо со льда подтащенный "льюис". Пули хлестнули по валунам, откуда, не подпуская минометы, вели огонь стрелки из винтовок с оптическими прицелами. Ответная очередь установленного на треноге "Гочкиса" опрокинула стоящий на откинута сошнике "льюис", положив пулеметчиков изломанными куклами. Англичане откатились, оставив минометы валяться на льду. Первый раунд закончился. Обойдя бойцов и приказав проверить боеприпасы, Слащев прошел на площадку, где проходил спуск по скальной стене.

- Как тут у Вас дела продвигаются? Сколько еще времени потребуется?

- Спустили всех. Остался только начальник экспедиции. И раненный в плечо солдат.

- Тогда так, Отто. Спускайте оставшихся, потом сами и уходите. Как только можно быстрее. Англичане скоро снова пойдут, уже основательней, а у нас боеприпасов в обрез. Ребята они упорные, если вцепились - сразу не отпустят. Понимают, что нас тут не полк. Осыпь пройдет - дашь ракету. Мы сразу по леднику уходить начнем, основным маршрутом. Встречаемся, где договорились, но если что - нас не ждать. Твоя задача гражданских вытащить, а мы, если так случится, сами. Всё, удачи.

Англичане предприняли еще одну попытку. Они продвинулись почти до края ледника. Бойцы группы отвечали всё реже и реже. Лязгнул пустым пеналом один из "Гочкисов". И только брошенные тренированными руками гранаты градом осколков металла и камней заставили англичан отступить второй раз. Наконец, почти в полдень, оставленный наблюдателем боец, пригибаясь, подбежал к командиру и доложил "Пошла ракета, товарищ капитан"! Выгнали из казармы пленных англичан, и, нагрузив их носилками со связанными гурками и снаряжением, быстрым шагом двинулись к перевалу. Когда еще через час, к подожженному лагерю, соблюдая осторожность, подошли англичане, они почти на самом гребне ледника заметили колонну людей, среди которых выделялись длинные тени носилок. Взбешенные, англичане начали преследование, которое продолжалось, пока уже в сумерках, преодолев перевал, они не нашли своих соотечественников, с понурым видом сидевших на камнях.

Шеф-пилот Голованов, командированный ГВФ для выполнения особого задания, опустил бинокль и, застегнув кобуру маузера, повернулся к штурману.

- Они. Вон, видишь, тот психованный капитан? Жив, чертяка. Говорил я тебе, таких как он просто так не сожрешь. Давай к экипажу, к взлету готовиться. А я пойду встречать.

Приподнявшись, Голованов взобрался на валун, из-за которого они со штурманом наблюдали за подходами к площадке, и замахал рукой. Находившаяся в паре сотен метров от него фигура, ответила тем же. Потом обернулась назад и махнула еще раз. Вначале из зарослей тамариска показались фигуры бойцов, а потом стали выползать неуклюжие повозки, запряженные лохматыми яками. Медленно и слегка неуклюже, сопровождаемые бойцами, повозки начали подниматься к площадке. Собственно, сама площадка была найдена совершенно случайно, когда один из отрядов пограничников, преследуя банду, уходившую в Китай, заблудился в горах. Банду пограничники накрыли, но, как потом выяснилось, уже углубившись почти на сто с лишним километров на сопредельную территорию. Командир отряда, когда почти через неделю он вернулся обратно, самым тщательным образом описал всё, что происходило с ним и

его бойцами. Это была обычная практика - подробных топографических карт сопредельных территорий пока просто не было, поэтому были интересны и важны любые сведения, полученные непосредственно на месте. И в данном случае она оправдала себя. При планировании операции полковник Старинов вспомнил этот отчет своих подчиненных и сам предложил найденную в горах площадку для эвакуации. Подошла она идеально - при должной сноровке пилота на неё могла сесть и тяжелая машина. Да и само название "площадка" было дано, скорее, по привычке. Место представляло собой небольшую и сравнительно ровную долину длиной чуть больше двух километров, спрятавшуюся между скалистых отрогов. И что было очень ценно - в ближайшей округе не было никаких поселений. Значит, заметить что-либо могли только случайные пастухи. Единственным недостатком было то, что перелететь с неё сразу на территорию Союза было нельзя - не позволяла высота горных хребтов, идущих вдоль границы. Поэтому была организована промежуточная посадка на территории Афганистана, с которым сохранялись, несмотря на попытки англичан, дружественные отношения.

Наконец погрузка закончилась. Со всеми возможными удобствами (хотя какие могут быть удобства в непригодной для этого транспортной машине?) раненых и гражданских разместили внутри самолета. Чихнув, моторы выплюнули струйки дыма и взревели, заставив лопасти пропеллеров молотить воздух. Напуганные неизвестным шумом, выпряженные из повозок яки торопливо потрусили к зарослям. Скрипнули отпущенные тормоза и транспортник начал взлет. Через тридцать минут, когда самый сложный момент взлета прошел и самолет набрал необходимые высоту и скорость, Слащев вышел из кабины пилотов и прошел в грузовой отсек. Взглядом отыскал среди пассажиров свою каштаново-волосую "крестницу", подошел и опустился на стоявший рядом с ней ящик. Глубоко вздохнул (черт знает что твориться, это с дядькой-то, которому если честно считать почти полтинник!) и, ужасно коверкая язык, произнес фразу, которую составил, используя словарный запас из "будущего" цикла "Выживание в тылу вероятного противника":

- Прошу меня извинить, фройляйн, но Вы не похожи на немку. Я думаю.

- А я не немка, я русская. Поэтому можете не коверкать благородный язык Гёте и спокойно говорить по-русски.

- Кхм-м... Умопомрачительно... Так кто же Вас, в таком случае, в плен взял - англичане или (чертова "прошлая" память!) немцы?

- Это такая шутка? Узнаю соотечественника, папа мой так часто шутит. Кстати, меня зовут Ольга. Ольга Яковлевна Солдатова.

- Капитан Слащев. Тьфу ты, господи. Александр. Александр Яковлевич Слащев. Можно просто Саша. Наши отцы, получается, тезки. "Не хочу за всякого - хочу за Якова", так, кажется?

Лёгкая уставшая улыбка и чуть заметный кивок головы:

- Спасибо Вам, Саша. Спасибо и от меня и от моих немецких товарищей.

- А как Вы оказались в составе немецкой экспедиции?

- Моя семья вернулась на Родину еще в 27-м году. А я работаю ассистенткой у профессора Хаусхофера, поэтому осталась. Это моя четвертая экспедиция. Была... Никогда не думала, что люди, называющие себя цивилизованными, могут так себя вести. Хуже африканских людоедов. Но людоеды, по крайней мере, дикари и не говорят, что несут человечеству свет цивилизации.

Они просто питаются людьми, а от этого можно защититься. Я не разделяла взглядов своего учителя, я только археолог, но сейчас готова согласиться с профессором в том, что в мире существует только две расы. Северная раса, раса людей. И раса выходцев из погибшей Ботсваны, южная раса, раса нелюдей. И вместе на одной планете им не ужиться. Но Вам это, наверное, не интересно?

- Вот уж нет, Оля. Это не только интересно. Это еще и очень важно, на самом деле. От этого зависит, будет ли жить в будущем наша с Вами Родина. Если мы это поймем, и всегда будем помнить об этом, никакой враг нам не будет страшен. Ни белый, ни желтый, ни чёрный. Для этого и существуем мы - те, кто воюет, спасает и защищает. Хотя, если честно, не будь подобной угрозы, я бы вместо войны с огромным удовольствием посидел бы где-нибудь в беседке на берегу реки за бокалом вина с приятной милой девушкой. Например, с Вами.

Снова легкая улыбка. Чисто женским движением Ольга поправляет сбившийся локон, сползший на глаза.

- Как Вы думаете, Саша, сложно будет устроить для меня возможность увидеть семью?

- А почему нет? Как только прилетим и сядем, обязательно их известят. А, может быть, уже известили, наверняка состав Вашей экспедиции нашему командованию известен. И семья Вас уже ждет.

- Рано Вам, Александр, о семье думать. У нас впереди еще много важных дел, - негромко произнес незаметно подошедший Риттер, ухвативший только конец фразы; - Не стоит лишний раз утомлять милую фройляйн, успеете еще наговориться. После посадки.

- Думать о семье - никогда ни рано и никогда ни поздно, Отто. Так еще деды наши говорили. А мудрость предков никогда не ошибается. Нужно её только вспоминать чаще.

Награждение было внешне скромным. Но от этого не менее торжественным. О таких событиях не пишут в газетах и не рассказывают по радио. Народу нет необходимости слышать об этом. Он об этом просто ЗНАЕТ. Поскольку отряд Слащева по Уставу не имел своего Знамени, награждение провели в подмосковных Подлипках, в гарнизоне Осназа. Выстроившийся перед Знаменем личный состав в парадной форме, оркестр на левом фланге, командиры на низкой трибуне. Начальник гарнизона, вызывающий к ней награждаемых. Перед трибуной Котовский, которому Егоров со стоящего рядом стола подавал награды: грамоты и именные наручные часы. И четкие искренние уставные слова - "Служу Советскому Народу"! Командирам групп и отличившимся бойцам, помимо всего прочего, были подарены новенькие, только сошедшие с конвейера, велосипеды. Редкая вещь по нынешним временам, велосипеды только-только начали появляться в продаже и стоили не мало. Особый подарок ожидал и Слащева. Он даже не сразу поверил глазам - новенький блестящий ПМЗ с коляской, выпуск которого начался в Подольске. Потом было торжественное прохождение. "К торжественному маршу! Повзводно! На одного линейного дистанция! Левое плечо вперед! Шагом...арш"! И слитный, как от единого живого организма, грохот подошв по брусчатке плаца. Мимо развернутого и слегка колышущегося под ветром Красного Знамени с Серпом и Молотом. Слащев, впечатавший ладонь в обрез фуражки и отбивающий шаг впереди своего отряда, вспомнил рассказ деда о совместном параде победителей в 45-м в Берлине. О том впечатлении, которое произвели на собравшихся советские солдаты, вышедшие на площадь простым походным шагом. Да, это Вам не вензеля, которые выписывают англичане с французами, или манерная шагистика американцев... Это шли ВОИНЫ. Это шла СИЛА. Сила, которую не остановить, если она двинулась вперед. Как же быстро мы сами это забыли!

Забыли, что война для нас это не развлечение, не игрушки обнаглевших от безнаказанности "хозяев мира". Забыли, что если МЫ встанем и двинемся вперед, остановить нас не сможет ничто. И никто. И горе тем, кто вынудит нас встать. От нашего спокойного и уверенного походного шага они не спрячутся и не укроются нигде. Он везде настигнет желающих решить "русский" вопрос и поучить "этих диких русских". Мы долго терпим и медленно запрягаем. И пусть потом будут и боль, и кровь и смерть, но мы дойдем до самой дальней и тайной крысиной норы и вытравим эту сволочь, возомнившую в себе право править всем миром. И навязывать всему миру свою плебейскую мораль, скотскую культуру и мелочные похабные ценности. Они должны это помнить и знать. Но самое главное, об этом не должны забывать мы сами.

После торжественного марша и команды "Вольно, разойдись" и бойцы отряда и осназовцы столпились вокруг подарков, стоявших линейкой возле трибуны. Массивный Онищенко под хохот товарищей пытался взобраться на казавшийся рядом с ним игрушечным велосипед. "Смотри Онищ, не поломай малютку. Больно же ему, педали отломишь. Слышишь, аж кряхтит сердешный". Дутые шины стали почти плоскими, когда боец влез-таки на сиденье и, оттопырив колени, начал крутить педали. Вихляя из стороны в сторону, велосипед, поскрипывая, покатился по плацу. Пока не накренился и не очень умелый ездок не соскочил на землю.

- Что Онищ, это тебе не пулемет на загровке таскать. Техника нежность уважает, а ты же у нас бугай запорожский.

- Да ну вас к бису. Не солому же на нем возить, в самом деле. До почты доедет и ладно. Домой отправлю, пусть сестренка в школу ездит. Всё село обзавидуется.

К Слащеву, обошедшему подарок несколько раз и присевшему перед передним колесом, подошли Котовский и Егоров.

- Ну что, герой. Принимай под свое командование технику. Годится аппарат?

- Товарищ Котовский, это же просто нет слов! Сажаем в коляску Машу, Егоров сзади и на рыбалку. Отпустите?

- А новую знакомую куда посадишь? Ладно, не тушуйся хлопче, под это дело и служебную машину не жалко. Вместе с Егоровым. Временно. Но я же по твоей хитрой физиономии вижу, что ты уже очередную каверзу придумал. Чем на этот раз удивишь?

- Да, товарищ Котовский... Это же ценнейший для армии аппарат. Мотор мощный, проходимость, судя по подвеске, хорошая. А если в коляску еще и бойца с пулеметом посадить - вообще цены не будет.

- Не дурей тебя люди есть, раз такую технику придумали. Но про пулемет - это интересно. Советская мото-гачанка, получается. Ну, твоя машина, ты и пробуй пулемет поставить. Посмотрим, что получится.

- Ага. Пулемет это правильно. Самое оно на охоту ездить, - под басовитый смех Котовского ехидно заметил Егоров; - а в багажник гранаты пристроить, для рыбалки. И сзади пушку прицепить, для грибов. А что, я готов. Едем?

- Застоялись, жеребцы молодые? Слушай сюда, Слащев. Ты у нас курец старый, знаю. Вот тебе лично от товарища Фрунзе - любимый его портсигар. Читай, что на крышке написано. Понял? Знаешь за что? В тех бумагах, что Вы от англичан привезли, много чего интересного нашлось. И для нас и для немцев. И англичанина того ты правильно захватил. Но, как ты

понимаешь, товарищ Фрунзе "не в курсе дела". И вообще никто "не в курсе дела". А потому те бумаги, которыми немцы заинтересовались, именно ты им и повезешь. Лично.

Глава -9

Новиков.

Новиков задержался в Москве еще на неделю. Дел, которые можно было решить только в столице, было предостаточно. Благо новенький орден и слухи, стремительно распространившиеся в кругах военных чиновников о том, что он принят на самом верху, здорово помогли. И все равно, за прошедшую семидневку (и какой кретин это придумал?!) просто озверел. Нет более страшного образования государства, чем бюрократия, а военная бюрократия, это отдельная песня. А ведь, по словам бывалых ходоков, раньше было хуже. Постепенно, но неотвратно в кабинетах отделов и управлений наводился порядок. Последним нововведением стало требование для всех военных чиновников составлять до десяти отчетов о каждой заявке, которая не могла, по их мнению, быть удовлетворенна. С обязательной проверкой вышестоящим начальником правомерности отказа. Первый необоснованный отказ - выговор. Второй - понижение в должности. Третий - дело передается в прокуратуру - на лесоповале и строительстве каналов проводят активную трудотерапию для всех желающих.

Несмотря на всю беготню, вечера были свободны. Хватило времени и по Москве поколесить и подумать спокойно. Спокойно. Хм! Спокойно только начиналось, а дальше, мысли начинали плясать так, что самого оторопь брала. Все же недооценивали они нынешнее поколение, он, по крайней мере, точно. Взять, к примеру, Маньчжурский конфликт. Ведь поначалу замысел операции воспринимался как авантюрный. Ограниченными силами, за ограниченное время, произвести практически оккупацию территории по размерам превышающую многие европейские государства. А на самом деле? На самом деле все выходит совсем не так просто и наивно. И дипломатическое и разведывательное обеспечение было на высоте. А это не делается за несколько дней, недель или даже месяцев. На это нужно время. Время и четкая позиция руководства страны и армии. А техническое обеспечение?! Ведь все это надо было перебросить по единственной железнодорожной нитке "Транссиба". Заранее перебросить. И чтобы никто не заметил и не догадался. Так что никакой авантюры. Трезвый и правильный расчет. Блицкриг по-русски. А кадровая политика? Это же вообще - песня. Одно стремительное продвижение таких личностей как Богданов чего стоит. И ведь это не исключение, это система. Хорошая система. Правильная. И все же... Все завязано на двух человек. Сталин и Фрунзе. Да, они гениальные руководители. Но они незаменимы. И это страшно. Если даже их расчеты, там, в далеком будущем, были верны, и ЭИД работает, как и планировалось, сколько лет они проживут? Сто - сто десять. А дальше? И что он, майор бронетанковых войск, может в этой ситуации сделать? Делай что должно - случится что суждено? Может быть. Но старая истина не успокаивала. Оставалась правда надежда, что ЭИД передал достаточно информации, чтобы и Сталин и Фрунзе сами задались этим вопросом. А пока? Пока надо работать. Есть несколько интересных мыслей. Но как их воплотить? И так, на последнем совещании он вел себя на грани фола. Его вопросы и предложения явно выходили за круг знаний и интересов командира пускай Особого, но все же всего-навсего полка. Как ему добраться до оружейников, металлургов, двигателистов, приборостроителей, медиков, астрономов, ракетчиков и т.д. и т.п.? И что необходимо в первую очередь, а что может подождать?

Для себя он все же выделил, как первоочередное - модернизация патронов и снарядов. Наиболее массовый патрон 7, 62мм был создан Велтищевым еще в восемьдесят шестом году на

основе французского патрона 8x56мм R от винтовки Лебеля и имел гильзу бутылочной формы с выступающей закраиной. Эта устаревшая даже на момент своего создания конструкция создавала кучу проблем и Российским и Советским оружейникам. Принята была от безысходности, патрон был дешевле и проще в производстве немецкой, а оставалась на вооружении по косности и тупости. Нужен патрон по типу Маузеровского 7,9мм с кольцевой проточкой.

Та же история со снарядами. Для новых орудий - необходимы новые снаряды. Вроде бы очевидно, а на деле - конструкция не менялась со времени создания. Особенно это касалось трехдюймовок и их развития - 85мм. систем. Думаете мелочь? А эта "мелочь" способна спасти тысячи жизней своих солдат и намного эффективней громить противника. Но как к этому подступится?

Некоторые мысли и предложения он внес в свои материалы, подготовленные для заседания СНК. Но эти предложения там так и не прозвучали. Почему? Наверное, было не к месту и не ко времени. Но в том, что его доклад был изучен, Новиков не сомневался. Оставалось ждать. И не забывать про его величество случай.

Иногда на Новикова "накатывало". Ведь и без него справятся. И все его "супер" способности, и все его знания из будущего, по большому счету ничего не значат. Но хандра проходила быстро, стоило только вспомнить, во что превратился за прошедшие годы Т-19, и что, даст бог и великий Сталин, получится из проекта Гинзбурга. Да и в Маньчжурии он не просто катался. Так что все правильно. А на что он, собственно, рассчитывал? Что он будет вещать, а доверчивые и добрые руководители будут смотреть ему в рот и ловить каждое слово? Ведь этого и в мыслях не было. Тогда по какому поводу комплексы? Посмотри вокруг! На великую страну. На её, (твой, черт побери!) народ. Смотри! Ради этого стоит и жить, и бороться. Ради этого, ты пошел на риск эксперимента. Так и делай все, что в твоих силах, чтобы твоя страна жила и процветала. Делай на своем месте. Используй любую возможность.

Вот такие были вечера. Совсем даже не подмосковные, а вполне даже московские.

Собственно, дела все были сделаны, и пора было собираться домой. Но всемогущее и всеведущее начальство решило иначе. Видимо посчитало, что посещение северной столицы для него просто необходимо.

От Москвы до Ленинграда, да на хорошей машине, да по приличной дороге - это не поездка, это удовольствие. И даже дождик не может испортить впечатления. Двухслойный тент и электрические "дворники" надежно обеспечивали комфорт и приличную видимость. Правда перед самым Ленинградом дождик перешел в настоящий ливень, но это было и к лучшему. Машину вымыло до блеска. Так что в город он въезжал во всем великолепии хромированных и лакированных поверхностей кузова и матовой черноты тента. Курс на завод "Большевик", к товарищу Гинзбургу и остальной инженерно-конструкторской мафии из ОКМО (опытно-конструкторско-механический отдел).

Встретили горячо. И на самом высоком уровне. Дирекция завода, партийное руководство, директор ОКМО, и ведущие конструкторы. "Все равны, как на подбор! С ними дядька Черномор", - невольно пришло в голову Новикова. Причем Черномор отличался далеко не богатырским ростом. Невысокий, если не сказать маленький. Крепкий. С зачесанными назад волнистыми волосами. Полувоенный френч, галифе и сияющие сапоги. Лицо широкоскулое,

как принято говорить - волевое. Глаза чуть прищурены. Революционер и бабник. Оратор и редкостный работоспособности руководитель. Воплощение Ужаса в Астрахани и добрая легенда Азербайджана и Кавказа. Первый секретарь Ленинградского горкома и обкома ВКП(б). Сергей Миронович Киров. Личность легендарная и весьма противоречивая. Новиков здоровался, жал руки. Получал по плечам. А самого тянуло на ерничанье. "Так вот ты какой, северный олень!", - вертелось на языке. Короче говоря, встретили. И сразу с корабля на бал. По поводу прибытия на завод героя-танкиста, организованно общее собрание. И его, героя-танкиста, там ждут с нетерпением.

Вот так Новиков, вместо ожидаемого дружеского застолья, оказался в президиуме.

Огромный зал был полон. Встречали такими аплодисментами, что казалось еще чуть-чуть и потолок рухнет. Пришлось вместе с остальными долго хлопать в ответ. Новиков смотрел на лица рабочих и потихоньку злость и недовольство всем этим официозом стали куда-то исчезать. "Сколько же вы нас тут ждали? Час? Два? Ведь о времени приезда я точно не сообщал. И видно, что встречают от души, а не по приказу. И встречают не артиста, не поп-диву. Встречают его - командира Красной Армии. Своей армии. Его приветствуют и им гордятся. Как гордились бы своим сыном или братом". Ощущение было непередаваемое. Ну, с чем его сравнить?! Разве что с возвращением в родной дом. Где тебя дружно встречает большая семья.

За последний год, постоянно находясь в части и выбираясь в люди только по необходимости, Новиков невольно подрастерял ощущение этой общности. Знание заменяло чувство. Конечно, он понимал, что вечно гореть невозможно, но и гасить этот священный огонь совсем, подменяя его работой мысли, нельзя. Иначе все, что он пытается сделать станет для ЧЕГО, а не для КОГО. И тогда может настать такой момент, когда цель станет оправдывать любые средства. А на эти грабли мы уже всей страной наступали.

И вот теперь, сидя за столом президиума, он смотрел на эти такие разные и, тем не менее, такие родные лица. Смотрел и пытался, сквозь переполнявшие его эмоции, понять. Как? Как, с таким народом, с такими людьми, мы потеряли свою страну? Неужели воспитанное сейчас доверие народа к власти сыграло с ним, с этим народом, потом страшную шутку? И мы просто не заметили, как нас предали, продали? Не заметили, как постепенно произошла, подмена ценностей. А тех, кто заметил и пытался об этом не то, что кричать, говорить, просто потихоньку убрали. Некоторых физически, а некоторых морально. Тяжело убеждать в своей правоте, когда на тебя всюду вешают ярлыки - "фашист", "националист", последователь "кровавой гегни". Для страны, которая билась с фашизмом насмерть - это было равносильно общественной смерти. Гениальная по своей подлости и беспринципности провокация британских спецслужб и мирового сионизма, приведшая к невиданной ранее кровавой бойне, извратила само понятие - фашизм, и сделала его нарицательным. А ведь если разобраться...

Огосударствление всех сторон жизни посредством создания системы массовых организаций;

Насильственные методы подавления инакомыслия (оппозиции), различных меньшинств, в том числе и сексуальных;

Тотальная система идеологического контроля, направленная на развитие и приумножение нации, сплочения народа под единым идеологическим строем;

Культивация консервативных, националистических идей, цель которых - отстаивание прав и свобод коренного населения;

Вождизм: культ личности дуче, каудильо, вождизм развит в основном по причине единоправия, когда у власти находится один единственный человек, являющийся, по сути, вождем нации, в чьи обязанности входит не только блага правления, но и ответственность перед собственным народом.

Неприятие принципов либеральной демократии. Для фашистской идеологии все эти понятия являются неприемлемыми по причине того, что приводят к развалу государственного строя, раздроблению общества, подмене истории, уничтожению культуры.

Это определение фашизма, Новиков помнил из того, будущего времени. И для себя никак не мог понять, что в этом плохого?! Если бы не война! Да скажи сейчас этому, сидящему в зале народу, это определение власти - и его поддержат единогласно! Для народа, который всю свою историю жил как единый организм, семья - это единственная естественная форма правления и существования. Это принципы, заложенные в основу любой нормальной империи. А Россия - это империя, как её не назови.

А в том мире и времени, в котором он сейчас жил, войны между Германией и Россией быть не должно. Он находил этому подтверждение везде. В газетах и радио, в выступлениях лекторов из политуправления и словах Сталина, в конце - концов, в том, что рядом с ним воевал за Россию немецкий офицер Эрвин Роммель.

Новиков слушал выступавшего сейчас Кирова в пол-уха, отмечал про себя его манеру говорить, резко жестикулируя, часто обращаясь не столько к разуму, сколько к чувствам. Чем-то, это было похоже на манеру выступления Гитлера. Слушал, а самого буквально распирало желание, встать и сказать то о чем сейчас думал и что сейчас чувствовал.

Видимо, сегодня был именно тот редкий день, когда желания начальства и твои совпадают. Киров закончил свое выступление предложением выступить перед рабочими и сотрудниками (служащими?) завода героя-танкиста, майора Новикова.

Под гром аплодисментов, Новикова буквально вынесло к трибуне. Но на секунду замаявшись, он её обогнул и встал перед столом президиума. Хотелось, чтобы его видели все. Так ему было ближе к людям. Он не хотел терять возникшего контакта. Секундный спазм сжал горло.

- Товарищи. - Какое емкое слово! - Ленинградцы. Хочу, низко поклонится вам за ваш труд. Труд, без которого не было бы наших побед. Спасибо, вам, родные вы наши. И самая искренняя благодарность.

Слова давались легко. Они сами рвались из души, из сердца. Простые слова. Простые и понятные всем нормальным людям. О Родине. О семье. О долге перед ними. О том, что нам, всем нам, не дадут жить мирно, как бы мы этого не хотели. Что у нас, у нашего будущего есть враг. Подлый, коварный и беспринципный враг. И что для победы над врагом, для того чтобы иметь возможность жить и трудиться, так как нам хочется, весь наш великий народ должен объединиться. Объединиться вокруг своего вождя, как встарь, когда сначала Русь, а потом и Россию пытались уничтожить, стереть с лица земли. Как бились с хазарами. Как бились с монголами. Как бились с крестоносцами и поляками. Что есть традиция гордая у нашего народа - раньше думать о Родине, а потом о себе. (И да простят невольный плагиат, но если лучше не скажешь?) И мы должны, обязаны перейти от ощущения "я" к ощущению "мы", от прав личности к верности долгу и ответственности перед обществом.

- Это наша Советская Родина. Это наш Советский народ. И мы, бойцы и командиры Красной армии давали клятву - защищать Родину и наш народ не жалея своей крови и самой жизни. Но все наши усилия будут напрасны, если мы не будем знать и чувствовать - за нами весь наш народ. Вы, товарищи. Да здравствует наша великая Родина и её великий народ!

Новиков стоял на краю сцены опустошенный, выжатый как лимон. Так он не уставал никогда, даже в самые тяжелые дни боев в Маньчжурии. А зал молчал. Молчал долгие секунды. А потом... Потом был взрыв. Взрыв рукоплесканий. Новиков смотрел в зал, не отводя глаз, и видел, что он все сделал и сказал правильно. И неважно, что будет дальше. Как отнесутся к его "речи" начальники. Он говорил не для них. Если они достойны быть тем, на что претендуют - новой элитой России, то поймут, а если нет, то и пошли они все. А не захотят идти сами, поможем.

В таком состоянии духа, вновь подобравшийся, словно для предстоящей прямо здесь драки Новиков повернулся к президиуму и был приятно удивлен. Президиум аплодировал вместе со всем залом. Только вот в глазах Кирова промелькнуло что-то этакое. Хотя может быть, ему просто показалось.

Выступавшего последним, директора ОКМО (Опытный конструкторско-машиностроительный отдел) Николая Всеволодовича Барыкова, Новиков уже не слышал. Да и в зале на него тоже не реагировали. Киров, остро чувствующий обстановку, быстренько свернул мероприятие, и, подхватив под локоток Новикова, буквально потащил его к выходу из зала.

Коридоры, лестницы, переходы. Киров шел быстро и уверенно. Сразу заметно, что бывал здесь не один раз и маршрут ему знаком. Короткое путешествие закончилось в кабинете директора завода. Директор, товарищ Сиркен, был вежливо и настойчиво выпровожен за дверь своего собственного кабинета, с напутствием - пройтись по заводу и подольше не возвращаться. На столе временно оккупированного кабинета, словно по волшебству, появились стаканы с ароматным чаем, варенье, вазочка печенья и поднос с бутербродами. Видимо, вкусы начальства здесь знали и к таким визитам были готовы.

Новиков посмотрел на изрядно надоевший ему чай с таким отвращением, что Киров этого просто не мог не заметить.

-Товарищ Новиков. Может, с дороги, чего ни будь покрепче?

От такого предложения Новиков, сейчас, отказаться не мог. Не то было состояние.

-Если возможно, то от чашки кофе и коньяка, я бы не отказался.

Киров, с некоторым удивлением, посмотрел на пьющего кофе с коньяком майора. Но трубку телефона поднял и требуемое заказал.

"А разговор, видимо, предстоит интересный, если такое внимание к моей персоне". - Новиков уже начал оправляться от эмоционально стресса и адекватно реагировать на окружающее.

Киров, между тем, быстро прошелся по кабинету. Остановился напротив Новикова. Посмотрел на него снизу вверх. Тряхнул головой. Жестом показал на оббитый дерматином стул.

-Присаживайтесь. В ногах, как говорится, правды нет.

Сам тоже, с шумом, ножками по полу, выдвинул стул. Сел. По-хозяйски пододвинул к себе блюдо с бутербродами и взял стакан чая.

-Извините, товарищ майор. Но с утра не ел, некогда было. Так что пока вы ждете свой кофе, я тут немного похозяйничаю.

Ел он аккуратно, но, видимо, как и все что делал в своей жизни, смачно. У Новикова даже слюнки потекли и в животе что-то предательски заурчало. Чуть было не пожалел о своем заказе. Но в этот момент дверь в кабинет открылась, и секретарь внесла поднос с благоухающей исходящим паром чашкой кофе и заветной бутылкой коньяка. Именно бутылкой, а не каким-то там графином.

Вот так, под коньяк и кофе, и состоялся довольно длительный и непростой разговор.

Видимо Новиков, правильно ощутил озабоченность Кирова. Суть её была проста. Что прозвучало в выступлении Новикова? Своё собственное мнение? Мнение Сталина? Или позиция Фрунзе? И почему ему, Кирову, об этом не известно?

Новиков не был любителем дворцовых интриг. Если быть до конца точным - он их терпеть не мог. И участвовать в них, без крайней необходимости не собирался. Но сейчас он сам подставился и влез во все это по самые уши. Собственно только теперь, когда эмоции улеглись, до него дошло, какую кашу он заварил. И расхлебывать её придется очень большой ложкой. Хорошо, что удержался и не стал цитировать некоторые положения из предвыборной программы Гитлера. Тогда было бы вообще - туши свет, кидай гранату. А с другой стороны. Что он такого невероятного или провокационного сказал? Если хорошенько подумать, то все основные положения его выступления можно найти в речах и работах товарищей Сталина и Фрунзе. Нужно только напрячь свою память. Хотя и напрягать, особенно не стоит. Вот оно, уже перед глазами. Можно цитировать с точностью до каждой запятой. Ну, держись товарищ Костриков, он же Киров!

И Киров держался. Опыт! А его "не пропьешь". Суть он уловил сразу. И цитаты из неопубликованного еще выступления товарища Сталина, пришлось как нельзя более кстати. Как и намек на то, что собственно никто товарищу Новикову выступать именно так не поручал. Но! Но и ничего самостоятельного он не сказал и не придумал. А чтобы не ставить больше товарища Кирова в неловкое положение, товарищу Новикову следует, как можно больше времени уделить знакомству с работой ОКМО и завода. И желательно оказать ему в этом максимальное содействие, чтобы других вопросов не возникало. Тем более что это явно в интересах товарища первого секретаря обкома. Предвосхитить, так сказать, официальное решение партии и правительства в области развития программы модернизации автобронетанковых сил СССР.

Поговорили. И пришли к полному взаимному пониманию и уважению. Вот только напоследок Киров все-таки сумел удивить Новикова. Да еще как!

Уже прощались, стоя у дверей. И крепко пожимали руки. И тут Киров, задумчиво так, выдает: "Значит все-таки Великая и Неделимая. А я думал, что так и не решатся". И что на такое ответишь? "Виват, империя!?" Хотелось бы. Но только что, с трудом выбравшись из одной ямы, совсем не хотелось угодить в другую. Оставалось, только молча щелкнуть каблуками и откланяться.

А с империей и её славословием - немного подождем. Сталин и сам с усами, как и Фрунзе, кстати.

А отдохнуть сегодня так и не пришлось. В приемной Новикова уже жали. Явно соскучившийся по своему кабинету директор, Гинзбург и Барыков. С Семеном Александровичем обнялись как старые друзья. С остальными еще раз поздоровались и приступили. Нет не к застолью. К вещам куда более прозаическим, но от этого не менее важным и нужным. Обсудили план "экскурсии" по заводу и ОКМО. Начать решили именно с последнего. Все-таки и территория поменьше и людей не так много. А сам завод оставили на потом. Думали, что двух - трех дней хватит. Наивные. И Новиков вместе с ними.

Что в сроках они явно ошиблись, он понял буквально через несколько часов, когда после первых приветствий и представления сотрудникам ОКМО, начал знакомится с его работой. Идеи у народа конечно были. И вполне интересные. Но оформление! Новиков не знал плакать или смеяться, а то, может быть просто, набить морду. Даже не будучи технарем по образованию, но вынужденный с ними долго работать, он поднахватался общих принципов и правил конструкторской работы. И перво-наперво уяснил, что от разработки КБ до производства путь выстлан километрами бумаги и в первую очередь - "техдокументацией". Где прописан каждый этап и действие, со всеми допусками и нормами. А здесь? Это не рабочие чертежи. Это скорее эскизы, предназначенные для ручной сборки и подгонки. Технология не прописана. Все ограничено рекомендациями и предложениями. И что делать с этими предложениями простому работяге?! Короче говоря, Новиков завелся и сорвался. Второй раз за день. Провел полноценный ликбез по устранению конструкторско-технологической безграмотности. И это он то, ставший танкистом всего два года назад и не имеющий технического образования! Но, прокатило. Видимо сыграл свою роль образ "посланца Москвы", которому должно быть известно многое, если не все. Только Гинзбург, во время этого затяжного и временами не совсем литературного монолога, периодически усмехался и с видом непризнанного прорицателя поглядывал на сотрудников отдела. Он-то догадывался, чего можно ожидать. Выпустив пар, Новиков немного успокоился. А чего он хотел? Ведь в реальной истории все так и было. Срыв плана выпуска за первые полгода. Создание специальной комиссии. Последовавшая реорганизация деятельности КБ и всего производства. На это было потрачено почти два года! А зачем их терять? Зачем, когда времени и так не хватает? Придется помочь товарищам. Вправить немного мозги. Чтобы не только парили в своих творческих эмпиреях, но и о производстве думали.

А ведь личности, сейчас внимавшие Новикову, были все больше легендарные.

Лев Сергеевич Троянов. Уникальный конструктор, уже создавший так называемый "триплекс" тяжелых самоходок на гусеничном шасси. Предложивший уникальный проект сверхтяжелого танка, состоявшего из двух полутанков, общей массой в триста тон. Создатель в дальнейшем таких шедевров как Т-50 и самоходок СУ-122 и СУ-152, за работы по ИСам получивший Государственную премию.

Николай Всеволодович Барыков. Работал в опытном КБ Гроде. Принимал участие в разработке и создании его танка, во многом опередившего свое время. Принимал участие в создании Т-28, Т-35, Т-100.

И так далее, по списку. И этих людей учить? Приходится.

Так что вместо приятного знакомства, получился рабочий вечер, да и ночь заодно. Парней видимо проняло и теперь они готовы были рыть землю. Первоначальная скованность прошла и пошла настоящая работа. Пиджаки и френчи свалены на свободный стол, галстуки на спинку стула. В воздухе слои синевато-коричневого табачного дыма вперемежку с дикой смесью технических терминов и русского мата. Новиков, наплевав на всякую скрытность, и так

засветился по полной программе, вываливал на головы благодарных слушателей и бумагу, которая, как известно, все стерпит, свои познания и представления. Правда, слушателям, в отличие от бумаги, приходилось информацию не только вываливать, но и вдалбливать. Стереотип мышления, тем более технического, сломать нелегко. Но дело двигалось и весьма успешно. К утру не только составили план необходимых мероприятий, но и внесли целую кучу изменений в проект и Т-28 и Т-29. Составили список необходимого оборудования для перевооружения производства. Был даже готов эскизный проект танкового орудия, очень напоминавший Грабинскую С-53. И самое главное, изначально, значительно увеличили диаметр башенного погона до 1600мм. и расположили-таки, двигатель поперек. Троянов впал в восторженно-эйфорическое состояние, от подsunутого ему проекта САУ по типу Уралмаш-1, на базе все того же Т-29.

Время летело незаметно. Как известно, счастливые - часов не наблюдают. А они сейчас были счастливы. О наступлении утра рабочего дня все узнали только по протяжному заводскому гудку. Оторвались от бумаг. Растерянно посмотрели друг на друга и на стоявшие в углу часы и, не сговариваясь, вернулись к прерванной работе.

К вечеру народ все же сломался, несмотря на литры выпитого кофе и крепкого до черноты чая. Новиков мог продолжать и дальше, но он уже научился соизмерять свои возможности, и силы тех с кем приходилось работать. Глядя на живописно лежащие, кто на столе, кто на сдвинутых стульях, и совсем не живописно храпящие тела, он торопливо набрасывал в тетради план разработки и создания инженерных машин и средств техобеспечения. В том, что танковый меч для армии они создадут, Новиков не сомневался. Но для меча нужны и ножны и перевязь - это если выражаться образно. А если говорить обычным языком, то нужны тягачи и топливозаправщики. Нужны тралы и мостоукладчики. Нужны машины снабжения и доставки боеприпасов. И для всего этого железного хозяйства - нужна ремонтная база и море запчастей. Конечно, он не собирался вываливать все это на головы бедных конструкторов. Но то, что можно и нужно создать на основе их танка - пусть делают. Делают сразу, а не потом, в дикой и ненужной спешке.

Часа через два народ начал приходить в себя и потихоньку подключаться к работе.

То, что им удалось сделать к утру, можно было смело считать трудовым подвигом. Собственно, Новиков заставил конструкторов ОКМО, за два дня, пройти путь длиной в несколько лет.

Только бы удалось все это реализовать! Лишь бы никто не помешал. Не прокатилась бы по заводам и КБ волна подстав и арестов.

Выблядки иудушки Троцкого! Это ведь их рук было дело. Они целенаправленно губили лучших, чтобы дорваться до власти и не допустить возрождения России. Костью она им встала поперек ненасытного горла. Не давала превратить весь мир в одну большую кормушку, для их мерзкого стада.

Зависть, страх и нечеловеческая злоба к русскому народу и его стране вот их сущность. Зависть к тому, что люди здесь живут по совести, а не по придуманным законам. Страх, что, глядя на нас, так захотят жить и остальные, те, кто еще не потерял это понятие - совесть. Злоба на то, что они сумели подмять под себя почти весь мир, а Россия не только посмела, но и смогла их остановить.

Сейчас Сталин их опередил. Нанес удар первым. Но сколько этих тварей еще осталось! И они

не будут просто прятаться по щелям, ожидая пока за ними придут. Они будут действовать. И теперь, когда у них есть покровители и руководители, там, на Западе. И даже когда этих руководителей не будет. Они по-другому не могут! Они - та самая сказочная нежить. Вампиры или упыри, если по-русски. Твари, живущие только за счет других. Неспособные сами к созиданию, но стремящиеся приписать себе все достижения человечества. Даже Бога они приватизировали! Евреи!

Хотя тут он не прав. Зачем обижать нормальных и честных евреев! Для них Россия стала единственной и любимой родиной. Не кормушкой, а матерью.

А эти, они не евреи - жида! Вот правильное определение. Зараза, пропитавшая собой весь мир. Трупные бактерии. Права была императрица Елизавета! Мудрая правительница. Как там у нее в указе?

"Добавить весьма надобно о пагубнейшей вредоносности жидов, сиречь евреев, наилучше сказать иуд, предателей всесветных, дабы полное изъяснение дать причин их изгнания из России общим определением всех князей русских в 1113 году, а не то доброхотных читателей может ложное мнение о жидях образоваться. Изгнаны они, иуды, из России за великие и злые душегубства убиения ядом лучших людей, людей русских. Распространение отравных зелий и тяжких смертельных заразительных болезней всяческими хитроковарными способами, за разложения, кои они в государственное дело вносят. А поскольку ни совести, ни чести, ни правды у жидов и в помине нет, то впускать их обратно в Россию - деяние, много хуже государственной измены. Маю я, что государство или республика, где жидов зело много, быстро к упадку или гибели придут, понеже или евреев - семена разложения, злопагубного пренебрежения родными обычаями, добрыми нравами повсюду вносят. Особливо опасны они, природные ростовщики-кровососы, тайные убийцы и всегдашние заговорщики для Великой России. Понеже народ Великороссийский самый мужественный на земле, честный и трудолюбивый, но прямодушный и чистосердечный, что немалую помеху к распознаванию жидов, тайных иезуитов и масонов составляет.

Безмерно гостеприимство народа русского. Сим некогда пользовались, а могут и в будущем пользоваться, если мы или потомки наши мудрый Указ 1742 года забвению предадим..."

Ведь было это, было! А потом вдруг стало не политкорректно! Стало нарушением прав человека. А о правах человека тех стран, куда проползли эти незваные, вечно гонимые и обижаемые, кто заботиться будет?! Или они - не люди, как и говорится в самой страшной книге всех времен и народов - Талмуде?

"Не знаю, как у меня получится все задуманное, но этих людей, я в обиду не дам. Даже, если ради этого придется перебить все НКВД и руководство "Тяжпрома" в придачу". - Новиков давал себе самому эту клятву и прекрасно понимал, что если что, то он действительно сделает все возможное и невозможное.

А не подозревающие о таких мыслях конструкторы, чуть ли не за грудки друг друга хватали. Не могли прийти к соглашению о мощности, потребной для работы электрооборудования. Пришлось брать управление в свои огрубевшие от рычагов руки.

Когда на следующий день, Новикова все же вытащили на завод, он, несмотря на свое здоровье, был как в тумане. Правда, туман довольно быстро рассеялся, стоило окунуться в эту атмосферу грохота, визга и скрежета. Директор знал, куда надо вести в первую очередь в механические и сталелитейные цеха. Впечатление феерическое и главное, для непривычного человека, полное отсутствие возможности задавать осмысленные вопросы и получать на них

ответы. Вот только с Новиковым вышла осечка. Его рык перекрыл шум и грохот, как будто их и не было. Пришлось директору в свою очередь напрягать голосовые складки и извилины. Понимая его затруднения Новиков, пошел навстречу и аккуратно выволок директора на свежий воздух. И уже здесь (пропадать, так с музыкой!) устроил ему разбор и выволочку по полной программе. И за организацию производства, и за отсутствие должного внимания к работе ОКМО и так далее по списку. Уже заканчивая свой пространный монолог, заметил, как изменилось лицо директора, и понял, кто-то подошел и слушает этот разговор. И этот кто-то был явно не рядовой сотрудник. Но речь свою не прерывал и высказал все, что думал, до конца. Только после этого повернулся и посмотрел, кто это так напугал директора, что, тот покрылся потом и изрядно взбледнул лицом. Ну конечно, кто же ещё! Сергей Миронович. Собственной персоной. Вот только его сейчас и не хватало.

-Что, товарищ Новиков, учите нашего уважаемого директора товарища Сиркена, как вести производство? А вы, Константин Карлович? Так безропотно отдаете себя на растерзание?

Ответ директора удивил и Кирова и Новикова.

-Почаще бы меня так терзали, товарищ Киров. Со смыслом и пониманием. А то ведь как у нас принято - даешь любой ценой. А как давать, если дело для нас еще невиданное или просто нечем? Да вы и сами это знаете. Сколько раз об этом говорили.

-Значит, товарищ Новиков вас не ругал, а уму-разуму учил?

-Выходит, что так. И поделом!

-Интересно, интересно. А вы товарищи не хотите со мной поделиться? Что вы там такого надумали?

Пришлось Новикову, конечно, в намного более мягкой форме повторить все свои претензии и предложения по реорганизации производства.

Киров слушал внимательно. От первоначальной иронии не осталось и следа. Потребовал некоторых разъяснений. Вынув записную книжку, стал делать какие-то заметки, но остановился и предложил продолжить этот разговор в заводууправлении.

И опять засиделись допоздна. В принципе, со всеми замечаниями и предложениями Новикова и Кирова и Сиркена согласились. Вот только решать проблему налаживания производства новых танков, как оказалось, придется не заводу "Большевик", а "Красному Путиловцу". Решение СНК уже принято и подготовительные работы начаты. Пришлось начинать все сначала, только теперь при поддержке директора и вызванного Барыкова. Что все эти предложения в равной степени относятся и к путиловцам. И что по большому счету не столь суть важно, что именно завод производит, важно правильно организовать этот процесс и обеспечить его всем необходимым. А большей части этого необходимого просто нет. То есть абсолютно. И взять это можно только или у американцев или у немцев. Но лучше у американцев. У них оборудование поновее. Пока, по крайней мере.

И ведь, что интересно, смогли убедить товарища секретаря. И в необходимости расконсервации старого, еще царских времен оборудования. И в созревшей необходимости превращать ОКМО в отдельное опытное производство со своей базой и значительным увеличением штатов. И в необходимости срочной закупки новейших металлообрабатывающих станков. И во многом другом, пусть не столь крупном, но не менее важном.

За всеми этими спорами и разговорами как-то незаметно растаял лед взаимной настороженности и недоверия. Конечно, ни о каких дружеских отношениях между Кировым и Новиковым и речи быть не могло, но вот соратниками и единомышленниками в борьбе за выполнение столь важного для страны задания они, пожалуй, стали. А это было очень даже не мало. Так что, последующие дни, проведенные на Путиловском и других предприятиях Ленинграда, прошли без эксцессов и всяких неприятностей. Если не считать неприятностью то, что Новиков своими глазами увидел - промышленность, даже в таком центре как Ленинград, просто не способна справиться с выпуском сложной новой техники, без коренной реорганизации. Вот и попытайся в таких условиях заниматься прогрессорством. То, что сейчас на заводах был налажен массовый выпуск Т-19, артсистем, прицелов и многого другого было самым настоящим чудом.

Но ведь пройдет всего каких-то четыре - пять лет, и все это изменится! Так было. А теперь, может быть, потребуется и меньше времени. Развалить промышленность страны за четыре, пять лет можно, он этому сам был свидетелем, там, в будущем. Но создать её за это время?! И не просто создать, а вывести на передовые рубежи! На такое не способна ни одна демократия - мать её! На это не способен никакой частный капитал. Сделать такое могла только ВЛАСТЬ, ПОЛЬЗУЮЩАЯСЯ БЕЗГРАНИЧНОЙ ПОДДЕРЖКОЙ НАРОДА. И власть, работающая для народа, а не для кучки олигархов.

Новиков помнил, что в его времени много писали о планах Николая II по модернизации российской экономики. Но планы так и оставались планами. Ни решительности, ни воли императору не хватило. И это при наличии АБСОЛЮТНОЙ власти! Зато Сталину и решимости и воли было не занимать. И было понимание, что стране и её народу, без этого не жить. Сожрут.

Вот только, видимо, ни времени, ни сил не хватило Сталину создать новую элиту государства. Даже не создать - сформировать! Чтобы было на кого рассчитывать в будущем. Чтобы не просрали всё, что с таким нечеловеческим напряжением было создано. Чтобы смогли управлять аппаратом империи, а не подстраивались под него и его потребности. Чтобы было, кому передать или оставить ВЛАСТЬ.

За такими мыслями и делами и пролетела вся Ленинградская командировка. А ведь хотел посмотреть город ещё не испорченный новоделом и не порушенный войной. Хотел походить по заливу под парусом (имел такую страсть ещё со студенческих времен, когда яхт-клубы были доступны любому). Много чего хотел. Но когда спрашивал себя, а променял бы он эти наполненные работой дни на заманчивый отдых - то ответ был один. Никогда! А отдохнуть ещё успеет. Путь домой не близкий. А пока... Пока пора в Москву. Нарком обороны, а именно так со вчерашнего дня надо обращаться к товарищу Фрунзе, ждет с отчетом.

Народный комиссар обороны Союза Советских Социалистических Республик Михаил Васильевич Фрунзе ждал, но и времени не терял. Новиков был еще где-то на полдороги, а перед наркомом уже лежал отчет за подписью начальника управления 4-го отдела РККА товарища Берзина. "Аналитическая справка по результатам наблюдения за объектом "Самурай" ЛБ9". Наверное, Новиков был бы изрядно удивлен не только таким названием, но и тем более содержимым. В справке подробно анализировалось его поведение и все, что он предлагал и делал за время проведенное в Ленинграде.

Собственно вывод, представленный на последних страницах, наркому был уже известен. В предыдущих восьми справках - докладах, он был почти такой же. "Выявленные у объекта сумма знаний и умения не могут быть рационально объяснены, во многом превосходят или

предвосхищают последние научные или технические разработки и не могли быть получены в процессе подготовки и обучения". С этим он уже свылся. Больше наркома интересовали последствия применения этой "суммы знаний и умений" в конкретной обстановке. Не зря он послал Новикова в Ленинград. Ох, не зря.

-Но кто же ты такой, товарищ Новиков? Неужели гость из будущего? Или ты тоже получил оттуда какую-то информацию и сейчас пытаешься её использовать? Может быть, пора поговорить по душам? Не вспугнуть бы только. Не пора ли сообщать о вас Сталину? Похоже пора. Дело начинает выходить далеко за рамки интересов наркомата обороны. Да и возможности Берзина внутри страны сильно ограничены. Придется подключать специалистов из НКВД. Но это как Сталин решит. А может еще подождать?

Слащев

Они сидели друг напротив друга и пытались понять причину и смысл происходящего между ними разговора. Молодой человек в форме командира Красной армии и седоволосый профессор с лохматыми "кайзеровскими" усами. Широко посаженные глаза и длинный крючковатый нос делали профессора похожим на Мефистофеля. Особенно когда он приходил в возбуждение от неожиданных ответов своего собеседника. И ответов таких было много, неожиданно много для человека, которого до встречи профессор посчитал мало что солдафоном, но еще и солдафоном, зараженным большевизмом. Собственно, он не ожидал от беседы ничего для себя полезного и согласился на встречу, только уступив уговорам своей ассистентки. Даже не столько уговорам, сколько из простого любопытства и в знак некоторой признательности за участие в спасении его сотрудников. И вот сейчас, пораженный очередным высказыванием собеседника, профессор откинулся на спинку кресла и постукивал карандашом по потемневшей от времени его дубовой ручке.

-Значит, Вы считаете демократию проявлением слабости власти и признаком гибели государства?

-Не совсем так, профессор. Просто мы с Вами, русские и европейцы, понимаем демократию совершенно по-разному. У нас есть свое понятие, похожее, но не аналогичное демократии. Это народовластие. На первый взгляд разница не очень заметная: власть народа и народная власть. Но смысл отличается очень сильно. В первом случае мы имеем власть, но не знаем, что такое народ. О власти какого народа идет речь? И что есть народ: избиратели или избранные? А во втором случае мы говорим о власти для народа. Для большинства народа. Если большинству народа хорошо - значит власть народная. Слабость власти проявляется в том, что она идет на поводу у меньшинства, которое почему-то решило, что оно лучше других понимает, что именно требуется людям.

-А если ошибается именно большинство? Если большинство просто не в состоянии понять цели и задачи, стоящие перед властью. И меньшинство знает, как это исправить.

-Исправить что, профессор? Мы говорим о целях, которые ставит перед собой государство. О государственной идее. А её задает именно власть, а не непонятно откуда взявшиеся советчики. Если, например, Ваши мысли о геополитике помогают власти в определении цели, значит, Вы имеете полное право быть влиятельным и уважаемым в государстве человеком. Но вся ответственность лежит только и исключительно на власти и на её лидерах. Именно они решают, принять Ваши идеи или нет. И именно они отвечают за результат. А как можно за что-то отвечать, если твой срок исполнения обязанностей властителя четыре или пять лет? Не

получилось или получилось не так, как хотелось, срок кончился и ты, бывший вождь страны и народа свободен и ни за что ни в ответе? И почему при демократии меньшинство, к которому прислушивается власть, состоит из продажных алчных моральных уродцев, ставящих превыше всего личное благополучие? Пока Рим был империей - он строил города и дороги, а как только превратился в республику с выборным сенатом - начал строить цирки для развлечения плебса. А закончил развалинами после прихода гуннов.

-Значит - империя. Вы странный молодой человек. Вы практически не жили в империи, но понимаете её назначение. Да, именно император ответственен за всё. Император и советники, которых он избирает сам. А если император слаб и нерешителен? Не означает ли это гибель империи и государства в целом? Демократический механизм позволяет менять неудачного правителя по результатам правления. Чем и привлекательна демократия. А смена императора равносильна государственной измене. Династические проблемы сложны, неоднозначны и нередко приводили к тяжелым последствиям. Но скажите, откуда Вы так много знаете об империи? Разве советские власти не категорические противники монархий? Или Вам специально разрешено вести подобные разговоры?

-Профессор, профессор. Не нужно видеть в каждом русском агента НКВД. Советские власти не против монархий вообще. Они против тех монархий, которые выступают противниками России и заинтересованы в её гибели. А разве таких "заинтересованных" нет среди стран так называемой демократии? Сегодня Россия и Германия находятся в похожем положении - страны изгой. Германия потому, что проиграла войну. А Россия потому, что сбросила никчемного царя и выгнала вон его советников, отказавшись плясать под дудку "советников" европейских. Но самое неприятное для них, это то, что советские власти выгнали и новых "советников", ради которых всё это и затевалось. Россия не захотела поступиться своими интересами в угоду интересам стран, непонятно на каком основании считающих себя основателями и центрами цивилизации, считающих себя цивилизованными.

-Так, так, так. Вы отказываете англо-саксонскому миру в праве именоваться цивилизацией. Что позволяет Вам так считать, позвольте узнать? Как я уже успел убедиться, мою позицию в этом вопросе Вы знаете. И мне, потратившему на свою работу не один десяток лет, очень любопытно, как к похожим выводам пришел совсем еще молодой человек. Какое именно явление в европейской жизни позволяет Вам усомниться в цивилизованности англо-саксонского мира?

-Ростовщичество, профессор. Когда ростовщик, названный благозвучным словом "банкир", начинает определять правила и нормы жизни - человеческая жизнь заканчивается. Миром начинают править деньги. Деньги, для которых нет таких понятий как честь, совесть, верность. Есть только выгода. Мне рассказывали, что в САСШ даже есть такая поговорка: "Ничего личного, это только бизнес".

-Любопытно, не приходилось слышать. Но весьма показательно, должен заметить, Вы согласны? И здесь мы переходим к главному вопросу. Сами по себе деньги не являются злом. Они всего лишь мера количества и качества человеческого труда. Но когда целью денег становится получение просто большего их количества, любой ценой, замечу, мы получаем в обществе нарыв, который может привести к гибели всего человечества. И спросите себя, молодой человек, представители какого народа превратили деньги из средства развития в средство наживы? Любыми средствами, повторюсь. Многие мои сотрудники на разделяют мои мысли по этому поводу, но я с каждым разом всё больше и больше убеждаюсь в своей правоте.

-Позволю себе дополнить Вас, профессор. Именно превратив деньги в средство наживы, представители этого народа получили возможность покупать и избирателей и избранные ими

правительства. В чем и заключается главная болезнь так называемой демократии. Именно поэтому я и считаю западную демократию главным врагом человечества. Купленное правительство отвечает только перед своими покупателями, но ни в коем случае не перед народом, который его якобы избрал. Вот как угодно, профессор, но это не демократия, а просто лавка ростовщика. Но согласитесь, что подобное безобразие совершенно немыслимо при империи. Разве император, если он, простите, не идиот, позволит кому-то покупать свой народ и своих представителей на местах? Нет. Именно император заинтересован в настоящей демократии, когда народ на местах избирает своих начальников, отвечающих не только перед императором, но и перед самим народом. А императору остается только следить за тем, чтобы его народ был доволен. Наглядно наказывая зарвавшихся и проворовавшихся местных начальников, которыми окажется недоволен народ. Ответственность перед императором и народом естественное условие, отгоняющее от власти ростовщиков и выдвигающее во власть достойных народных представителей.

-И всё-таки, молодой человек, я никак не могу понять, каким образом Вы так хорошо смогли разобраться в весьма непростых понятиях, вызывающих большие трудности у многих умудренных годами людей. Вряд ли этому учат в военных заведениях, а для школьных занятий это весьма сложные предметы. И уж, простите меня, ни в коем случае я не могу после рассказов своих сотрудников, считать Вас просто переодетым в военную форму выпускником университета.

-А что Вас так удивляет, профессор? Это так называемой демократии важно, чтобы люди превратились в нерассуждающих болванчиков, которым интересны только пиво с сосисками и длина ног Марлен Дитрих. Нет, я совершенно ничего против этого не имею. Особенно против ног, знаете ли. Но в первую очередь человек должен думать. Думать о тех самых главных проблемах и целях, которые ставит перед народом разумная власть. Если цель достойна человека разумного, ничто и никто не помешает человеку думать над путями её достижения. Даже мне, человеку военному, можно найти для этого и место и время. И советская власть создает сегодня все условия для того, чтобы нашлись и место и время. Было бы желание. Руководители России, освободившись от навязанных им "советчиков", очень заинтересованы в том, чтобы такое желание "думать" возникало у как можно большего количества людей. Причина такого интереса власти очень проста, профессор. Человека, понявшего и признавшего задачи, которые ставит власть, нет нужды заставлять что-то делать. Он сам, своей волей, возьмется за самое сложное дело и преодолет все трудности. Разве сегодня в Германии иначе? Поставлена достойная цель - преодолеть последствия военного поражения и восстановить ослабленное государство, удушаемое навязанными условиями так называемого мира. И что, разве многих честных немцев приходится заставлять трудиться на благо Германии?

-Теперь уже нет. После вакханалии Веймарской демократии, когда в стране пировали слетевшиеся как вороны ростовщики, твердая политика новой власти вызывает понимание немецкого народа. Кстати замечу, что новые силы пришли к власти вполне демократическим путём. Не без помощи Советского Союза, но тем не менее. Что возразите, молодой человек?

-Ровным счетом ничего, профессор. В жизни случается всякое, это Вы лучше меня знаете. Уверен только в одном, что германскому народу будет очень нехорошо, если на следующих выборах к власти придут те, кому очень дорога дружба английских ростовщиков. Ведь Вы прекрасно понимаете, что выборы штука непредсказуемая. Вам известен способ избежать этого?

-Только один, молодой человек, только один. Если у германского народа появится фюрер.

Вождь нации из числа новой власти, которую сегодня принимает большинство немцев. И который не позволит растерять единство и сплочение народа. Который вместе со своими товарищами по борьбе не позволит английской плутократии использовать германскую нацию в интересах мировых денежных мешков. Точно так же, как это не позволил сделать вождь русского народа Сталин. И этим мы очень близки, немцы и русские. Нас всегда пытаются использовать в чуждых нам интересах. А когда мы говорим "Нет" и начинаем заниматься собственными проблемами, сразу обвиняют во всех смертных грехах. Не согласны?

-Отчего же, профессор? У нас в стране многие знают Ваши слова: "Евразию невозможно задушить, пока два самых крупных её народа - немцы и русские - всячески стремятся избежать междоусобного конфликта...: это аксиома европейской политики". А если в орбиту нашей дружбы войдет Япония, случится самый страшный кошмар англо-саксонского мира. Мира ростовщиков и продажных политиков. Мира без чести, совести, долга и морали. Мира, где правит только прибыль. И мне страшно представить, профессор, если этот мир победит. Я не смог бы жить в таком мире и я не хочу, чтобы возникла сама возможность такого развития событий. И разве западные демократии именно к этому не стремятся? Пытаясь сравнить два народа, которым, вообще говоря, нечего делить. Я видел Ваши карты, профессор. Карты жизненных пространств. Они не вызывают у меня никакого протеста. И если издаваемый Вами журнал свободно доступен в наших библиотеках, значит они не вызывают возражений и у наших властей. И я уверен, что вожди русского и немецкого народов смогут договориться к пользе и благу наших народов. И вопреки желающим нас посорить "великим европейским державам".

Через час после состоявшегося разговора, оставив Ольгу, настоявшую на встрече с профессором, заниматься своими служебными обязанностями, Слащев в компании Риттера, присутствовавшего при состоявшейся беседе, расположился за столиком открытого кафе. Вдыхая терпкий запах бразильского кофе вперемешку со сладковатым запахом липового цвета, "липовая улица" как-никак, он прокручивал в голове состоявшийся разговор. Вопросов было больше чем ответов, но общий тон и направленность разговора ему нравились. Да и задумчиво - отстраненная физиономия Отто говорила о многом.

Слащев помнил из "прошлой" жизни, что именно Хаусхофер был одним из тех, кто формировал мировоззрение Адольфа Алоизовича. Как в политике, так и в, скажем так, обычной жизни. Ему был обязан Гитлер поиском жизненного пространства на Востоке, в России. Видимо, "орды азиатских большевиков" представлялись профессору большей опасностью, чем английские плутократы. А получив жизненное пространство, можно было уже думать и об "окончательном решении еврейского вопроса".

Ошибся профессор, не сумел понять всю опасность и подлость "просвещенного" Запада, сумевшего в очередной раз заработать на крови и муках двух народов.

И вот сегодня Слащев понял, насколько сильно изменилась политика. Новой России нет дела до мировой революции и "пролетариев всех стран". Её интересует только собственный народ и его друзья. Изменилось само понятие "жизненное пространство на Востоке", это уже не территория, которую надо оккупировать и присоединить к Германии. Теперь это страна, которая является "естественным историческим союзником и надеждой Германии". Страна, основу которой составляет братский по духу и крови народ. Профессор прекрасно понимает, что главный враг Германии не на Востоке, а на Западе. За Проливом, на островах. И дальше, за океаном. Пришло понимание того, что России надоело поганое европейское болото. И постоянная угроза её существованию со стороны этого болта. Но, в Европе есть Германия, и советская Россия несколько не будет возражать и даже готова помочь, если Германия установит там свой разумный немецкий порядок. И будет только справедливо, если

европейский обыватель растрясет свой жирок на благо немецкого народа. Главное, чтобы извечный враг России и Германии - Британская империя, и на этот раз не ушла от ответа за свои преступления. И если профессор сумеет донести подобные взгляды до нового руководства Германии, есть основания считать, что второй мировой не будет. Хотя нет, будет. Обязательно будет. Не смирятся ростовщики с потерей такого гешефта, не простят, не сумеют простить потерю прибыли, поскольку это не в их природе. Но это будет совсем другая война, и победитель в ней будет совсем другой. Точнее, проигравший, и Слащев совершенно точно знал, кто именно. Осинový кол ему в гроб!

-И как тебе профессор, Александр? - спросил очнувшийся от раздумий Риттер.

-Чрезвычайно рассудительный и умный человек. Одно слово - профессор. После беседы с таким человеком понимаешь, как мало ты еще знаешь и как много тебе еще нужно узнать. Узнать и понять, чтобы не наделать ошибок. Особенно непоправимых, а в большой политике все ошибки непоправимы. Ошибки, особенно обидные, когда после первых и очевидных успехов ты получаешь чужой флаг над своей столицей. Значит это только одно - ты плохо выучил свой урок, или слушал не тех учителей. Тебе какой вариант больше нравится?

-Никакой, если я увижу над Берлином чужой флаг. Мне больше нравится правильный учитель и выученный урок. Тогда я увижу немецкий флаг над Лондоном. Должен тебе сказать, Александр, что на профессора ты произвел впечатление. Наша служба давно с ним работает в контакте, поэтому я хорошо его изучил. Знаешь, наша первая с ним беседа продолжалась ровно двадцать минут. После чего профессор заявил, что не смеет меня задерживать, у него много работы. И только через год я удостоился обстоятельного разговора. А на тебя он потратил почти два часа и еще просил заходить.

-И какой вывод из этого следует? Поясни, если не сложно. Я плохо разбираюсь в Ваших внутренних делах.

-Видишь ли, Алекс. Мы посчитали необходимым представить тебя профессору как обычного пехотного офицера. Не за чем гражданскому человеку знать все наши тонкости, верно? И вдруг выясняется, что этот обычный пехотный офицер имеет очень серьезные представления о такой материи, как геополитика. Есть от чего прийти в недоумение. Меня ты, кстати, тоже удивил, не ожидал. И если такое представление о сложнейших вещах имеет обычный человек, значит намерения властей, которым он служит, серьезны и честны. А это очень много значит, согласись.

-Даже и буду спорить, Отто. Благодарю за разъяснение. Всё верно. По тому, что представляет из себя обычный служащий, не важно - гражданский или военный, можно очень точно понять, что представляет из себя власть, которой они служат. Если чиновник - вор и взяточник, а вместо тюрьмы получает повышение по службе, значит и власть состоит из таких же воров. И стоит крепко задуматься, а стоит ли с такой властью иметь дело. Верно? И как, прошел я проверку на соответствие?

-Ты, Алекс, её давно прошел. Еще во время нашей первой встречи. Когда не стал добивать меня, а согласился признать своё поражение. Просто я очень хорошо знаю, как в подобной ситуации поступил бы англичанин. Лично сам видел в Скапа-Флоу. Когда по приказу Людвига фон Рейтера и с согласия экипажей на линкорах открыли кингстоны - "Гибель лучше плена" - я жалел только об одном. Что у меня нет хоть какого-то оружия. Английские ублюдки расстреливали наших тонущих моряков из всего, из чего только было можно. Топили тральщиками, разрубая на куски винтами. А нас держали под прицелами пулеметов в бараке и единственное, что мы могли, только наблюдать эту картину в окна.

-Понимаю, Отто. И знаешь, я верю, что придет время и в Скапа-Флоу появится памятник отважным морякам - героям. Огромный величественный монумент и к нему будут водить молодых людей, чтобы они поучились, как нужно и должно любить свою Родину. Только настоящий воин способен понять и оценить самопожертвование других. И только настоящий воин не ищет выгоды в служении Отечеству.

-Благодарю тебя, Алекс. Я знаю, что ты говоришь искренне, и ценю это. Правильно сказал профессор, что наши народы очень близки. Мы еще не заражены плесенью ростовщичества и потому ценим доблесть и честь. Но я вижу, что ты чем-то озабочен. Я могу помочь?

-Да, Отто. Есть одна проблема. Скажи, на Берлинском телеграфе сложно получить заказное письмо? Я совершенно не знаю Ваших порядков. Перед отъездом мне сказали, что в личной ячейке лежит личный дневник моего отца, а он очень хотел бы получить его. Ну, ты понимаешь, впечатления молодости, мысли, воспоминания. Шифр и пароль я знаю. Поможешь?

-Никаких проблем. Можем проехать хоть сейчас. Едем?

Александр соврал только на счет принадлежности дневника. В один из дней, оказавшись в районе Берлинского телеграфа, он решил проверить запасной вариант связи, который они обговорили до ухода. Основной был в Москве, но поскольку Фриц собирался в Германию, то "все дороги ведут через Берлин". Рано или поздно, так или иначе, но кто-то из них должен был здесь оказаться. Случилось ему. И на огромной стеклянной стене объявлений он прочитал среди множества прочих объявлений одно коротенькое. Предлагавшее лицам, заинтересованным в приобретении пианино "Токатта", обращаться по адресу. Цифры адреса являлись кодом персональной ячейки, а пароль на получение они обговорили еще там, до ухода. "RUNESDA" - "РУССКИЕ НЕ СДАЮТСЯ". Просто и понятно. Для них. В ячейке действительно оказался дневник, что было не удивительно - Фриц всегда и всё записывал только в толстые тетради. Даже если для записей требовалось всего пара листов. Назвав пароль дежурному почтовому чиновнику, Слащев, чтобы не создавать ненужных проблем, предоставил Риттеру право достать и развернуть содержимое ячейки. Разорвав плотный пакет и быстро пролистнув толстую тетрадь, Риттер с понимающей улыбкой протянул её Слащеву. Приличия были соблюдены.

Любая командировка, даже самая приятная, полезная и познавательная имеет свойство заканчиваться. Нанеся положенный протокольный визит в советское полпредство, Слащев получил на руки проездные документы и готовился к отъезду. Обрато с согласия командования он должен был плыть на круизном лайнере до Ленинграда. Польша в очередной раз взбрыкнула и нарываться на неприятности, пользуясь железнодорожным сообщением по её территории, командование посчитало излишним. На всех пассажиров дипломатической неприкосновенности не напасешься, да и с ней сумасшедшие поляки могли не посчитаться. Были прецеденты. И планировавшие командировку люди, зная взрывной характер Слащева, решили не превращать раньше времени Польшу в поле боя. Поляки и так нагтели не по дням, а по часам. Особенно их нахальство усилилось после того, как Англия заявила в Лиге наций протест против "немотивированной агрессии России против независимого польского государства". Выпустив в очередной рейд банду Булак-Балаховича, поляки как всегда сделали вид, что ничего не знают. И были сильно удивлены и напуганы, когда пограничники вместе с подошедшими кавалеристами не только раздолбали банду, но и наплевав на границу, гнали её до тех пор, пока не уничтожили полностью. Самого "атамана", зарубленного в бою, вместе с

трупам бандитов и собранным оружием увезли, шуганув между делом польских пограничников, вздумавших помешать возвращению. Так что обстановка на советско-польской границе была не самая дружелюбная и спокойствие при возвращении вполне искупало лишние два дня пути.

Нельзя сказать, что этот шикарный круизный теплоход произвёл на Слащева какое-то особенное впечатление. Видали, как говорится, и покруче. Хотя комфорт поездки само собой запомнился. Не столько самим комфортом, сколько пониманием того, что советская власть заботится о том, какое впечатление граждане страны произведут на избалованных роскошью скучающих буржуев. Ездят за границу по делам немногие, что понятно - дел на Родине столько, что за всю жизнь не переделать. Но уж если занесла нелегкая, будь добр престиж страны не уронить, чтобы злые языки зря не молотили про "нищую Россию". Скучающий европейский обыватель судит о стране по её представителям, и если он видит перед собой спокойного, уверенного и солидного господина, то и отношение к стране будет соответствующим. Ну а если "русский" выглядит вечно пьяным, вороватым дебилом, плюющим на всё и всех, но зато не считающим деньги, какого еще отношения он может заслуживать, кроме как к "дикому азиатскому варвару"? На самого этого дебила наплевать, но точно таким же становится отношение и к стране, как к "азиатской и варварской". А разве Россия этого заслуживает? Если власть проявляет безразличие к этому моменту, значит и воспринимает она Россию не как Родину, а как "эту страну" - временное пристанище, которое можно и должно ободрать как липку и бросить к чертовой матери. Но это еще, как говорится, пол беды. А вот когда подобное безразличие начинает проявлять сам народ, живущий в России, тогда совсем беда. И с этой бедой страна имеет все шансы не выжить вообще - некому окажется защитить её честь и достоинство. Страна без чести и достоинства - труп, и политический и экономический. Как бы ни пыжились доказать обратное так называемые власти.

Взбудораженный этими мыслями, Слащев старался редко выходить из каюты. Да и куда особенно выходить? Кроме него на теплоходе плыли еще несколько советских граждан - торговый представитель во Франции, пара каких-то чинов из МИДа и возвращающийся на Родину инженер, бывший в командировке в Киле на судостроительном заводе. С ними познакомился и завалился почти безвылазно в каюте, благо сервис обслуживания позволял заказывать обеды-ужины прямо к себе. На красного дерева резном столе перед иллюминатором лежал дневник Фрица, и Слащев никак не мог заставить себя открыть его. Кружил, как кот вокруг сметаны. Черт его знает, ведь вот же он - привет от старого друга и товарища, привет из прошлого будущего, а никак не решиться. Взяв себя в руки, Слащев устроился на диване и открыл толстую коричневую обложку.

"Здорово братцы! Я не знаю, кто из Вас будет читать это моё послание. Поэтому пишу для всех. "Во первых строках своего письма спешу сообщить, что жив и здоров, хотя шишек набил преизрядно, чего и Вам желаю". Тьфу ты, прости господи, нервы. Не шишек, конечно, желаю, а пребывания в добром здравии. Ну, а если серьезно, то, во-первых, хочу перед всеми Вами покаяться. Я изменил объект воздействия. Сам, не поставив никого из Вас в известие. Уверен, Вы меня поймете и простите, когда узнаете то, что мне известно сегодня. Когда мы с Вами выбирали объект воздействия в Германии, вариантов было два - Тельман или Штрассер. И я подумал, что если у Вас в России все пройдет, как мы задумали, то проблемы с Тельманом не будет. Вообще. Он честный немец, патриот Германии, коммунист и сталинист. И если ему перестанет капать на мозги Коминтерн, в гробу он видал эту мировую революцию. И, как видите, я оказался прав. Ну, а Штрассер... Ребята, если в Германии есть Гитлер - Штрассер не катит. Помните, мы много спорили о том, чтобы такое с Гитлером сотворить, чтобы вывести его из игры? Почему, спросите себя? Потому, что, не смотря на всё то зло, которое он принес в наше время всем нам, всей России, он был личностью. Личностью не простой, неординарной и,

если по Гумилёву, пассионарной. Лёха, не бей меня сильно, когда встретимся, но Гитлер - это немецкий Ленин. И без такой фигуры предотвратить гибель Германии после Версаля нельзя. У Тельмана "харизма" тоже дай бог каждому, и он вполне мог бы повести за собой Германию. Если получится нейтрализовать этот чертов Коминтерн. А если нет? Что, если все пойдет по старому сценарию? Я не хочу, чтобы немцы и русские снова убивали друг друга, как это было в нашей истории. Поэтому я переключился на Гитлера...

И в первой же попытке разбил себе виртуальную морду вдребезги. Как если бы с разбегу вмазался в стену. Помните, у меня за день до ухода жутко разболелась голова? Вы меня тогда еще коньячком полечили. Вот, это самое оно. Как бы Вам это описать? Собственно, до домена Гитлера я тогда не пробился. Почувствовать я его почувствовал, а прикоснуться не получилось. Словно что-то отталкивало постоянно. Какая-то непонятная завеса, преграда, барьер. Лечение Ваше мне тогда здорово помогло. Хотя тебе, Малыш, я "фрицевскую тушку" никогда не прощу! Думаешь, я не слышал ничего? Морда ты свиножья!..

Вот так, тихонько и легонько я мимо этих клякс посторонних и протиснулся. Понятно, что кардинально изменить что-то было невозможно. Было чувство, что если сильно на объект воздействовать, то эти кляксы его просто сожрут. Поэтому я скинул только картинку штурма Берлина и пару эпизодов из "Освобождения". Ну, где "хреновато тут у Вас" и "фюрер должен уйти как солдат". Думаю, сработало. Братцы, а знаете, из-за чего у Гитлера нелюбовь к славянам возникла? Да из-за педрилы Рёдля. Для русской армии его деятельность полезной была, не спорю. На войне как на войне. Но когда Гитлер узнал, что потерял своих боевых товарищей и сам был ранен из-за предательства славянина, тут-то эта "любовь" и возникла. Ведь пидор этот жидовский под славянина маскировался...

Картинку показал, как Сталин от рёдлей отбивается. В начале один, потом с товарищами. Как вышвыривают они рёдлей из страны, как строить всё заново начинают. Думаю, когда Гитлер почувствует это родство душ в ненависти к жидовствующей сволочи, он перестанет воспринимать Сталина как их марионетку. А зачем ему тогда иметь дело с английскими плутократами, когда почти рядом есть товарищи по борьбе?..

Теперь о настоящем. Служу я в ведомстве "Олега Табакова". Он пока еще молодой, но уже перспективный. Так что кое-какие возможности имеются. Гажу нашим заклятым друзьям со всем удовольствием...

Рыбный! Я своё слово сдержал. Может быть Вы, ребята, еще не в курсе, но специальной теории относительности не будет. Вместо неё "могучая кучка" - Планк, Пуанкаре, Зеeman и Бор - создали практическую теорию относительности. Не заумствования хрен знает о чем, а практическую, мужики. Сейчас теорией поля занимаются. И они её сделают, будьте уверены, потому что никакая херь вроде СТО и ОТО им не мешает. Вкупе с "гениальными физиками". Мужики! Они к антиграву подходят, представьте! Понятно, что до практики пока еще как до Луны пешком, но тем не менее. Я не знаю, где сейчас Рыбный и кто, но он должен об этом знать. И еще. Скорее всего, смогу вытащить в Германию Ферми. А это значит, что нужно шепнуть кому-то наверху в Союзе, что атомной проблемой нужно начинать заниматься уже сейчас"...

Отложив дневник в сторону, Слащев поднялся с дивана и заходил кругами по каюте. Налил в хрустальный стакан газированной воды из сифона и выпил маленькими глотками. Подошел к иллюминатору и остановился возле него, покачиваясь с носков на пятки. "Значит, Фриц на месте. И работает. Гитлер, стало быть... Ну, может быть и правильно, Фрицу виднее. А вот

Рыбный где? Надо будет у инженерных ребят поспрашивать - нет ли где шороху сомнительного. Рыбный же как носорог упёртый поперет. А на авторитеты он всегда плевал, поэтому обязательно засветится. Не загремел бы только, лось поволжский. Под фанфары, как говорится".

Это посещение "северной столицы" оказалось, как впрочем и всегда, богатым на события. И приятными и полезными. Из приятных был визит и личное знакомство с семьей Солдатовых. И особенно с её старейшиной Солдатовым - старшим. Яков Саввич оказался замечательным корабельным механиком, специалистом по турбинам. Произведенный "по механическому отделу в младшие инженеры - механики" 2.10.1877 года, он застал русско-японскую войну в должности трюмного механика, помощник старшего инженер-механика на легендарном "Варяге". И именно его подпись стояла первой, как младшего по чину, под документом, который засвидетельствовал для истории гибель геройского корабля:

"Акт свидетельства командира и офицеров крейсера 1-го ранга "Варяг" 27 января 1904 года.

Мы, нижеподписавшиеся, сим свидетельствуем, что сего числа, вернувшись после часового боя с японской эскадрой, на рейд для исправления повреждений, чтобы иметь возможность возобновить бой, пришли к заключению, что крейсер не может быть исправлен судовыми средствами настолько, чтобы возобновить бой в тот же день, а потому решили уничтожить его, так как в противном случае им мог завладеть неприятель, угрожавший в четыре часа пополудни войти на рейд и овладеть крейсером - одержать легкую победу.

На основании сего общим собранием офицеров решили уничтожить крейсер. По свозу раненых и команды были открыты кингстоны, и крейсер в 6 часов 10 минут затонул".

За этот бой, в котором молодой морской инженер проявил доблесть и героизм, он был награжден Георгиевским крестом.

Представившись и передав подготовленные Ольгой подарки, Александр рассмеялся на "молодого человека из хорошей семьи", как его охарактеризовала пожилая няня солдатских детей, живущая с Солдатовыми на правах члена семьи, и дал обещание "навестить старика на рюмку чая". Отказываться не хотелось, тем более, что вечер был свободным. Этот вечер оказался еще и полезным - отряд пополнился еще одним бойцом. И как часто и случалось - без приключений. Потом, по дороге в расположение отряда, Антон Козинцев рассказал ему свою историю. Довольно типичную для того времени.

Как и многие его сверстники был Козинцев беспризорником. Сбежав из спецшколы, приткнулся к банде Бирюка. Бирюк был ничего себе главарь: о людях своих заботился, давал жить. Была даже какая-то дружба в банде. Беспризорнику Козинцеву она напоминала семью. В этот раз собрались они взять богатую хату на "гоп-стоп". Филин говорил, что в ней живет какой-то еще царский барыга. Подошли, приготовились. Откуда появился этот черт, никто не заметил. Маныч уже фомку достал и к двери подошел. Успел только засунуть ее под дверной косяк и улетел на нижний этаж. Медведеподобный Бирюк выхватил финку, развернулся и с разбитым горлом упал на лестничную площадку. Психованный Филин завизжал как припадочный, рванул рубаху и упал рядом. Успевший достать наган Гвоздь, которого боялись все фраера в округе, умер стоя, на успев ничего понять. Потому что неизвестный ударом ноги буквально вбил ему грудную клетку внутрь. Козинцев отступил к стене, выставил кулаки и приготовился умереть. А неизвестный (хотя какой он уже неизвестный, познакомились) подошел к нему и сказал.

-Помоги своим. А я пойду милицию вызову.

Почему он не сбежал, Козинцев сам себе объяснить не мог. Возможность была, но он остался и постарался, как умел, помочь своим еще живым подельникам. И именно это отметил вернувшийся Слащев.

-Молодец, остался человеком. Своих бросать нельзя, какими бы они не были.

Через день после бурного, на грани мордобоя, разговора с начальником Василеостровской милиции Слащев вывел Козинцева из камеры и сделал предложение, от которого мог отказаться только клинический идиот. А уж кем-кем, а идиотом Козинцев не был.

Лето подходило к концу, а вместе с ним и очередной этап отрядной боевой подготовки. На этот раз парашютной. Дни стояли солнечные и тёплые, изредка прерываемые короткими, но сильными дождями. "Грибными", как считал Слащев. Грибов на самом деле было много, даже на летном поле по утрам можно было найти стайки молодых молочных груздей. Отрядный повар был этому только рад, "изобретая" новые блюда, чтобы разнообразить меню. Как шутил Блюхер - "Скоро бойцы морду не от пшенки воротить начнут, а от грибочков". Вообще говоря, грибы никак не могли входить в пищевой рацион бойцов, не имели права, так сказать, "во избежание отравления". Но Слащев, вывернув на изнанку повара и попросив помощи у местных деревенских жителей, разрешил. И, как и положено хорошему командиру, пробу с каждого блюда снимал лично. Во избежание этого самого "избежания".

Парашютная подготовка дело не простое. Тут тренируйся - не тренируйся, но когда отрабатывается высадка в сложных условиях, например на лес, травмы и ранения неизбежны. Навестив в госпитале пострадавших бойцов, Слащев возвращался на аэродром, где под руководством Блюхера бойцы изучали укладку парашютов. Когда миновал проходную, увидел на летном поле странную картину - в самом центре поля расположились по линейке весьма странные летательные аппараты. Не то чтобы их вид был особенно непривычен, но после штатных ТБ-3 и легких Р-5 он никак не ожидал увидеть в расположении боевой части такое разнообразие.

-Это что тут за цирк такой? - спросил Слащев у дежурного по аэродрому, с которым они вместе вышли из КПП.

-Ты что, не слышал? Агитационная эскадрилья прилетела. Три дня назад сообщали - "Комсомолец на самолет".

-Ничего себе! И что, теперь полетов не будет? Я же только начал на лес высаживаться. С "Батей" Вашим чуть голос не потерял, пока лимит на прыжки выбил. А теперь что?

-Слышали, слышали. У "Бати" глотка луженная, мотор перекричит, но и у тебя голосина ничего так. Слышная. Почему не будет? Нам подготовку никто не отменял. Переходим на вторую полосу, дальнюю. Так что можешь орлов своих дальше дрючить. Кстати, посмотреть на аппараты не интересуешься? Там очень любопытные экземпляры есть.

-Сейчас гляну как там, у зама дела и обязательно посмотрю. Чья эскадрилья, кстати, не в курсе?

-Сборная. Тут и наши лётные конструкторы есть и изобретатели-самоучки.

Через час Слащев неторопливо прохаживался вдоль стоящих в линию экспериментальных летательных аппаратов. Внимательно и с любопытством рассматривал машины, многие из которых он видел только на рисунках. И удивлялся прихотливости, и изобретательности человеческой мысли. Возле одного аппарата он задержался надолго. Аппарат представлял собой длинную и узкую решетчатую конструкцию, в центре которой были видны кресло пилота и установленный за ним двигатель. Над конструкцией располагались длинные и широкие лопасти винта, и по паре маленьких винтов, на носу и корме. Два легких колеса на тележке в центре и еще одно, маленькое в хвостовой части. На табличке, укрепленной на носу аппарата, было написано: "Экспериментальный вертолет ЦАГИ-1ЭА".

-Чем Вас так заинтересовала эта машина, товарищ капитан?

Слащев обернулся. Перед ним стоял среднего роста широкоплечий человек средних лет в расстегнутой кожаной летной куртке. На кожаной фуражке с красной звездой выделялись круглые очки-консервы.

-А Вы, собственно...

-А я, собственно, конструктор этой машины. Позвольте рекомендоваться: Черёмухин Алексей Михайлович. С кем имею?

-Капитан Слащев. Яков Александрович.

-Так чем, Яков Александрович, Вас так заинтересовала эта машина? Я немного наблюдал за Вами - возле остальных экземпляров Вы минут по десять задерживались, а у моей машины уже более получаса находитесь. Согласитесь, законное с моей стороны любопытство.

-Более чем, Алексей Михайлович, более чем. А заинтересовало меня вот что. Сколько я понимаю, Ваша машина предназначена для вертикального взлёта и посадки. А установленные сзади и спереди винты позволяют горизонтальный полет. Верно?

-Верно. А в прошлом году, как раз в августе, на этом аппарате был установлен мировой рекорд для вертолетов - 605 метров. В 34 раза больше, чем удалось итальянцам, представляете!

-Алексей Михайлович, а почему Вы называете свою машину вертолетом? Насколько мне известно, еще в 29-м году конструктор Камов предложил более русское название - вертолет. Правда, применил он его к автожиру "КАСКР-1", а это совсем другая машина, на вертолет мало похожая, совсем другой принцип полета.

-Честно говоря, я не ожидал встретить здесь человека, который был бы в курсе нашей работы. Вертолеты и автожиры рассматриваются пока просто как игрушки конструкторов. Да и то, по большей части потому, что аналогичные работы ведутся на Западе. Ведь если сравнить с самолетом, то полетные данные совсем не в нашу пользу. Скорость чуть больше 20-ти км в час, дальность полета смешная - 3-5 километров. И отношение к нам соответствующее - пусть играют, лишь бы не безобразничали. Правда, когда мы итальянцев победили, отношение немного изменилось в лучшую сторону. Но не принципиально. Дескать, ну какая может быть польза от этой летающей клетки? Вы как считаете?

-Категорически не согласен. Так сложилось, что мне не понаслышке известна косность технических начальников. Если не сказать больше. Вы меня понимаете? Многим часто сложно перешагнуть привычные понятия и увидеть проблему с другой стороны. С Вашей машиной та же история. Зачем искать ей привычное применение, когда можно использовать её преимущества, которые сейчас выглядят недостатками? Нужно только посмотреть на всё

немного иначе, чтобы недостатки стали достоинствами. А это удастся далеко не всем. Если для технической новинки нет практического применения, его нужно просто придумать.

-Что вы имеете в виду, Александр Яковлевич? Как это "придумать практическое применение"? Разве не практика является источником изобретательства? Как такое возможно?

-Как, Вы спрашиваете? Ну, смотрите. Для наблюдения с воздуха на наших крейсерах базируются гидросамолеты. И поднять гидросамолет в воздух целая проблема - остановить крейсер, краном опустить самолет на воду и только потом взлет. После разведки тоже самое, только в обратной последовательности. Да и не при всяком волнении это вообще можно сделать. Запускают, правда, и с помощью катапульты, но на борт поднимают все равно краном. А Ваш аппарат взлетает и садится вертикально, взлетная поверхность ему не нужна. Можно даже ход корабля не замедлять. Это то, что пришло в голову сразу же. А можно и еще придумать. Скорость у Вашей машины маленькая, высота полета тоже. Замечательно. Предположим, что наши доблестные бойцы отбивают атаку вражеской пехоты где-нибудь в лесу и у них заканчиваются боеприпасы. И вдруг, на малой высоте, прячась за деревьями, появляются летательные аппараты. Часть из них отрывает шквальный огонь по наступающему противнику, часть выгружает боеприпасы и подкрепление, а некоторые приземляются и начинают собирать раненых бойцов.

-Ну, Вы и фантазер, Александр Яковлевич! Шквальный огонь, подкрепление. Геликоптер пока даже одного пассажира еле-еле поднимает. С перегрузом он вообще от земли не оторвется.

-А что этому мешает? Мощность двигателя или конструктивные недостатки? Ну, так поставьте двигатель помощнее, а недостатки уберите. На то Вы и конструктор. Главное в том, что описанный мной пример совершенно реален, а ни один из существующих аппаратов, кроме Вашего, принять в нем участие не в состоянии. Ни по скорости, ни по высоте полета. Немного пофантазировать - и мы получили летательный аппарат огневой поддержки пехоты. Вот Вам и практическое применение. Согласны?

-Согласен-то согласен. Только для этого потребуются дополнительные средства и возможности. А кто нам их даст? Нам и моторы-то поступают по остаточному принципу. Наркомату нужны истребители и бомбардировщики, а не игрушки. Моторные КБ тоже работают в первую очередь на авиацию, а не на нас.

-Алексей Михайлович, если дело только в этом... Вы верите в своё детище, Вы уверены в его возможностях? Тогда пишите развернутый рапорт на имя первого заместителя наркома товарища Котовского. Да, пусть через голову начальства, но у Вашей машины есть будущее. Я уверен. И будет чертовски плохо, если нас опередят. Те же итальянцы, к примеру. А товарищ Котовский известен хозяйским отношением к техническим новинкам. Советую сделать упор на практическое применение, вроде описанного мной примера. Но Вам проще будет продумать этот вопрос, Вы лучше знаете возможности Вашей машины. А я готов лично испытать её в полевых условиях. Кстати, как у практика, у меня есть несколько рекомендаций по возможному применению Вашего аппарата. Вы позволите?

Когда через пару часов Блюхер пошел посмотреть, куда подевался его командир, на стоянке агитационной эскадрильи он увидел примечательную картину. Прямо на земле, возле странной решетчатой конструкции расположились Слащев и какой-то человек в полувоенной одежде. Небрежно брошенная кожаная куртка свисала с носа конструкции, а сидящие возле неё люди что-то увлеченно чертили на земле, изредка переругиваясь. Прислушавшись, Владислав разобрал отдельные слова - "не потянет", "а я говорю, потянет", "автомат перекося", "и брюхо прикрыть". Кошачьей походкой подошел Джумалиев. "Всё, у командира изобретательский зуд

прорезался" - сказал Блюхер. Оба командира переглянулись, понимающе хмыкнули и пошли продолжать занятия.

А через два дня Слащев "сел на кукан". Неожиданно сыграли злую шутку приобретенные и отработанные до рефлексов "старые" навыки. Там и тогда он прыгал с парапланом, управляемым широким парашютом, напоминающим крыло. И техника прыжка и само управление парапланом критически отличались от таковых для соответствующего этому времени простого купольного парашюта. Ни тебе планирования, ни выбора места приземления. Не говоря уже просто о регулировании скорости спуска. Ничего этого нет - простое замедленное падение с возможностью незначительно изменить его направление. Да и то, только тогда, когда у тебя есть запас высоты. В предыдущих прыжках это не было особой проблемой, потребности не возникало. Но в этот раз не повезло.

Спускаясь, Слащев высмотрел удобную площадку, прячущуюся между деревьями. По прикидкам, он вполне удачно должен был опуститься примерно в её середину. Но когда до земли оставалось совсем мало, Слащев разглядел, что вместо удобной полянки его несет в окно мохового болота. С учетом скорости спуска и купола, который накроет его, когда он ухнет в трясины, это было совсем-совсем неприятно. Пытаясь уйти от площадки, Слащев слишком сильно потянул стропы с одной стороны, и его просто вынесло на окружавшие полянку деревья. Проламывая крону толстенного дуба, Александр увидел крепкий обломанный сук, торчащий прямо перед ним. И единственное, что он успел сделать - развернуться к нему боком. Повезло. Противный звук вспарываемой плоти и хруст ломаемых ребер. Затопленное чудовищной болью, сознание не отключилось, и потому в памяти сохранилось, как непослушное тело ударилось о ствол дерева и начало сползать вниз. Пока рывок зацепившегося за крону купола не остановил его в метре от земли. И тогда сознание отключилось. Но ненадолго. Регенерация, активированная в организме ЭИДом, уже работала, ослабляя боль. Слащев понял, что висит не высоко над землей. Посмотрел вниз. "Твою ж мать! Кровищи-то натекло, как из борова недорезанного. Во, бляха, попал... Как карась на кукане. Так, пора на землю". С трудом посмотрел вверх. Спутанные стропы переплелись выше головы в неряшливый пучок. "Надо резать". Попытался дотянуться до ножа и не смог с первого раза. Лямки парашюта от рывка вывернули плечи, и руки плохо слушались. Но если есть воля, и непослушные руки будут делать то, что нужно хозяину. Поэтому попробуем еще раз.

Он рухнул с метровой высоты, прямо в лужу начавшей засыхать собственной крови. Перевалился на здоровый бок и привалился к стволу дерева. Подождал пару минут, пытаясь успокоить колотившееся сердце. Ослабевшей от потери крови, но пока слушающейся рукой, достал ракетницу и выстрелил вверх. И только после этого позволил себе отключиться. Нет, не в смысле потерял сознание. Просто стал воспринимать окружающее как кино, когда события происходят как бы не с ним. Но при его участии. Отвечал, когда его спрашивали, но не помнил что. С кем-то говорил, но не помнил с кем. Куда-то двигался, не сам, понятное дело, но не понимал куда. Но самое главное, он не понимал, зачем всё это. И когда это скучное кино закончится. А потом просто уснул.

Проснулся Слащев через сутки, от того, что кто-то нагло и смачно пах табаком. Хорошим табаком, вкусным и крепким. Запах был настолько хорош и приятен, что захотелось немедленно закурить. Он даже почувствовал, как сжимает в зубах мундштук папиросы. Медленно открыл глаза и повернул голову. На подоконнике больничной палаты возле открытого окна сидел и дымил папиросой, отворачивая голову от палаты, Егоров. Медицинский халат с вытачками, перетянутый поясом и накинутый на плечи, делал его коренастую фигуру смешной и гротескной. Слащев хмыкнул, и хриплым каркающим голосом

произнес:

-Ну, кто еще будет тут нахально табаком вонять, если не Егоров? Кому еще милейшая главврач разрешит беспорядок нарушать, да еще и халат свой даст поносить? В груди не жмёт?

-О, очухался, прыгун - недоучка. Ты что же это, друг ситный, вздумал казенное имущество о дикорастущие лесопосадки портить? Взыщет с тебя Григорий Иваныч, и прав будет. Я к нему, понимаешь, водку пить ехал, а он в лазарете решил спрятаться. Зажилить хочешь?

-Ты мне лучше папироску прикури, а не ревизию казенному имуществу устраивай. Курить хочу, спасу нет.

-А можно тебе? Что врачи говорят?

-Да откуда я знаю, что они там говорят? Я же очухался только что, когда тебя унюхал. Мне мой собственный организм говорит - не только можно, нужно. Иначе я стану сильно злой и ни разу не добрый.

-Напугал. Вот уйду сейчас надёжный подпол искать, пускай тебе главврачи прикуривает. А всё-таки, Сашка, как так получилось? Нет, я понимаю, всякое может случиться. Но ты же не вьюнош сопливый, не первогодок. И на тебе, как бабочка на иголку накололся. Хорошо хоть потроха не задел.

-Был бы сопливый, Лёшка, обязательно бы брюхо распорол. А так, подумаешь, царапина.

-Нихрена себе царапина! Хирург полдня штопал, и всё удивлялся, как ты с такой раной к господу не отъехал. Особенно после того, как твои орлы рассказали, сколько крови из тебя вытекло, пока они тебя нашли и перевязали. Очень вовремя я тут оказался, иначе бы они весь госпиталь по кирпичику разобрали. Веришь, часа три всего назад в распоряжение всех выгнал, а то так в приемном покое и сидели.

-А как ты вообще здесь оказался? Машу навещал? Как она там?

-Да кто меня по личным делам отпустит, подумай? К тебе я ехал, с новостями.

-Тогда давай, вываливай.

-Такое ощущение, что ты не боком, головой на сучок наткнулся. Наши новости такие, которые обсуждаются в очень приватной обстановке. Я бы даже сказал, интимной.

-Старый ты кобель, хотя и молодой. Я где тебе тут интимную обстановку создам? Это ты лучше главврачиху проси. Давай уже, не тяни.

Егоров выглянул в окно и посмотрел вниз. Окна выходили на обрывистый берег Великой. Потом встал и проверил, плотно ли прикрыта дверь. Достал из планшетки толстый пакет с сургучной печатью и протянул Слащеву.

-На, читай. Внимательно и сосредоточенно. Приказ будет в первых числах сентября, а это тебе разъяснения: что, зачем и почему. На вопросы отвечу. И, кстати, что за конструктор к тебе всё рвется? Снова кого-то обнадёжил и ландринку пообещал?

-Что значит "рвется"? Разве агитэскадрилья еще не улетела? Ты сам её не видел? Тут такое дело, Егоров. Есть такой конструктор, Черёмухин Алексей Михайлович. Придумал он один

очень хитрый агрегат, который может взлетать и садиться без разбега. Геликоптер называется. Я когда его увидел - просто оторопел, ты мою страсть к технике знаешь. С виду на клетку для кроликов похож, а летает. И что характерно, взлетает и садится вертикально. Если этот агрегат до ума довести, получится совершенно удивительная и уникальная машина. Но, как ты понимаешь, мы на своей базе этого сделать не сможем. Колёсную пару наварить или двигатель переставить - это да, можем. В электрических или механических потрохах поковыряться тоже. Но авиация - это совсем другое, не наше. А у этого конструктора обычная наша беда - на тебе убоже, что нам негоже, и выкручивайся, как можешь. Но ведь перспективная машина, очень перспективная. Вот я ему и посоветовал к Григорию Ивановичу обратиться. Мы даже практическое применение продумали в черне. Помоги, а?

-Чем платить станешь, ходатай? Ладно, ладно, пошутил. Поговорю с ним, без вопросов. Как, говоришь, фамилия? Черёмухин? Записал. А ты, давай документ изучай.

Вместо эпилога.

Третий не лишний.

Первый заход оказался неудачным. Собственно неудачным - это мягко сказано! Надо же было так вляпаться!

Серый туннель переноса закончился дикой болью в изломанном теле. Не успел осознать, где он и кто он, как что-то рухнуло на голову, вокруг полыхнуло, и все окутала тьма.

Тьма не была совершенной. В ней причудливо петляла тонкая, переливающаяся всеми оттенками серого, нить. Контуженое сознание, пытающееся справиться с обрушившейся на него информацией от первого контакта, никак не могло за неё ухватиться. Но за что ещё можно обращать внимание в абсолютной тьме? Постепенно, сквозь туман боли и растерянности стало пробиваться осознание, что нить, это не просто нить, а что-то намного более важное, особенно в его положении. Она металась и петляла, то истончаясь, то разбухая до толщины каната. А иногда на ней появлялись узлы. И его непонятно почему к ним тянуло. Нужно было сделать какое-то усилие. Но для чего? А с другой стороны, а почему бы не сделать? Как раз сейчас мимо проплывал один такой узел. А ну-ка, потянемся к нему! Нить, словно, только этого и ждала. Захлестнулась вокруг, превращаясь в серый водоворот, и швырнула куда-то в неизвестность.

И снова боль! Но на этот раз боль настоящая. От шеи она волной прошла по всему телу и, отразившись рук и ног, взрывом ударила в голову.

-Твою же, в сердце бога душу мать!

Вроде бы хотел прокричать, но вышло не очень. Какой-то сип и бульканье. Волной нахлынули запахи и звуки. Что-то трещало, булькало. Сильно пахло бензином и луговой травой. Пришлось приложить большое усилие, чтобы открыть глаза. А вот и трава! Только почему-то она была над головой. И до неё было не так уж и далеко.

"Да, где же я? И кто я такой?", - мысль пришла медленная и неторопливая, но видимо её как раз и не хватало.

В голове что-то сместилось, словно сработал переключатель, и действительность навалилась во всей своей неприглядности и красоте.

"Ну, ни ... себе! Леха, вот это ты влип! Второе внедрение и опять катастрофа. Надеюсь, сейчас ничем по башке не врежет. И кто же такой счастливцев оказался? Кто я теперь есть"?

Ага! Сергей Ефимович Родин. Десятого года рождения. Холост. Сирота. Из крестьян. Летчик. Отряд Балтийского флота. И висим мы в аппарате "Дорнье-Валь", из состава этого отряда, меж сосен, где-то на побережье Финского залива. Первый ознакомительный вылет, в качестве наблюдателя и, полный кирдык. Тандемный двигатель "Лоррэн" приказал долго жить, причем сразу и бесповоротно. Результат как говорится - на лицо. Что с остальными членами экипажа из четырех человек Сергей понятия не имел. Да и как они очутились здесь, в смысле в этом конкретно месте, тоже. Удар чем-то тяжелым в основание шеи никоим образом не способствует наблюдательности, и мало совместим с продолжением жизненных функций вообще. Правда, теперь эти самые жизненные функции наличествовали в почти полном объеме, только шея дико болела и голова. Да и висение вниз головой не доставляло удобства. Надо выбираться. Но как? Ноги чем-то зажаты. Пошевелиться можно, а вытащить не получается.

К счастью вопрос со спасением решился сам собой. Раздался топот бегущих ног и чей-то охрипший баритон задал сакраментальный вопрос; "Есть кто живой?! Эй! Летуны". Поскольку никто больше отвечать так и не собрался, пришлось подать голос самому.

Ну а дальше всё было просто. С помощью топора и конечно чьей-то матери, его довольно быстро извлекли из кабины и, погрузив в экипаж типа, телега, с мотором мощностью в одну лошадиную силу, повезли в неизвестном направлении. Спасение почти состоялось. Теперь самое время прикинуться самым больным в мире Карлсоном и спокойно обдумать ситуацию. Телега движется - думы думаются.

"Что мы имеем? На дворе тридцать второй год. Эта чертова электронная машина, с упорством, заслуживающим лучшего применения, дважды засовывает его в тела летчиков. Видимо решила, что это наиболее соответствует его способностям и устремлениям. С чего решила, это только её, электронному богу известно. В прежней жизни он никогда авиацией не увлекался. Но почему бы и нет? Больше всего Леху, или теперь уже Сергея, волновал вопрос о том, как он оказался в тридцать втором году, вместо двадцать девятого. Получается, что ЭИД, после неудачного переноса, не растворился в мировом эфире, а совершил очередной пространственно-временной скачок. Собственно даже не скачок, а перемещение. И если бы, он вовремя сообразил, во время своего путешествия вдоль серой нити, то мог бы оказаться и где-нибудь поближе к намеченной точке. Интересно получается! ЭИД сыграл роль запасного парашюта. И это просто здорово! Ну да оставим эти размышления на потом. Все равно, информации не хватает, а проверить умозаключения можно только опытным путем. Еще один раз склеить ласты? Увольте! Только не сейчас и не по своей воле. А вдруг не сработает? Так что, пошло оно все темным лесом. Есть проблемы и понаущнее. Надо вступать в наследство".

Наследство досталось нехилое, и в прямом и в переносном смысле. Леха, был достаточно субтильного телосложения, это если мягко выражаться. Теперь же он стал обладателем кряжистой фигуры и могучих, способных согнуть подкову, рук и не менее сильных ног. Вот правда с головой у предыдущего владельца была проблема, точнее не с головой, а с реакцией. Ну, заторможенный был немного товарищ. Как он окончил училище, известно одному богу и начальнику училища. Не удивительно, что в части ему так и не доверили самостоятельно управлять самолетом. А вот первый субъект, в которого ему удалось так ненадолго попасть, был летчиком от бога. Неясно пока, только, насколько удалось скопировать его навыки и

умения. Но это все, дело наживное. Самое главное, что жив. А жизнь, это такая увлекательная вещь! Ну что, Серега, покажем гнилому Западу кузькину мать"?!"

Особой склонностью к самокопанию Леха, он же Сергей, никогда не отличался. И меняться, даже в такой ситуации, не собирался. Как и решать глобальные проблемы мировой политики. В том числе и становиться "тайным советником вождя" или кем-то подобным. Ну не тот он человек! Свое конкретное дело сделает, и даже сверх того. Но все эти высокие сферы! Брр! План мужиков, он поддерживал однозначно. И то, что их открытие ни в коем случае не должно было попасть в жадные похотливые ручонки, понимал и на любой риск ради этого был готов. И здесь, сейчас, за Россию-матушку, готов был драться с кем угодно и на чем угодно и если доведется сложить при этом свою буйную голову, то так тому и быть. Главное, не за просто так. И подкинуть разные технические идеи местным конструкторам и инженерам, при случае, он способен. Но вот все это заранее планировать, рассчитывать, лезть на глаза начальству! Ну не Штирлиц он, и даже не адъютант его превосходительства. "И пошло оно всё и на, и по, и в! Вот как".

Под такие мысли, стук копыт, скрип колес и матерок возницы в адресе всяких там, кому по земле не ходится и в небе не летается, Сергей Ефимович Родионов, как-то удивительно быстро погрузился в глубокий сон.

Разбудила его какая-то суета вокруг и отсутствие уже ставших привычными звуков.

-Носилки! Носилки быстрее! И Никифора позовите! А то больно здоров летун.

"Ну, понятно. Судя по терминологии, больница. Эскулапы, мать иху. Пора показать, что я и сам живой или подождать? А чего ждать? Пока потрошить не начнут? Ну, уж дудки! Так я им и дался".

Пришлось открыть глаза и смачно потянуться. Тело отозвалось на команду с охотой, только в шее что-то хрустнуло или щелкнуло.

Родионов рывком сел и свесив ноги с телеги, осмотрелся.

Да уж, переполох он поднял своим появлением знатный! Суеты вокруг хватало. И руководил всей этой суетой маленький, пожилой мужичок в белоснежном халате, из нагрудного кармана которого выглядывала трубка стетоскопа.

"Вот он, главный эскулап. Не иначе местное светило. Что-то шуму слишком много вокруг моей персоны. Пора прекращать".

Родионов еще раз потянулся, с удовольствием ощущая силу и послушность своего тела и чуть прокашлявшись, густым баритоном, рывкнул на весь двор.

-Доктор! Что за паника?!

Вокруг мгновенно состроилась, как есть, немая сцена. Наступившую тишину первым нарушил мужик - возница. Толи икнув, толи кхекнув, он зачем-то заглянул за спину Родионову и мелко закрестился. Глаза у него стали круглые, как у совы. А из всего словарного запаса видимо осталось только одно - "Чур, меня! Чур!"

"Ну, ничего себе! Проявление радости. Или я чего-то не понимаю, или одно из двух" -

Родионов в задумчивости полез почесать свой затылок, видимо привычным для прежнего владельца жестом, но не получилось. Рука наткнулась на что-то жесткое и колючее. И это колючее торчало у него из шеи. "Что за хрень?!" - только успело мелькнуть в голове, а пальцы уже это ухватили и выдернули. Раздался неприятный треск. Шею ожгло короткой болью. А в руке... В руке оказался приличных размеров кусок дюрала, замазанный чьей-то кровью. Насладиться видом трофея Родионову не удалось. Из процесса тупого созерцания его вывел странный звук, как будто на землю рядом с телегой уронили тяжелый мешок. Он невольно скосил глаза. Мешком оказался давешний возница. Лежал себе поперек тележной колеи и счастливо пускал пузыри. Видимо детство вспомнил. От размышлений о причинах такого явления отвлек звук падения ещё одного мешка. Явно более мягкого, но не менее тяжелого. Сергей повернулся на новый звук и увидел лежащее посреди двора и все еще колыхавшееся, от процесса соприкосновения с землей, тело дебели тетки.

"И что у них тут за падеж начался? Это случаем не заразно? Наверное, нет. Вон, доктор стоит и даже своё пенсне протирает. Тогда в чем дело? Или это я, такой сногсшибательный эффект произвожу? Похоже на то". - Мысли ворочались такие же тупые, как и сама ситуация. Правда среди этой тупости пряталась одна, явно дельная и свежая, но показываться на свет божий не торопилась. А между тем, рука, уже привычным движением, полезла почесать затылок. Видимо в поисках неуловимой мысли. И, что удивительно, нашла. Правда, не мысль. А хороший такой, сантиметров десять длиной шрам. Как раз в том месте, где шея в затылок переходит. Даже не шрам, а рану, потому что пальцы тут же оказались в крови, а по спине потекло теплое. И сразу остановилось. Видимо именно этого и не хватало мысли, чтобы пробиться наружу и заорать во весь голос: "Эта хрень, у тебя в шее сидела по самое никуда! У тебя голова почти отрублена!" Мысль проорала, а сознание от этого ора сразу захотело куда-то уплыть. Пришлось его удерживать на месте, и с немалым усилием. Удержал.

"И что дальше? А дальше будем считать, что просто немножко порезались. Я не Док, и объяснить это с точки зрения медицины и биологии не смогу. Ясно только, что это эффект взаимодействия организма и ЭИДа. Пока и этого достаточно".

А еще через два часа, с намотанным на шею километром бинтов и провожаемый возмущенными речами доктора о необходимости дальнейшего наблюдения и исследования таких необычных способностей, Сергей, с видимым облегчением забрался в кабину санитарного автобуса. Машину прислали из отряда, как только ему удалось туда дозвониться. Путь до Ораниенбаума предстоял неблизкий. Больше часа по милым российским дорогам. И это время Сергей собирался использовать с максимальным толком - поспать. А заодно и переварить полученную информацию. Тем более, что в отряде отдыхать будет некогда. Начнутся разборки и подарки. Ну, те подарки, которые совершенно русские. А потому - спать.

Поспать не поспал, а подремать получилось. И немного оценить место и время, в котором оказался.

Хорошее время. Правильное. Выходит, у мужиков получилось. Слишком все отличалось от известной истории. На дворе тридцать второй год, а уже вторая пятилетка. Колхозы мирно уживаются с кооперативами и единоличниками. Зачистка армии и руководства идет полным ходом и пока с минимальным количеством щепок. "Бурными темпами" - идиотский все-таки штамп! - развивается экономическое сотрудничество с Германией. А президентом там, между прочим, Ханс фон Зект. И с канцлером Гитлером вполне уживается его первый зам по партии - Тельман. Интересно, что случилось с его женой еврейкой? Советский Союз вместо позорной сдачи КВЖД и Маньчжурии японцам, ввалил им по первое число. Да еще так ловко, что те, этим, остались даже довольны! Конечно, до идеала ещё далеко. Но.... Но вы, батенька, хам

трамвайный! Видите ли, вас не встречает светлое будущее всего человечества! Да по сравнению с тем дерьмократическим завтра, откуда он сюда попал - это золотой век. Пускай не совсем сытый. Пускай не совсем одетый и обустроенный. Пускай! Зато здесь ты понимаешь, что ты человек, а не кусок... известного продукта. Здесь, ты трудишься на благо страны и народа, а не на благо какого-то дяди. Ты каждый день видишь - благодаря твоему труду, страна развивается. Растет. И ни какого ощущения, что ты винтик. Ты - человек! Гордый гражданин, гордой страны. Даже не страны - державы! Эх! И слов-то нормальных нет, чтобы передать это состояние. Подрастеряли мы такие слова. Не нужны они были в эпоху менеджеров и мерчендайзеров, памперсов и тампаксов. А душа требует песни! И пускай нельзя вслух, но для себя и про себя - можно.

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!
От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей.
Всюду жизнь и вольно и широко,
Точно Волга полная, течёт.
Молодым - везде у нас дорога,
Старикам - везде у нас почёт.
Наши нивы глазом не обшаришь,
Не упомнишь наших городов.
Наше слово гордое "товарищ"
Нам дороже всех красивых слов.
С этим словом мы повсюду дома.
Нет для нас ни черных, ни цветных,
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.
Над страной весенний ветер веет,
С каждым днём всё радостнее жить,

И никто на свете не умеет

Лучше нас смеяться и любить.

Но сурово брови мы насупим,

Если враг захочет нас сломать,

Как невесту, Родину мы любим,

Бережём, как ласковую мать.

Но песни - песнями, а служба - службой. А медслужба, это такие драконы, что к ним лучше не попадать. Видимо бог и ЭИД хранили летуна. Бинты сняли, а там кроме небольшой, хотя и длинной царапины - ничего. Пришлось Родину, свалить все на бедного старика доктора. Что тот, совсем с перепугу ничего не соображал и как я, мол, не отнекивался, накрутил на шею все бинты, что у него были. Конечно, помяли, покрутили, постучали, но отпустили. Отпустили бедного молодца на расправу.

Командир отряда, майор Берг, ждал Сергея у дверей медчасти. И далеко не с распростертыми объятиями. Служба, как на флоте, так и для флота, имеет свои особенности, в том числе и лексические. Поэтому вместо приветствия и вопроса о состоянии его здоровья, пришлось Родину выслушать очень интересную лекцию о своем происхождении. А так же о происхождении некоторых летчиков и конструктивных особенностях их организмов. Генеалогическое древо получилось длинным и запутанным. Оставалось только удивляться столь обширным познаниям командира. Тем более что в личном деле, Родин был в этом уверен, таких подробностей быть не могло. Познания начальства видимо были безграничны. Пришлось лекцию прервать, а то Сергей уже начал опасаться за здоровье командира, лицо которого приобретало, по ходу монолога, цвет вареной свеклы. Способ он выбрал, наверное, единственно возможный в данной ситуации. Дождавшись, когда у начальства возникнет секундная пауза, дышать ведь тоже надо, как положено по уставу громко и четко, стоя по стойке смирно и поедая начальство глазами, выдал сакраментальное: "Никак, нет! Товарищ командир!"

Маленькие, серые, как балтийская волна, глаза Берга расширились до размеров, явно не предусмотренных природой. Набранный в грудь запас воздуха с шумом вышел, чуть ли не через уши.

-Что, никак нет? - вырвался вопрос из глубины командирской души.

- Не рожденный, а рождённый. И не сортире, а в стойле.

-Кто, рожденный? - Изумление командира было искренним и глубоким как Марианская впадина.

-Я. Товарищ командир!

-Что, ты?

-Я рождён в стойле. Матушка до дома не успела.

Наконец, командир, решил поинтересоваться здоровьем своего подчиненного.

-Родин. Ты случайно головой не ударился?

-Так точно, ударился. Только не головой, а шеей. Точнее по шее.

Берг с минуту смотрел на это явление природы, которое в документах официально именовалось летчиком-наблюдателем Родиным Сергеем Ефимовичем. Наконец, видимо связав это явление с окружающим миром и текущей обстановкой, расхохотался. Причем смеялся он так же самозабвенно, как только что разносил беднягу летнаба.

Отсмеявшись и вытерев выступившие от смеха слезы, Берг, все ещё улыбаясь, хлопнул Родина по плечу.

-Молодец. Уел командира. Так мне старому матершиннику и надо. Ладно, орел. Пошли в штаб. А по пути расскажешь, что там у вас произошло.

А что собственно было рассказывать? Удар, треск и тандемная установка приказала долго жить. Случилось все на высоте метров двести. Тяжелая летающая лодка без двигателя, это обычный утюг, и, как и положено утюгу парить, не способна. Резкое снижение, считай падение. Удар о деревья. Сначала правым крылом, а потом и всем остальным. Двигатель с передней опоры сорвало и накрыло кабину. Ну, а дальше - сплошное, его личное, Сергея Родина, везение. На словах все просто, коротко и понятно, а писать пришлось много, долго и нудно. Рапорт. Отчет. Доклад. Хорошо, что все, когда-нибудь, заканчивается. Закончился и этот день. Первый день Родина в этом мире. Для начала - недурственно.

За два года до этого

Темнота была странной. Когда начался перенос домена, тоже вспыхнула темнота. Но тогда это походило на то, как если бы кто-то выключил свет. Вот словно сидишь в кресле на балконе солнечным днем и вдруг закроешь глаза. Темно-то оно темно, но ты понимаешь, что рядом, вокруг, яркий солнечный свет. Поэтому в темноте нет черноты. А эта темнота была именно черной. Черной, жирной и...живой. При этом он понимал, что глаза его видят. Видят именно эту живую черноту. И в ней беспорядочно перемещались какие-то еще более черные сгустки. Но воспринимались они, почему-то, как искры. Густые черные искры. А сама чернота жила. Звуками. Точнее звуком. Монотонным, чуть слышным, но идущим, казалось, со всех сторон. И еще тяжесть. Странная, ощущаемая каждой клеточкой тела. Значит, есть тело? Значит, он уже не просто сгусток мысли в абсолютной черноте? Значит, жив? Звук изменился. Стал сильнее и приблизился, сконцентрировавшись в одном месте. В монотонности появился ритм. Не постоянный, рваный, но завладевший вниманием. В ритме было что-то важное, что обязательно нужно было уловить и понять. Темнота изменилась - в абсолютной черноте появились более светлые пятна. Медленно, очень медленно они формировались в серые образы, бесформенные, но заметные. Сама темнота тоже серела. Появилось ощущение тела. Ощущение чего-то материального, что и есть тело. Вместе с этим возникли чувства. Точнее, ощущение. Ощущение нестерпимого зуда, захватившего каждую частичку тела. Звук приблизился. Появилось непреодолимое желание закрыть глаза. Преодолевая непонятное сопротивление, сопровождаемое болью (боль?.. еще одно чувство), им удалось это сделать. Звук превратился в грохот, бьющий по ушам и идущий со всех сторон. И, наконец, темнота взорвалась. Взорвалась нестерпимым сиянием, ослепляющим даже через плотно прикрытые веки. И чудовищный голос, сменивший звук:

- Эй, славяне! Есть кто живой?

Пожар в судостроительных мастерских завода "Красное Сормово" начался в обеденный перерыв. Словно специально подгадал время, когда большинство рабочих и служащих находились в заводской столовой. В том числе и сотрудники пожарной охраны. Не было никакого предварительного задымления, запаха и дыма. Огонь вспыхнул сразу, быстро охватив сборочный цех. Когда тревожно заревел заводской гудок и с разных сторон раздались загрохотавшие удары по пожарным рельсам, выскочившие отовсюду люди увидели рвущиеся из оконных проемов длинного и высокого кирпичного здания сборочного цеха языки пламени с космами жирного дыма. Мгновенная оторопь сменилась лихорадочной, но организованной активностью - кто-то бросился к пожарным щитам, кто-то к водонапорной башне. А часть людей рванулась к сборочному цеху - там оставались рабочие утренней смены - по пути хватая багры и пожарные топоры. Среди прочих бежал к цеху и шестнадцатилетний ученик токаря Андрюха Пантюшин. Длинный худой и быстроногий он опередил многих других и одним из первых оказался перед массивными распахнутыми воротами цеха, из которых с ревом вырывалось пламя. Кто-то закричал "Люди в огне!" и Андрюха, не раздумывая ни мгновения, закрыв голову полой рабочей куртки, шагнул в режущее пламя. А потом рванули кислородные баллоны...

"Ну, Рыбный, ты и попал".

Новиков

Колеса наматывали километры дороги. За окном мелькали привычные и до боли родные среднерусские пейзажи. И вроде все было хорошо. И нет причин для тревог. Но на сердце беспокойно. Что-то скребет.

Новиков прокручивал в голове все события, начиная с прибытия в это время. Вроде все правильно. И явных промахов нет и сделано немало. Так в чем дело?

"Хорьх" стремительно и плавно пожирал пространство. В открытое окно врвался ветер. Ветер выдувал летнюю жару и пьянил как молодое вино. Постепенно спадало напряжение. Все-таки прав был Визбор: "Нет прекрасней и мудрее средства от тревог - чем ночная песня шин". Сейчас не ночь. Но в остальном - все правильно. И под эту песню шин, наконец, пришло понимание того, что его тревожило и не давало покоя.

Все только начинается! Все что сделано - это только начало. Точка отсчета. А впереди... Эх! Да что там гадать! Работа впереди. Огромная и важная работа - Родину защищать.